

Александр Конторович

«**ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ**»»



Спецназовец из будущего

Annotation

НОВАЯ книга от автора супербестселлеров «Черные бушлаты» и «Черная пехота», ставших главным открытием года! Продолжение боевого пути нашего современника, ветерана группы «Альфа», заброшенного в крошечный ад 1942 года. Новое задание диверсанта из будущего в тылу врага. За ним охотятся все спецслужбы Третьего Рейха, по его следу идут личные «волкодавы» Гиммлера, а присланная на помощь разведгруппа НКВД имеет приказ ликвидировать его при угрозе захвата противником. Отрезанный от Большой земли, в полном окружении, на прицеле у чекистского снайпера, он сколачивает отряд из остатков штрафной роты и взвода морпехов — и принимает свой последний бой. Они заставят гитлеровцев умыться кровью! Они станут для врага «черной смертью»!

- [Александр Конторович](#)

- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)

- [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ГЛАВА 35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [ГЛАВА 40](#)
 - [ГЛАВА 41](#)
 - [ГЛАВА 42](#)
 - [ГЛАВА 43](#)
 - [ГЛАВА 44](#)
 - [ГЛАВА 45](#)
 - [ГЛАВА 46](#)
 - [ГЛАВА 47](#)
 - [ГЛАВА 48](#)
 - [ГЛАВА 49](#)
 - [ГЛАВА 50](#)
 - [ГЛАВА 51](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Александр Конторович
«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»
Спецназовец из будущего

ГЛАВА 1

Зарулив на стоянку, самолет заглушил двигатели. Смолк их давящий рев, и затих монотонный посвист винтов.

Стукнула открывающаяся дверь, и бортмеханик укрепил на краю люка легкую лесенку. Штандартенфюрер, подойдя к проему, осмотрел летное поле внимательным взглядом и, не торопясь, спустился на землю. Небрежно отсалютовав вытянувшемуся в струнку бортмеханику, он двинулся к подъехавшему автомобилю.

— Хайль Гитлер! Как долетели, господин штандартенфюрер? — встречавший его гауптштурмфюрер Горн, прищелкнув каблуками сапог, выбросил руку в приветствии.

— Хайль Гитлер! Неважно, Генрих. Последние два часа нас нещадно болтало. Я уже проклял тот момент, когда решил позавтракать перед полетом.

— Сочувствую... Мы приготовили вашу комнату, все как обычно. Я полагаю, что ужинать вы будете позднее?

— Скорее всего и вовсе откажусь, мутит что-то. Как профессор?

— С самого утра заперся в экспериментальном блоке со своими...

— Я понял. Вот что, Горн, пусть машина едет за нами следом. Давайте прогуляемся не спеша, благо погода не препятствует.

— Слушаюсь! Один момент! — Гауптштурмфюрер повернулся к сопровождавшим его эсэсовцам и отдал необходимые распоряжения. — Все в порядке, штандартенфюрер, ваш багаж доставят на место.

Кивнув в ответ головой, Рашке двинулся по дороге. Горн последовал за ним. Некоторое время они шли молча. Автомобиль, отстав метров на двести, неторопливо полз по дороге следом.

— Так какие у вас последние новости, Генрих? Как я понял из твоих сообщений, русского ты видел, так?

— Все верно. Как мы тогда с вами условились, я дал кодовый сигнал о состоявшейся встрече. Мы с ним действительно виделись и разговаривали, прямо вот как сейчас говорим.

— И что же так взволновало тебя? Так, что ты попросил личной встречи?

— Я долго думал над моим разговором с русским. И у меня сложилось впечатление, что мы, сами того не желая, прикоснулись к чему-то непонятному. Природы чего мы пока еще не понимаем.

— Что за пессимизм, гауптштурмфюрер? Чего тут непонятного может быть? Ну — диверсант, ну — талантливый, так чего же вам неясно?

— Как вам сказать... Попробую пояснить. Леонову сейчас сорок пять лет, то есть родился он еще при царе и первоначальное обучение прошел еще тогда. Навряд ли это была церковно-приходская школа, как вы полагаете?

— Ну... возможно. И что из этого? Допустим, что он еще из старого состава русской разведки или чего-то подобного. Это что-то сильно меняет?

— Он назвал свое место службы.

— А! Это уже плюс! И из какого гнезда вылетают столь зловещие птенцы?

— Спецподразделение «А» Первого Главного Управления КГБ СССР.

— Это еще что за фирма?

— Не слышал. Я осторожно навел справки у коллег из абвера и у наших спецов — то же самое. Никто ничего не знает о таком подразделении.

— Ну, мало ли что могли напридумывать русские в последнее время. В конце концов, это вообще не наше дело. Подкинем эту информацию ребятам из шестого управления, пусть у них голова болит.

— Со слов русского, это подразделение существует уже давно. И он служит в нем тоже не первый год. Он сказал — почти двадцать лет.

— Тем более! Фитиль от руководства этим парням обеспечен! Прозевать существование целого спецподразделения — за это по головке не погладят.

— Леонов свободно говорит по-английски. И, как я понял, не только на этом языке. Зачем обычному диверсанту такие знания?

— Так... Это новость... Такими кадрами не разбрасываются попусту...

— То же самое я ему и сказал. И знаете, что он мне ответил?

— Что же?

— Что таких специалистов, как он, — много.

Рашке крикнул. Покрутил головой, ослабляя вдруг ставший тесным воротник.

— Ничего себе... Он не сказал сколько?

— Сказал — достаточно.

— Знать бы, каковы его представления о достатке... Черт! Генрих, ты только усугубил мое плохое настроение! Надеюсь, что хотя бы здесь он один такой?

— Исходя из наших данных — один.

— И за то хвала Господу! Кстати, как наши задумки? Удались?

— В полной мере. Он согласился принять от меня консервы и галеты.

— Ага! Я же говорил, что у него плохо с продовольствием!

— По-видимому. Во всяком случае, посланные за ним следом солдаты нашли его место ночевки.

— И что там?

— «Подарки» подействовали. Мы обнаружили там забытый кинжал. Нашли две вскрытые банки консервов из специальной серии. След русского от места ночевки был неровным, петляющим. Совсем непохожим на предыдущий. Потом он, по-видимому, оправился, пошел ровнее.

— Так! До места встречи ему идти еще два дня... За это время он нажрется препарата по самые уши. Профессору об этом ты ничего не говорил?

— Нет. Он вообще со мной не общается. Сильно раздражен на нас всех.

— Черт с ним! Лишь бы его «выпускники» отработали как нужно. Ладно, Генрих, хоть тут ты меня порадовал! Где там автомобиль? Поехали!

ГЛАВА 2

Похоже, что немцы все-таки играют в какую-то хитрую игру. Не зря мне сразу же не понравилось слишком уж уважительное поведение Горна. Ну, в плане сигаретами угостить — тут в принципе все может быть. Но вот кормить противника? Нонсенс. Не катит. Вряд ли немец, тем более эсэсовец, будет проявлять подобное рыцарство. Поэтому сразу после выхода из оврага я попер, что твой конь, — только пятки сверкали. Риск нарваться на немцев был, но вариантов других у меня не имелось. Пустят ли они за мной «хвоста»? Я бы пустил. Так что не будем думать, что они дурнее. Возьмем это за аксиому — «хвост» есть. Ну что ж, поработаем на публику. Через несколько часов я остановился и принялся за «художества». Первым делом перекусил из своих запасов. Пустые банки спрятал в ранец. Вес небольшой, зато следов никаких. Кстати, немец у меня его не видел, так что — плюс. Не знает о моих запасах, уже хорошо! Вряд ли ему точно известно, что возил с собой в багажнике их водитель. Потом я осмотрел немецкие «подарки». Банка как банка, ничего особенного. Какие там у них маркировки на консервах были — черт его знает! Я, во всяком случае, не знал. Так что мне эти буквы и цифры не говорили ничего. Распотрошив пару банок, я щедро накормил их содержимым лесное зверье. Авось кто-нибудь да сожрет до утра. Банки отнес к месту своего предполагаемого ночлега и оставил там. Воткнул в дерево кинжал. Не жалко, у меня еще есть. А вот этим после того, как я открывал им «подарки», пользоваться было как-то... стремно... Покатавшись спиной по земле, я изобразил место сна, после чего рванул в ночной лес со скоростью хорошо прищипоренной лошади. Стемнело, так что и не пришлось особенно выживать, изображая неуверенную походку. Только под утро, когда ноги уже совсем загудели от усталости, я забылся-таки тревожным сном. Будем надеяться, что разрыв у меня с немцами составляет не менее нескольких часов — времени отдохнуть хватит.

Радиограмма

Третьему.

След русского потерян. Направление его движения до момента потери следа соответствовало указанному.

Девятнадцатый.

Девятнадцатому.

Наблюдение прекратить, поисков русского не предпринимать. Возвращайтесь на базу прежним путем.

Третий.

Вот уже целый день я лежу в развалинах дома и разглядываю эту деревню. Вернее, то, что когда-то ею было. Не так давно что-то, вероятнее всего — подбитый самолет, со всего размаху пропахало неслабую борозду через почти половину деревни. И в конце этой борозды рвануло. Да так, что местность стала напоминать лунный пейзаж. Видимо, после этой катастрофы население и покинуло деревню. Или немцы его отселили. В данном случае это не главное. Гораздо больше меня интересовало то, почему именно данное место было выбрано немцами для предстоящих... гм-м... «показух»? Что, вокруг ничего более интересного не нашлось? Да хоть бы и в том самом овраге, например. Блокируй выходы и запускай туда своих, как он их там называл? А, «выпускников»! Почему здесь? Почему не там? Значит, есть именно тут какой-то подвох. Есть у них тут преимущество, понять бы — какое?

Разложим по полочкам все, что я уже успел рассмотреть. Выходов из деревни несколько. И если парочку перекрыть можно вполне без проблем, то вот с остальными... Тут не все так просто... Есть еще по меньшей мере три выхода, где подобный фокус затруднителен: слишком близко подходит лес. Видимо, именно поэтому там и пасутся фрицы. Они постарались максимально возможно заблокировать ту сторону деревни, через которую я мог бы уйти дальше. Противоположная сторона ими не охраняется. Дабы я мог беспрепятственно в деревню войти. Что я и сделал этой ночью. Хотелось бы надеяться, что незаметно для них. Ну, еще бы! Ждут они меня тут только завтра. Не зря же я намекнул Горну на свою усталость. Вот пусть они и думают, что я еще отсыпаюсь где-то в лесу. А я уже здесь, лежу и смотрю. И пока не понимаю — почему здесь? Что тут такого особенного в этой деревне? Улицы... Их в деревне три. И через две из них пролегла борозда, пропаханная самолетом. Расположены эти улицы как бог на душу положил и с одной точки не просматриваются. Некоторые не поврежденные взрывом дома немцы для чего-то разобрали. Не просто

снесли или взорвали, а именно что разобрали, вывезя остатки куда-то из деревни. Зачем? Немцы — педанты и просто так ничего не делают. Значит, зачем-то им это было нужно. Есть ли какая-нибудь в этом закономерность? Разобраны совсем разные дома, так что версию об определенном типе стройматериалов можно исключить. Да и просто напилить бревен в лесу было бы проще и менее затратно. Так что причина тут другая. Какая же? Чем, например, вызвано желание разобрать именно эти дома, а не какие-то другие? Расположение домов? А что, очень даже может быть... Мысленно сопоставив точки расположения домов, я убедился, что разобранные дома находились на нескольких линиях. Проследив их направления, я понял: линии не параллельны и сходятся к одному центру. Место это находилось за пределами деревни. Холм, на котором когда-то стояла церковь или что-то подобное. Кстати говоря, если это была церковь, то это уже не деревня — село. Да и улиц тут многовато для деревни. Что это мне дает? Посмотрим позже, а сейчас продолжим рассматривать остатки церкви. Снесли это строение достаточно давно. Сейчас там виднелся только остаток фундамента. Остаток ли? Что-то высоковато для фундамента... Я не большой знаток архитектуры, но вот чтобы в церквях строили такие высокие фундаменты? Да и в других постройках — тоже. Тут не север, нет необходимости настолько поднимать здание над грунтом. Жаль, нет бинокля, но и так можно понять, что фундамент надстроили, он стал выше на пару метров. Значит, это наблюдательный пункт. Его спрятали от посторонних взглядов и нежелательных гостей. Часто ли его используют? Ведущая к нему колея достаточно хорошо накатана, стало быть, посещают его достаточно часто. Насколько? Ну... пару раз в неделю — это совершенно точно.

Ладно, это я выяснил. Что дальше? Скорее всего, там у них стоит оптика. С ее помощью можно отслеживать все перемещения в деревне. Значит, здесь у них полигон для натурных испытаний своих «суперсолдат». Они выпускают их сюда, и, по-видимому, здесь же происходит их встреча с противниками. Убежать отсюда нереально — немцы наверняка плотно перекрывают все выходы. Так что у противостоящих «выпускникам» противников шансов уйти от боя немного. А каковы эти шансы у меня? Думаю, что не слишком высоки...

Значит, приплыли? Состоится тут у меня, так сказать, «последний выход»? Похоже, что именно так... Ладно, в этом случае надо будет постараться, чтобы впечатления о нем у «зрителей» остались самые серьезные... Кто там сказал, что последняя минута запоминается лучше всего? Знал, наверное, дядя, что говорил. Ну вот и не будем опровергать

великих мыслителей, устроим немцам незабываемые впечатления. Так, что мы имеем из запасов? Продуктов хватит еще на пару дней, потом придется думать о том, где взять еще. Хотя не факт, что мне это будет актуально... Патронов хватит, кинжал есть, пара гранат — пободаемся. С этим ясно, теперь надо подготовить место для работы. А для этого придется тут поползать. И немало, желательно так, чтобы фрицы не засекали. Кстати говоря, если это село, то магазин тут должен быть. Может быть — и не один. А в магазинах обычно подвалы бывают...

Радиограмма

Михайлову.

Обнаружена активность подразделений противника вокруг аэродрома Глубокое. Район плотно оцеплен. Проникновение внутрь маловероятно. Разведкой объектов установлено, что особые меры безопасности предпринимаются противником в квадрате 8—11. Вокруг данного объекта расположено не менее роты солдат. Основное внимание охраны обращено на предотвращение выхода кого бы то ни было изнутри оцепления.

Роман.

Роману.

По имеющейся информации, подтверждается прибытие в указанный вами район группы высокопоставленных лиц из Берлина. Не исключено, что это может быть связано с основной целью вашего задания. Приказываю сосредоточить все внимание на объекте в квадрате 8—11.

Михайлов.

Лазить по селу мне долго не пришлось. Магазины в нем действительно были. Я нашел целых два. Причем один из них был явно дореволюционной постройки. Крепкое деревянное здание возвышалось на основательном кирпичном фундаменте. Искомый подвал в нем обнаружился. Выходов в нем было два: собственно в магазин и на улицу. Дверь, ведущая внутрь, была взломана, очевидно немцами. Трудно сказать,

что искали немцы в подвале сельского магазина и чем увенчались их поиски. Но дверь они вынесли чисто по-немецки: аккуратно и с размахом. Место, где висел замок, вообще отсутствовало. Видимо, немцы, не заморачиваясь особыми изысками, просто подвесили туда тротилловую шашку. Разделенный на несколько отсеков подвал был пуст. Выход на улицу оказался прикрыт двумя массивными лючинами, запертыми снаружи на перекладину и висячий замок. Замок этот уцелел, и я потратил не менее часа времени, вырезая кинжалом пробой, державший перекладину с другой стороны. Закончив с магазинным подвалом, я вернулся наверх. За время моего отсутствия около наблюдательного пункта немцев произошли некоторые изменения. Там появился грузовик, из которого несколько солдат таскали внутрь наблюдательного пункта какие-то вещи.

Исходя из данного мне гауптштурмфюрером срока, у меня было еще около суток или чуть меньше. Еще оставалось немного времени на подготовку. Правда, надо было учитывать и то, что немцы наверняка уже начали контролировать село, и всякие передвижения по нему были теперь затруднены. Ну ничего, где наша не пропадала.

Радиограмма

Второму.

Замечены передвижения в районе объекта номер шесть.

Одиннадцатый.

Одиннадцатому.

Продолжайте вести наблюдение. Передвижениям не препятствовать. Установить количество посторонних лиц в районе объекта.

Второй.

Второму.

Визуально отмечены передвижения одного человека. Данные о других контактах подтверждения не нашли.

Одиннадцатый.

Телефонный разговор.

— Рашке слушает.

— Штандартенфюрер! Он пришел. Посты наблюдения засекли перемещения в районе объекта номер шесть.

— Это точно он?

— Там больше никого нет, да и быть не может.

— Не торопитесь, Горн. Его удалось идентифицировать?

— Нет. Посты наблюдения сначала было доложили о перемещениях нескольких человек. Но после анализа того, что они видели, выяснилось, что это все-таки был один человек.

— Почему же они доложили о нескольких?

— Передвижение было очень быстрым. Человека за короткий отрезок времени наблюдали в разных точках. Манера передвижения во всех случаях одна и та же.

— То есть вы полагаете, что во всех случаях это был один человек?

— Да, штандартенфюрер!

— А не могло получиться так, что это было несколько человек, обученных передвигаться одинаково?

— Маловероятно, штандартенфюрер. В этом районе больше неоткуда взяться русским диверсантам. Да и не только русским — вообще любым. Только круглый идиот полезет в улей, полный рассерженных пчел. А в том, что пчелы настроены весьма недружелюбно, может убедиться любой желающий.

— Ну-ну, штандартенфюрер. Как знаете. Не забывайте, что ответственность за безопасность профессора и его сотрудников возложена персонально на вас.

— Я все помню, штандартенфюрер. Не сомневайтесь, я не подведу.

— Как знаете, Горн. Как знаете.

Вот уже и вечер на дворе. А я так и не успел еще выполнить всего задуманного. Ползать по селу ночью стремно. Кто его знает, какими средствами наблюдения располагают здесь немцы. Я уже несколько раз натыкался в домах на какую-то непонятную проводку. Это явно не деталь сельского быта, хотя бы потому, что на данных кабелях присутствует немецкая маркировка. Подобного фокуса до войны быть не могло. Да и после войны это было совсем уж маловероятно. Куда вели эти провода, я выяснить не успел. Поэтому оставалось предполагать со стороны немцев какие угодно подлжки. Проплутав в развалинах еще около часа, я

приглядел парочку перспективных мест. Лазить на глазах у немцев далее не следовало, и я залег в одном из облюбованных ранее укрытий. Надо было отдохнуть и элементарно выспаться. Того, что немцы бросятся прочесывать село, я не опасался. Уж слишком невероятным был бы сейчас этот шаг с их стороны. Поэтому я со спокойной совестью завалился спать.

ГЛАВА 3

Разбудил меня какой-то гул. Спросонья я даже не сразу понял, что это такое. Учитывая то, что во сне мне снилась какая-то хрень из современности, такое пробуждение было вполне естественным. Продрав глаза, я подскочил к окошку полуподвального помещения, в котором провел всю ночь. Дом сверху был немцами разобран, и остатки фундамента, в которых я запрятался, были аккурат на глазах у сидевших на горочке фрицев. Именно поэтому я и выбрал данное место. Никто же не ищет у себя под носом. А от этих развалин до наблюдательного пункта было чуть более ста метров.

— Подполковник Леонов! Я знаю, что вы меня слышите. Вы прошли большой путь. Он был трудным и опасным. Но вы сумели это выполнить. Ваша цель достигнута. Вы пришли туда, куда должны были прийти. Я жду вас. Выходите из своего убежища и поднимайтесь на холм к автомашинам.

Это что еще за глас небесный? Такое впечатление, что голос идет одновременно со всех сторон. Повертев головой, я убедился, что ближайший ко мне источник звука расположен примерно в двадцати метрах. Там как раз стоял не разобранный немцами домик. Осторожно подойдя к отдушине в фундаменте, я посмотрел сквозь нее на наблюдательный пункт. За ночь там прибавилось машин. Появилось еще два грузовика и легковушка. Неслабо же я спал, раз не услышал звука моторов. Голос между тем повторился, продолжая вещать тот же самый текст. Блин, вот что мне снилось-то. Во сне я попал на дискотеку времен восьмидесятых годов. Ревущие со сцены динамики удивительным образом совпали с объявлением немцев. Интересно, они действительно меня видят? На это ничего прямо не указывало. Я не видел вокруг места своего ночлега шеренги автоматчиков или хотя бы пары-тройки часовых. Блеф? Берут на понт? А почему бы и нет? Я вспомнил переданные мне Горном консервы. Значит, я был прав, и в этих банках действительно содержалась какая-то гадость. Правильно сделал, что есть их не стал.

Что же мне делать в нынешней обстановке? Попытаться отсидеться здесь и дальше? А если немцы действительно меня видят? В таком случае скоро они будут тут. Этот вариант я тоже учитывал и был к нему готов. Отойдя к дальней стороне полуразвалившегося подвала, я присел на корточки и отодвинул кусок доски. Когда-то здесь был водосток. Кто-то очень хозяйственный выворотил из стены железную трубу и унес ее с

собой. Видимо, нашел ей лучшее применение. Делал он свое дело весьма неаккуратно, и дырень в стене получилась неслабая. Выходила она прямо в водосточную канаву. Канавка эта густо поросла лопухом и позволяла незаметно уползти отсюда не то что мне одному, а хоть целому взводу диверсантов. Я прислушался. В канаве было тихо. Голос продолжал бубнить один и тот же текст. Как это у немца еще язык не отсох?

Убедившись в том, что пути к отступлению мне еще не перерезаны, я вернулся к отдушине и стал рассматривать через нее немецкие машины. Там не наблюдалось никакого движения. Говорящий сидел под накатами фундамента или в одной из автомашин. Минут через пять немец умолк. Видимо, счел свою задачу выполненной. Прошло еще минут пять. Динамики снова кашлянули.

— Подполковник Леонов! Вы не хотите пойти нам навстречу! В таком случае я снимаю с себя всякую ответственность за любой вред, который вы можете получить в результате своего упрямства. Вам придется встретиться с нашими «выпускниками». Да поможет вам Бог!

Немец умолк.

Значит, они не знают места, где я сейчас сижу. Иначе бы хоть как-то намекнули об этом. Ладно, будем подождать, как говорят в Одессе. У машин началось какое-то движение. Я увидел, как открылась дверь в кузове одного из грузовиков, и из нее начали выходить люди. Расстояние не позволяло мне рассмотреть их во всех подробностях, но одну особенность я заметил сразу: спускаясь на траву, человек останавливался и стоял, пока не получал приказа от стоявшего рядом немца. Только после этого он отходил в сторону и снова замирал. Не переминался с ноги на ногу, не пытался поправить обмундирование и не разговаривал с соседями. Было что-то неестественное в этих замерших фигурах. Видел я такие в современных боевиках. Там это были всевозможные роботы. Здешние солдаты на роботов похожи, конечно, не были, но скованностью движений здорово их напоминали.

Осторожно приподняв голову над краем отдушины, я сосчитал своих предполагаемых противников. Одиннадцать человек. Не получая команды, они стояли совершенно неподвижно и никак не реагировали на окружающее. Откуда-то снизу, вероятно из не просматриваемого мною выхода из наблюдательного пункта, поднялись трое немцев. Двое в форме, камуфляж — скорее всего эсэсовцы. Чуть отстав от них на пару шагов, шел еще один. Этот был в штатском, невысокого роста. Эсэсовцы остановились, не доходя кучки «выпускников» метров десять. Штатский продолжал идти вперед и, подойдя к «выпускникам», остановился. Он по очереди подходил

к каждому из них, брал его за руку и что-то говорил. Процедура эта занимала с каждым примерно полторы минуты. По взмаху руки одного из эсэсовцев от грузовиков подошли двое солдат. В руках и за плечами они несли разнообразное оружие: винтовки и автоматы. За спиной одного из солдат висел вещмешок. Проходя мимо «выпускников», первый солдат вручал им оружие, а второй что-то вытаскивал из вещмешка и отдавал каждому в руки. Надо полагать, патроны выдавал. Закончив эту процедуру, солдаты ушли назад к грузовикам. Ага, стало быть, у них там передвижной арсенал. Покопаться бы в этом грузовичке. Думаю, что это было бы не лишним. Вооруженные «выпускники» выстроились в шеренгу. Теперь они уже больше не напоминали роботов. В их движениях появилась какая-то хищная стремительность. Эсэсовцы ушли назад в бункер, на площадке остался только штатский. Была бы у меня сейчас снайперская винтовка, да пусть бы и обычная трехлинейка, там бы этот немец навсегда и упокоился. А стрелять из автомата на такую дальность означало лишь попусту подвергнуть себя ненужному риску. Шансы сбить немца отсюда были невелики. То есть попасть бы в него я, скорее всего, попал, а вот гарантированно уложить его наповал мне бы наверняка не удалось.

Штатский повернулся к «выпускникам» и что-то повелительно крикнул. От шеренги отделились шесть человек и двинулись по расходящимся направлениям в сторону села. Остальные пятеро остались на месте. Надо полагать, резерв. Штатский посмотрел вслед уходящим и спустился вниз. Как я понимаю, это и был небезызвестный профессор Маурер. Осторожно выскользнув из своего убежища в водосточную канаву, я прополз по ней в сторону ближайшего дома. Выждав момент, скользнул внутрь через пролом в стене. Прижавшись к стене, огляделся. Взгляд мой зацепился за коробку, прилепившуюся в стыке между стеной и потолком. Ага, вот и динамик. Не знай я того, что он должен быть в этом доме, так никогда бы и не нашел. Подойдя чуть ближе, я рассмотрел его. На его корпусе были нанесены разводы краски, так что издали он совершенно сливался со стеной. Надо же, а я и не заметил его сразу. А ведь проходил через эту комнату. Теперь понятно, зачем немцы тянули такое количество проводов. Помимо динамиков они и еще что-то тут понатыкали. Знать бы что. Взгляд мой метнулся по сторонам, и я обратил внимание на одну из досок в полу. На вид она была такой же, как и все окружающие. Только вот в зазорах между ней и соседками почти не было сора. Зачем-то ее поднимали. Отыскав глазами вход в подпол, я скользнул туда. Так и есть: под этой доской был установлен элементарный замыкатель. Провод от него уходил куда-то в стену. Значит, немцы могут определить со своего НП, что

в дом кто-то вошел. Ясненько, возьмем это на заметку. Жаль, конечно, что я этого раньше не засек. Да, привычка ходить всегда вдоль стен сослужила мне и в этот раз неплохую службу. Замыкатель был установлен точно по центру комнаты, так что, двигаясь вдоль стены, я имел шанс не вызвать его срабатывания. Подивившись немецкой хитрости, двинулся дальше. Проскочив вдоль улицы, добежал до первой облюбованной мною ранее точки. Зайдя в дом, поискал глазами нужную доску. И здесь немцы оказались верны себе. Таковая доска выделялась среди своих соседок. Выдернув кинжалом из стены гвоздь, я спустился в погреб и замкнул гвоздем замыкатель. Поднявшись наверх, пробрался в сени. Здесь еще вчера я заклинил между бревнами кусок доски. Был он справа от входа, почти под потолком, так что мне едва хватило места, чтобы там устроиться. Засев там, я почти перестал дышать. Затея моя сработала почти тут же. Хрипло кашлянули динамики, и тот же голос сказал: «Квадрат пять».

Значит, немцы клюнули и направляют своих головорезов в данный домик. Интересно, все дома оборудованы сигнализацией или нет? Я склонен был думать, что не все. Оба дома, где я обнаружил замыкатели, сохранились относительно хорошо. В них были целы крыши, двери и частично окна. Если исходить из того, что немцы хотят контролировать те помещения, которые не просматриваются снаружи, то сигнализацию надо ставить именно в таких местах. Все прочие точки при желании можно просмотреть с улицы. А вот места, откуда можно стрелять незамеченным, желательно контролировать.

Осторожно повернувшись на доске, я прильнул глазами к щелке между бревнами. Еще вчера я выковырял оттуда всю паклю, и теперь через щелку можно было осматривать часть улицы. Прошло еще минут десять, и я увидел между домами какое-то движение. Еще несколько секунд... Вот он, гость. Рослый, крепкий мужик. Что неприятно меня озадачило, он был одет в форму бойца Красной армии. Это еще с какого перепугу? Поразмыслив, я пришел к выводу, что это сделано специально на тот случай, если кто-то из «выпускников» вдруг выйдет из-под контроля. В этом случае стоящим в охране немцам достаточно будет отдать приказ на уничтожение солдат противника. И никаких накладок в этом случае не будет.

Верзила тем временем быстро приближался ко входу в дом. В руках он держал трехлинейку. Шел он хоть и быстро, но достаточно тихо. Укрытиями пренебрегал, пер напролом, как танк по Красной площади. Подойдя ближе к дому, он скрылся из моего поля зрения. Секунда-другая, и под его сапогами заскрипели доски крыльца. Ни на мгновение не задерживаясь, он мощным ударом вынес входную дверь и шагнул внутрь.

При этом его голова оказалась в опасной близости от моего сапога, чем я и не преминул воспользоваться. Хренак! Наверное, таким ударом можно было бы вышибить дух из бычка среднего размера. Вполне возможно. Но на данного бугая пинок подействовал не столь эффективно. Нет, с ног-то он упал и даже винтовку выпустил из рук. Но уже через мгновение он снова стоял на ногах, а в руке держал здоровенный ножик. Откуда он его вытащил, я даже заметить не успел. Ибо в этот момент летел вниз с доски. Я-то рассчитывал долбануть сапогом в голову лежащее на полу тело, а вместо этого со всей дури въехал правой ногой ему в плечо. Детина снова полетел вперед и еще раз долбанулся головой, на этот раз уже об стену. Что-то прошипев сквозь зубы, он снова вскочил на ноги. Решив на этот раз не испытывать судьбу, я оставил в покое затею бить его по тупой башке, а от всей души пырнул его кинжалом, который уже успел выхватить. Бил я его кинжалом всерьез, метился в печень, так что, по моим расчетам, загнуться он должен был сразу. Слава богу, у меня хватило ума после удара отскочить назад, и острие его клинка только пары сантиметров не достало до меня. Детина явно был жив и помирать пока не собирался. «Вот тебе и здрасьте! — подумал я. — Сейчас этот тип завопит, и сюда ввалятся его дружки!» В этом случае мне явно ничего не светило. Перехватить в руку пистолет или автомат я уже не успевал, кинжал оказался неэффективным, а своей физической статью детина явно меня превосходил. Так что и дрыгоножество с рукомашеством могло тут быть малопродуктивным. Оскалив зубы, детина прыгнул в мою сторону. Ну, чем-чем, а координацией движения тут и не пахло! Он просто пер напролом, снося все на своем пути. Так что и в этот раз его атака не удалась, он очередной раз долбанулся о стену. Повернулся назад, взмахнул рукой, восстанавливая равновесие... Ноги его внезапно подкосились, он пошатнулся. Выпавший из руки нож глухо ударился рукояткой об пол. Детина оперся рукой о стену, попытался встать... Но ноги не держали его, и он кулем сполз вдоль стены. Все? Да, похоже, что все... Еще скребли пол его пальцы, но жизнь уже покидала сильное тело. Готов... Наклонившись над ним, я осмотрел рану. Нет, попал я точно, просто мужик оказался очень крепок на ранения. Уже почти мертвый, он нашел в себе силы атаковать меня. Это чем же таким его накачали? Выходит так, что вся эта «могучая кучка» такие вот упертые товарищи? Хреновато... Не радует меня такая перспектива. Ладно, лирику побоку, работать надо! Что тут у нас есть? Винтовка одна, нож немаленького размера, два десятка патронов — все. Небогато... Ничего, и хуже бывало. На улице уже скрипел песок под чьими-то сапогами, когда я, закончив очередные приготовления, скользнул в соседнюю комнату.

Бух! Многострадальная дверь, второй раз ее за сегодняшний день так лупят... Бах! А вот под ноги смотреть надо... Я выглянул за стену. Выронив винтовку, в дверном проеме оседал на землю еще один «гость». В спешке я не сумел правильно закрепить импровизированный самострел из трехлинейки и бечевки, так что визитеру всего лишь разворотило плечо. Однако учитывая ту спешку, в которой я все это мастрячил, результат можно было признать вполне удовлетворительным. Поднатужившись, я приподнял тело первого визитера и, поставив его на ноги, вытолкнул из-за стены в дверь. Результат меня слегка обескуражил... Увидев появившуюся фигуру, второй гость молча выдернул откуда-то... не нож, как я рассчитывал, а ручную гранату. Блин! Уже выкатываясь кубарем в окно, я услышал щелчок запала. Хрясь! И на мою голову посыпался всякий мусор... Стараясь двигаться скрытно, я обогнул дом. Второй «гость» уже умирал. Он что же — прямо себе под ноги гранату кинул? По всему выходило, что именно так он и сделал. Однако... Они что, совсем лишены инстинкта самосохранения? Над головой взвизгнули пули — по улице во весь рост пер еще один «выпускник». Видел он меня или просто стрелял на звук — бог весть, но пули прошли рядышком. Зацепив валявшуюся рядом трофейную винтовку второго «гостя», я укатился назад в траву. Вот и угол дома. Спрятавшись за угол, дождался окончания стрельбы и выглянул назад. Стоя посередине улицы, «выпускник» менял магазин в автомате. ППШ. Хм, они тут что — все с трофейным оружием ходят? Чем бы их там ни пичкали, но вот против пули в голову это помогало незначительно. Выронив автомат, стрелок запрокинулся навзничь. На этот раз никаких предсмертных конвульсий не последовало. Жаль, что высовываться на улицу было стремно, а то бы я пошарил в карманах и у него. Исходя из того что эти ребята очень живучие, иметь в запасе такой аргумент, как ППШ с его семью десятками патронов в магазине и нехилым темпом стрельбы, было бы очень кстати. Но еще где-то рядом бродили не меньше трех таких же субчиков, и вылезать им на глаза не очень хотелось. Ладно, обойдемся пока и трофейной винтовкой. Тоже хороший аргумент.

Однако же оставшаяся троица что-то не спешила осчастливить меня своим появлением. Воспользовавшись этим, я пробрался в парочку домов по соседству и отыскал там замыкатели. Замкнул их и принялся ожидать реакции немцев. Теперь вся эта хитромудрая система работала против своих создателей. Я представил себе озадаченного немца, чешущего затылок перед пультом. Наверняка этот фокус они опробовали уже не единожды, и у них не было оснований сомневаться в его эффективности. Если верить показаниям замыкателей, то в трех домах сейчас находились

люди. Визуально наблюдать они могли только одного убитого. А о местонахождении двух других — только догадываться. Поэтому у них были все основания считать, что в двух домах сидят их солдаты, а в третьем нахожусь я. Теперь ход был за немцами, и я ждал, что же они предпримут на этот раз. Прошла пара минут, и громкоговорители проснулись.

— Горка.

Выждав еще пару минут, немец-оператор повторил это слово. Понятно. Значит, таким образом они созывают своих солдат назад. Отлично, запомним это на всякий случай. Осторожно высунув голову за край окна, я посмотрел в сторону НП. Одинокое сидящая пятерка «выпускников» оставалась пока на том же самом месте, что и вначале. Гуляющей по селу троицы я пока не видел. Но не сомневался, что скоро появятся и они. Так и есть. В проемах между строениями и развалинами замелькали быстрые фигурки. Однако!.. Ну и темп у них! Прямо как лоси прут! Через несколько минут они уже были наверху. Повторилась утренняя процедура. Штатский снова подходил к каждому солдату, клал ему руки на плечи и что-то говорил. А вот уже дальше началось что-то новенькое. Немцы отнюдь не были такими дураками, как я предполагал, и сделали свои выводы из странного поведения замыкателей. На холм не торопясь въехал еще один грузовик, из которого сноровисто выгрузилось четыре пулеметных расчета. Этими командовал уже один из эсэсовцев. Короткий инструктаж — и пулеметчики спустились вниз к селу. Смысл их действий стал мне ясен почти сразу же. Как я уже заметил ранее, все село было поделено на неправильные четырехугольники. Где-то линия раздела проходила по улицам, где-то — по борозде, оставленной упавшим самолетом, а где-то — и по линии разобранных домов. Разбежавшись по противоположным углам секторов, расчеты установили свои пулеметы так, чтобы каждый из них мог контролировать две стороны участка. Таким образом они сразу взяли под контроль левую часть села, исключив любое перемещение из одного четырехугольника в другой. Дальнейшее было ясно как божий день. Сейчас во внешний сектор войдут «выпускники», прочешут его частым гребнем. Потом они пройдут в соседний четырехугольник, а расчеты перетащат свои пулеметы на следующие перекрестки. И все. Такими темпами немцы пройдут все село уже к вечеру самым тщательным образом. Стоит открыть огонь хоть по кому-нибудь, как на меня мгновенно навалится вся эта гопа. Одни не дадут бегать, а вторые зажмут в темном углу и задавят массой. Я достаточно трезво оценивал свои физические возможности и понимал, что выдержать на равных

рукопашный бой даже и с одним «выпускником» — дело в данном случае безнадежное.

Неровная шеренга «выпускников» вытянулась вдоль длинной стороны четырехугольника. Какое-то время они стояли молча, ничего не предпринимая. Потом дружно вскинули оружие и двинулись вперед.

Радиограмма

Михайлову.

Визуально наблюдаю мероприятия противника в указанном ранее квадрате. Характер мероприятий пока неясен. Охрана объекта усилена. Отмечено прибытие легкового автомобиля под усиленной охраной.

Роман.

Роману.

Принять меры к проникновению в данный квадрат.

Михайлов.

ГЛАВА 4

— Что-то ваши подопечные сегодня не в форме, профессор. Уже прошло полдня, а результатов никаких. Более того, трое из них где-то бродят до сих пор и не вышли к сборному пункту для получения новых указаний. Уж не задавил ли их потихоньку этот русский? — говоривший оторвал глаза от наглазников стереотрубы и обернулся. Сидевший у другой стереотрубы штатский, не оборачиваясь, пожал плечами.

— В таком сложном деле накладки вполне допустимы. Вы сами, штандартенфюрер, настояли на такой формулировке приказа: пойти и уничтожить все живое внизу! А то, что они сами живые люди, вы забыли?

— А вы, профессор, куда смотрели? Они что же, и друг в друга стали бы стрелять? Так выстрелы, которые мы слышали, вполне могли быть направлены по своим? Можно же было предупредить меня и отдать приказ в иной форме?

— Операцией командуете вы! — язвительно проговорил штатский. — Моих рекомендаций вы слушать не захотели!

— И вам не жалко своих подопечных, профессор? Не думал я, что вы такой мелочный.

— Двумя больше, двумя меньше... Русские пока исправно поставляют нам рабочий материал.

— На который вы тратите народные деньги, герр профессор!

— Господа, давайте не будем ссориться! В конце концов, мы делаем одно дело, — в разговор вмешался третий собеседник. Отодвинувшись от своей стереотрубы, он обернулся к спорящим: — Какое указание, профессор, вы отдали своим подопечным на этот раз? В данном случае вам ведь никто не мешал?

— Я приказал им прочесать деревню и уничтожить любого человека, который попытается на них напасть. При этом они не должны стрелять друг в друга и не должны вступать в бой с нашими солдатами, если они не будут по ним стрелять. Это стандартная формула, которую я добавляю в приказ всегда.

— Почему бы просто не приказать им не стрелять по немецким солдатам?

— Увы, они, к сожалению не различают таких тонкостей. Для них враг любой, кто ведет по ним огонь. Это убрать невозможно.

— А если русский окажется хитрее, чем вы думаете, и не станет на

них нападать? — первый собеседник все еще не мог скрыть своего раздражения.

— Я предусмотрел и это, — профессор негодуяще фыркнул. — Что же вы думаете, я не понимаю, с кем мы имеем дело?! Я предупредил их, что человек, которого они ищут, может попытаться спрятаться от них и будет избегать вооруженного противостояния. В этом случае они должны взять его живым, причем не обязательно целым.

— А он не может попросту сбежать?

— От них? Вы как себе это представляете? Даже не беря в расчет ваших пулеметчиков, у русского нет ни одного шанса. Он должен быть как минимум олимпийским чемпионом по бегу, чтобы суметь хотя бы оторваться от них на сотню метров. Вы что, забыли, что они делали здесь раньше в подобных ситуациях?

— Хм... Такое забудешь! Они могли бы быть менее кровожадными и пользоваться хотя бы оружием...

— Это приказ рейхсфюрера, — профессор пожал плечами. — Он считает, что страшная смерть одного парализует остальных. Да и потом, я отбирал для своих экспериментов представителей тех народов, которым подобная жестокость была присуща исторически. Я просто разбудил их память.

— А откуда такая жестокость в прибалтах? Они же мирные землепашцы?

— Это сейчас они мирные. А лет триста или больше назад они остервенело резались с нашими предками и отличались в этом деле завидной сноровкой и умением. Так что даже тот факт, что отобранные мною экземпляры не проявили в настоящее время особенной храбрости в бою и, как правило, сдавались в плен самостоятельно, а не под влиянием обстоятельств, не особенно меня волнует. Наследственная память никуда не исчезает. И ее можно разбудить при известных обстоятельствах. А что касается всех прочих, то я старался отбирать такие экземпляры, которые проявляли бы недюжинную храбрость в бою уже в наше время. Надо отдать должное вашим сотрудникам, штандартенфюрер, они хорошо набили руку в поисках таких пленных. Сочетание же наследственной памяти и вновь приобретенных, уже в наше время, в бою, навыков способно создать поистине страшную взрывную силу...

— Ну хоть и на этом спасибо, — фыркнул штандартенфюрер. — В кое-то веки услышал от вас доброе слово. Кстати, давно хотел спросить: чем вы руководствуетесь при отборе подопытных? С прибалтами вы мне пояснили, понятно. Они в прошлом были воинами, и это осталось у них в

глубинной памяти. Но если исходить из этих соображений, то вам следовало бы выбирать русских — эти-то воевали намного больше! И куда как более жестоко. Не забывайте, их все время подпирал Восток. А тамошние воины не отличаются мягкостью нравов и цивилизованным обхождением.

— Именно поэтому я использую и восточные народности тоже. Русские же плохо управляемы. Мне проще подготовить двоих солдат других национальностей, чем одного русского. Иметь с ними дело — все равно что спать в обнимку со взведенной гранатой. Неловкое движение — и рванет.

— Теперь понятно. Представляю тогда, что будет получаться у вас с немцами...

— Да... Это были бы достойные воины. Но, увы, технология пока не отработана до конца. Я не могу рисковать здоровьем чистокровных арийцев.

Я стоял за стеной дома и смотрел, как прямо на меня целеустремленно топает высокий светловолосый парень. В руках он крепко сжимал трехлинейку с примкнутым штыком. «Выпускники» уже прочесали первый сектор, и я смог составить представление о том, как они действуют. Одну важную вещь я понял очень хорошо: эти парни работают в одиночку. Соседа они видят, и не более того. То есть в случае опасности они, конечно же, сбегаются в кучу. Но только в этом случае. Пока опасности нет, «выпускники» не обращают друг на друга никакого внимания. В этом был шанс, и я должен был им воспользоваться.

Тем временем светловолосый подошел к развалинам, в которых я прятался. Как он входит в дом, я видел и мог просчитать его дальнейшие действия. Вот ноги его затопали по крыльцу, стукнула дверь, и он шагнул в то, что когда-то было комнатой. Теперь тут не было крыши и одной из стен, поэтому сигнализации здесь не ставили.

Хоп! И, как чертик из табакерки, я появился перед ним, выскочив из-за развалин печи. Ни на секунду не задумавшись, светловолосый вскинул к плечу винтовку. Моя правая рука легким касанием отвела в сторону ее ствол. А левой я подбил вверх рукоятку затвора. В следующую секунду светловолосый нажал на спуск. Как и следовало ожидать, ничего не произошло. Ну, еще бы. Трехлинейка с повернутым затвором не стреляет! На этом и опытные бойцы попадались. А, как я уже успел заметить, умственные способности «выпускников» были принесены в жертву их слишком развитым физическим возможностям. Так и в этот раз.

Убедившись, что винтовка не стреляет, противник немедленно разжал руки и потянулся правой к ножу. А вот это ты сделал напрасно! Штык-то на ней еще остался! Поэтому я, перехватив брошенное оружие, развернул штык в сторону бывшего хозяина, который и не преминул на него напороться. Как я и ожидал, свалить его с одного удара не вышло. Но прыть свою он существенно порастерял. Штыковой удар отбросил его в сторону входной двери. Он задержался на некоторое время, пытаясь снова встать на ноги, и прозевал второй удар, который я успел направить гораздо лучше первого. Он-то и оказался для него фатальным. Светловолосый снова рухнул на пол, с которого я уже не дал ему подняться. Подержавшись несколько секунд, он затих. В быстром темпе я сунул под развалины печки свой вещмешок и автомат. Гимнастерки у нас с ним были одинаковые, только пилотки у меня не было. Поэтому я самым бессовестным образом ограбил поверженного врага. Натянув пилотку почти на уши, вытер штык о штаны светловолосого, запихал его труп под отставшие доски пола и, по мере сил подражая его походке, принялся догонять ушедших вперед соседей.

Всю деревню мы прошли за пару часов. Результатом этих поисков было всего лишь обнаружение трех холодных тел из числа первой группы. На время их эвакуации, которую производили немецкие солдаты, наша цепь стояла на месте. Начали мы движение только после того, как немцы, вытаскивавшие покойников, вышли из села. Мы прошли его насквозь и остановились на окраине. Постояв пяток минут, по команде немца, который все это время шел за нашей спиной, развернулись и потопали в обратном направлении. На этот раз поиски были более тщательными, и времени на это ушло гораздо больше. Поэтому к их окончанию солнце было уже достаточно низко. Снова прозвучала команда (однако же неплохо знает русский язык этот фриц!), и наша цепочка снова остановилась.

Пока мы ходили туда-сюда, у меня было время присмотреться к своим соседям. Парочка-тройка из тех, кого я успел рассмотреть, однозначно были откуда-то из прибалтийских краев. Характерная внешность, слова, которые иногда удавалось расслышать, — все это делало данное предположение вполне обоснованным. Кстати, и тот, чье место занял я в цепочке, тоже был явно оттуда. Ближе к центру цепочки шли двое, чью национальную принадлежность я определить так и не смог. Явно люди восточные, только кто? А не один ли хрен? Чай мне с ними не пить, так что пускай себе ходят. Пока... А ходить они умели! Мне приходилось прикладывать недюжинные старания, чтобы не выделяться из общей массы. Перла она, как правило, напролом, дороги не выбирая. Силища у них явно была немереная, каких-то мелких препятствий они не замечали

вообще. Интересно, надолго ли их хватит, при таком-то расходе сил? Понятно, что все эти ребята лоси здоровенные, но ведь как-то отдыхать должны были и такие здоровяки? И чем их кормят? Жрать они должны были и вовсе прорву всякой еды. Мы уже несколько часов по селу шаримся, а кормежки что-то и не видать пока. Впрочем, ответ на этот вопрос я вскоре получил. Сверху, от НП, спустился немец с вещмешком и принялся обходить строй, раздавая моим соседям какие-то банки. Так, вот это уже плохо. Фриц этот, наверное, не первый раз этим занимается и своих подопечных знать должен. Так что мою скороспелую подмену просечет на раз. Что делать? Краем глаза я заметил, что один из «восточных» моих соседей сел на землю и начал перематывать портянку. Проходя мимо него, немец, ни на секунду не задерживаясь, бросил банки в его сторону. Прекратив свое занятие, «выпускник» прямо-таки прыгнул за банками. Ага! Это мысль! И дождавшись, пока до фрица осталось порядка двадцати шагов, я тоже присел на землю и, низко наклонив голову, так что лица не было видно вовсе, занялся перематыванием портянок. Винтовку я положил рядом, а вот пистолет оставил в кармане, повернувшись так, чтобы особенно им не отсвечивать. Однако я даже переоценил немецкую аккуратность и трудолюбие. В цепочке я был последним, и немец не стал себя утруждать. Он точно так же, как и раньше, бросил банки в мою сторону и развернулся назад. Хм, а ведь фрицы, похоже, и сами опасаются своих подопечных. Что, уже были случаи? Вполне вероятно, а почему бы и нет? Так, а чем они их кормят? Улучив момент, я подобрал обе консервные банки. И что тут есть? Две консервные банки, на вид совершенно обычные. Маркировка... Где-то я уже похожее видел... Стоп-стоп-стоп! А не такими ли консервами угостил меня разлюбезный гауптштурмфюрер? Очень может быть, что и такими же. Тогда становился ясным смысл утреннего обращения ко мне. Наверняка они пичкают своих подопечных какой-то дрянью, может быть даже и с наркотой. Так что нажрись я этой гадости, то пришел бы сюда в таком сумеречном состоянии рассудка, что вылез бы прямо под громкоговорители немцев. И стоял бы там, как последний баран. Так что надо эти баночки занывать. Глядишь, на большой земле они кому пользу сослужат. Может быть, есть какой-то шанс вернуть этим бедолагам собственные мозги? Хотя... Я покосился на своих соседей. Похоже, что этим уже ничего не вернуть.

Ладно, теперь надо думать, как дальше воевать. В третий раз на прочесывание нас уже не погонят. Аккурат к концу данной операции совсем уже темно станет. Так что есть шанс и по своим пальнуть в такой суматохе. Точно, вон немецкие пулеметчики сворачиваются и уходят

наверх. Интересно, они подопечных своих оставят тут одних, чтобы они ночью здесь колобродили? Или тоже будут наверх поднимать? И в том, и в другом случае инициатива пока остается за ними. Мой утренний выигрыш уже не дает мне никакого перевеса. Тем временем немецкие пулеметчики уже прошли большую часть расстояния до НП. Ну что ж, пора внести некоторые коррективы в вашу трудную деятельность. Навряд ли немцы меняют команды управления своими подопечными каждый раз. Попробуем кое-что...

Поднявшись с места, я подошел поближе к своим соседям. Безучастные ко всему, они сидели кто где, видимо переваривая пищу. Или они таким образом кайф ловят от наркоты? Поравнявшись с ними, я присел, чтобы не выделяться из общей массы, огляделся по сторонам. Так, на меня вроде никто внимания не обратил. Рискнем? Набрав воздуха в легкие, я изо всех сил гаркнул: «Горка!» Именно этой командой они утром отзывали назад остатки первой партии. У меня были все основания полагать, что у немцев были дела поважнее, чем менять команды на ходу.

Я угадал правильно. Соседи мои встrepенулись, поднялись и направились вслед за пулеметчиками. Командовавший нами немец, который до этого спокойно сидел в сторонке и курил, вскочил на ноги. Открыл рот, собираясь что-то скомандовать. Поздно, родной! Нас и до этого разделяло не такое уж большое расстояние, а тут я еще и поближе подошел вместе со всеми. Брошенный кинжал уложил немца на месте. Он осел на песок, вдыхая воздух широко открытым ртом. Подскочив к нему, я расстегнул его ремень вместе с пистолетной кобурой и надел на себя. Вся эта операция заняла не более десяти секунд и прошла без особенного шума, так что ушедшие вперед соседи ничего заметить не успели. Отлично, теперь продолжение «Мерлезонского балета». Вскинув винтовку, я взял на прицел одного из пулеметчиков. Бах! Повезло — попал удачно, а ведь уже видимость не очень-то хорошая... Немца отбросило вперед, и он упал к ногам своего напарника. Тот, ни секунды не размышляя, обернулся назад и врезал очередь в направлении стрелявшего. То есть в направлении толпы «выпускников». Надо отдать ему должное — попал он хорошо. Видать, действительно хороший пулеметчик был. Очередь скосила одного и слегка зацепила еще двоих человек.

Да... Затеявая свою провокацию, я рассчитывал внести некоторый бардак в хорошо отлаженный немецкий механизм, но такого результата, признаться, не ожидал. Получив наконец реального противника, да еще и понеся при этом ощутимые потери, «выпускники» развернулись, как хорошо смазанная пружина. Стрелял по ним один немец, но навряд ли они

будут разбирать, этот — не этот. Для них, как я полагал, все немцы на одно лицо. Даже если они просто по рылу ему насовали бы — и то под шумок можно было бы дел натворить! Действительность, однако, превзошла все мои ожидания. Вразнобой треснуло несколько выстрелов, и пулеметные расчеты словно метлой смело. «Выпускники» рванулись наверх, причем взлетели на холм в мгновение ока. Там снова загрохотали выстрелы, бухнула граната. Видать, свалка завязалась нешуточная. Что делать? Бежать следом за ними и под шумок постараться удрать из оцепленной зоны? Вернуться за своими запасами? Могу и не успеть. Что там у меня лежит? Вещмешок, немного еды и немецкие подарки? Автомат еще есть. Ну, да этого добра я и наверху найду сколько душе угодно. А время потерять вполне могу. Надолго там этих «выпускников» хватит? Минут за десять их всех и передавят, наверное. Ладно, побегу наверх. Подобрал свой кинжал, я вытер его об китель убитого немца и сунул в ножны. Еще один нож мне достался в наследство от светловолосого. Будет чем помахаться в драке. Добежав до подстреленных пулеметчиков, я закинул винтовку за спину и подхватил с земли еще теплый «МГ». Ленту немец успел расстрелять меньше чем наполовину. Поэтому я еще немного задержался около убитого второго номера и подхватил из его рук две коробки с лентами. Связав их снятым с немца поясным ремнем, перекинул через другое плечо. Ну вот, полная иллюстрация к картинке «выючный осел». Тяжело нагруженный, я попер вверх по направлению к НП. Наверху царили хаос и запустение. Два грузовика были серьезно покорены пулями, один из них дымился. На площадке в разных местах валялись трупы убитых немцев. Ни одного «выпускника» я не увидел. Ни хрена себе! Эти ребята умеют бегать! Большинство немцев даже не успели достать оружие — не ожидали? Кстати, а кто у нас там в НП? Может, настало время познакомиться поближе? Дверь в НП была приоткрыта. Странно... Они что же, совсем дураки? Или уже смотаться успели? Последнее предположение оказалось самым правильным. Видимо, эти немцы лучше других понимали, к чему приведет выход из-под контроля своих подопечных, поэтому смотались сразу же, как только началась эта заваруха. Она, кстати, и до сих пор не закончилась. Выстрелы раздавались со всех сторон. Кто в кого стреляет, предположить было нетрудно. То ли «выпускники» еще воюют с немцами, то ли между собой — бог весть. Выяснять меня не тянуло. Сбежавшие немцы оставили мне неплохой подарок почти полный солдатский ранец, набитый всевозможной едой. Уж такой царский гостинец я просто не имел права зевнуть. Без сожаления избавившись от винтовки, я надел на спину вместо нее трофейный ранец, запихал туда одну из пулеметных лент и

выбросил пустую коробку. Перезарядил пулемет, после чего выбросил и вторую коробку тоже. Вытащенную из пулемета ленту, патронов на пятьдесят, повесил себе на шею. Было у меня предчувствие, что долго таскать я ее не буду. Взяв пулемет на изготовку, я выскочил на улицу.

Так, с транспортом мне не повезло: жадные немцы угнали единственную легковушку, а грузовики к передвижению были решительно непригодны. Кстати... Подбежав к ним, я быстро их осмотрел. Повезло, «арсенальный» грузовик оказался относительно целым. Правда, двигаться он не мог по причине разбитого движка, зато кузов был цел. Снеся выстрелом замок, я в темпе проинспектировал содержимое. Несколько винтовок и автоматов — советские. Небольшой запас патронов и пол-ящика ручных гранат, все разные. Из всего этого добра мнегодились только гранаты, все остальное я унести не мог. Присобачив одну из гранат в качестве подарка к двери кузова, я двинулся в ту сторону, где выстрелы были самыми редкими. Одно из двух: или там все уже взаимоистребились, или там изначально было народу меньше.

Пройдя около двухсот метров, я услышал подвывание двигателя. По дороге что-то ехало. Взбежав на пригорок, я увидел метрах в пятидесяти от себя тентованный грузовик, медленно поднимавшийся вверх. Надо полагать, подкрепление прибыло? Нет, ребятки, туда вам пока не надобно. Тут посидите, здесь тоже есть чем заняться. Упав на землю, я установил пулемет на сошки и, хорошенько прицелившись, лупанул по кабине. Стекла так и брызнули! Перенеся огонь на кузов, я дважды перечеркнул его очередью от кабины до заднего борта и обратно. В кузове заорали сразу несколько голосов, и из него посыпались недобитые фрицы. Отстреляв по ним остатки ленты, я укатился в кусты. Отмотав в быстром темпе метров сто, я присел и перезарядил пулемет. Такими темпами у меня скоро и патронов не останется. У грузовика тем временем вовсю шла перестрелка. Интересно, с кем они там воюют? Выяснить это у меня не было ни времени, ни желания, и, мысленно пожелав немцам удачи, я побежал дальше.

ГЛАВА 5

Радиограмма

Михайлову.

Докладываю вам, что на указанном объекте до сих пор продолжается бой. Кто и с кем воюет, установить не представилось возможным. Все охранные подразделения противника на данном участке оставили свои позиции и в спешном порядке выдвигаются к месту боестолкновения. Организованной нами засадой на пути от объекта перехвачен легковой автомобиль. Он сопровождался мотоциклистами охраны. Ввиду сильного сопротивления противника взять живыми никого из пассажиров не представилось возможным. По имеющимся документам удалось установить, что среди пассажиров автомобиля находились штандартенфюрер Рашке и профессор Маурер. Имевшиеся при них документы и вещи нами захвачены. Прошу выслать самолет для эвакуации захваченного имущества. Местонахождение основного объекта поиска до настоящего времени не установлено. Сведениями о нем не располагаю.

Роман.

Роману.

Эвакуация трофеев будет произведена по второму варианту. Поиски основного объекта продолжать.

Михайлов.

Выдержка из рапорта майора Гальченко В. Н.

...После получения приказа на выдвижение в район объекта мы покинули место временной стоянки, оставив там ненужное на данном этапе оборудование и снаряжение, и выдвинулись в район села Скворцовка. Поскольку проникнуть в само село не представлялось возможным, я принял решение устроить засаду

на дороге, ведущей к селу. При этом руководствовался следующими соображениями:

1. Повышенное внимание немцев к предотвращению возможного прорыва изнутри Скворцовки давало все основания предполагать, что в самом селе находится кто-то, чьего прорыва немцы стараются не допустить. Таковым человеком вполне мог являться основной объект задания. Один или с попутчиками. Версия о попутчиках подтверждалась тем, что количество солдат, задействованных в оцеплении, было явно рассчитано на предотвращение группового прорыва.

2. Поскольку имеющимися силами осуществить деблокирование села не представлялось возможным, а скрытое проникновение такой группы людей также было весьма затруднено и могло привести к срыву задания, мной было принято решение перехватить автотранспорт, на котором из Скворцовки мог следовать как захваченный в плен Леонов, так и кто-либо из командования противника. Во втором случае от пленных можно было получить информацию о возможном местонахождении объекта поиска.

Установив на дороге два управляемых по проводам фугаса, мы проложили линию для их подрыва в лесной массив. В этом месте дорога делала петлю, огибая заболоченный участок. Вследствие этого отрезок дороги длиной около километра проходил вне поля зрения постов охраны. Именно там я и принял решение устроить засаду. В 19.08 со стороны Скворцовки послышалась интенсивная стрельба и взрывы гранат. В 19.23 послышался шум моторов, и на дороге появился легковой автомобиль в сопровождении мотоцикла с пулеметом. Исходя из того что взрывами фугасов могли быть поражены лица, находящиеся в автомобиле, я не дал команды на подрыв. Как только автотранспорт оказался в зоне эффективного огня, я дал команду к нападению. Водитель автомашины был поражен снайпером, и, потеряв управление, машина съехала в кювет. Пулеметным огнем был убит водитель мотоцикла. Оставшийся в живых пулеметчик успел покинуть коляску и открыл беспорядочный пулеметный огонь в сторону засады. Под прикрытием пулеметного огня пассажиры автомашины, отстреливаясь, попытались скрыться в лесу. Поскольку такая вероятность была достаточно высока, была отдана команда вести

огонь на поражение. В результате чего трое были убиты на месте, а один, оказавшийся впоследствии штандартенфюрером Рашке, был тяжело ранен и, не приходя в сознание, скончался. Увидев это, пулеметчик попытался скрыться в лесном массиве, но был ранен, обезоружен и взят в плен. Осмотром автомашины и тел погибших было выявлено большое количество служебной документации с различными грифами секретности, описания экспериментов и научные заметки профессора Маурера. Сам профессор также был обнаружен среди убитых пассажиров автомобиля. Допрошенный пулеметчик, ефрейтор Майниге, показал, что во время проведения эксперимента в селе Скворцовка часть испытуемых по непонятной причине вышла из-под контроля и открыла огонь по солдатам охраны. Ввиду явной угрозы для высокопоставленных лиц, которыми являлись указанные выше профессор и штандартенфюрер, руководителем эксперимента, гауптштурмфюрером Горном, был отдан приказ об их немедленной эвакуации. Сам гауптштурмфюрер принял на себя руководство ликвидацией вышедших из-под контроля испытуемых. Поэтому он остался в селе Скворцовка и не поехал в данной автомашине. Никакими сведениями об основном объекте поиска пленный не располагал, однако пояснил, что в обычных случаях при проведении экспериментов на полигон «Скворцовка» доставлялись из лагеря несколько десятков пленных бойцов Красной армии, которые поочередно выпускались на полигон. Этого не было сделано в данном случае. Со слов руководителей операции, тот человек или группа лиц, которые должны были выполнять роль жертвы в данном случае, уже находились на полигоне к моменту начала эксперимента. Кто и каким образом доставил их туда, пленный не знал. Раненый ефрейтор к самостоятельному передвижению был непригоден, поэтому было принято решение о его ликвидации. Заминировав пути отхода, группа покинула место боестолкновения. Уходя в лесной массив, мы в течение длительного времени слышали за спиной звуки перестрелки и разрывы гранат.

Гауптштурмфюрер Горн сидел за столом и невидящим взглядом смотрел в лежащие перед ним бумаги. Думать не хотелось, мысли в голову не шли... Из этого состояния его вывел только громкий телефонный

звонки.

— Да? — сказал он в поднятую трубку. — В чем дело?

— Герр гауптштурмфюрер, это дежурный. Только что приземлился самолет из Берлина, вы приказывали об этом доложить...

— Да! И кто там?

— Советник Вернер и с ним еще несколько человек.

— Да, так и должно быть. Проводите их ко мне.

Горн встал, прошелся по кабинету и попытался собраться с мыслями. То, что предстоящий разговор не влек за собой никаких положительных результатов, было ясно. Выводы последуют, только какие? Чего ждать от этого... Вернера? Что это за птица и кто вообще такой?

В дверь кабинета постучали.

— Войдите!

На пороге появился невысокий, чуть полноватый мужчина в штатском. Круглые очки на таком же кругловатом лице делали его похожим на школьного учителя. Костюм от хорошего портного сидел чуть-чуть нескладно. Отстав на полшага, позади него шла рыжая девица в форме СС.

— Вы разрешите нам присесть? — поднял вопросительно брови вошедший.

— Разумеется, господин советник. Пожалуйста! — Горн встал из-за стола и указал рукой на стоящие у стены столик и несколько кресел. — Или вам удобнее расположиться за этим столом?

— Ну, с вашего позволения, мы попросим там присесть фройляйн Магду. Вы уж извините меня, гауптштурмфюрер, но я, старая кабинетная крыса, стал что-то забывчив последнее время... Что-то скажу, а потом вот пытаюсь вспомнить, о чем же я говорил? И кому? Вот и теряются мысли... Так что фройляйн обычно фиксирует все, о чем я разговариваю. И с кем.

— Разумеется, герр советник! Чувствуйте себя как дома!

«Рыжая Магда»... Что-то знакомое было в этом словосочетании... Где-то Горн уже о ней слышал... Он присел за столик, расположившись напротив Вернера.

— Итак, гауптштурмфюрер, для начала покончим с формальностями. Вы не возражаете?

— Ради бога, герр советник! Вы можете тут распоряжаться как вам будет угодно!

— Даже так? Спасибо, учту... Вот, ознакомьтесь — приказ рейхсфюрера о проведении служебного расследования. Ваш покорный слуга назначен ответственным за это мероприятие.

Горн внимательно прочитал переданную ему бумагу. Все было правильно.

— Слушаю вас, герр советник. Готов отвечать на все ваши вопросы.

— Похвально. Рапорт ваш я прочел еще в самолете. В целом понятно, но некоторые вопросы у меня все же остались. Вы позволите?

— Да-да, разумеется!

— Итак, первый вопрос. Фройляйн, вы готовы?

— Да.

— Приступим. Каким образом и на основании чего был отобран материал для проведения последнего эксперимента?

— Этим занимался лично профессор...

— Нет, гауптштурмфюрер, меня интересует другая сторона вопроса. С испытуемыми пока все ясно. Интересует другое. Кто и каким образом попал на территорию закрытого объекта? Что это за люди? Сколько их было и откуда они взялись?

— Э-э-э... по нашим предположениям, это члены разведгруппы противника. Специально направлявшиеся в данный район для проведения разведки.

— Вот как? Вы, разумеется, немедленно доложили об этом по команде?

— Да. Я докладывал штандартенфюреру.

— Странно, но я прочитал только показания бедняги Кройцера. Он ничего не пишет о разведгруппе...

— К этому выводу пришел сам штандартенфюрер. Это было во время моего личного доклада ему. Я как раз был в Берлине и...

— Ах, вот как? И штандартенфюрер, разумеется, принял меры?

— Да, он распорядился оцепить лес и организовать прочесывание местности.

— Да? Странно, но, видимо, на местах неправильно истолковали его приказ. Лес оцепили, но вот прочесывание почему-то не произвели. Почему?

— Ну... мы пришли к выводу, что целесообразнее будет загнать разведгруппу прямо на полигон и подставить ее под удар испытуемых. Таким образом мы смогли бы провести испытание на хорошо подготовленном материале.

— Вот даже как? Интересная мысль! Это, разумеется, было согласовано с руководством?

— Да. Я доложил об этом штандартенфюреру.

— Каким образом?

— Дал условный сигнал. В разговоре с ним, ранее, мы обсудили различные варианты развития дела. Тогда же были оговорены различные сигналы о том или ином развитии ситуации.

— Ага. Значит, условный сигнал... В материалах дела есть упоминание о вашем выезде в квадрат двадцать шесть. Зачем?

— Рашке приказал мне найти способ переговорить с руководителем русской разведгруппы.

— Для чего?

— Чтобы по возможности выяснить, с кем мы имеем дело, и предъявить им ультиматум.

— Какой?

— Или они следуют в район полигона, или будут уничтожены.

— И они согласились?

— Да.

— Вы не побоялись встретиться с ними лицом к лицу? В одиночку? Да вам «Железный крест» за храбрость впору давать!

— Вы преувеличиваете мои заслуги, герр советник. Я просто исполнял приказ руководства.

— Все бы его так исполняли... И с кем же мы имели дело?

— Разведгруппа подразделения «А» Первого Главного Управления НКГБ СССР. Руководитель — подполковник Леонов Александр Петрович.

— Очень интересно! Фройляйн, вы все записываете?

Рыжая девица кивнула головой.

— Продолжим. Сколько их было?

— По моим прикидкам — около десяти человек. Но лично я видел только Леонова.

— А все остальные? Где были они?

— Надо полагать, прятались в лесу.

— Да? Наверное, они очень хорошо прятались. Ибо если исходить из анализа переданных вашими поисковыми группами радиogramм, они шли по следам одного человека.

— Э-э-э... ну они могли идти и параллельными маршрутами...

— Которых почему-то не обнаружили.

— ...

— Да-да, я понимаю. Опять некомпетентность исполнителей на местах... Странно, ведь подразделение лейтенанта Хофмайера состоит из опытных разведчиков-следопытов. Да, видимо, длительное сидение в тылу расхолаживает настолько, что я и представить не могу даже. Фронт — вот самое действенное средство от лени! Вы не находите?

Горн судорожно кивнул головой.

Вернер встал из кресла и сделал успокаивающий жест вскочившему было гауптштурмфюреру.

— Сидите-сидите! Мне легче на ходу думать. Старческие привычки, вы уж меня извините... Да.... О чем это я? А! Как давно, по вашим прикидкам, эти русские были в данном районе?

— Совсем недавно, может быть день или два. Или три.

— И уже успели украсть консервы из спецпайка для испытуемых? Да уже только после этого они могли с чистой совестью уходить обратно и прокалывать дырочки для орденов! Я бы на их месте так и поступил. А вы?

— Э-э-э, но это нереально! На объект невозможно попасть посторонним!

— Угу. То есть либо Хофмайер ошибся, либо вообще подбросил пустые банки от спецпайка — и тогда его надо судить. Либо кто-то еще вынес их за пределы объекта и передал русским. Тогда судить надо уже его...

— Ну... у штандартенфюрера могли быть и свои соображения... В конце концов, препарат подавляет волю и...

— Человеком можно управлять. Вы это имели в виду?

— Да...

— Но, исходя из заявленной вами численности группы противника, на это потребовалось бы значительно большее количество спецпайков. А между тем ревизия установила отсутствие только шести банок. Чем вы это можете объяснить?

— ...

— Не можете... И потом, штандартенфюрер что, не доверял вам?

— Почему это?! Доверял.

— И вы ничего не знаете об изъятии со склада части спецпайка?

— Ну... у него могли быть доверенные люди и помимо меня.

— Да, действительно, как же я мог это упустить? Они просто обязаны были быть! Но в этом случае эксперимент уже нельзя считать «чистым», не так ли?

— Но ведь русских было больше, чем шесть человек! На всех препарат подействовать ведь не мог? Разве что они ели все из одной банки — у русских это возможно.

— Что-то все равно не стыкуется, вы не находите? Кстати, кто отвечает за режим сохранности препарата?

— Я. И мой заместитель, штурмфюрер Краух.

— Я могу с ним побеседовать?

— Увы, — развел руками Горн, — он погиб.

— Какая жалость! Значит, он и был доверенным лицом штандартенфюрера?

— Возможно, что и не он один.

— Угу. Вы не возражаете, если мы сделаем небольшой перерыв? У вас есть кофе?

— Да, герр советник, я распоряжусь.

Пока все трое пили принесенный кофе, Горн лихорадочно размышлял. Ревизия, они провели ревизию! Но как? И когда? Кто и каким образом это сделал? На базе есть агентура четвертого управления? Выходит так, что есть. Но кто? И что они уже успели сообщить наверх? Он давит на меня, но пока все удастся спихнуть на Рашке. Почему Вернер сделал перерыв? Он ведь уже почти «дожал» меня! Горн покосился на советника, который о чем-то вполголоса переговаривался со стенографисткой. Где же я про нее слышал? Ведь точно, слышал уже! «Рыжая Магда»... Черт, вертится на языке, но не помню... Да и советник этот, что-то не помню такого у Мюллера. Хотя... он, может быть, и не из центрального аппарата. Странно, почему? Вызвать провинциала для решения такого случая? Нелогично. Это совсем не похоже на Мюллера, он специалист грамотный, да и ребята у него... б-р-р-р! Лучше и не думать.

— У вас хороший кофе, Горн! Где берете?

— Это подарок армейцев, герр советник. Нам с ними приходится часто встречаться, иногда мы делаем друг другу небольшие презенты. Я распоряжусь, чтобы вам приготовили пару банок.

— Буду весьма признателен! При случае передайте мою благодарность гауптману Ранке, это ведь его подарок, не так ли?

— Э-э-э, конечно передам, герр советник.

— Очень исполнительный офицер, вы не находите?

— Не буду спорить.

— И очень волнуется за честь своего подразделения... Сейчас такое не часто встретишь, увы, — Вернер развел руками, — не то что раньше, совсем не то...

Допив кофе, советник поставил чашку на поднос.

— Ну что, гауптштурмфюрер, продолжим наше нудное, но необходимое занятие?

— Разумеется, я к вашим услугам!

— Итак, опустим пока вопрос о спецпайках. С этим и позже можно разобраться.

— Разумеется, как вам будет угодно.

— Расскажите мне о ходе эксперимента.

— Что-то пошло не так с самого начала. Испытуемые впервые не сумели обнаружить противника, хотя, согласно показаниям аппаратуры, они были на полигоне. Мы зафиксировали как минимум троих.

— Так. И что дальше?

— Дальше... Тут лучше пояснил бы профессор, но...

— Да, нам его сейчас особенно не хватает. Однако же вы-то здесь?

— Испытуемые, как я думаю, столкнулись друг с другом и вступили в схватку.

— Почему? Разве они могут воевать друг с другом?

— Хотя с самим сатаной, герр советник! Как прикажут, так и будут.

— И что им приказали на этот раз? Искать сатану?

— Нет. Штандартенфюрер приказал им идти вниз и уничтожить там все живое.

— Рашке? А не профессор?

— Извините. Конечно, приказывал им именно профессор, но вот ему приказ отдал уже сам штандартенфюрер. И именно в этой форме.

— Как жаль, что журнал проведения эксперимента не уцелел!

Да уж, подумал Горн, хорошо, что еще до приезда следователей и дознавателей я успел его увезти и спрятать.

— Увы, герр советник, если бы я мог предполагать...

— Мог? Вы были обязаны это сделать! Насколько я помню ваш же приказ, все записи должны быть сдублированы сюда. Прямо в ходе эксперимента, по телефону. Или я что-то путаю?

— Нет. Все так и есть. И так всегда делалось раньше.

— А в этот раз?

— Штандартенфюрер распорядился этого не делать.

— Рашке?

— Да, герр советник.

— Но ведь приказ подписан самим рейхсфюрером?

— Увы, герр советник, я лицо подчиненное...

— Да? Мне казалось, что у вас, как у начальника объекта особой важности, должно быть право непосредственного доклада рейхсфюреру?

— Только в экстренных случаях.

— А это — не экстренный случай?

— Не настолько. Представляете, герр советник, что будет, если каждый начнет беспокоить его по такому поводу?

— Откровенно говоря, с трудом. Ибо пока таковых случаев было немного... Ну да ладно, на чем мы остановились? Фройляйн?

— На фактическом провале начала эксперимента, — рыжая стерва невозмутимо смотрела в свои записи. — Нарушение порядка проведения эксперимента, изменение формы приказа, преступная халатность исполнителей, не обнаруживших места укрытия противника...

— Достаточно. Благодарю вас, Магда. Вы, как всегда, точны. Это очень ценное качество. Не правда ли, гауптштурмфюрер?

Горн облизал пересохшие губы.

— Да, это очень полезное качество, герр советник.

Магда Крюгер — психоаналитик четвертого управления РСХА — вот она кто! Горн поежился. Если это так, то советник — это «очкастый Верни» из того же управления. Эта почти легендарная парочка всегда работает вместе. И по самым важным делам, только под личным контролем Гиммлера. Значит, делу придан высший приоритет. Плохо...

— Вы меня не слушаете, гауптштурмфюрер?

— Простите, герр советник, отвлекся. Бессонная ночь, сами понимаете...

— Сочувствую. Итак, каким образом были убиты первые испытуемые?

— Один был зарезан ножом, второй подорвал себя гранатой...

— Сам?

— Что?

— Он себя сам подорвал?

— Да. Изо всех троих гранату имел только он. Непосредственно перед этим он застрелил из своей винтовки третьего испытуемого. Остальные в бою не участвовали и вернулись по приказу на сборный пункт. Их боеприпасы остались неизрасходованными, а из оружия никто не стрелял.

— Это точно?

— Да. У них у всех маркированные боеприпасы. Пули помечены.

— Зачем?

— Для оценки эффективности их работы.

— Так. Продолжайте.

— После этого мы организовали тщательное прочесывание местности силами испытуемых и солдат охраны.

— И?

— Ничего. В селе никого не было. Сигнализация оказалась испорчена. Кто-то замкнул датчики.

— Как это могло произойти? Это мог сделать кто-либо из испытуемых?

— Нет. Они ничего не делают без приказа.

— Продолжайте.

— Дело шло к вечеру, и было очевидно, что эксперимент необходимо будет продолжить на следующий день. Штандартенфюрер приказал поднять наверх испытуемых и вместе с профессором отбыл на базу. Я остался на месте руководить завершением эксперимента.

Во время подъема наверх один из испытуемых выстрелом из винтовки убил нашего солдата. Одного из членов пулеметного расчета. Его напарник открыл ответный огонь и застрелил одного из испытуемых. Их голова устроена так, что тот, кто на них нападает, — враг. После этого все и произошло...

— Что именно?

— Испытуемые открыли огонь и атаковали наших солдат. Их натиск был неожиданным, я остался один и вынужден был отступить к ближайшему посту охраны.

— Хм... Насколько я знаю, существует возможность их остановить.

— Да. Перед началом эксперимента всегда указывается, кому именно должны беспрекословно подчиняться испытуемые. Таких людей всегда назначается двое.

— И испытуемые выполняют любой приказ такого человека?

— Да. Любой.

— Почему этого не произошло на этот раз?

— Профессор отбыл вместе с Рашке, а унтерштурмфюрер Рахов, который находился рядом с испытуемыми, был ими убит в самом начале схватки.

— И больше никто не мог их остановить?

— Нет. Они просто никого больше не слушали бы. После начала боя они... Как бы это лучше сказать... В общем, они больше ничего не воспринимают. Только один из двоих, назначенных ими управлять, человек может что-то изменить. Таких людей больше на месте не было.

— Кто же тогда напал на машину штандартенфюрера?

— Я полагаю, это была та самая разведгруппа. Они как-то сумели обмануть бдительность охраны и выйти за оцепление.

— Или вовсе туда не входили... Что сделали вы лично?

— Перегруппировал солдат охраны, снял дальние посты и направил их на поиск и уничтожение противника.

— И что же?

— Мы еще ведем преследование. Получены обнадеживающие результаты...

— Понятно. У вас все?

— Да...

— Тогда, пожалуйста, я подведу итоги.

— ...

— Степень виновности или невиновности штандартенфюрера и профессора будет определена позже. Что же касается вас, гауптштурмфюрер Горн, то я вынужден констатировать вашу некомпетентность! Будучи ответственным за подготовку эксперимента, вы эту подготовку провалили! Упустили из-под контроля русскую разведгруппу. Не сумели должным образом организовать охрану, что повлекло гибель профессора Маурера и штандартенфюрера Рашке. Не смогли организовать поиск и уничтожение разбежавшихся испытуемых и русских диверсантов. Допустили попадание в руки противника компонентов спецпайка. У вас есть что-либо еще, что вы могли бы сказать в свое оправдание?

— Но...

— Что?

Горн молчал.

Рыжая девица встала, подошла к двери и открыла ее. В комнату вошли двое эсэсовцев.

— Гауптштурмфюрер Горн, вы арестованы! Сдайте оружие!

ГЛАВА 6

Проводив взглядом ушедших, советник встал и прошелся по кабинету. С интересом потрогал чучело медведя, стоявшего на задних лапах. Поцокал языком в восхищении. Вернулся к столу и поднял трубку телефона.

— Дежурный? Обер-лейтенанта Хофмайера ко мне. Да. Именно сейчас! Найдите его, и поскорее!

Вернер сел за столик и взял в руки кофейник.

— Хороший все-таки кофе у гауптштурмфюрера, Магда?

— Неплохой, герр советник.

— Пока ищут обер-лейтенанта, может быть, выпьем то, что еще осталось в кофейнике? Присаживайтесь сюда, время у нас есть...

Минут через двадцать в дверь кабинета постучали.

— Разрешите?

На пороге стоял коренастый офицер в камуфляже. Умные и внимательные глаза быстро осмотрели кабинет и остановились на сидящем в кресле советнике.

— Герр советник Вернер? Мне передали ваш приказ прибыть...

— Просьбу, герр обер-лейтенант, всего лишь просьбу! Мне необходимо задать вам несколько уточняющих вопросов. Надеюсь, это не слишком оторвет вас от важных дел? Или вы спешите?

— Я должен был отбыть для непосредственного руководства поисковыми группами. Гауптштурмфюрер Горн распорядился...

— Я полагаю, что у него сейчас есть куда более важные вопросы, чем непосредственное руководство вашими действиями. Не так ли, фройляйн?

Рыжая девица молча кивнула головой.

— Ну вот, видите? Так что — присаживайтесь. Жаль, что кофе кончился, но, может быть... — Вернер посмотрел на Магду.

— Я позвоню дежурному, герр советник.

— Ну вот, видите, и эту проблему мы сумели решить! Располагайтесь поудобнее, гауптман...

— Обер-лейтенант, с вашего позволения.

— Разве? Мне казалось, что... Ах да! Увы, старческая забывчивость! Как я мог... Регендорф.

Хофмайер напрягся. Руки его стиснули подлокотники кресла. Внимательный взгляд рыжей девицы мгновенно это отметил.

— Никогда там не был.

— Странно, мне показалось, что я вас там видел в компании этого, как его... Мориарти?

— Не знаю такого.

Наступила пауза. Обер-лейтенант по-прежнему недвижимо сидел в кресле. И только взгляд его быстро перемещался от советника к Магде и назад. Вернер понимающе покивал головой и, вытащив из папки лист бумаги, протянул его Хофмайеру.

— Вы вот этого ждали, не так ли?

Взгляд обер-лейтенанта зацепился за текст.

«...Приказываю оказывать всемерное содействие по первому варианту... Имеет право отстранять от должности и отдавать соответствующие приказания... С предъявлением этих полномочий вы переходите под его непосредственное руководство...» Подпись — рейхсфюрер СС Гиммлер.

Хофмайер кивнул головой. Встал, одернул куртку и прищелкнул каблуками.

— Так точно, герр советник. После произнесения ключевых фраз вы должны были предъявить мне этот документ. Гауптман Борг к вашим услугам.

— Вот и славно, гауптман! Присаживайтесь. А если бы я не предъявил вам письменного приказа, что бы тогда вы сделали?

— Поступил бы по инструкции. Сообщил бы в Берлин и принял меры к вашему задержанию.

— Как у вас тут все... да... Серьезно!

— Такая работа, герр советник.

— Понимаю. Для начала я хотел бы вам сообщить, что ваш рапорт там, — рука Вернера ткнула в потолок, — был очень внимательно изучен и должным образом оценен. Ваши действия признаны правильными и своевременными.

— Все?

— Вы имеете в виду гибель штандартенфюрера и профессора?

— Именно так.

— Здесь нет вашей вины. Охрана их была приказом возложена на Горна. Более того, рейхсфюрер по достоинству оценил решение об ее усилении вашими сотрудниками.

— Увы, но это не помогло...

— Да, такой вопрос тоже поднимался. Некоторые, э-э-э... специалисты, скажем так, усмотрели в этом даже преступную халатность.

— С чьей же стороны?

— С вашей, гауптман.

— Даже так?

— Да. Их мнение звучало следующим образом: вы, представляя себе уровень возможного противостояния, не приняли мер для своевременного доведения информации об этом до сведения руководства.

— Хм... Посмотрел бы я на них... здесь...

— Их точка зрения не нашла понимания у рейхсфюрера. Но само мнение, а главное — лица, его выразившие, никуда не делись. Вы меня понимаете, гауптман?

— Более чем, герр советник. Спасибо за откровенность.

— Не за что. Нам с вами еще работать, так что я не хочу, чтобы между нами с самого начала были какие-либо недоговоренности. Скажем так, я на вашей стороне. И надеюсь на ответную откровенность.

— Всегда рад оказать вам помощь.

— Будем считать, что мы договорились. Итак — к делу, если вы не возражаете?

— Слушаю вас.

— Первое. Фройляйн, внимание! Разведгруппа русских действительно была?

— Да. Исходя из анализа засады, их предварительная численность пять человек. Может быть и больше, но ненамного.

— Так... Уровень подготовки?

— Очень высокий. Водители автомашины и мотоцикла были убиты снайпером с дистанции около ста пятидесяти метров. Практически одновременно. Стрелял один человек, мы нашли его позицию. Он сделал всего три выстрела. Причем за очень короткий промежуток времени.

— Откуда это известно?

— Согласно инструкции, мотоцикл не удаляется от машины более чем на двадцать метров. Первым был убит водитель автомашины. Мы установили место, где это произошло, — на дороге остались осколки разбитого стекла.

— И что же?

— Мотоциклист был выбит пулей из седла практически там же. За какое время он проехал бы эти двадцать метров?

— Убедительно... Однако наличие снайпера, пусть и очень хорошего, еще мало о чем говорит, ведь так?

— Так. Оставшийся в живых в момент нападения пулеметчик тоже, как и водитель мотоцикла, мой человек. Он уже шесть лет в строю. Мастер

стрельбы из пулемета, великолепно подготовленный солдат.

— И?

— Он отстрелял из своего пулемета почти целую ленту.

— И что же?

— Ефрейтор Майниге не только ни в кого не попал, но даже был живым взят в плен. То есть противник сумел подойти к нему настолько близко, что ему удалось это сделать.

— Насколько я помню, он ведь тоже был ранен?

— От места крушения мотоцикла до места его ранения — семьдесят метров. Все это время, пока ефрейтор туда перемещался, он вел огонь — гильзы рассыпаны по всему пути. Мы нашли следы русских, они были именно там, куда Майниге и стрелял. И тем не менее он ни в кого не попал.

— Занятно... Этого не было в вашем рапорте...

— Я только что вернулся с осмотра этого места. Как вы понимаете, я не могу представлять наверх неподтвержденные данные, пока не проверю все лично.

— Понятно. Как вы полагаете, он что-то мог рассказать русским?

— Мог. И думаю, что рассказал.

— Почему?

— Видите ли, герр советник, допрос в таких вот комфортабельных условиях несколько отличается от допроса под елкой в лесу. Тем не менее он ничуть не уступает ему по эффективности. Иногда — и превосходит.

— Вы уверены?

— Да. И для этого мне не потребуется помощь вашей очаровательной фройляйн. У нас есть свои... методы увещевания, порою даже более эффективные...

Магда улыбнулась гауптману, показывая, что оценила его комплимент.

— Так... — Вернер повертел в руках пустую кофейную чашку. — Интересно... Что мог знать ефрейтор?

— Многое. Более того, моим солдатам предписано тщательно скрывать лишь основные цели и задачи своей работы. Обо всем прочем они могут рассказывать.

— Да? И кем отдано такое приказание?

— На это есть специальное указание рейхсфюрера. Данный документ вы можете получить в его секретариате, у меня его нет.

— Не нужно, гауптман, я вам верю.

Советник встал из кресла и принялся расхаживать по комнате.

— Сидите-сидите, гауптман. Мне так иногда легче размышлять... Фройляйн, что мы имеем?

— У меня есть несколько вопросов к гауптману, вы позволите?

— Ну, разумеется!

Рыжая девица повернулась к Боргу.

— По инструкции мотоцикл следует за машиной? Или впереди?

— Когда как. На неизвестной дороге — впереди. В нашем случае он был позади нее.

— Вы говорили, что снайпер стрелял три раза. Удалось установить, в кого именно?

— Третьим выстрелом был ранен охранник штандартенфюрера. Пуля попала ему в плечо.

— Как был ранен ефрейтор Майниге?

— У него слепое ранение в правое бедро. Тупоконечная пуля от русского револьвера «Наган».

— То есть снайпер по нему не стрелял?

— Нет.

— Он продолжал стрелять и после ранения?

— Да. Большинство выстрелов он сделал лежа.

— Тогда как могло получиться, что такой опытный стрелок, как ефрейтор, не попал ни в одного из противников? Ведь для стрельбы из револьвера дистанция должна быть относительно невелика?

— Да. Дистанция должна быть небольшой. Именно это я и отметил. Противник должен быть хорошо подготовлен, чтобы суметь уйти от выстрела на таком коротком расстоянии. Это опытный и хорошо тренированный боец. По-видимому, в задержании ефрейтора участвовали не менее двух человек. Это, кстати, подтверждается и следами обуви на месте боя. Один нападавший отвлек на себя внимание, а второй осуществил захват.

— Нападавшие стреляли тоже? Как много?

— На месте боя мы подобрали тридцать пять гильз от русского оружия. В основном — от автомата ППШ.

— На трупах погибших есть ранения от пуль данного оружия?

— Нет... — Борг уважительно посмотрел на Магду, — раны только от винтовочных и револьверных пуль.

— Таким образом, мы имеем следующее, — рыжая перевернула страницу своей тетради, — засада имела своей целью именно захват, а не уничтожение профессора и штандартенфюрера. Что свидетельствует о том, что нападавшие знали время и место их отъезда, состав конвоя и наличие в нем подготовленных бойцов. Каковые и были ими уничтожены в первую очередь. Соответственно задаче, нападавшие распределились на месте

засады. Огнем из автомата штандартенфюрер и профессор были прижаты к земле, чтобы группа захвата сумела подойти к ним на расстояние броска.

— Почему же этого не случилось, фройляйн? — вопросительно изогнул бровь советник.

— Как указано в документах, штандартенфюрер расстрелял почти весь боезапас для автомата и пистолета. Видимо, его активное сопротивление и не позволило нападавшим довести свой замысел до конца.

— Хм... И в этом случае он тоже ни в кого не попал...

— Более того. Я имею все основания утверждать, что противник имеет своего агента внутри данного, — Магда обвела вокруг себя рукой, — подразделения. Возможно, что и не одного.

— Час от часу не легче! Борг! А на полигоне был вообще кто-нибудь?

— Был, герр советник. Один человек.

— А откуда это стало известно?

— По следам. Мы нашли места, которые он приготовил для засад. Нашли его тайник с оружием и припасами. Кстати, там были две банки консервов из спецсерии.

— И его никто не видел?

— Допускаю, что видели его многие. Он, надо полагать, шел в одной цепи с испытуемыми.

— Искал сам себя? Как такое могло произойти?

— Пока у меня нет ответа на этот вопрос. Он сумел тихо убрать одного из испытуемых и занял его место. Успел переодеться в его одежду. Или изначально был одет так же. Взял его оружие, спрятав свое. И занял его место в строю.

— И никто его не узнал?

— В селе? Наверху его, разумеется, сразу бы вычислили. Поэтому он туда и не пошел. Застрелил пулеметчика, спровоцировал бой между испытуемыми и солдатами охраны... В суматохе перевооружился, взял трофейный пулемет и ушел.

— Просто ушел?!

— Не просто. Он заглянул в бункер, бросил там свою винтовку (мы ее опознали по номеру), прихватил что-то для себя нужное...

— Что?

— Не знаю. Заминировал машину-арсенал и ушел. При вскрытии машины погиб один солдат.

— Это все?

— Нет. Он недвусмысленно намекнул нам, что его искать не следует.

— Каким образом?

— Каждый раз, когда кто-либо шел по его следам, это приводило к жертвам. Сначала это был заминированный автомобиль.

— А потом?

— Один из грузовиков с подкреплением свернул с основного пути. Видимо, старший группы что-то заметил. Не исключено, что как раз русского и увидел. Тогда этот... в общем, он подпустил машину поближе и расстрелял ее в упор. Погибли девять солдат и один офицер. Шесть человек были ранены.

— Интересно... В официальном рапорте Горна это не было как-то выделено.

— Я не знаю, что он там писал. — Борг пожал плечами. — Я докладываю вам свои выводы.

— Продолжайте, гауптман. Как вы думаете, тот русский на полигоне и разведгруппа — это одно и то же?

— Судя по уровню подготовки — да.

— Горн действительно с ним говорил?

— Да. Эта встреча была зафиксирована.

— И это был один человек? Или несколько?

— Посты наблюдения видели одного. Мои ребята тоже шли только по его следу.

— То есть в овраге он был один?

— Да. Там был один человек.

— У них есть между собой связь?

— Каким образом, герр советник? Рации у него с собой нет, это точно. Они могли согласовать свои планы, такое я могу допустить. Вероятнее всего, у них есть заранее назначенные места встречи. Туда они и идут.

— Вы сумеете их захватить?

— Найти — точно найду. А вот с захватом... — Борг помедлил, — я бы не был столь категоричен...

— Почему так?

— Как я уже вам говорил, герр советник, это хорошо подготовленные солдаты.

— Лучше ваших?

— Во всяком случае не хуже. А такие бойцы имеют обыкновение драться до последнего патрона. И взять его в плен живым — задача достаточно тяжелая.

— Тем не менее именно это вам предстоит сделать. Как минимум мне нужен их командир. Если сумеете взять кроме него еще хоть кого-нибудь, это не останется незамеченным.

— Это может стоить нам очень много крови.

— Война, герр гауптман. Не я начал эту операцию, да и вы не вчера пришли в армию. Кому как не вам должно быть известно, что некоторые поставленные цели оправдывают любые потери, связанные с их достижением.

— Я приложу все свои старания.

— Уж будьте так любезны. Вся требуемая помощь будет оказываться вам по первому сигналу. Радисты будут находиться в эфире круглосуточно, да и я сам буду около них практически постоянно. С этой минуты вы получаете полную и абсолютную самостоятельность во всем, что связано с решением поставленной перед вами задачи. Любые приказы вам помимо меня может отдать только лично рейхсфюрер СС. Вот, ознакомьтесь.

Вернер достал из своей папки еще один лист бумаги и протянул его Боргу. Тот внимательно прочитал текст и поднял на советника удивленные глаза.

— Значит ли это, что рейхсфюрер с самого начала предполагал провал операции штандартенфюрера Рашке?

— Нет, конечно. Просто такая возможность была учтена в числе прочих. Еще вопросы имеются?

— Нет. Больше никаких вопросов не имею.

— Можете быть свободны, гауптман. У Магды возьмете конверт, в нем кодовая таблица для радиопереговоров и документы, подтверждающие ваши полномочия в данной операции. Распишитесь на конверте, укажите дату и время вскрытия. Конверт оставьте ей.

ГЛАВА 7

Проводив взглядом ушедшего гауптмана, советник повернулся к своей ассистентке.

— Магда, а вам не кажется, что наступило время перекусить более основательно, чем мы это делали до сих пор?

— Давно уже пора, герр советник.

— Тогда позвоните дежурному и распорядитесь, чтобы нам доставили сюда обед. А я пока слегка вздремну вон там, в кресле.

Через час.

— Кто у нас теперь на очереди, Магда?

— Ассистент Гюнтер Лееб.

— Зовите его сюда.

— А он уже здесь, за дверью сидит. Я распорядилась, чтобы его вызвали сразу, как мы закончим обед.

— Вы в который раз меня восхищаете своей предусмотрительностью! Вы золото, вам кто-нибудь об этом говорил?

— Кроме вас — никто.

— Это потому, что они не знают вас настолько хорошо. Давайте, зовите этого ассистента. Посмотрим, что хорошего он нам поведает.

Вошедший в кабинет мужчина в гражданской одежде с сомнением оглядел предложенное ему кресло и уселся в него.

— Позвольте представиться, ассистент, — советник Вернер. Это мой помощник фройляйн Магда. Я представляю здесь рейхсфюрера СС.

— Не тратьте попусту время, герр советник. Я прекрасно знаю фройляйн Магду и представляю себе, в каком качестве она может здесь находиться. Соответственно, и о вашей миссии у меня уже сложились свои представления.

— И если не секрет — какие?

— Кто-то же должен отвечать за весь тот бардак, который произошел тут в течение последних нескольких дней. Поэтому ваше появление здесь можно было легко предвидеть.

— Именно мое?

— Ну, не ваше, так еще чье-нибудь. Вы в данном случае, пожалуй, предпочтительнее прочих.

— Это почему же?

— Потому что я знаю фройляйн Магду уже почти шесть лет. Мы мало встречались лицом к лицу, но сфера нашей деятельности такова, что все более-менее серьезные специалисты знают друг о друге. У фройляйн весьма неуживчивый характер, и тот факт, что она работает с вами, говорит о многом.

— О чем же, например?

— Ну, хотя бы о том, что руководить ею может только специалист очень высокого класса, чей авторитет будет для нее незыблемым. Вы ее начальник, стало быть, и являетесь для нее тем самым авторитетом. Я совершенно не знаю вас, что свидетельствует только о том, что вы очень ловко умеете держаться в тени. Это делает вам честь.

— Однако... Вы очень неплохо анализируете ситуацию.

— Потому что я профессионал, герр советник. Как только вы арестовали Горна, я понял, что вы вызовете и меня. И, соответственно, подготовился к данной беседе.

— Хм... Ну, раз так, то давайте к ней и приступим.

— Слушаю вас, герр советник.

— Что вы можете сказать по поводу провала операции?

— Какой именно?

— А что, их было несколько?

— А вы об этом не знали?!

— Однако... Потрудитесь пояснить свои слова, герр ассистент.

— Проще простого, герр советник. На полигоне одновременно проводилось две операции.

При этих словах у советника и его помощницы вытянулись лица.

— Расскажите об обеих.

— Предъявите свои полномочия. Желательно в письменном виде.

— Извольте.

Советник протянул ассистенту лист бумаги. Тот внимательно его прочел и поднял на советника вопрошающий взгляд.

— Вам этого недостаточно?

— Разумеется, нет. В данном документе вас уполномочили произвести расследование деятельности штандартенфюрера Рашке. Чем вы и занимаетесь в настоящий момент. Упомянутая мною операция не входит в сферу деятельности штандартенфюрера.

— Которая из двух?

— Вторая. Первая, имевшая своей целью стандартную проверку боевых качеств испытуемых, действительно завершилась неудачно. Здесь вы правы, и ответственность за ее провал несет штандартенфюрер Рашке.

Вторая же производилась под прикрытием первой, о чем штандартенфюрер осведомлен не был. Соответственно, он и не мог отвечать за ее успех или неуспех.

— Так... Меня предупреждали, что вы человек крайне своеобразный.

— Уж какой есть, герр советник.

— Тогда держите, вот вам еще один документ. Надеюсь, этого будет достаточно?

Ассистент внимательно прочитал вторую бумагу. Выражение его лица смягчилось.

— Что б вам сразу с этого не начать? Не теряли бы зря столько времени.

— Ну, это уж мое дело, с чего начинать и как. Теперь вы удовлетворены?

— Полностью, герр советник. Готов отвечать на все ваши вопросы.

— Для начала расскажите мне о первом эксперименте. Конкретно меня интересуют особенности управления испытуемыми. Кто, каким образом и при каких условиях может отдавать им команды?

— Подготовка испытуемых проводилась в рамках проекта ОКВ «Неудержимый натиск». Целью проекта являлась подготовка штурмовых групп прорыва. Их планировалось использовать для штурма хорошо укрепленных и сильно защищенных позиций противника. Исходя из этого и были проработаны варианты управления испытуемыми на разных этапах их деятельности. В обычном состоянии, условно назовем его состоянием покоя, они выполняют ряд команд, непосредственно связанных с их жизнедеятельностью. Это команды на перемещение, прием пищи и им подобные. Могут быть отданы практически любым человеком. Состоят из ряда кодовых слов. Это сделано для того, чтобы при отправке испытуемых в войска не сопровождать их на всем этапе следования специалистами института. В этом нет никакой необходимости. Второе состояние, назовем его предбоевым, есть состояние более сложное. В процессе этого происходит назначение цели, подготовка к ведению боевых действий и задается алгоритм поведения испытуемого в процессе боя. Это более сложная процедура, и она выполняется, как правило, хорошо подготовленным сотрудником. Ввиду сложности и малоизученности процессов, протекающих в головном мозге, только очень немногие люди могут осуществлять этот процесс достаточно качественно. При этом требуется не только аудиовизуальный, но и тактильный контакт специалиста и испытуемого. В третьей фазе, боевой, испытуемый выполняет только команды на атаку и отход. При этом смена цели может

быть произведена любым из двоих специально назначенных для этого людей. А вот команда на отход может быть отдана практически кем угодно.

— А почему в данном случае такое несоответствие?

— Послать в атаку могут немногие. Но поскольку в процессе экспериментов была выявлена такая особенность испытуемых, как полное отсутствие у них инстинкта самосохранения, возникла потребность в том, чтобы их можно было вовремя остановить и вернуть назад.

— Возвращаются они куда?

— В точку выхода. Кратчайшим путем. При этом они находятся в боевом состоянии и способны адекватно отвечать на все возникшие угрозы.

— Иначе говоря, они продолжают вести бой?

— Совершенно верно. Посылать следом за ними людей, знающих команды управления атакой, командование сочло опасным и ненужным. Всегда сохраняется возможность захвата такого человека противником. Поэтому следом за ними могут идти обычные солдаты, способные в нужный момент отдать испытуемым команду на возврат. Наихудшее, что может произойти в случае захвата такого солдата, — испытуемые вернуться назад. Направить их на другую цель — невозможно.

— Если я правильно вас понял, то участие специалистов института требуется только во время проведения второй фазы?

— Именно так. Процесс подготовки к боевому состоянию является самым сложным и должен выполняться только грамотным специалистом.

— Испытуемых можно подготовить в тылу, вывезти на передовую, где специально назначенные люди отдадут им приказ к атаке?

— Да, все так.

— Хм... У вас получается практически идеальная боевая единица. Заранее подготовленная к бою и ожидающая только приказа. Обладающая высокими физическими возможностями, практически нечувствительная к боли. При этом вероятность ее использования противником практически ничтожна. Так?

— Да.

— Как долго такой боец может находиться в... э-э-э... автономном плавании?

— Теоретически — до двух недель. При наличии спецпайка, разумеется. Так что убежать он тоже никуда не сможет — попросту отключится мозг, и он станет безвольной куклой. Причем — навсегда.

— Заманчиво... Понимаю наших генералов... Такой солдат всегда был мечтой многих из них. Однако, ассистент, вы весьма лаконичны!

— Я не оратор и не конференсье. Это им платят за болтовню. У меня

другие обязанности.

— Ладно-ладно... Уж и пошутить нельзя... Расскажите-ка мне о второй операции, как ее успехи?

— Никак.

— То есть?

— А она еще не завершена. Вот закончим — тогда и будет о чем рассказывать.

— Так. Давайте-ка поподробнее и с самого начала.

Гюнтер пожал плечами. Пододвинулся к столику и налил себе чашку кофе.

— Как вам будет угодно. Только не спрашивайте меня о совсем уж специфических методах работы, ладно? Объяснить я вам и это смогу, только мы тогда тут до утра просидим. Для понимания картины вам и того, что я расскажу, будет более чем достаточно.

— Годится. Рассказывайте.

— Как вы теперь знаете, в институте параллельно велась работа над двумя проектами. «Неудержимый натиск» — по заказу ОКВ. А вот заказчик проекта «Ночной гость» неизвестен даже мне. Профессор, разумеется, его знал, но вот мне не сообщил.

— А штандартенфюрер?

— Этот — точно не знал. Его прерогативой было обеспечение безопасности испытаний, подготовка исходного материала и прочие аналогичные вопросы. В научную кухню он не лез, да и не понял бы в ней ничего. Все расходы по данному проекту проводились в рамках «Неудержимого натиска» и никак особо не выделялись.

— Почему?

— Не знаю. Это вообще не мое дело, а бухгалтерии.

— А в чем заключались особенности данного проекта?

— Это подготовка одиночного бойца. Полностью автономного, не связанного никакими ограничениями и запретами. При этом он обладает всеми качествами испытуемого, но его умственные способности на несколько порядков выше.

— И зачем это нужно?

— Внешне он вообще неотличим от обычного человека. Так же пьет, курит и шутит. Вы можете подойти и дать ему по морде, он обидится и отойдет в сторону.

— И не даст сдачи?

— Если это не его цель — не даст.

— В смысле — цель?

— Этот боец рассчитан на одновременное уничтожение или захват одной, конкретной цели. Ей может стать любой человек, группа людей или какой-либо объект. В любой точке земного шара. Не имеет значения, кто эти люди или что это за объект и сколько народу задействовано в их охране.

— То есть, по сути дела, это идеальный террорист?

— Да. На своем пути к цели он должен обойти любое препятствие. При невозможности обойти — уничтожить. Выполнить задание и возвратиться назад. Желательно — незаметно для всех.

— Даже и для своих?

— Для него нет таких понятий. Есть люди и факторы, способствующие выполнению задания, есть — мешающие. С первыми можно сотрудничать, вторых обходить или уничтожать.

— А каков срок его автономии?

— Теоретически? До бесконечности. Он потребляет весьма небольшое количество препарата. И может унести с собой достаточно большую дозу. Еду и все прочее, ему потребное, он может добывать сам — его умственных способностей для этого вполне достаточно.

— Сколько таких бойцов вы имеете на сегодняшний день?

— Сейчас? Одного.

— А сколько их было?

— Всего шесть человек. Двое умерли в процессе исследований. Трое погибли при испытаниях. Один выполняет полученное задание.

— Вы говорите, погибли... При каких обстоятельствах?

— Вам все подробно рассказывать?

— Более или менее, как сами считаете нужным.

— В первом случае «призрак» получил задание уничтожить пулеметный расчет противника. Расчет находился на хорошо охраняемой позиции, в окружении большого количества солдат красных.

— «Призрак»?

— Профессор распорядился называть их именно так.

— Ага, понятно. И что же, он уничтожил расчет?

— Ему было приказано принести пулемет и головы солдат, которые из него стреляли.

— Принес?

— Принес. Станковый пулемет и пять отрезанных голов. Но вот при возвращении его обстреляли наши солдаты... увы... до наших окопов он не дополз всего двадцать метров.

— Как же так?

— Его не было три дня, и солдаты уже перестали ждать кого-нибудь

своего с той стороны.

— А почему так долго?

— Могло быть и дольше. «Призрак» сам выбирает время и условия нападения. Исходя из наилучшей возможности сделать это максимально эффективно. Кстати, в этом случае он переоделся в форму противника. Видимо, убил кого-то уже в тылу красных и взял его форму, чтобы подойти ближе к цели.

— А другие два случая?

— В одном «призрак» получил команду принести голову командира дивизии противника. Причем он не знал, кто этот командир и где его искать. Ему сообщили только номер части. Он пришел через неделю и принес эту голову. К сожалению, он умер от передозировки препарата. Третьему отдали приказ найти близлежащий партизанский отряд, установить там комиссара и убить его.

— И как?

— Он выполнил приказ. Но при возвращении наступил на мину, уже около постов охраны аэродрома. После этого, кстати, их и поснимали отовсюду.

— Кто может отдать «призраку» приказ? Назначить цель?

— После гибели профессора только я.

— И какой же приказ «призрак» выполняет в настоящий момент?

— Я приказал ему найти человека, который начал бой с испытуемыми на полигоне, поймать его и привести ко мне.

— И он выполнит данный приказ?! Он что, видел этого русского?

— Да. Он его видел. И я тоже. Мы видели его, когда он шел к бункеру.

— И вы могли тогда же его и убить?

— Герр советник, я получил четкий, не допускающий иных толкований письменный приказ от своего руководителя. Указать «призраку» цель и отправить его по следу через час. Меня, да и вас, я думаю, в первую и основную очередь интересует успех программы в целом, а не смерть одного русского диверсанта. Или я не прав?

— Стоп. Ассистент, в данном случае вы правы. Извините, я это сказал второпях, руководствуясь эмоциями. Ошибся, бывает. Когда и куда должен возвратиться ваш «призрак»?

— К бункеру управления. После выполнения задания. Он будет там искать меня.

— Существует ли какая-либо процедура, отменяющая полученное им задание?

— Нет. По ряду причин это невозможно. Задание либо выполняется,

либо «призрак» погибает. Команды на отход не предусмотрено. С момента выхода на задание он абсолютно самостоятелен и неуправляем.

— Кстати, а почему этих... «призраков» всего шестеро? Их что — так трудно подготовить?

— Более чем, герр советник, более чем. Проще подготовить роту испытуемых по головному проекту. Да и кроме того, «призрак» должен быть добровольцем и идти на это сознательно.

— Так... Благодарю вас, ассистент, вы во многом нам помогли. Не смею мешать вам в дальнейшей работе.

Гюнтер встал из кресла. Коротко, по-военному, кивнул головой советнику. Отвесил куда более учтивый поклон Магде. Повернулся и вышел в коридор.

На некоторое время наступило молчание. Советник задумчиво расхаживал по комнате, рыжая девица что-то писала в своей тетради.

— Так, Магда... Обстановка проясняется... Что у вас? Донесение в Берлин готово?

— В общих чертах, герр советник.

— Прочитайте мне. Возможно, придется внести некоторые поправки в текст. Преамбулу и обращения опустите.

— Минуточку, я кое-что завершу... Так, готово. Слушайте.

Советник уселся в кресло и, положив подбородок на сцепленные кисти рук, приготовился.

— ... вот... в целом можно констатировать тот факт, что операция «Почтовый рожек» вступила в свою основную фазу. Меры по дезинформации противника заставили его обратить самое пристальное внимание на район проведения экспериментов по программе «Неудержимый натиск». Как и ожидалось, командование противника направило сюда группу специально обученных и подготовленных по особой методике диверсантов. Что в свою очередь свидетельствует о весьма серьезном отношении его к полученной от нас информации. Исходя из этого можно предположить, что русские ведут свои исследования в данной области и относятся к нашим возможным успехам очень серьезно. Крайне важным успехом является также и установление названия противодействующей нам структуры противника. Прошу ускорить работу соответствующих структур на сбор данных об этом подразделении. Противником также была проведена обширная дезинформационная подготовка, предшествующая появлению в поле нашего зрения одного из заброшенных агентов. Обращает на себя внимание и тот факт, что в данном случае противник предпринял две, независимые друг от друга, попытки

подхода к объекту. Одновременное проникновение через подведомственный шталаг 4в и параллельная заброска группы специально подготовленных диверсантов. Можно с уверенностью сказать о том, что руководство противника поставило своей целью физическое устранение ключевых фигур проекта. Что опять же свидетельствует о том, что мы находимся на верном пути. Разница в способах подхода противника к полигону указывает на то, что мы имеем дело с двумя различными методами подготовки, которые могут во многом повторять или даже предвосхищать наши наработки в данной области. Вероятно, проникший через шталаг 4в агент подготовлен аналогично наработкам программы «Ночной гость». А сброшенные позднее парашютисты готовились по иной, но не менее эффективной программе. Учитывая факт дублирования русскими друг друга, можно предположить, что их программы обучения и подготовки также еще не доработаны до конца. Хотя надо признать, что даже и в этом виде противник опережает нас в своих наработках. Во всяком случае — по эффективности действия в боевых условиях. ...Руководству организации на месте будет дано указание об усилении охраны де-факто руководителя проекта, ассистента Гюнтера Лееба. После трагической гибели профессора Маурера он является единственным компетентным специалистом в данной области. Мною проведен соответствующий инструктаж исполнителей на месте. Следует считать доказанным факт наличия внутри организации информаторов противника. Прошу ориентировать на их розыск и разработку соответствующие структуры РСХА. Прошу также ускорить расшифровку перехваченных радиogramм противника.

— Отлично, Магда! Дайте мне текст, я в паре мест вставлю свои замечания, и можно готовить его к отправке.

ГЛАВА 8

Из воспоминаний подполковника Барсовой Марины Викторовны

От места засады группа тогда ушла легко. Даже странно — мы ожидали, что у нас на затылке вскоре повиснут немецкие поисковики. Но прошло уже два часа и... ничего. Майор хмурился, пару раз останавливал нас и прислушивался, один раз даже на дерево залез.

Спустился с него чем-то недовольный и приказал Игорю и Марку выдвинуться вперед и в стороны. Не менее чем на километр. Назначил им точку встречи, и ребята быстро ушли в отрыв от нас.

— Что-то не так, командир? — вполголоса спросил его старший лейтенант Горбачев.

— Сам не пойму. Как-то слишком легко мы от погони оторвались. Не должно так быть. Неправильно все это. Мы не первоклашек завалили, людей серьезных. Должны были немцы на это отреагировать.

— Ну, так и мы тоже не просто так себе погулять вышли. Чай, тоже не вчера школу окончили.

— Все так, Гриша. Да не совсем. Я уже не первого такого немца добываю и порядок их действий в подобном случае знаю. Они должны солдат подвезти и лес прочесать.

— Ну, так они и подвезли. Сам же машины слышал, как по дороге шли.

— Мало их было, Гриша. Парочка всего. Сколько там солдат? Лес таким количеством не прочесать.

— Так, может, просто не было их тут больше?

— Вокруг леса не меньше полка растянута, что, так трудно два-три взвода найти?

— Так у них же там, — Горбачев показал рукой в сторону, — бой с кем-то идет. Вот не до нас и стало.

— Да? И с кем это немцы воюют? Кроме нас тут нет никого. Не Леонова же они полком гоняют по лесу? Он, может быть, и силен, но не настолько же?

— Так на полигоне, может, кто из наших засел?

— И сколько же он там сидит? Стрельба то затихнет, то снова начнется. Эти стрелки не на месте сидят... Ладно, хорош тут рассусоливать, пора и нам навстречу ребятам двигаться.

Не успели мы пройти по лесу и пары километров, как навстречу нам

выметнулся из-за кустов Игорь. Был он сильно запыхавшийся и весь взмок.

— Товарищ майор! Туда нельзя!

— Что такое? — насторожился Гальченко.

— Немцы там!

— Да неужто? А я уж было перепугался, думал, еще кого черт принес... И что они там делают?

— Сидят. На месте сидят и ждут.

— Кого же?

— Наверное, товарищ майор, нас они и караулят.

— Может, еще кого-нибудь?

— Нет. Пулеметы в нашу сторону смотрят.

— Много их?

— Видел человек восемь. Но там точно еще есть. С тыла к ним немец на лошади подъезжал, поговорил о чем-то, мешок какой-то оставил и уехал. Они из мешка хлеб достали. Потом один из них его куда-то вбок унес. Наверное, другим фрицам потащил. А я так и смекнул, что там еще не меньше взвода сидит где-то рядом.

— С чего бы это?

— Так если в мешке хлеб, то как раз примерно на взвод и осталось. Если один раз поесть.

— Значит, чуток позже им либо еще привезут, либо они с этой позиции уйдут.

— Скорее всего, уйдут. Они даже не окопались. Так, кто в ямке лежит, кто под деревом сидит.

— Форма какая?

— Обычная, полевая.

— Загонщики... Ладно, сворачиваем налево, там Марк нас должен ждать.

Группа спустилась вниз с пригорка. Тут было сыровато, впереди и чуть левее простиралось обширное болото. Под ногами захлюпала вода. Где-то тут нас должен был ждать Гаев.

Так оно и оказалось. Марк ждал нас в условленном месте. Уже по его внешнему виду стало ясно — дело плохо.

— Что там?

— Немцы.

— Много?

— Самих не видел, только следы. Судя по ним, около двух взводов. След свежий, идет вон оттуда, — Марк показал рукой в ту сторону, где сидели немцы, замеченные Игорем.

— Час от часу не легче! И куда же это они отправились?

— Идут по краю болота. Я полагаю, к холмам, там через пару километров, судя по карте, возвышенности. Вот вдоль них они и вытянут свою линию постов.

— С чего бы это вдруг?

— Если бы они хотели нас тут запереть, так никуда и идти не надо. Вытяни цепь постов вдоль их следов — и все. Мимо не пройти. Лес тут мелковат, разве что в болото нырнуть? Так мы не подводники, никуда не уплывем... А вот вдоль холмов вытянуть цепочку — самое то. Мы еще когда сюда шли, я про себя об этом думал, уж очень там место удобное для засады.

— Так... Задал ты мне задачку. Привал пять минут, сидим, думаем. У кого какие соображения есть? — майор разложил на бревне карту и жестом подозвал нас всех к ней.

— Вот, смотрите. Тут немцы точно есть, Игорь видел. Тут они, скорее всего, уже тоже сидят. Что выходит?

— Коридор, — обычно молчаливый, Мирон показал на карте его направление, — надо полагать, выходит он вот сюда, к реке. Место открытое, и избежать его не получится.

— Общий вопрос, — кивнул головою Гальченко, — почему коридор? Почему не стандартная «гребенка»?

— Живыми хотят взять, командир.

— Другие мнения есть?

Все промолчали. Других мнений ни у кого не было. Достаточно было посмотреть на карту, и все становилось ясным.

— Тогда машина что — подстава?

— Нет, командир, — отрицательно мотнул головою Мирон, — это уж вряд ли! Мы сюда вдоль болота шли, за спиной немцев обходили. Все видели, они больше пеклись, чтобы отсюда кто не вышел. Не ждали нас. Да и по дороге, перед машиной, два грузовика с фрицами проехали, как раз ей навстречу. Там движение неслабое, как на Крещатике в будний день. Это уж нам так подфартило, что во время боя ни одна собака не появилась. Непуганые на этой дороге немцы, вот и попались. Не подстава это, товарищ майор. А что до коридора этого, так тут и грамотный сержант сообразит — нет отсюда другого короткого пути. Если только вдоль болота уйти. Так там простора для маневра нет, прижмут к краю — конец. Сюда так прийти можно, пока тихо все, вот мы и пришли. А вот уходить — другим путем надо, иначе ног не унесешь.

— Так... — майор приподнялся и осмотрелся по сторонам.

Мы все молча ждали его решения. Было понятно, что еще день, максимум — два, и немцы нас тут зажмут, погонят к реке. А там уж точно организуют достойную встречу.

— Слушать всем сюда! — Гальченко стукнул кулаком по бревну. — Задача номер один — спасти документы и доставить их в центр. Ответственные за это дело — я и Барсова. Игорь!

— Я!

— Выбери на болоте один-два островка поменьше. Оборудовать там срочно ухоронки. В одну — документы и Барсову с рацией. Вторая, чуть в стороне, — моя. Ее ближе к суше расположишь, пойдут фрицы в болото, отвлеку их на себя. Авось и не дойдут до второго схрона.

— Ясно! Разрешите выполнять?

— Обожди чуток. Марк, Гриша! Имитируете прорыв в сторону реки. К реке не лезть! Обозначьте направление и сныкайтесь! Чтобы вас сам черт не отыскал! Пусть думают, куда мы все делись?

— Ясно, командир, — прогудел в усы Гриша. — Сделаем все в лучшем виде.

— Яков! Ты вместе с Игорем имитируешь отход по краю болота. Обратной дорогой, как мы сюда шли. Поэтому смотрим в оба. Возьмете с собой один портфель, у нас их все равно два. Туда бумаги засунем, какие не столь важные, документы фрицевские. Этот портфель можно бросить, если прижмут. Кровянкой его попачкайте, пусть думают, что зацепили кого-нибудь. Задание ясно?

— Так точно! — почти в унисон ответили оба.

— Мы с Маринкой пропускаем цепь немцев через себя, потом идем по их следам. Постараемся на их плечах пройти через все заставы. Места встречи назначаю вот тут и вот тут, — он указал на карте ориентиры. Что у нас сегодня за день?

— Вторник, товарищ майор, — ответила я.

— Значит, первая встреча у нас будет в пятницу. На этом месте. Следующая встреча в воскресенье, уже вот здесь. После этого пробираемся к своим самостоятельно.

Мы переглянулись. В принципе такой вариант отхода нами тоже предусматривался. На самый крайний случай. Похоже, что он как раз и наступил...

— Олег! Тебе отдельная задача. Сколько у нас мин осталось?

— Каких, командир?

— Всех.

— Противопехотных — шесть штук. Две мины-ловушки. Фугасов

могу штук пять собрать, взрывчатка еще есть...

— Хрен с ними, с фугасами. Давай все мины — в дело! Надо у фрицев прыти поубавить, да и собачек если положим, хоть парочку, так и то уже — жирный плюс. Выбери место и ставь все те мины, что у тебя есть, нечего их попусту таскать.

— Сделаю в лучшем виде, командир! Не беспокойся. Парочку тут поставлю, остальные тоже распахую так, чтобы у немцев ум за разум заехал. Пусть покумекают — зачем именно здесь мина стоит? Кого и что она прикрывает? И куда опосля сапер девался?

Да уж, что-что, а придумывать всяческие каверзы из взрывоопасных предметов Мирон был признанный мастер! Такие порой штуки на коленке собирал — у специалистов волосы дыбом вставали. На мой взгляд, он мог соорудить взрывчатку даже из содержимого нашей столовой. Его карманы были постоянно заполнены всякими проводочками, проволочками и какими-то таинственными железяками. Между пальцами он все время катал хлебный мякиш. Когда я впервые это увидела, то не могла скрыть своего удивления — зачем? Он ответил — для повышения чувствительности пальцев. Да и по части запутывания следов Олег тоже мог дать фору любому следопыту. Во всяком случае, нас он регулярно ставил в тупик своими неожиданными фокусами. Вот и сейчас, получив конкретное указание, он подхватил свой рюкзак и в темпе потопал к тропе, по которой мы сюда пришли. Ох и не завидую я тем, кто вскоре по ней пойдет...

Не теряя времени, мы принялись за оборудование ухоронок. Выкопали на берегу несколько ямок. В две из них уложили рацию и документы. Засыпали все и замаскировали. Прибежавший Олег походил мимо, недовольно покривился, кое-что поправил и быстро установил около одной из ухоронок мину. Игорь критически осмотрел его художества, но промолчал. У них с Олегом шла постоянная пикировка на тему — кто лучший специалист по маскировке следов.

Совместными усилиями мы оттащили подальше от берега парочку бревен и закрепили их на дне. После чего я и командир стали одеваться в костюмы химзащиты. Надели и противогазы, они были у каждого. Только вот фильтров не было. Вместо них у нас были запасные трубки. Свинтив их так, что вышел почти метровый хобот, я прикрепила к его концу поплавков из куска деревяшки. Все. В таком виде уже можно было лезть в болото и прятаться под водой. На тренировках мы сидели под водой по несколько часов. Неудобно, зато никому и в голову не придет искать тут диверсанта. Только вот выдохать надо аккуратнее. Поэтому к бревнам, на которых мы с

командиром должны были сидеть, были привязаны на коротких веревках пучки травы. Издали глянешь — кочка и кочка. Даже выглянуть под прикрытием псевдокочки тоже можно. А вот пузырьки от выдыхаемого воздуха в траве не видно. Мало ли в трясине пузырьков? Это не озеро и не речка, тут все время что-то булькотит. Поэтому и выбрали мы именно это место. Нормальному человеку туда лезть не хочется, вот стороной и обойдет. А мы отсидимся. И после уйдем.

Завершив все приготовления, мы с командиром полезли в болото и привязались к бревнам. Словно бы на якорь встали. На бревне сидеть удобнее, а веревка всплывать не дает, не надо еще и на это силы тратить. Сиди и дыши. Из оружия у нас были только наганы и гранаты, автоматы пришлось завернуть в прорезиненные чехлы и повесить за спину. Подчистив следы нашего пребывания и захода в воду, ребята щедро посыпали в округе антисобакином и быстро разошлись по сторонам. У них впереди еще был долгий путь. И неизвестно, кому из нас было сейчас легче...

Прошло уже несколько часов. Сидеть в болоте, пусть и подготовившись к этому, было неудобно. Вдобавок и бревно мне попало сучковатое, какие-то недообломанные сучки все время норовили проткнуть костюм. Вот и приходилось время от времени шевелиться, меняя позу.

Бух! Где-то, вне поля моего зрения, грохнул разрыв. Так... не ошибся командир, идут за нами. Ну, что же, вот сейчас и посмотрим — кто из нас лучше умеет прятаться, а кто — искать?

Прошло еще минут двадцать, и на берегу появился первый немец. Здоровенный мужик в камуфляже. Винтовка в его руках выглядела детской игрушкой. Такому бугаю только ПТР таскать. В самый раз бы подошло.

Следом за этим на берег вышли еще несколько человек. В таком же камуфляже, но уже не такие здоровенные. Стали осматриваться по сторонам. Один из них поднес к глазам бинокль, и я осторожно, стараясь не плеснуть водой, пригнула голову вниз, чтобы глазастый фриц не увидел отблеск заходящего солнца в стеклах противогазной маски.

Досчитав про себя до шестисот, я осторожно приподняла голову. Пока вода стекала со стекол маски, видимости практически не было. Наконец мне удалось рассмотреть обстановку получше. Немец с биноклем уже не стоял на берегу. Отойдя от края болота, он о чем-то разговаривал с другими фрицами, время от времени подкрепляя свои слова короткими энергичными жестами. «Старший! — подумала я. — Инструктирует своих головорезов. Интересно, нашли они следы ребят или нет? Вроде бы специально старались устроить так, чтобы их можно было найти».

Пока не было заметно, чтобы немцы что-то отыскивали. Оружие они держали наготове, внимательно оглядываясь по сторонам. Несколько человек ходили по берегу и изучали его. Вот один из них остановился, поднял руку. В ту же секунду все остальные буквально растворились в траве. «Да, эти ребята опытные. Хорошо выученные и выдрессированные». Из-за плотно прилегающей к ушам противогазной маски я почти ничего не слышала, но представляла себе, что никаких команд при этом немцы не отдавали. Значит, они постоянно видят друг друга и быстро реагируют на условные жесты. Стало быть, это специальное подразделение, предназначенное для поиска таких, как мы.

Тем временем немец, поднявший руку, присел на корточки и что-то стал делать в траве. Повозившись там несколько минут, он приподнялся и призывно махнул остальным. К нему подошел старший немец и еще двое. Видимо, это были командиры групп или еще какие-то начальники рангом поменьше. Вместе они что-то стали рассматривать в траве. Хотя какое там что-то! Мину они рассматривали! Как раз там ее и ставили. Опытные чертяки: второй раз на ловушку не поймались. Значит, сейчас они еще и ухоронки найдут. Одна из них — так вообще рядом с миной должна быть.

Так оно и оказалось. Порыскав по берегу еще минут пятнадцать, немцы отыскивали две ухоронки. Обе они были пусты. Единственная ухоронка, в которой было хоть что-то интересное, была прямо у меня под носом. Это был полузатопленный древесный ствол, в дупле которого и лежал прорезиненный мешок с документами. Но в эту сторону никто из немцев даже особо и не посматривал. Молодцы, ребята, хорошо запутали.

Тем временем немцы прекратили поиски. Старший из них повелительно махнул рукой, и две цепочки солдат потянулись в разные стороны. Они уходили по следам, которые были оставлены нашими ребятами. Хреново... Мы предполагали, что на острове они задержатся дольше. Со своего места я не видела, все ли немцы покинули его или кто-то из них еще остался здесь. В любом случае мне надо было ждать сигнала командира. Он находился ближе меня к острову и видел больше меня. Раз он молчит, то и я обожду высовываться. Прошло еще какое-то время, и на краю острова вновь обозначилось движение. Кто-то еще шел по следам немцев. Со своего места я не заметила, кто это был. Но было видно, как в паре мест качнулись ветки кустов, потревоженные проходившим человеком. Сколько я ни напрягала зрение, чтобы увидеть подходившего или подходивших, мне так и не удалось это сделать.

Прошло еще несколько минут, и вдруг я заметила прямо у самой кромки болота неподвижно сидящего на корточках человека. Когда и как он

там оказался, я так и не успела рассмотреть. И если бы не отблеск последних лучей солнца, сверкнувших на стволе пулемета, который он держал в руках, то я бы еще долго его не увидела. Некоторое время он сидел неподвижно, только голова его медленно поворачивалась из стороны в сторону. Потом каким-то смазанным скользящим движением он переместился вбок и снова присел, на этот раз опершись на колено. В этой позе он продолжал прислушиваться и осматриваться. Видимо, услышав какой-то подозрительный звук, он сместился вбок, вскидывая оружие. Где-то я уже видела этот жест, эту манеру движения. Короткие точные шаги. Что-то очень знакомое было в его манере передвигаться. Это точно не был кто-то из наших. Со своего места я не могла рассмотреть его лицо, но было видно, что этому человеку на первый взгляд около сорока лет. Среди наших ребят людей такого возраста не было. Почему-то вдруг мне захотелось вылезти из своего тайника и подойти к нему. Я даже шевельнулась, приподнимаясь. Чуть слышно булькнула вода. Как бы ни был тих этот звук, но человек на берегу услышал его. Не поднимаясь на ноги, он кувырком скатился вбок, исчезнув из моего поля зрения, и только черный пулеметный ствол, глядевший в мою сторону из густой травы, показывал мне, что он еще здесь. Я замерла на месте.

И в самом деле, откуда ему знать, кто тут сидит в болоте? Вот вылезет из-под воды этакое чудище, облепленное травой и с очками вместо глаз, — тут у кого угодно нервы сдадут. Шарахнет сгоряча из пулемета — и привет! Я постаралась больше не шевелиться. Спустил какое-то время пулеметный ствол исчез в траве. Я подождала еще немного, но неизвестный больше не появился.

Прошло еще около получаса, и до моих ушей донесся лязг. Это был обусловленный сигнал — командир постучал под водой револьвером обо что-то металлическое. На воздухе этот сигнал не был слышен совсем, а под водой расходился достаточно далеко. Даже противогаз не мешал его уловить.

Услышав сигнал, я пощелкала револьверным стволом о металлическую пряжку. Ответный сигнал. Еще два щелчка — можно выходить. Развязав веревку, я приподнялась над водой и осторожно двинулась в сторону берега. Затекшие ноги плохо меня слушались, и пару раз я чуть было не навернулась в трясины. Вот и дерево с тайником. Достав из него мешок с документами и радиостанцией, я осторожно вышла на берег.

Командир был уже здесь, без противогаса и костюма.

— Давай! — протянул он руку за мешком. — В темпе раздевайся. Пора

отсюда уходить.

— Вы видели? На берегу! Кто это здесь ходил?

— Видел. И эта парочка мне явно не понравилась.

— Парочка?

— Да, их было двое. Первый, с пулеметом, — дядька лет сорока или даже больше. А второй — здоровенный детина с винтовкой.

— Мне показалось, что это один человек.

— Я ближе к берегу был, сумел их рассмотреть. Это точно два разных человека. Непонятно, что они здесь делают и куда идут. Самое интересное, что они оба одеты в нашу форму. Учитывая то, что до фронта еще топтать и топтать, это вдвойне удивительно. Да и что делать здесь окруженцам? Немцев полно, деревень нет, укрыться негде, есть нечего. Непонятно мне все это. А от таких непоняток лучше держаться подальше.

— А это не мог быть тот, кого мы ищем — Леонов?

— Ищем-то мы одного. А кто второй?

— Ну... Мало ли...

— То-то и оно, что мало ли. У нас с тобой уже добыча есть, и к своим принести ее нужно. Тем более что на это есть прямой приказ командования. Да и как ты себе представляешь наше с этими ребятами знакомство? Вылез тут из болота водяной и говорит: «Здорово, ребята! Я свой!» Как ты думаешь, что нормальный человек сделает, когда такое чудище из воды высунется?

— Если без оружия — убежит. А вот с оружием... Тут трудно сказать.

— Стрельнет он с перепугу. Попадет или нет — другой вопрос, но шум на весь лес поднимет. А немцам до нас полчаса ходу, не забыла?

— Нет.

— То-то же. Немцы, сволочи, по обоим следам пошли. Значит, нам с тобой свой путь искать. Куда эта парочка смоталась, я так и не разглядел. Но шанс нарваться на них у нас есть. Это немцы только вперед смотрят. У себя они, на своей территории. Нет у них необходимости оглядываться. Они знают, что мы впереди. А вот эти двое... Они по всем сторонам смотреть должны. Шансов встретить тут своих у них нет. Так что стрелять будут не раздумывая. Про немцев-то они не знают. Лес глухой, выстрелов не слышно. Так что не хотелось бы мне от своих пулю словить.

— Так может, не так все и плохо? Если они по следам ушли, откуда им знать, что следы немецкие? А вдруг это партизаны прошли или еще кто. Может, не будут они так уж сразу стрелять?

— Может, и не будут. Но уверенности в этом у меня нет. А рисковать я не хочу. Точку встречи мы знаем — вот и пойдем к ней своим путем.

— Как скажете, товарищ майор. Пойдем своим путем.

Быстро распределив груз, мы прикинули по карте направление движения и зашагали по лесу. За моей спиной остался островок, на котором я увидела неизвестного. Мы уходили от острова, и меня не покидала мысль, что я делаю что-то неправильное. Мне хотелось вернуться. Зачем-то это было нужно. Только я никак не могла понять — зачем?

Отойдя на пару километров, мы сделали небольшой привал. Пока командир сверялся с картой, я продолжала думать над мучившей меня темой. В конце концов я не выдержала и рассказала обо всем майору. Против моего ожидания, он отнесся к этому серьезно.

— Видишь ли, Котенок... Ты напрасно сомневаешься относительно своих предчувствий. Будет ли тебе легче, если я скажу, что и сам чувствовал что-то непонятное?

— Вы?

— Да, я. Как ты, наверное, уже успела заметить, все ребята в нашем подразделении не совсем, как бы это можно выразиться... обычные, что ли... Скажем так — не рядовые.

— Да, я это заметила.

— Тогда ты наверняка заметила и то, что тебе с ними работать гораздо проще, чем с кем-либо другим. Понимать друг друга проще, чувствовать, как человек себя поведет в следующий момент.

— Да, это действительно так. Иногда даже говорить ничего не надо, все без слов понятно.

— Вот именно, Котенок, вот именно. Люди с необычными способностями инстинктивно чувствуют друг друга.

— То есть вы хотите сказать, что и там, на острове, был кто-то такой... необычный?

— Да, такой человек там был.

— Один?

— Не уверен... Когда проходил первый, у меня было такое чувство, что я где-то встречался с этим человеком. Что-то знакомое было в его манере движения. Я уже где-то видел эту походку. Но где? Вот что, Котенок... Ну-ка, пройдишь взад-вперед, повернись.

Я прошла до края поляны, развернулась, шагнула вбок, присела, вскинула автомат.

— Ну... Что-то есть похожее, есть. Только вот тогда другая неясность получается. Это ты умела делать еще до прихода к нам. Конечно, и мы тебя научили многому, но базовые знания — они всегда видны.

— И что из этого получается?

— Фигня получается, Котенок! Получается, что тот дядька с пулеметом занимался у такого же учителя, как и ты. Ведь у вас же никого третьего не было?

— Не было.

— И окруженцев твой дядя Саша ничему не учил, это я точно знаю. Могли они, конечно, подсмотреть у него некоторые вещи, но этого мало. Да и не было у них там никого в таком возрасте. И каким, скажи на милость, рожном их занесло бы в наши края?

— Но это вряд ли. Я их всех рассмотреть успела. Узнала бы.

— Вот и я о том говорю. Не стыкуется что-то. Да и вообще, странное какое-то у них поведение было на острове.

— В чем странное?

— Пулеметчик четко шел по немецкому следу. Отпечатки ног на земле искал. Ветки трогал. Цель у него была.

— Какая?

— А он на немецком горбу хотел сквозь оцепление пройти, так же, как и мы.

— А второй?

— Вот с ним и непонятно. Под ноги он не смотрел, лес не слушал. Он как собака шел — верхним чутьем.

— Принюхивался, что ли?

— Нет. Такое впечатление, что он больше на слух шел. Слышал он этого первого, пулеметчика.

— То есть как слышал? Между ними расстояние приличное было!

— А черт его знает. Я же рядом с ним не стоял. Чего он там слышал и видел, сказать не могу. Только впечатление у меня такое сложилось. Если пулеметчик шел по следу немцев, то этот, второй, шел по следу пулеметчика. То есть они, Котенок, шли порознь! Не думаю я, что пулеметчик вообще этого второго видел, разрыв между ними все-таки немаленький был. Почему второй из них так себя вел, да и кто вообще эти люди... тут я ничего сказать не могу. Может быть, это наши — те, что с полигона немецкого ушли. А вдруг они в этих лесах еще с момента нашего отступления сидят? Только зачем им тогда немцев преследовать? Искать приключений на собственную задницу? Нелогично как-то получается...

— Так может... Догоним их? Все равно они сзади немцев идут. Навряд ли на рожон-то полезут. Не совсем же они очумелые?

— Думал я об этом. Не можем мы задание под удар ставить. Могу я, конечно, тебе документы отдать, только где гарантия, что ты даже до места встречи дойдешь? А если и там ребят не будет? Что тогда?

- Дойду я. Вы не сомневайтесь. И из худшей переделки вылезла.
- Не сама, помогли тебе. Второго такого случая в жизни не будет.
- А...

Где-то далеко, примерно в том направлении, куда ушли немцы и таинственные незнакомцы в нашей форме, ударил взрыв. Сразу после него защелкали еле слышные на таком расстоянии выстрелы. Протрещал пулемет. Замолк. Снова захлопали выстрелы. Так продолжалось несколько минут, потом все стихло. Мы продолжали слушать. Прошло еще минут десять. Снова ударил пулемет. Длинной, почти на целую ленту, очередью. Вразнобой посыпались винтовочные выстрелы. Гулко рванула граната, и опять все стихло. Мы подождали еще, но больше ничего не происходило.

— Вот и все, Котенок. Вот и конец нашим сомнениям и догадкам. Похоже, что вышли наши незнакомцы на немцев. Или немцы на наших ребят.

Я призадумалась. Пулемета у наших ребят не было. Одна винтовка и один автомат. Были ли пулеметы у немцев? Я не видела, но скорее всего да.

— Товарищ майор! А сколько немцев туда ушло?

— Около двух десятков.

— Пулеметы у них были?

— Правильно мыслишь, Котенок. Были у них пулеметы. Два. Даже один миномет с собой несли. Если они такой кучей хоть на наших, хоть на этих навалятся, больше двух минут не выстоять. Да ты и сама все слышала. Ладно, пора нам сниматься. Не ровен час, те фрицы, что где-то перед нами топают, проверить захотят, что у них там в тылу бабахает. Нам такая встреча ни к чему. Так что пойдем отсюда, и чем скорее, тем лучше.

ГЛАВА 9

Радиопереговоры

— На связи Третий, вызываю Первого.

— У аппарата Первый. Слушаю вас.

— Докладываю вам, что в квадрате номер восемь обнаружены следы противника. Как я и предполагал, группа разделилась и двумя разными путями уходит из района поисков.

— Удалось установить их численность?

— Да, удалось. Численность группы не более шести человек. Более точно сказать пока не могу.

— В каком направлении уходят группы?

— В направлении квадрата двадцать три и квадрата четырнадцать. Мною уже отданы приказание подразделениям в данном направлении. Они приготовят им соответствующую встречу.

— Это все новости?

— Нет. Противник имеет в составе группы хорошо подготовленных саперов. На путях отхода обнаружены замаскированные минные ловушки. Это снижает скорость нашего передвижения.

— Не упустите их. С каким-то количеством потерь мы могли бы и смириться.

— Я уже потерял убитыми одного солдата и двух служебных собак. Трое солдат ранены. Мы сняли одну мину. Рядом с ней обнаружены замаскированные тайники. По-видимому, противник хранил в них какое-то снаряжение. Тайники свежие, не более двух-трех дней.

— Ваши выводы?

— Мы плотно сели им на хвост. По моим прикидкам, завтра к вечеру мы их догоним.

— Удачи вам. Докладывайте каждый час.

— Спасибо. Конец связи.

— Конец связи.

Однако же немцы мне попались неслабые. Вот уже сколько времени я иду по их следам, а им хоть бы хны! Всего один раз небольшой привал сделали там, где у них кто-то подорвался, да и то на время поиска других мин, а так всю дорогу перли как оглашенные. Более или менее продолжительная остановка у них была только на острове. Там они,

похоже, рыли землю тщательно, во всяком случае пару раскопанных ими тайников я нашел. Ничего полезного там не обнаружилось, так что можно уже было уходить. Как вдруг... Я даже не берусь это описать. Что-то булькнуло в болоте, и я автоматически развернулся в ту сторону. Глаза уже отыскивали расходящиеся по воде круги. Вот и источник этого всплеска — небольшая кочка. Уже приготовившись выпустить туда пяток пуль, я вдруг задержался... Что-то словно бы толкнуло меня под руку — не стреляй! Странно, такого чувства раньше у меня не возникало. До рези в глазах вглядывался я в кочку. Показалось, или она стала меньше? Лезть в болото и проверить? А за каким, простите, рожном? Потом еще брюки и сапоги сушить? Они у меня и так не слишком сухие, чай не по асфальту иду, топи вокруг. Нет, не полезу я туда. Да и булькотеть там уже перестало.

На острове немцы разделились на две группы и разошлись в разные стороны. Вот ведь незадача! Куда идти-то? Понятно, что сами они прут по следам наших партизан, с кем-то же они ведь перестреливались там недавно? Отзвуки этой стрельбы я слышал, уходя от полигона. Оттого и свернул в эту сторону. Я здраво рассудил — ежели кто-то насыпал фрицам соли на хвост, так они это просто так не оставят. И пустят по их следам поисковую группу. Раз уж тут такой секретный объект, то просто так нападавшим уйти не дадут. Вот и надо на плечах поисковой группы выйти за линию оцепления. А то пройдет пара дней, немцы успокоятся да и восстановят оцепление. Со всей присущей им точностью и педантичностью. И хрена лысого я уже тогда прорвусь... Пробегав денек, я отыскал следы этой самой поисковой группы. Было их весьма нехило, уж точно не меньше взвода. Так что бодаться с этой командой в открытую мне не хотелось. Да и отбирали в такую группу уж наверняка не доходяг. Лучше уж пускай они себе топают куда хотят, а я тихонечко следом пойду. Эх, не сообразил я форму с какого-нибудь покойника позаимствовать! Глядишь, и сошел бы за своего. Ну, хоть на первых порах. Паролей-то я не знаю, а они наверняка у них оговорены.

Ладно, это все лирика. А вот за кем мне сейчас идти? Так, прикинем, сколько немцев и куда ушло? Собачки, интересно, у них остались еще? Двух, подорвавшихся на mine, я видел. А кроме этих, еще есть? Следов на острове я не обнаружил. Но это еще ни о чем не говорило. Немцы тут натоптали неслабо, так что я их мог просто не заметить. У левого следа я обнаружил на песке отпечаток прямоугольной формы. Предмет, судя по глубине отпечатка, был приличного веса. Что бы это могло быть? Рация? Отпадает, она меньше по размеру и не так тяжела. Память услужливо подкинула мне картинку давнего боя с поисковой группой немцев в

заснеженном лесу. Миномет! Вот что это за коробка... Точно, фрицевский пятидесятимиллиметровый миномет в таком вот коробе и переносят. Ага... Значит, пойдут не быстро, минометчиков одних не оставят. Тогда и я за ними потопаю, авось да не убегут они слишком уж далеко...

Утопали фрицы, однако, на достаточно приличное расстояние, сразу догнать их я не сумел. Да и перли они как заведенные, мне трудновато было за ними поспевать. Кроме того, приходилось посматривать по сторонам. Уж кем-кем, а лопухами немцы точно не были, и, значит, боевое охранение у них обязательно имелось. Вот и посматривал я по сторонам настороженно, стремясь первым увидеть дозорного фрица. В какой-то момент я выдохся и присел передохнуть. Дабы не торчать совсем уж на виду, я отошел в сторонку от протоптанной немцами тропинки и спустился в небольшую ложбинку. В ложбинке протекал маленький ручеек, из которого я с удовольствием напился. Присев на корягу, я заодно перемотал портянки. Осмотрел пулемет, передвинул поближе кобуру с пистолетом. И совсем уже собрался было вылезать назад, как вдруг какой-то посторонний звук заставил меня насторожиться. Я присел на корточки, пытаюсь понять природу этого звука. Он был где-то на границе моего восприятия. Что это было? Лязг? Стук? Непонятно. Отложив в сторону МГ-42, я осторожно вытащил пистолет. Палить из пулемета в тылу немцев было бы явным самоубийством. Я бы и передохнуть не успел, как по мою душу моментом нарисовался бы десяток-другой заинтересованных «охотников». Приподняв голову над краем ложбины, я прислушался. Звук более не повторялся. Однако чуткое ухо мое расслышало шаги. Шел явно один человек. И человек этот не прятался. Пер вперед, как лось в брачный период. Время от времени он останавливался. По-видимому, прислушивался или оглядывался. Не найдя для себя ничего подозрительного, он снова возобновлял движение. Вот качнулись ветки кустов, зашелестела трава. Он прошел мимо, так и не показавшись из кустов, и вскоре шаги его затихли где-то впереди. Молодой, однако. Здоровый, видать. Вон как по лесу прет. Мне б его годы. Не иначе как вдогонку к основной группе двигался связной. Странно, неужели у немцев нет радиостанции? Или, может быть, он несет такие сведения, которые нецелесообразно доверять радио? Поразмыслив, я отказался от этой версии. Немцы у себя в тылу, кого им тут бояться? Скорее всего, он несет что-то нужное и важное. Вот это уже больше похоже на истину. А раз так, то он должен знать пароль для встречи. Во всяком случае охранение его сразу не завалит. Окликнут как минимум. Вот тут и я их засеку. Значит — что? Значит, пойдём следом. Выпустим перед собой, так сказать, тральщика. Пусть он мне дорогу

расчищает.

Приняв это решение, я подобрал пулемет и осторожно двинулся за шумным гостем. Какое-то время он продолжал бодро переть вперед, потом несколько сбавил темп. Устал, поди. Правильно, нельзя же всю дорогу переть, как лось, напрямик. Связной тем временем остановился, потоптался на месте и вдруг зашагал в мою сторону. Вот еще здрасьте! На фиг ты мне сейчас нужен со своим визитом! Быстро отскочив в сторону, я по колено залез в болото и присел в густой траве так, что меня невозможно было увидеть иначе как в упор. Не доходя метров пятнадцати, связной остановился и снова принялся топтаться на месте. Он что, тут до ночи стоять собирается? Того и гляди темнеть начнет. Что ж я немцев по темноте искать буду? Хотя... На безрыбье и рак... Осторожно переложив пулемет в левую руку, я потянул из кобуры пистолет. Раз нет возможности догнать основную группу, посмотрим, что там у связного с собой. Осторожно приподнявшись над травой, я повел стволом. Ну и где ты, друг любезный? Давай уж, вылезай из кустов! Связной остановился на месте и не двигался.

Бу-бух! Гулко ударил совсем неподалеку взрыв, и практически одновременно с ним захлопали выстрелы. Связной резко развернулся на месте и двинулся в ту сторону.

Опа! А вот и немцы отыскались. И совсем недалеко. Я-то полагал, что они уже успели от меня прилично оторваться. А они, оказывается, совсем рядом. Перехватив поудобнее пулемет, я двинулся следом за связным. Выстрелы продолжали грохотать. Теперь к ним прибавился еще и пулемет. Пройдя по лесу еще около трехсот метров, я вышел на опушку. Здесь тропинка поднималась на вершину небольшого холмика, затем резко спускаясь вниз. Взяв левее, я рванул на вершину холма. Еще около ста шагов, и я мог рассмотреть происходящее во всей красе. Тропка здесь шла между двумя небольшими озерцами, и ширина перешейка не превышала нескольких метров. Примерно посередине перешейка я разглядел воронку, по-видимому от взрыва мины. Рядом с ней неподвижно лежали трое немцев в пятнистой камуфляжной форме. Около одного из них на земле валялась прямоугольная металлическая коробка — миномет. Впереди по ходу следования я увидел еще двоих, также недвижимых. Не доходя до перешейка, по поляне было разбросано еще несколько тел. Примерная картина засады стала мне ясна. Партизаны заминировали перешеек в самом его узком месте. Весьма удачно: взрывом положило сразу троих. Рванувшиеся вперед после взрыва немцы были встречены огнем в упор. Их тела и валялись недалеко от воронки. Оставшиеся в живых немцы залегли и открыли огонь по засаде. И тут по ним в спину ударил еще один стрелок.

Ударил хорошо, положил почти половину группы. Но и сам далеко не ушел. Уцелевшие фрицы охватили его позицию полудугой и активно осыпали пулями. На первый взгляд я насчитал человек семь. Ну что ж пора и мне сказать свое веское слово. Вскинув пулемет, я примостил его поудобнее на упавшем дереве. Расправил обернутую вокруг ствола ленту и уложил ее получше.

Длинной очередью я положил сразу четверых. Один из оставшихся резко крутанулся на месте, упал, перекатился, и вокруг меня посыпались листья и ветки, сбитые его пулями. Его поддержало сразу четыре-пять стволов, причем два из них оказались где-то совсем недалеко от меня. А вот это плохо. Значит, я заметил не всех. Стало быть, пора отсюда ноги делать: позиционная война никаких выгод мне не сулила. Партизан молчал. То ли тяжело ранен, то ли убит. В моем положении без разницы, помощи мне от него не дожидаться. Низко прижавшись к земле, я двинулся в сторону. Зашелестели ветки, и где-то недалеко от меня бабахнула граната. Неудачно, осколки прошли в стороне. Хотя удача — понятие относительное. Кому-то все-таки досталось, поскольку недалеко от меня кто-то громко вскрикнул. Ага, значит, кому-то из своих прилетело. Как выяснилось, я немного поторопился с выводами. Поскольку со стороны раненого затрещали выстрелы, причем пули шли явно не в мою сторону. Это еще кто там такой оказался? Что за неожиданный помощник? Упускать такую возможность явно не следовало, благо что немцы перенесли огонь на него. Кубарем скатившись вниз метров на десять, я вскочил на ноги, чтобы лицом к лицу столкнуться со здоровенным, облепленным тиной немцем. Встреча эта оказалась одинаково неожиданной для нас обоих. Мой оппонент оказался, как и я, пулеметчиком. Пулемет у него висел на крепкой шее, в руках он держал коробки с лентами и спешил вверх, надо полагать, чтобы занять господствующую позицию. Правильно, начал по ним один кто-то стрелять, потом еще и другой вылез. А откуда они могли прийти? Из леса, откуда ж еще? Вот он и бежал на край холма, дабы прочих незваных гостей поприветствовать, буде таковые окажутся. Увидев меня, он слегка сбавил шаг, бросил на землю коробки с лентами и начал приподнимать свое оружие. Не останавливаясь, я рывком преодолел разделявшую нас пару метров и, обходя немца по дуге справа, со всей дури засветил ему прикладом пулемета в висок. Он пошатнулся. И тогда, крутнувшись на месте, пулеметным стволом я от всей души дал ему по каске уже с другой стороны. Надо сказать, что по своему весу МГ-42 мало чем уступает хорошему лому. А по удобству удержания и переноски — так еще и

превосходит. О чем немец и позабыл. Напрасно. Ибо убедился он в этом самым наглядным образом. Сбитая каска запрыгала по песку, а пулеметчик всем своим немаленьким весом грохнулся навзничь. Минус раз. Оглядев пулемет, не помялось ли там чего, я мысленно поблагодарил немецких оружейников. Еще несколько шагов вперед, и я увидел фланг наступающих немцев. Осталось их человек шесть. Увлеченно стреляющих вверх по невидимой мне цели. Впрочем, уже пять, ибо один из них на моих глазах выронил автомат и ткнулся носом в окопу. Даже четыре, поскольку с головы еще одного слетела каска, и он с размаху полетел вперед. А вот это уже интересно! Выстрел-то пришел со стороны позиции партизана. Значит, жив курилка! И стрелок неплохой! От его позиции до немцев метров сто будет. Впрочем, пора вмешиваться и мне. Упав на землю, я врезал из пулемета во фланг наступающей цепи. Последнее звено ленты упало на землю, и наступила тишина. Все, сотня патронов долой. Бросив пустой пулемет, я выхватил оба пистолета и рванул вверх по склону. Один из недобитых немцев еще вертелся на земле, подтаскивая к себе автомат. Левый пистолет тихонько хлопнул, и фрица откинуло назад. Готов... Еще кто-то есть? Пока не вижу. Оглядев поле боя, я прислушался. Тихо. Судя по всему, тот неизвестный, которого зацепило гранатой, тоже мертв. Иначе бы он хоть как-то себя обозначил. Я быстро осмотрел лежащих немцев. Живых не оказалось. У одного из немцев я позаимствовал пистолет. Шикарная машинка. Польский «ВИС-35». Даже и с приставной кобурой. Пистолет я этот знал хорошо и был очень рад, получив его тут. Надев на себя кобуру, я убрал парабеллум, заменив его новым приобретением. Сбегал к убитому пулеметчику и разжился там патронами, содрал с его пулемета кругляш с лентой. Удобно, хоть висеть сбоку не будет, как раньше. Перезарядил оружие, и взяв свой МГ-42 на изготовку, я направился в сторону позиции партизана.

Подойдя чуть ближе к месту предполагаемой лежки стрелка, я окликнул: «Эй, ты там живой?!»

Ответа не последовало. Наклонившись, я раздвинул руками посеченные пулями ветки.

Откинувшись назад и опершись спиной на поваленное бревно, полусидел-полулежал человек в маскхалате. На коленях у него лежала СВТ с оптическим прицелом. Маскхалат на груди был весь изодран пулями. Сквозь наспех намотанные бинты выступала кровь. Она же пузырилась и на губах. Да, это уж точно не партизан, они в таком обличье в это время не ходили. Стоило мне приблизиться, он приоткрыл глаза.

— Жив?! — я опустил на колени возле него.

— С трудом...

— Откуда вы тут? Это за вами немцы шли?

— За нами. А ты кто?

— Свои. Подполковник Леонов.

— Александр Павлович?

— Опаньки... А ты-то меня откуда знаешь?

— Знаю. Мы за вами шли. Вас примерно так и описывали. Только не сказали, что вы подполковник, сказали — старшина.

— Ни хрена себе пельмень... Откуда это вдруг?

— Долго говорить. А у меня время в обрез.

— Не торопись и не гони. Сейчас я тебя перевяжу, так что...

— Поздно. Большого толку с этого не будет. Кровь я остановил, а остальное... Тут госпиталь нужен, да где его взять? Меня пулеметчик ихний на перебежке подловил. Так и переполосовал от бока до бока. Опытный, чертяка, я только приподнялся, а он уж в мою сторону и повернулся. Не успел я...

— Отбегался этот стрелок. Вон, у подножия холма валяется.

— Это вы его?

— А кто ж еще?

— Спасибо...

— Не за что. Он и в мою сторону, чай, не с пирогами направлялся.

— Все равно. Хоть не так обидно помирать будет.

— Ну, это ты не торопись.

— Я знаю, что говорю. Запоминайте, Александр Павлович. Вас ищут. Наша разведгруппа направлена именно за вами.

— Кем?

— Не знаю. Приказ пришел, мы и вылетели. Карта у вас есть? А то свою я сжег, когда меня зацепило. Оттого и не стрелял сразу, как вы начали.

— Есть. Вот смотри.

— Здесь, — палец его ткнул в точку на карте. — И вот тут. В пятницу и в воскресенье тут будут наши ребята ждать. Выходите к ним, вас переправят за линию фронта.

— Кому я там нужен, не знаешь?

— Не знаю. Идите туда. Обидно будет, если не дойдете, выходит, мы зазря тут легли.

— Вы?

— Там на другой стороне перешейка напарник мой должен быть. Его немцы сразу огнем задавили.

— Я схожу, посмотрю.

— Хорошо. Там портфель лежать должен, не трогайте его.
— Почему?
— Так надо.
— Хорошо. Не буду, раз надо.
— Уходить вам пора. Немцы скоро хватятся своих солдат, придут сюда.

— Как тебя звать-то?
— Снайпер я. Ребятам скажете, они знают. Винтовку возьмите, она бьет хорошо, не хочу ее немцам оставлять. Наган у меня в вещмешке лежит, с глушителем. Тоже заберите, пригодится вам. Там и еще кое-что полезное отыщите.

— А ты?
Вместо ответа он слегка повернул левую руку. Под ней лежала граната с привязанной к ней тротиловой шашкой.

— Чеку я вынул. Или сам фрицев дождусь, или уже они...
— Вот оно как... Выпить хочешь? У меня есть чуток.
— Давайте.
Я положил на землю пулемет, скинул ранец и вытащил из него флягу с водкой, реквизированную мною у немцев на наблюдательном пункте.

— Держи.
Снайпер глотнул несколько раз и протянул флягу назад.
— Спасибо. Хватит, а то опьянею, шевельнусь раньше времени...
— Хорошо. Ну, бывай, земля. Пойду я, друга твоего гляну.
— Прощайте, Александр Павлович. Удачи вам.
— И тебе тоже.

Подобрав винтовку, я убрал наган и патроны и прочий хабар в ранец. Снайперку повесил за спину, поднял пулемет и зашагал к перешейку. По пути быстро осмотрел побитых немцев и разжился некоторым количеством продовольствия и гранатами. Пулеметных патронов у меня уже хватало — два кругляша и две снаряженные ленты, так что потрошить мешок второго номера, который валялся около перешейка, я не стал. Запасной ствол ни к чему, мне же не позиционную войну вести?

ГЛАВА 10

Уже подходя к перешейку, я услышал какой-то треск. Это еще кто там такой ворочается? Звук шел не со стороны перешейка, а оттуда, откуда стрелял из кустов мой недавний помощник. Значит, жив еще? Или там еще кто-то есть?

Стволom пулемета я раздвинул кустарник. Точно, есть. И вполне себе живой. На земле сидел здоровенный парень в нашей форме и оторванным рукавом гимнастерки перетягивал себе правую руку. Получалось это у него не очень удачно, и он морщился, видимо от боли.

— Наше вам! Так ты живой? А снайпер сказал, что ты там, — я кивнул головой в сторону перешейка. — Лежать должен. Он был уверен, что и тебя тоже... того...

Парень замер. Поднял голову и посмотрел на меня. Обвел глазами по сторонам, внимательно разглядывая лес.

— Нет. — Голос его был каким-то хриплым и надтреснутым. — Я здесь. И я живой, только ранен.

— Представляться мне надо? Или и ты тоже знаешь, кто я такой и что со мной надо делать?

— Знаю. Доставить вас к руководству. Живым.

— Ага. Ну, значит, нужда в дальнейшем расшаркивании отменяется. Только как ты это делать собираешься? Идти можешь?

— Не могу идти. Если только очень тихо. Не могу стрелять. Нужен отдых, тогда мне будет легче.

— Отдых ему нужен! Врач тебе нужен!

— Врача тут нет.

— Ты знаешь, я как-то это тоже усек. Ну, раз нет врача, то, может, и я сгожусь? Давай, показывай, что там у тебя?

Попятнало парня основательно. Осколками гранаты ему изодрало всю левую ногу. Правая рука была прострелена навывлет, хорошо, что хоть кость осталась цела. Пришлось сбегать к убитым немцам и пополнить запас бинтов — моих, взятых в том же источнике снабжения чуть раньше, не хватило. Закончив перевязку, я отступил в сторону и критически осмотрел результаты своей работы. Египетскую мумию он уже напоминал. Во всяком случае — по количеству намотанных на конечности бинтов.

— Да... Не Версаль, но лучше не могу, уж извини!

— Достаточно, — прохрипел он. — Так уже лучше, главное —

остановить кровь.

— Ты чего так говоришь? Что у тебя с голосом?

— Пуля попала в винтовку, и она ударила меня по шее.

Он кивком головы показал на лежащую в траве трехлинейку. Ложё у нее было расщеплено пулями, ствольная коробка покорежена.

— Охреносовать! Тебе, парень, повезло! Могло и башку напрочь снести! Кстати, зовут-то тебя как? Или тоже, как его, — кивнул я головой в сторону лежки снайпера, — по должности называть?

— Артур. Меня зовут Артур.

— Надеюсь, не король?

— Что?

— Не обращай внимания, это я так, к слову пришлось. Был у англичан такой известный персонаж. Про него и книги писали, и кино снимали сколько раз.

— Нет, — мотнул головой Артур, — не слышал про такого. И кино такое не видел.

— Ну это и неудивительно. Большинство этих фильмов и не сняли даже. Ладно, не обращай внимания. Это все лирика. Нам сейчас ноги уносить надо. Куда идти, соображаешь?

— Прежде всего отсюда уйти необходимо. Командир поисковой группы после того, как она не вышла на связь, обязательно пришлет сюда людей. Их будет много, и они не будут ни с кем разговаривать, сразу начнут стрелять. Особенно после того, как увидят своих погибших товарищей.

— Понятно. Отсюда-то мы уйдем, вопрос — куда? Я тебя про направление движения спрашиваю, а не про последовательность действий.

— Я не могу далеко уйти. Поэтому обсуждать дальнейшее направление движения сейчас бесполезно. Надо отойти и где-то спрятаться. Пусть уйдут солдаты. За это время я смогу отдохнуть и восстановить силы. Тогда и будем думать, куда идти.

— Хорошо, принимается. А идти-то ты сможешь? Да и одеть тебя надо. В одних брюках по лесу долго не набегает. Где твой хабар?

— Что?

— Вещи где?

— Вон там, — Артур махнул здоровой рукой, — лежит вещмешок. Где-то рядом плащ-палатка. Еще что-то где-то валяется, сейчас даже не скажу где. Если вам не трудно, снимите с кого-нибудь из убитых куртку. Мне будет достаточно. Я могу идти, только очень недолго. У меня в мешке есть лекарство. Это поможет терпеть боль.

— Хорошо, найду твой мешок. Куртку тоже подберем. Фрицы все

здоровенные, что-нибудь на тебя точно подойдет. Давай полежи тут немножко, а я в темпе пробегусь.

Я спустился с холма. По пути содрал с одного из немцев более-менее целую куртку. Пару пулевых пробоин и кровавое пятно на спине можно было не считать. Пробежавшись в указанном направлении, я отыскал брошенный Артуром вещмешок и плащ-палатку. Обычный солдатский сидор. Достаточно увесистый. На ощупь в нем обнаружили консервы, патронные пачки и еще какая-то неопознанная мною мелочовка. Нагрузившись всем этим добром, я поднялся назад. Найденыш мой переместился к краю холма, откуда мог видеть все мои действия. Времени он даром не терял. И здоровенным ножиком уже строгал себе крепкий костыль.

— Ты, как я посмотрю, не сачкуешь тут. На вот, держи. Мешок твой и куртка. Примерь. Я вроде по росту подбирал.

Молча кивнув головой, он напялил куртку. Вышло почти впору. После этого он раскрыл горловину мешка и начал там рыться. Достал какую-то картонную коробочку. Раскрыл и все ее содержимое высыпал в рот. Крякнул, лицо его покраснело. Вынув из мешка флягу с водой, осушил одним духом. Облегченно вздохнул и откинулся на спину.

— Полегчало?

— Да. Еще десять минут. Мне нужно оружие. Моя винтовка сломана и не стреляет.

— Костыль тебе нужен, а не винтовка. Оружия у меня на двоих хватит. Еще и мешок твой тащить. Себя для начала унеси.

— Я не могу без оружия. У меня ранена рука, и врукопашную драться не получится.

— Не до драки нам сейчас. Подождем твои десять минут. Я пока по округе пошарю.

Сбежав к месту недавнего боя, я оставил там парочку неприятных сюрпризов для преследователей. Было искушение заглянуть к снайперу, обрадовать его новостью о том, что его напарник жив. Поразмыслив, я решил этого не делать. Бог весть, в каком он сейчас состоянии. Еще примет меня за приближающегося немца — и хорош! Так вместе и похоронят.

Когда я вернулся назад, Артур уже спускался с холма. Однако! Крепкий парень, нечего сказать. Не знаю, чего он там наелся, но действовало это лекарство с эффективностью лома. Во всяком случае, он уже не кривился при каждом движении. Внешне он выглядел весьма своеобразно. Красноармейские брюки в сочетании с немецкой

камуфлированной курткой — сразу и не поймешь, кто такой. Костыль он приладил себе под здоровое плечо, подвязав его веревкой, чтобы не уронить. Куда он дел свой здоровенный ножик, оставалось загадкой. Снаружи его видно не было. Вопрос сей немало меня заинтриговал.

— Артур, а нож-то где? Не забыл?

Он остановился и несколько секунд молчал.

— Нет, он сзади висит. Под курткой на спине.

— А как же ты сидор тащил? Неудобно ведь так.

— Но сейчас я его не несу.

— Хм... А ведь и верно! Как нога?

— Болит, но уже не так сильно. Лекарство помогло.

— Ты аккуратнее смотри! То, что боль не такая сильная — это не значит, что рана зажила. Ну, да ладно. Нам тут не особо далеко топать.

Топать действительно было не очень далеко. От места столкновения мы ушли меньше чем на километр. При этом забрались в самую разнеприятнейшую трясику. Мне пришлось побегать, как вьючному ишаку. Сначала я разведаль нужное место и сбросил там часть барахла, потом пришлось тащить Артура. Со своей ногой он там просто бы не прошел. Потом пришлось сбегать еще раз и замаскировать оставленные нами следы. Натоптать ложную дорожку следов километра на полтора. В общем, после всех этих занятий с меня пот просто градом тек.

Вернувшись на островок, который и был-то всего три на шесть метров размером, я обессиленно рухнул на землю. Артур спал или находился в забытии. Во всяком случае, признаков жизни он практически не подавал. Только стонал иногда во сне. Ножик свой он воткнул в землю прямо около головы. Присмотревшись к ножу, я обратил внимание на то, что клинок слегка блестел, словно смазанный салом. Где он сало-то добыл? Неужто в вещмешке есть, и он в одну харю его стрескал? Вот ведь жмот неправильный! И не поделился даже! Осторожно обойдя остров, я увидел неподалеку от бережка краешек консервной банки. Она упала чуть боком, видимо, ударившись об ветку. А молодец, однако, парень! Пустую банку от консервов закапывать не стал, а утопил в болоте. Если бы не сучок, на который он не рассчитывал, то она улетела бы от берега метров на десять. И хрен бы кто ее отыскал. Подобрал банку, я повертел ее в руках, набил землей и отправил в болото. Закидав спящего ветками, я сам устроился неподалеку от входа на берег. Оборудовал себе лежку, на четырех колышках натянув над ней плащ-палатку. Сверху я накидал всякого мусора. Так что рассмотреть меня даже и вблизи было задачей не из легких. Закатился под плащ-палатку, положил рядом пулемет и винтовку и задремал. Сколько я

так проспал, сказать трудно.

Бух! Еще не открыв глаза, я схватился руками за пулемет. Эхо от взрыва еще гуляло между соснами, а я до рези в глазах всматривался в ту сторону, где он прозвучал. Никакого движения я не видел, но это еще ни о чем не говорило.

Радиопереговоры

— На связи Третий. Вызываю Первого.

— Первый у аппарата. Докладывайте, что там у вас?

— Одна из моих групп имела контакт с русскими диверсантами.

— И каковы результаты?

— Пока они ведут. Мяч на их половине поля. У меня девятнадцать человек только убитыми.

— Ничего себе! А каковы потери противника?

— В боестолкновении со стороны русских участвовало четыре человека. Один был убит, один подорвал себя гранатой. В результате чего мы имеем еще пятерых раненых и одного убитого. Двое оставшихся в живых русских, по-видимому, тоже были ранены во время боя. Мы обнаружили окровавленные бинты в большом количестве. След их отхода с места боя был потерян уже через километр. Там сплошные болота, дорог нет. Прошу вашей помощи авиацией.

— А каких-либо положительных известий у вас нет?

— Есть, как не быть! Мы подобрали часть документов покойного профессора. Скорее всего, вторая группа выполняла роль приманки. Основные документы уносили эти.

— Как были обнаружены документы?

— Около убитого русского диверсанта лежал портфель профессора. Вероятно, его просто не успели забрать. Вторым диверсантом, тот, который подорвал себя гранатой, перед смертью жег какие-то бумаги. Мы нашли обгоревшие куски карт.

— Ваши выводы?

— Это основная группа. Когда мои ребята сели им на хвост, они оставили заслон и постарались оторваться. Успели даже заминировать часть тропы. Скорее всего, они слишком протянули со временем или просто неправильно рассчитали время подхода моих ребят. Во всяком случае, те двое, которые должны были уйти, сделать этого не успели и вынуждены были вступить в бой. Так что они где-то рядом. Даже имея на руках одного раненого, и то трудно передвигаться. А они, судя по всему, ранены оба.

— Как далеко они могли уйти?

— Три-четыре километра, не более.

— Значит, так, обер-лейтенант, слушайте меня. Отведите группу на пять километров и создайте сплошное кольцо вокруг этого участка. Оставьте пару контролируемых выходов, постарайтесь, чтобы наших ребят там никто не мог увидеть. И ждите.

— Как долго?

— Недолго. Без медицинской помощи им не выжить. Судя по всему, среди этих двоих находится командир разведгруппы. Поэтому эта парочка нужна мне живой. Я отправлю вам подкрепление и задействую авиацию. Пусть полетают над болотом. Найти они, скорее всего, никого не найдут: не сумеют. Но нервов потреплют изрядно. Так что долго русские там не высидают.

— Я все понял. Других указаний не будет?

— Нет. Действуем, как договорились. Поиск второй группы продолжать. Эти люди тоже мне интересны. Конец связи!

— Конец связи!

Советник положил на стол микрофон и повернулся к секретарше.

— Магда! Будьте любезны, поищите, пожалуйста, нашего незадачливого хозяина. Пусть его доставят ко мне.

Секретарша кивнула головой и подняла телефонную трубку.

— Дежурный? Распорядитесь, чтобы гауптштурмфюрера Горна доставили к нам.

— Садитесь, Горн. Как самочувствие?

— А то вы не знаете, герр советник!

— Представьте себе, гауптштурмфюрер, не знаю! Никогда не сидел на гауптвахте. Я же сугубо гражданский человек. Откуда мне знать, какие у вас там порядки?

— Такие же, как и везде, герр советник, такие же, как и везде.

— Тогда к делу, любезнейший! У вас появился последний шанс реабилитировать себя.

— Что я должен делать?

— Сейчас наш любезный обер-лейтенант... как его там? Э-э-э... Хофмайер! Да, так вот! Он гоняет по болотам тех самых диверсантов, которые и явились виновниками ваших злоключений. Вы получите под свое командование роту солдат и должны будете оказать помощь обер-лейтенанту, который сейчас блокировал их на болотах. Вам все понятно?

— Так точно, герр советник!

— Вот и хорошо. Оружие получите у дежурного. И не забывайте, Горн, это ваш последний шанс. Другого не будет.

ГЛАВА 11

Вот уже вторые сутки мы лежим на островке и ждем. Фрицы сначала было забегали по округе со страшной силой. Особенно после того, как на месте боя рванула одна из моих ловушек. Потом ни с того ни с сего они эти поиски свернули и убрались. Взамен над болотом появилась авиация. Какой-то маленький самолетик усердно нарезал круги то здесь, то там. Никакой системы в его полетах не было, и это меня сильно озадачило. Непохоже это было на немцев, они у нас люди правильные и педантичные. Не может быть так, что самолет летает сам по себе. Или они таким образом путают карты тем, кто пытается вычислить очередность пролетов? Очень, кстати, может быть.

Артур большую часть времени спит. Я уже дважды его перевязывал, бинтов осталось совсем мало. По правде сказать, кровь у него идет уже слабее. Видимо, его снадобья оказались куда более действенными, чем я предполагал. Не знаю, как они на все остальное повлияют, но температура у него постоянно держится высокой. Представляю себе его нынешние ощущения...

Правда, спит он вполглаза. Стоит мне чуть шевельнуться, как он тут же их открывает и смотрит по сторонам. Вставать не пытается, видимо поход на остров отнял у него остатки сил. Вот он их и набирает. Жрет свои консервы — аж за ушами трещит!

Со мной не делится, да у меня и своя еда есть. Вскрыв банку, он сразу посыпает ее содержимое своими порошками и только после этого ест. У него этих порошков целый пакет. Подписей на коробочках нет, только номера. Я как-то спросил его, что это за консервы такие странные? Помолчав по своему обыкновению, он ответил, что консервы обычные, только в них добавлено что-то вроде колы, дабы постоянно держать организм на пике активности. Ему это сейчас в самый раз и нужно. Ну а я и без допингов проживу, мне все сон заменяет.

Вообще он парень занятный. По-русски говорит правильно, но с каким-то акцентом. Я его спросил — откуда родом? Он сказал — Вильнюс. Тогда акцент его более-менее стал ясен. Сложен он неплохо, видно, что гоняли его тоже прилично, но, на мой взгляд, — явно недостаточно. Некоторых вещей не знает и даже не догадывается об их существовании. Говорит мало, да и то, только когда его о чем-то спрашиваешь. Сам он

разговора так ни разу и не начал. Ну, да его понять можно. На его месте я бы уже всех медсестер придирками извел. Так что спит — и слава богу!

Пользуясь вынужденной передышкой, я анализировал прошедшие события и прикидывал различные варианты дальнейшего существования. Некоторые из них были и вовсе безрадостные — и я их отбраковал. Оставшиеся разложил по полочкам и принялся вертеть их по-всякому. Как ни крути, а высидеть тут долго не выйдет. Немцы идиотизмом в тяжелой форме не страдают, и дурацкие решения им не свойственны. Это вам не современные мне политики — там даже сразу-то и не понять, баран он или прикидывается? Тут все выверено, продумано и организовано должным образом. Особенно в своем тылу. На практике, так у них и в самом конце войны все службы функционировали настолько четко, что наша мэрия удавилась бы от зависти! И никакие бомбежки этот механизм не сломали! К чему это я? А к тому, что если немцы в болото не полезли — есть у них вариант решения и на этот случай. Вот только какой? Я прикинул себе два, и оба меня не радовали.

И так и этак я рассматривал эти варианты, прорабатывая все возможные пути отступления отсюда. Был бы я один, проблема решилась бы намного проще. Но вот куда девать Артура... Да и, кроме того, что-то подсказывало мне, что терпение немцев тоже не будет безграничным. Совершенно четко я понимал: фрицы чего-то ждут. Если они не получат ожидаемого в самое ближайшее время, то устроят тут такую «проверку паспортного режима», что любой ОМОН обзавидуется.

Прошел еще день. Самолет стал летать чаще. Зато Артуру стало существенно лучше. Он уже вылезал из своего убежища и ходил по острову, не пользуясь костылем. Рука у него тоже поправилась, хотя и не в должной степени — стрелять он еще не мог. Я рассказал ему о своих наблюдениях. Внешне он никак на это не отреагировал, но спустя какое-то время сказал, что предвидел подобную ситуацию.

— Экий ты у нас прозорливый, однако! Что ж до сих пор не в штабе сидишь?

— Это не я такой умный. Руководство, планируя данную операцию, предвидело наступление аналогичной ситуации. Не совсем так, но попробовать можно.

— Чего попробовать? Крылья отрастить и улететь отсюда к чертовой матери?

— Нет, человек не может летать. Есть один вариант, как мы можем выйти мимо постов.

— И какой же? Я не Ихтиандр, под водой долго не проплаву. Да и нет

тут такой воды, чтобы за пределы оцепления выплыть. Болото еще километра два идет, а дальше уже лес.

— Нет, плыть не надо. Мы пешком выйдем. У немцев есть пароль для прохода разведки вглубь своих построений.

— Не понял! Тут вроде не фронт. Как будет работать этот пароль в тылу?

— Он везде работать будет. Человека, который его назовет, должны проводить к ближайшему немецкому офицеру для связи с руководством. Это наш единственный шанс. Больше никак не выйдет.

— Ну, хорошо! Допустим, пешие посты мы пройдем. А что делать с авиацией? Он нас наверху не услышит. Саданет из пулемета — и привет!

— Для них тоже есть сигнал. По крайней мере, он не будет сразу стрелять. Вызовет наземные войска и наведет их на нас.

— Ну... Попробовать можно. А что мы скажем немцам?

— Такая легенда тоже есть. Я могу назвать имя и фамилию реально существующего человека. Это проверят и выяснят, что такой человек действительно есть. Вы мой пленный, я конвоирую вас к руководству.

— А откуда взялся русский пленный в немецком тылу?

— Солдаты не будут выяснять этот вопрос. Нас проводят к офицеру. Но туда мы можем и не дойти. Главное — пройти оцепление. Два-три конвоира навряд ли будут для нас серьезной помехой.

— Черт его знает. Может и сработать. Хотя я на такую туфту не купился бы.

— Как хотите. У вас есть другие предложения?

Других предложений у меня не было, о чем я ему и сообщил. После этого Артур предложил подумать над нашим поведением и проработать ответы на вопросы, которые могут задать ему или мне. До самого вечера мы занимались этой деятельностью. Ночь прошла относительно спокойно, если не считать отзвуков выстрелов где-то совсем на грани слышимости. Но к этому я уже успел привыкнуть и спал, не особо напрягаясь.

Утром мы подготовились к выходу. Весь хабар, включая мешок Артура, потащил я. Он навьючил на себя все наличное вооружение. Прицепил себе на пояс два моих пистолета. Все гранаты лежали в моем мешке. Об этом я Артуру ничего не сказал. Сам он этого не видел. Да и не только этого...

Уже полтора часа мы идем по болоту, а самолет все никак не появляется. Вот уже и лес рядышком. В моей голове зародилась шальная мысль — может, удастся проскочить?

Накаркал... Самолет вынырнул из-за деревьев как призрак. Звука

мотора не было слышно совсем. Нас он заметил практически сразу и развернулся в нужную сторону. Артур заметил его первым. Все это время он терпеливо топал за моим правым плечом, не отдаляясь от меня более чем на два метра.

— Остановитесь! — Артур снял с плеча оружие и прислонил его к пеньку. Поднял обе руки и скрестил их над головой. Лицо его при этом перекосилось, видимо рука зажала все-таки не до конца.

Самолет был уже близко. Через плексиглас лобового стекла было уже видно пилота. Артур развел руки в стороны и снова скрестил их над головой. Еще и еще раз.

Самолет покачал крыльями и заложил вокруг нас вираж. Один круг, еще один. Потом он перестал кружить и выпустил зеленую ракету, указывая нам направление движения. В принципе, оно и так совпадало с тем, куда мы шли. Да и неудивительно: другой дороги тут не было.

— Все, — Артур наклонился за оружием. — Он показал нам, куда двигаться. Значит, с той стороны к нам уже вышла группа навстречу. Пойдем к ним. Вы помните, что говорить?

— Помню. Хотя основная роль здесь принадлежит тебе.

Через два часа мы встретились с передовым дозором оцепления. Хотя, по правде сказать, вели они нас уже минут около двадцати. Надо отдать им должное, работать фрицы умеют. Место для встречи немцы выбрали крайне удачное: небольшая ложбинка шла здесь между холмами. На обоих холмах у них были выставлены посты. Непосредственно на тропинке стояли три человека: два автоматчика и унтер-офицер. Стоило нам подойти метров на тридцать, как он поднял руку и повелительно приказал:

— Стоять! Оружие на землю!

Мы остановились. Артур не торопясь положил на землю пулемет и винтовку и снял пояс с пистолетами.

— Подойдите сюда! — унтер показал ему рукой. — Не дергайтесь! Каждое ваше движение под прицелом. Что вы хотите мне сообщить?

— Подойдите ко мне ближе, — прохрипел Артур. Он говорил на безукоризненном немецком языке. — То, что я скажу, не должен слышать никто другой.

Унтер пожал плечами, но подошел.

— Ну, слушаю вас.

— Рогнеда.

— Кто?

— Сообщите этот пароль руководству. Я подожду здесь их решения.

— Кто вы?

— Оберштурмфюрер Вилкат. Подразделение «Зет-2». Больше я ничего не могу вам сообщить. Поймите меня правильно.

— Прошу вас подождать здесь, герр оберштурмфюрер.

Унтер-офицер исчез за кустами. Мы продолжали стоять на месте. Солдаты ничуть не расслабились и держали нас на прицеле своих автоматов. Прошло несколько минут. Унтер снова появился на тропе. На этот раз он вел себя гораздо предупредительнее.

— Прошу прощения, герр оберштурмфюрер! Я не сразу сумел проверить ваше сообщение. Чем могу быть вам полезен?

— Мне нужен врач. У меня ранена нога. Транспорт, чтобы доехать до места назначения, и двое сопровождающих. Это все.

— Будьте любезны, пройдите на пост. Я вызову автомобиль и медика. Вы не откажетесь перекусить? Уже скоро обед.

Один из солдат резко сдернул с моего плеча мешки.

— Поаккуратнее! — голос Артура был резок. — Проявляйте должное уважение: перед вами старший офицер!

— Извините, герр оберштурмфюрер.

— То-то же! Пройдемте, герр подполковник.

Мы прошли на пост. Это оказалось достаточно оборудованное место. Сверху был натянут брезент, под которым лежало несколько бревен, выполнявших роль сидений. Чуть в стороне стояла радиостанция, около которой сидел радист. На посту находилось еще человек пять, с интересом нас рассматривавших. Мы уселись на бревна, и один из солдат принес нам по котелку с горячим супом. Перекусив, я поставил котелок на землю. Подошедший через несколько минут солдат принес с собой сумку с большим красным крестом и принялся за перевязку ран Вилката. Закончив свое дело, он покачал головой:

— Как давно вы ранены, герр оберштурмфюрер?

— Недавно, а в чем дело?

— Надо же! Я бы сказал, что с момента ранения прошло уже около недели. Раны почти затянулись. Тот, кто вас перевязывал, сделал это очень правильно.

Собрав свои причиндалы, фельдшер удалился. Артур откинулся спиной на дерево и задремал. Особо долго отдыхать у него не вышло. Минут через двадцать подошел давешний унтер.

— Герр оберштурмфюрер! Машина прибыла.

Мы спустились вниз. Двое солдат за нами тащили пулемет, винтовку и вещмешки, мой и Артура. Внизу стоял небольшой грузовичок. Унтер

предупредительно распахнул дверь кабины.

— Прошу вас, герр оберштурмфюрер!

— Нет, — проскрипел Артур, — я поеду в кузове.

— Как вам угодно.

Мы загрузились в кузов, при этом Вилкат сел так, чтобы видеть нас всех одновременно. Водитель завел двигатель, и машина тронулась. Дорога была неважной, нас нещадно трясло и подбрасывало на каждой кочке. Ехали мы недолго, около получаса. Все это время Артур молчал, не подавая оговоренного сигнала. Заснул он там, что ли? Может быть, есть смысл начать действовать самостоятельно, без оглядки на него? Или все-таки подождать? Не так далеко мы успели отъехать от зоны оцепления. Если я хорошо запомнил карту, то дорог тут особенных не имеется, и для того, чтобы проехать в охраняемую зону аэродрома, машина должна сделать немаленький крюк уже за линией постов. Это если нас везут туда. Вполне может случиться, что неведомое мне начальство сидит совсем в другом месте, и, затягивая начало «концерта», я рискую опоздать.

Телефонный звонок

— Фройляйн Магда? Это ассистент Лееб. Могу я попросить к телефону господина советника?

— Одну минутку, герр ассистент. Сейчас я его приглашу.

— Лееб? Что у вас нового?

— Получен сигнал «Рогнеда».

— И что это значит?

— Извините, я и забыл, что вы не знаете наших кодовых обозначений. Это значит, что поставленное мной задание выполнено, интересующий нас объект взят живым, и его везут ко мне.

— Вы в этом уверены?

— Я только что связывался по радио со старшим поста, куда вышел Вилкат.

— А это кто такой?

— Оберштурмфюрер Артур Вилкат, тот, кого я послал за Леоновым.

— Вы абсолютно в этом уверены?

— Абсолютно, герр советник! Старший поста подтвердил мне: Вилкат вышел из болот вместе с Леоновым. Он подробно описал мне приметы обоих. Так что можете докладывать рейхсфюреру.

— Вполне разделяю вашу радость, герр Лееб, но с вашего позволения я пока воздержусь от данного доклада. Вот когда они оба будут здесь...

— Как вам будет угодно, герр советник. В конце концов — вы здесь

старший.

— Весьма любезно с вашей стороны, герр ассистент, напомнить мне об этом. Не смею более вас задерживать.

— До свидания, герр советник.

ГЛАВА 12

А ведь, пожалуй, и вправду — пора. Похоже, что некоторые мои выкладки оказались верными. Стало быть, ждать более не следует. Руки мне никто не связывал, поэтому шансы на успех весьма велики. Пожалуй...

Скрипнув тормозами, грузовик остановился. Достаточно резко, так что я чуть было не упал, и пришлось вытянуть руку, чтобы придержаться за борт. Снаружи нас окликнули повелительным голосом:

— Водитель, давайте сюда!

Чуть приподняв голову над бортом, я огляделся.

Впереди был небольшой ручеек. Дорога пересекала его и, сделав крутой поворот, исчезала за деревьями. Погрузившись передними колесами в ручей, одиноко стоял легковой автомобиль. Около него прохаживался офицер в камуфлированной форме. Наш водитель подбежал к нему и вытянул руку в нацистском приветствии:

— Хайль Гитлер, герр гауптштурмфюрер!

— Хайль! — небрежно отмахнулся тот. — Ефрейтор, помогите этому болвану вытащить автомобиль. А то он тут уже полчаса ковыряется.

— Но у меня нет троса, герр гауптштурмфюрер. А вдвоем мы не вытащим вашу машину.

— У вас в кузове сидят солдаты, пусть вылезают. Вместе вы ее не то что вытолкнете — на руках унесете.

— Но... герр гауптштурмфюрер... Они сопровождают важного пленного... я не могу им приказать. Там есть их старший, может быть, вы сами ему скажете... он тоже, как и вы, — офицер...

— Что за чушь вы тут несете, ефрейтор? Какой еще пленный? Сейчас я сам посмотрю!

Подскочив к грузовику, офицер рывком подтянулся на руках и сел на борт верхом. Лицо его показалось мне знакомым.

— Надо же... — протянул он вдруг осипшим голосом. — Какая встреча, герр подполковник! Вот уж не ожидал вас тут увидеть!

Горн. Он выглядел каким-то осунувшимся и даже помятым. От его щегольского вида не осталось и следа. Да... укатали Сивку крутые горки...

— Да, герр гауптштурмфюрер, это я. Также не ожидал, что мы с вами еще раз увидимся.

— Жаль, что сейчас август, я бы принял эту встречу за рождественский подарок! Ну, ничего. Подарки делают не только на

Рождество. Вы даже и не представляете, герр подполковник, как много важных людей хотели бы вас видеть! Причем — немедленно!

Солдаты! — повернулся он к моим конвоирам. — Помогите водителю вытолкнуть мой автомобиль! За пленными я и сам присмотрю.

Он расстегнул кобуру и вытащил «вальтер». Передернул затвор, загоняя патрон в ствол.

— Ну?! Чего ждем?

Оба солдата спрыгнули на землю и побежали к ручью. Вилкат проводил их взглядом и ничего не сказал.

— Вот ведь как бывает... — облизнул губы Горн. — Признаться, я совсем уже было отчаялся вас увидеть. Но Бог все-таки есть! И он устроил нашу с вами встречу!

— Вы так уверены в божьем промысле?

— Когда вы поймете, насколько все серьезно — тоже в него поверите, вот увидите! Сейчас солдаты вытолкнут автомобиль, и мы с вами проедем в одно место, где вас с нетерпением ждут...

— Нет! — проскрипел Артур. — Извините, гауптштурмфюрер, но господин Леонов поедет со мной. Есть и другое место, где нас тоже с нетерпением ждут.

— А вы кто еще такой? Стоп-стоп-стоп... Где-то я вас видел... ну-ка, поверните голову! — он нетерпеливо махнул стволом пистолета. — Черт! Лицо явно знакомое, но... Кто вы такой, задери вас нечистый?!

— Оберштурмфюрер Вилкат, отдел «Зет-2».

— Так вы из этих... Вы-то здесь с какого боку?

— У меня приказ — доставить господина Леонова к ассистенту Леебу.

— Какого еще... По какому праву он тут командует?! Я забираю подполковника! Это приказ, оберштурмфюрер! Извольте выполнять!

— При всем уважении, гауптштурмфюрер, я вам не подчинен.

— Я старше вас по званию!

— Извините. Но я буду выполнять свой приказ. Прошу вас мне не мешать.

Обстановка накалилась. Горн сжимал в руке пистолет. Артур был безоружен, свой пояс с пистолетами он отдал солдатам еще в лагере и теперь он, вместе со всем другим нашим оружием, лежал у левого борта кузова. В двух метрах от Вилката, как раз под ногами у Горна. Однако, как я видел, его это не успокаивало. Гауптштурмфюрер был явно напряжен, несколько раз он бросил взгляды на толпящихся у его машины солдат. Так он боится Артура! Да... Чудеса, да и только...

— Ладно. Не стоит ссориться, господа. Я вас всех помирю.

Оба повернулись ко мне.

— Раз уж у вас возникли столь напряженные разногласия... — развел я руками. — Выход один. Так не доставайся же ты никому!

На их лицах нарисовалось неприкрытое удивление. Явно никто из них «Бесприданницу» не видел.

— Вы тут уж без меня спорьте, хорошо? А я уж как-нибудь и сам, пешочком, да по холодку... Уйду я от вас, плохо мне тут...

С этими словами я встал и положил руку на край кузова. Горн изменился в лице, и тогда я резко скрутился вдоль борта, уходя вниз и в сторону. Грохнул выстрел! И правильно. А что, кто-то чего-то другого ожидал? Клиент бежать собрался, чего ж еще дожидаться? Правда, среди талантов гауптштурмфюрера умение стрелка как-то не обозначилось... Вот его пуля и канула в лес, как утюг в болото. Зато в дело вступил Артур.

Я, естественно, не предполагал, что он будет убивать Горна и вообще как-то его травмировать. Но вот не дать меня убить — дело другое. Как минимум он должен был обезоружить гауптштурмфюрера. Убьют меня — задание насмарку. А уж с безоружным эсэсовцем и поговорить можно иначе... Однако такого финта от Вилката я не ожидал...

Он прыгнул прямо из полулежачего положения. Технически это выполнить можно. Если иметь мышцы орангутанга. Я такую штуку точно сотворить не могу. И других таких прыгунов не знаю.

Так или иначе, но всей своей немаленькой массой Артур налетел на эсэсовца. Тот только что и успел — развернуться к нему лицом и вскинуть руку с пистолетом. Выстрел прозвучал как-то глухо. А потом они оба перевалились через борт и рухнули на землю. Хлопнули еще два выстрела...

Я катнулся к нашему оружию. Подхватил пулемет и вскочил на ноги. Оба моих конвоира уже бежали к машине, сдергивая на ходу винтовки.

Р-р-р-рах! И первого из них словно бы перешибли в пояснице.

Ду-ду-ду... Фонтанчики земли заплясали вокруг второго, и он на бегу сунулся лицом в песок.

Ошалевшие водители порскнули в стороны как куропатки. О своем оружии никто из них даже и не подумал. Наш водитель заметался на месте и зачем-то полез под вытолкнутую из ручья легковушку. Там он и остался лежать. Не долез...

Второй оказался умнее и на бегу заметался во все стороны, сбивая мне прицел. Куда же ты так бежишь, родной? А-а-а... Вон в те кустики... Но к ним же по ложбинке бежать надо, об этом подумать не успел? Не успел... Теперь уже — и не успеет. Уже вбежав в ложбину, водитель наконец это

понял и только тут вдруг вспомнил про свой пистолет. Так и умер, с рукой на полуоткрытой кобуре...

Бросив на пол разряженный пулемет, я выхватил из-под ремня сзади парабеллум. Как я тогда убрал его еще у перешейка, так с тех пор и не вытаскивал. На людях, естественно. Так что Артур про него не знал. Это и был мой «туз в рукаве». Не единственный, но основной. Можно сказать — козырный. Подцепив левой рукой ремень с пистолетами, я спрыгнул вниз. Надо посмотреть — как там себя чувствует «сладкая парочка»?

Чувствовали они себя неважно. Я как-то даже затруднился сказать, кому из них сейчас хуже? Горн палил в Вилката в упор, уткнув ствол ему прямо в живот. Ну да, со страху-то чего не сотворишь? Я и сам-то малость ошалел, увидев такие выкрутасы и попрыгунства. А уж как обалдел гауптштурмфюрер... Он-то этих ребят в деле видел и представлял себе их способности. И наклонности... Вот и вывернуло профессорского курсанта наизнанку, как курицу в вакуумной камере.

Так что Артур лежал тихо, с разорванным пороховыми газами брюхом. Похоже, что уже доходил. Горн лежал под ним, придавленный верхней частью тела Вилката. Откатив это тело вбок (Артур дернулся, и пальцы его рук сжались), я рассмотрел и гауптштурмфюрера. Упав сверху, он приземлился спиной на пень. Да, похоже, что и тут кирдык. Подобрав его «Вальтер», я убрал его в карман. Начал стаскивать с Горна форму, стащил уже китель, и тут он открыл глаза...

— Наше вам, гауптштурмфюрер! Я думал, что с того света не возвращаются!

— О-о-ох... Я еще пока тут...

— Это ненадолго, можете мне поверить. У вас как минимум сломан позвоночник. Так что... сами понимаете, ждать осталось недолго.

— Вы жестокий человек, подполковник. Оставьте мне мой пистолет и один патрон.

— У вас целая обойма была, чего ждали-то?

— На что вы надеетесь? Вам же не уйти отсюда...

— Я уже ушел, Горн! Вы так и не поняли еще? Оцепление осталось там! — я ткнул рукой в направлении поста. — В вашей форме и на вашей машине я уже через час буду недостижим для поисковых групп!

— Вы дьявол!

— Спасибо за комплимент! Вынужден отклонить — не дорос еще. Да и методы его мне не импонируют.

— Как же так вышло? Почему Вилкат атаковал меня?

— Вам будет легче, если я вам скажу, что знал, кто он, с самого

начала? И в плен попал совершенно обдуманно. — С этими словами я стащил с Горна сапоги и принялся размышлять, как снять брюки.

— Это невозможно! Их готовят...

— Совершенно стандартно. Шаблонно, я бы сказал. Одевают в одинаковую форму, так же и вооружают. Особенно ножами — они у всех курсантов однотипные. Кормят одними и теми же консервами. Кстати, гауптштурмфюрер, должен вас поблагодарить — консервы я получил именно от вас. Так про них и узнал.

— Вы их не ели?!

— Я так похож на идиота?

— Черт... мы думали...

— И совершенно напрасно! Думать я умею тоже.

— Но форма... ножи... это такие мелочи...

— Артур всю дорогу шел у меня сзади справа. Так, кажется, ходят в вермахте низшие чины, сопровождая старшего по званию? Да и откуда он мог знать мое звание? Его знали тут только вы!

— Но... почему он напал на меня? — Горн уже задыхался. Капли пота катились по его лицу.

— А не надо было в меня стрелять! У него задание — доставить меня живым! Живым, слышите, Горн?! А вы попробовали меня застрелить! Он и не собирался вас убивать — только обезоружить.

— Так это все ваши дьявольские фокусы... Это все было подстроено...

— Естественно. Кроме нашей с вами встречи. Мой план был несколько иным, и Вилкату там была отведена соответствующая роль. Он был просто пугалом для ваших солдат! Пленника *такого* специалиста они обыскивать не стали, понадеялись на зловещую репутацию оберштурмфюрера и его подразделения. Уж такие-то волки точно все засекут! А он — не сумел! Уж и не знаю, какие мозги у него были до попадания к профессору, но сейчас они точно не стали лучше. Он ничуть не поумнел, скорее — наоборот. Подопечные профессора не могут просчитать многоходовку. Они — примитивные убийцы, только очень сильные и выносливые. И все. Это похоже на шахматную партию новичка с гроссмейстером — итог заранее ясен.

Гауптштурмфюрер не отвечал. Похоже, что уже потерял сознание. Забрав из кузова грузовика весь хабар, я перегрузил его в легковушку. Вытащил из-под нее тело водителя и сел за руль. Все. Эта страничка закрыта, теперь двигаемся к месту встречи со своими.

Уже садясь за руль, я осмотрелся по сторонам. Живых немцев вроде

бы не наблюдалось. Артур уже затих — кончился. Горн лежал недвижимо, он уже был в полной отключке и не шевелился. Пораскинув мозгами, я вылез из машины и засунул ему под плечо расчекованную гранату. Мало ли... Вдруг да окажется он слишком уж живучим? А так и для обнаруживших его фрицев подарочек будет. Пусть потом ломают голову. Если будет что ломать...

ГЛАВА 13

— Вы меня слышите, ефрейтор? — рыжеволосая медсестра присела на стул около кровати.

— Да, фройляйн...

— Как ваше самочувствие?

— Неважно.

— Доктор сказал, что у вас есть неплохие шансы. Так что — держитесь. Мы все приложим максимум старания, чтобы вы поскорее поправились.

— Спасибо...

— Я вам сделаю сейчас укол. Это поддержит ваши силы. Так... давайте-ка вашу руку... Вот, все и в порядке!

— Благодарю вас...

— К вам все время пытаются пройти ваши офицеры. Что им от вас нужно? Доктор не пускает их, но... сами понимаете, мы не можем их долго сдерживать.

— Не знаю... Их, наверное, интересуют обстоятельства моего ранения...

— А что в них такого необычного? Сейчас идет война, ранения получают многие. Что же тут особенного именно в вашем случае?

— Не скажите, фройляйн... Я получил свои раны в тылу.

— А-а-а... На вас напали эти русские бандиты? Совсем потеряли всякую совесть!

— Нет. Это были не бандиты.

— Несчастный случай?

— Я бы так не сказал. Мы с товарищем сопровождали нашего офицера... Не совсем нашего, он вышел из лесу... С ним был пленный русский. Да. Он сказал старшему поста, что он сам из СС, какое-то специальное подразделение. Из штаба подтвердили, и нас с Гельмутом назначили сопровождать их обоих до штаба. Эсэсовец отдал нам все оружие, и мы сели в грузовик.

— В кабину?

— Мы же не поместились бы там все... В кузов. Русский сел у борта, эсэсовец сзади, а мы с Гельмутом сидели у правого борта. Все оружие мы сложили на пол.

— А что, его было так много? Вы извините, но я как-то не понимаю —

сколько его могло там быть?

— Немало. У эсэсовца был с собой пулемет и винтовка. И еще ремень, на котором висело два пистолета.

— А у русского? Было что-нибудь?

— Откуда? Он же был пленным! Он нес мешки с какими-то вещами. Я даже сказал об этом фельдфебелю.

— Даже так? И что он вам ответил?

— Я сказал ему — непорядок, русский не должен ничего нести. Фельдфебель только хмыкнул и сказал — хочешь сам сказать СС, как они должны вести себя с пленными?

Вы же знаете, как они на нас смотрят...

— Да...

— Мы ехали по дороге, и нас остановил еще один эсэсовец, гауптштурмфюрер Горн. Я его раньше видел, он командир какой-то части на аэродроме. Странно, СС — и вдруг на аэродроме! У них что, есть свои самолеты?

— Кто их знает? Может быть, и есть.

— Да... Он сказал, чтобы мы шли вытаскивать его машину — она застряла в ручье. Гельмут возражал ему, но он даже вытащил оружие.

— Неужели?

— Да. Он вытащил пистолет! И угрожал нам.

— Невероятно!

— Вот и вы тоже удивились! А потом он стал говорить с русским.

— По-русски?

— Нет... На нормальном немецком языке. И с эсэсовцем стал говорить.

— Вы не слышали — о чем?

— Не слышал. Мы уже были у машины. Потом он стал стрелять.

— В кого?! В вас?

— Нет. Я услышал выстрел и обернулся. Тот, первый эсэсовец, бросился на гауптштурмфюрера. И тогда Горн стал в него стрелять. Потом они оба упали на землю. Мы бросились вдвоем к машине, и вот тут по нам ударил пулемет из грузовика...

— Кто же это стрелял?

— Я не видел. Наверное, это русский стрелял, только зачем? Он уже сдался в плен, с ним хорошо обращались. Мы даже накормили его обедом...

— Неужели эсэсовец первым бросился на гауптштурмфюрера? Вы ничего не путаете?

— Нет... Это я хорошо видел...

— Разрешите войти, герр советник?

— Да-да, герр ассистент, я как раз собирался послать за вами! Заходите, присаживайтесь. Мы вот тут с фройляйн как раз и спорим о ваших исследованиях. Она уверяет меня, что за такими изысканиями будущее. А я вот как-то сомневаюсь...

— Отчего же, герр советник?

— Ну... как вам объяснить... я все же сторонник старых, проверенных годами методов. Знаете, герр ассистент, раньше все было как-то проще. Вот я, вот мой противник. Вот наши силы. Все понятно — кто и как может поступить в данной ситуации. А в этих ваших выкрутасах с мозгом сам черт сломает себе ноги. Так, кажется, говорят русские?

— Да, герр советник, у них есть похожее выражение.

— Ну вот, видите! И вы тоже со мной согласны!

— Извините, герр советник, но в данном случае я как раз на стороне фройляйн. Она грамотный и умелый специалист. И у меня есть все основания поддержать ее точку зрения. Хотя в данном случае я все же являюсь заинтересованным лицом...

— Только ли в этой ситуации вы не сомневаетесь в профессионализме фройляйн Магды?

— В любой, герр советник. Она достаточно известный специалист-аналитик. Вряд ли ее умозаключения могут быть поставлены под сомнение. Полагаю, что это не только моя точка зрения.

— Даже так? Ну... может быть... может быть. Однако, герр ассистент, я вас искал не из-за этого. Что вы можете рассказать мне по поводу вашего... э-э-э... подопечного? Вы же обещали доставить его сюда, вместе с русским подполковником, где они?

— Видите ли, герр советник... тут у нас возникли некоторые накладки. На пост они вышли, как я вас уже и информировал. Их направили к нам. В сопровождении конвоя, разумеется. Вилкат сдал им свое оружие, как это и было ему предписано мною. А вот в пути... Мы до сих пор не знаем, что же там произошло? Словом, машина и все, кто на ней ехал, были расстреляны.

— Кем?

— Мы пока этого не знаем.

— Погибли все?

— Да. Уцелел только один солдат из состава конвоя. Но он тяжело ранен и находится в бессознательном состоянии.

— До сих пор?

— Да.

— А этот русский? Он тоже убит?

— Его тело не обнаружено на месте происшествия. Но зато там есть следы отъезжавшей автомашины. Его могли увезти и на ней!

— Труп увезли? Зачем? Какую ценность он представляет? Вы внимательно изучили все обстоятельства данного происшествия? Ничего не пропустили мимо? Сколько было нападавших?

— Не знаю, герр советник. Я же не криминалист...

— Да? Ну, считайте, что вам повезло. Криминалист тут есть. И достаточно компетентный. Это я. Надеюсь, что мою квалификацию никто не подвергает сомнению?

— Ну что вы, герр советник! Как можно!

— По-разному можно, герр ассистент. По-разному... Так вот, любезнейший, я на месте происшествия был. И внимательно его осмотрел.

— Я ничего об этом не знал! Мне никто об этом не докладывал!

— А должны были?

— Э-э-э...

— Ладно. Об этом после. Так вот, герр ассистент, не было никаких нападавших. Машину никто не расстреливал.

— Но... Простите, герр советник, но в бортах были обнаружены пулевые пробоины...

— Все убитые солдаты конвоя и водители машин были застрелены из пулемета. Сами они были вооружены винтовками и пистолетами, но никто из них не успел сделать ни одного выстрела — настолько все произошло быстро. Из пулемета стреляли с одной точки — из кузова грузовика. Там полно стреляных гильз. Стрелял, по-видимому, ваш русский. А вот пулевые пробоины в кузове действительно есть. Я даже пулю нашел. От патрона к автомату МП-40. Кстати, судя по нарезам, она из него и выпущена.

— Ну так это могли быть и нападавшие!

— Ну да, ну да... И стояли они все это время на одном месте.

— Почему?

— Вот и я вас спрашиваю — почему? Судя по стреляным гильзам, именно так все и было. Стрелявший стоял на одном месте. Правда, он не мог видеть с него большую часть поляны. А соответственно, и солдат на ней... Как-то глупо он себя повел, вам не кажется?

— Но мы же не знаем, в кого он стрелял!

— И при этом ни в кого не попал... А в кого... Надо полагать, в вашего подопечного, в русского и в Горна. Кстати, а вы не выяснили, как он

оказался на месте происшествия?

— Э-э-э... Он мог проезжать мимо...

— Вот вам и отъехавший автомобиль! А кто на нем уехал?

— Нападавшие.

— Разве? А я почему-то думаю, что это был ваш русский подполковник. Как погиб Горн?

— От разрыва гранаты.

— Нет. Он уже был мертв к этому времени. От разрыва гранаты погибло двое солдат, осматривавших трупы. У гауптштурмфюрера был сломан позвоночник. Как вы полагаете, кто мог это сделать? Кто там на месте был настолько силен?

— Ну, я как-то затрудняюсь на это ответить...

— Не знаете?

— Нет.

— Тогда я вам подскажу. Это был ваш подопечный — Вилкат!

— Но этого не может быть! Он никогда не напал бы на своего!

— Тем не менее он это сделал. И Горн стрелял в него в упор из своего пистолета.

— Невозможно!

— Однако уцелевший солдат охраны утверждает именно это.

— Но он без сознания! Ничего не говорит!

— Ну да... Он безнадежен, тут вы правы. Видимо, именно из человеколюбия медсестра и колет ему постоянно успокоительное. Чтобы он мирно умер во сне. И ничего при этом не рассказал...

— Ерунда какая-то...

— Да? А вот наша милая фройляйн как раз и нашла в корзине под столом осколки ампул. Именно от этих лекарств. И сумела побеседовать с солдатом, прежде чем он уснул. На этот раз — окончательно. Вы ведь не знали об этом ничего, так?

— Не знал...

— И оспаривать показания фройляйн Магды вы ведь тоже не будете? Обвинять ее в некомпетентности?

— Нет...

— Думаю я, что врач не откажется сообщить мне, кто же был настолько человеколюбив, что попросил его лечить раненого именно таким образом?

— Но...

— В свете вновь открывшихся обстоятельств я буду рекомендовать рейхсфюреру пересмотреть его отношение к вашей программе. Во всяком

случае — провести всестороннюю проверку всей вашей деятельности. Всей деятельности, вы меня понимаете?

— Да, герр советник...

— Вот и славно! Я вас более не задерживаю. Можете быть свободны. Пока...

ГЛАВА 14

Конечно, дорогой это направление можно было назвать весьма условно. Какой-нибудь современный автомобиль скончался бы на ней уже через несколько километров. Но трофейный «Опель» пер вперед очень даже резво. Во всяком случае, расстояние между мной и потенциальными преследователями неуклонно возрастало. Первый пост я миновал почти без задержки — видимо, солдаты на нем знали автомобиль и его хозяина. Тормозить меня не стали и шлагбаум задрали вверх очень даже резво. Так что проехал его я, только слегка сбросив скорость на повороте.

На втором посту пришлось открыть окно и высунуть в него недовольную морду. В левой руке я держал предварительно раскрытое удостоверение личности покойного гауптштурмфюрера. Повелительный взмах рукой — и солдат торопливо поднял передо мной опущенное бревно шлагбаума. На удостоверение он даже и не посмотрел, слишком очевидным было мое намерение сунуть его прямо ему в рыло. Априори в таком случае как-то не возникает желания внимательно вглядываться в содержимое документа. Задерживая столь недовольного офицера, солдат может схлопотать некоторые неприятности по службе. И не только в немецкой армии...

Перед моими глазами встала выжженная палящим солнцем земля. Редкие пальмы по обочинам дорог. Мы сидели под навесом на веранде небольшого придорожного кафе. Женька жадно пил холодный сок. Жара действительно была прямо-таки африканская. Что, собственно говоря, удивления не вызывало — как-никак, а находились мы именно там, в Сьерра-Леоне.

— Поделись секретом, — спросил я у Женьки, когда он поставил запотевший бокал на столик. — Как ты умудряешься по этим дорогам приезжать вовремя? Я так с запасом выезжаю, и то все время опаздываю. Пока на блокпостах втолкуешь солдатам, куда и зачем я еду, пока до них дойдет...

— Ты неправильно мыслишь. Надо учитывать их психологию.

— Это, прости меня, как? Они все — вчерашние крестьяне или вовсе — безработные. Их офицеры строгают так, что только стружка летит. Какая уж тут психология? Я и сам числюсь советником, тоже вроде бы как начальство, да пока это им втолкуешь, семь потов сойдет. А ты — так

вообще гражданский человек! С обычных водителей они так деньгу косят — наше ГАИ удавилось бы от зависти!

— Ты не прав. Что тут строжайше запрещено делать гражданским?

— Да много чего.

— А все же? Применимо к армии?

— Форму надевать запрещено. Оружие носить. Хотя его и так все таскают, вон, даже у тебя в машине АК лежит. Ты вообще обнаглел, между нами говоря, так его возить. Хоть бы под сиденье убрал. Я, конечно, понимаю, отмазаться ты сумеешь, но на фига это нужно — лишний геморрой?

— Вот смотри, — Женька подошел к своему джипу и взял с сиденья форменное кепи. Вернулся за столик, сел и надел кепи на голову. — Что ты сейчас видишь?

— Форменную рубашку и кепи. Брюк не видно, стол закрывает.

— Правильно. Только когда я встану из-за стола, будет ясно, что я гражданский, ибо брюки у меня обыкновенные. А то, что рубашка форменная — так это почти и не нарушение, погон-то на ней нет!

— Ну и что дальше?

— А вот представь себе этого солдата на блокпосту. С утра его взгрел офицер, опосля еще сержант довесил. Благо всегда есть за что. Стоит он — такой зашуганный и злой на весь мир. И видит — к блокпосту несется джип. На таком, как у меня, обычные люди здесь не катаются. За рулем сидит военный, в форменной рубашке и кепи. Я его всегда перед блоком надеваю. На сиденье висит автомат — его хорошо видно, я проверял. Погон издали не видно. Какая у него будет первая мысль?

— Ну... офицер едет. Форма, оружие — у гражданского так быть не может. И в немаленьких чинах — джип-то дорогой!

— Правильно! А я еще и посигналю нетерпеливо, мол, спешу, открывай! И за ксивой в карман демонстративно полезу...

— И что — открывают?

— Как видишь. Я тут уже не первый год так разъезжаю.

— И не тормозили ни разу?

— А кому охота по жопе лишний раз от начальства схлопотать? Дураков нет. Даже тут. А на некоторых постах меня, а точнее — мою машину, уже запомнили. Так что и сигналить не надо — сами все делают. В общем — бери на вооружение, пользуйся!

Знал бы он, где и как это мне пригодилось...

Однако же пора и честь знать. Иными словами — машину в овраг,

форму туда же и ногами по лесу. Километров на двадцать я уже оторвался, такое кольцо оцепления враз не построить, не бесконечные же у немцев тут резервы? Да и машина — приметная вещь. Это человека в лесу заметить трудно, а машину на дороге — плевое дело. Посмотрев на карту, я прикинул расстояние. Черт, еще бы с десяток верст проехать, и тогда бы я к месту встречи уже завтра бы и пришел. Заманчиво... Прикинем, где тут у фрицев посты могут быть? Перекресток я уже проехал, там пост стоял. Дальше, если по карте судить, дороги все больше махонькие, деревень нет, сворачивать некуда. Так что и посты ставить незачем — отсюда никуда не денешься. Если только ногами уйти. А этому никакой дорожный пост не помешает. Ну что — едем? Или пешочком?

Ладно, попробуем рискнуть. Еще километров десять я проеду, потом — машину долой и ножками, ножками. Леня, конечно, вещь великая, однако же и ей надо знать меру. До деревни доезжать незачем, ни к чему, чтобы там машину заметили.

Километров семь я проехал довольно быстро и слегка повеселел. Дорога мерно ложилась под колеса автомашины, и я задумался.

То, что Артур не совсем тот, кем хочет себя представить, я понял еще там, на месте боя. Снайпер был в маскхалате. Правильно — разведка у нас преимущественно так и ходила. Мог ли Вилкат быть одет как-то иначе? Как ни странно — мог. Маскхалат сам по себе ничего не доказывал. Просто лишняя деталь. Значительная, не спору. Но не самая главная. Мало ли где в горячке он его мог сбросить или обронить? Первой зацепкой стал нож. Такие же я видел у «курсантов» в деревне. Так что парабеллум из-под полы я не стал вытаскивать сознательно... Да и спиной к Артуру старался не поворачиваться. Уже на острове я рассмотрел ножик получше, да и консервы окончательно укрепили меня в своих подозрениях. Итак — он немец. Или действительно из Прибалтики. Разницы в этом для меня не было никакой — в любом случае он враг. Что он будет тут делать? Помирать в болоте он не захочет, без меня ему отсюда не выйти. Так что резать меня на острове он не станет. Значит, до сухой земли он нападать на меня не будет — можно спокойно спать. Какая у него задача? Так сам и сказал — доставить меня к своему руководству. Живым, что немаловажно! Значит, калечить меня без нужды он не будет — как меня тогда тащить? Особенно если ему подыграть... Наверняка у него есть какой-то способ прохождения постов. Должен быть, просто обязан! Или я уже ничего не понимаю в разведке... Так оно все и вышло. Ну а уж разговор с Горном был чистой импровизацией! Вообще-то я собирался их всех валить еще до его появления. По пуле солдатам, остаток — Артуру. Ну а водителя я бы

завалил уже из другого оружия — пока он сидит в кабине, опасности нет. Пока он поймет, что там у него в кузове стряслось, пока остановит машину... пообедать можно, не то что ствол подобрать. А когда появился Горн, то я и решил сыграть на нервах у Артура. Терпеть такую явную угрозу в мой адрес он не станет, как-то да среагирует. Так или иначе, но внимание Горна он отвлечет. Отвлеч... да еще как!

Так... Лишний раз убеждаюсь в том, что первые, пусть и неосознанные пока побуждения — всегда самые правильные. Вот говорила мне душа — брось машину и иди ногами! А лень твердила — езжай дальше. Вот и приехал...

На обочине стоял мотоцикл. С коляской и пулеметом на ней. За рулем сидел угрюмый дядька в немецкой форме. А на шее у него болтался жетон фельджандарма.

Такие же жетоны имелись и у двух его коллег. Один из которых стоял слева от дороги, а вот второй обозначился сзади. Плохо! Совсем не радует...

Я попробовал с ними уже испытанный прием — надавил на клаксон и повелительно махнул рукой, приказывая освободить дорогу. Щас! Недаром кто-то про них говорил (или писал?), что им сам черт не брат. Они и бровью не повели. А мотоциклист нажал на газ и выехал на середину дороги.

Серьезные ребятки... Чего им от меня-то надо? Ехал тихо, никому не мешал... Ладно, попробуем на базаре съехать.

— В чем дело обер-фельдфебель? — спросил я подходившего слева фельджандарма. — Я спешу, у меня важные дела.

— Будьте любезны, герр гауптштурмфюрер, ваши документы.

— Ради бога, обер-фельдфебель! — сказал я, засовывая за отворот куртки правую руку. — Никаких проблем...

Ага! Прямо-таки и никаких? Жандармы моментально напряглись и только что не взяли меня на мушку. Однако! Резких движений делать не надо...

Я медленно вытащил из-за отворота куртки удостоверение покойного Горна.

— Пожалуйста! — и протянул правую руку в окно, держа в ней документ.

Фельджандарм чуть отвел в сторону автоматный ствол и протянул за документом левую руку. Правая рука осталась на рукоятке автомата. Я успел рассмотреть, что оружие снято с предохранителя. Ага... Готовились

они всерьез, надо напрягать голову... Этот от меня слева, стоит в метре от машины. Еще один сзади, чуть правее. Расположился так, чтобы товарища не зацепить, молодец. Третий сидит за рулем мотоцикла, пулемет в коляске, винтовка за спиной — этого на закуску оставим. Секунд пять-шесть ему надо, чтобы к стрельбе изготавиться, а это чертова уйма времени. До Канады не добежим, а вот до него — очень даже вероятно.

Так. Распределяем цели. Кто у нас первый? Тот, кто ближе? Логично, но так думают и немцы. Значит, что? Значит, второй его сейчас подстрахует. Ему же сейчас документы проверять, на какое-то время он потеряет меня из виду, это неизбежно. И будет доступен для нападения. От машины он далеко не уйдет, а вдруг еще чего-то посмотреть надо будет? Значит, задний, он же второй, подойдет ближе, издали моих рук не видно — кузов закрывает... Точно, вот он сместился в сторону еще больше, теперь стоит напротив задней правой двери. Что он там пасет? Пулемет пасет — вон его ствол снизу торчит, на спинку заднего сиденья опирается. Стереотип мышления — большой ствол всегда самый опасный. Пулемет, как магнит, притягивал к себе взоры жандарма. На здоровье, за погляд денег не берут.

Еще больше навалившись грудью на борт, высовываюсь из окна. Правая моя рука оперлась о дверцу локтем. Пальцы нетерпеливо пощелкивают.

— В чем дело, обер-ефрейтор? Вам что, еще что-то от меня требуется? Еще какие-нибудь бумаги нужны?

— Да, герр гауптштурмфюрер! Если они у вас имеются...

— Не сомневайтесь — есть у меня и они! Держите!

С этими словами я протягиваю *правую* руку к правому же солнцезащитному козырьку, словно бы собираясь вытащить оттуда что-то важное... глаза жандармов напряженно устремились на *эту* руку...

Все-таки Травников великий мастер! Как это он сумел тогда фокус с трубкой проверить? Попробую и я сотворить нечто подобное...

Левой рукой я выхватил из дверного кармана «ВИС» и прямо сквозь дверцу трижды выстрелил в стоящего сзади фельджандарма. Удачно! Он скрючился и упал на землю. Первый...

Развернувшись, я упал спиной на сиденье, перехватывая пистолет в правую руку. Стоявший у двери обер-ефрейтор начал уже выходить из ступора. Бросив на землю удостоверение личности Горна, он стал перехватывать автомат. Ага! Щас, родной, только этого я и ждал! Мог бы и просто на курок нажать, так и пропилил бы всю машину напополам. Автомат-то на ремне висит, можно и с одной руки стрелять! Нет, что ни говори, а стереотип мышления — страшная вещь!

Бах!

Аж каска с головы слетела...

Второй...

Ударив ногой по ручке открывания двери (хорошо, что не современная машина, там этот фокус не прошел бы), я кубарем выкатился на дорогу. Навскидку выстрелил в третьего жандарма.

Так, а у этого, похоже, мозги переклинило. Не сумел сразу сообразить, что делать-то?

То ли винтовку из-за плеча рвать, то ли к пулемету прыгать? Или уж ходу давать, благо что за рулем? Что, впрочем, и неудивительно. Времени-то прошло секунд пять-шесть, не более. А в это время люди были менее быстрые, это я уже не в первый раз замечаю. Ритм жизни тут другой, нет нужды соображать с такой скоростью.

Вместо того чтобы кубарем свалиться в коляску к пулемету, как поступил бы я сам, этот лопух стал разворачивать мотоцикл. Скорее всего, именно поэтому моя пуля и просвистела мимо. Я-то его совсем в другом месте увидеть ожидал. А он вон уже где! Метров на пять отъехать успел.

Встав на колено, я перехватил пистолет двумя руками и прицелился. Мотоциклист уже успел вырулить на относительно прямой отрезок дороги. Еще метров пятьдесят, и стрелять по нему из пистолета будет не столь удобно. Возможно... Но сейчас-то он здесь? Третьим выстрелом я выбил его из седла. Вовремя. Один патрон остался. Привычка носить оружие с патроном в патроннике и в этот раз сослужила мне службу. Сколько раз я за это нагоняй получал? И не сосчитать уже...

Так, в темпе смотрим по сторонам. Живые и кусачие есть? Живые есть, а вот кусачих уже не осталось. Первый подстреленный мною жандарм еще ворочался в пыли. Перезаряжая на ходу пистолет, я подбежал к нему и ногой оттолкнул в сторону винтовку.

— Кого вы тут ждали?

— Не знаю... Был звонок, сказали, что партизаны убили нескольких солдат и угнали автомашину... мы...

— Сколько вас тут?

Все. Больше не скажет ничего. Помер, болезный, туда ему и дорога.

Так, что теперь делаем? Машина вся в пробоинах, ехать на ней дальше глупо. До первого поста. Нет уж, хватит с меня таких выкрутасов, в следующий раз может и не повезти. Мотоцикл?

Эсэсовский гауптштурмфюрер на мотоцикле? Нонсенс. Хм, а жандарм? Обер-ефрейтор пулю в башку словил, форма относительно чистая. А что, это мысль... Да и тормозить жандарма лишний раз не будут.

А если он еще и раненого везет... Правда, раненого у меня нет. Но есть убитый, вернее померший от ран. Сойдет? Отчего бы и нет? Так. А ехать нам куда? До места встречи со своими отсюда километров пятнадцать. Заезжать туда в таком виде нельзя, можно и не доехать. Уж кого-кого, а фельджандарма там явно не ждут. Карта у меня где? Вот она. Смотрим и соображаем. Сюда нельзя, тут наверняка немцы сидят. Сюда? Лучше не нужно, тут тоже всякие неприятные личности могут быть. Вот в это место — самое то. Немцев тут, скорее всего, не будет. Так что на подъезде к деревне прячем мотоцикл, переодеваемся и лесом-лесом.

Продолжая в уме прикидывать возможные варианты действий, я обшмонал убитых, забрал кое-какой хабар. Подобрал оброненное жандармом удостоверение Горна. Передел первого подстреленного в свою форму, кое-как перевязал. Посадил его в коляску и приладил в полулежащем положении. Запихал одного из фрицев в машину и, проехав по дороге около трехсот метров, загнал ее в лес. В темпе нарубил веток, закидал ими автомобиль и по возможности подчистил следы его заезда в лес. Отошел в сторону и полюбовался плодами своего творчества. С дороги машина не видна, да и вблизи ее увидят не сразу. Как бы то ни было, а основания для серьезных поисков у немцев нет, и лес они в этом месте прочесывать не будут. Вернувшись к мотоциклу, я положил последнего жмура в коляску и тронулся вперед. Проехав около полутора километров, я скинул его на дорогу и бросил рядом автомат. По моим прикидкам ближайшие немцы могли быть приблизительно в трех-четыре километрах отсюда. Пропавшего патруля неизбежно хватятся и начнут поиски. Так пусть лучше они найдут подстреленного фрица здесь, нежели поблизости от замаскированной автомашины. Значит, и лес они будут осматривать здесь, а не там, где это на самом деле нужно. Сбежав в кусты, я в паре мест срубил ножом ветки, стараясь сделать это так, чтобы следы моей деятельности были видны с дороги. Высыпал из кармана подобранные в салоне стреляные гильзы и побежал назад, к мотоциклу.

Радиограмма
Михайлову.

Вышли в точку встречи номер два, где соединились с первой группой. О второй группе сведений не имею. Документы сохранены. Объект поисков не обнаружен. Поисковые группы противника проводят интенсивный поиск в квадратах... Возвращение в заданный район в настоящий момент сильно

затруднено. Жду дальнейших указаний.

Роман.

Роману.

По имеющимся сведениям вторая группа уничтожена противником. Объект поиска захвачен спецподразделением СС. Приказываю отойти из точки рандеву, продолжая наблюдение за ней в течение суток. После чего отойти в квадрат 21–14, откуда вы будете эвакуированы.

Михайлов.

ГЛАВА 15

— Разрешите войти, товарищ генерал-майор?

— Входите, капитан. Присаживайтесь. Что у нас нового?

— Глазастый вышел на связь!

— О как! Наконец-то! Мы уж думали — все, спалили парня... Что у него?

— В институте новая метла — профессор Вайнтрауб. Разогнал всех прежних сотрудников. Назвал их шарлатанами, зазря разбазаривающими народные деньги. Ассистент Маурера...

— Лееб?

— Так точно. Он арестован и отдан под суд. Официальная мотивировка — растрата выделенных на эксперименты средств и махинации с отчетностью.

— А на самом деле?

— Ему поставили в вину то, что он и покойный профессор долгое время вводили в заблуждение руководство. Подтасовывали результаты экспериментов и водили за нос ОКБ.^[1]

— То есть на программах Маурера можно ставить крест?

— Думаю, что да, товарищ генерал-майор. На то, чтобы воссоздать программу в прежнем виде, по мнению Глазастого, уйдет не менее года. И то при сохранении прежнего финансирования. А оно, по нашим сведениям, сильно урезано.

— Так... — генерал встал из-за стола и прошелся по кабинету. Сделал знак садиться вскочившему на ноги капитану. — Так... Значит, мы достигли поставленной руководством задачи даже более эффективно, чем рассчитывали...

— Осталось подождать подтверждения этих сведений из параллельных источников. Но я полагаю, что они дадут такую же информацию.

— Да... Видите ли, Дмитрий Валерьевич, тут какая у нас новость образовалась... Я как раз уже собрался вас вызывать, а тут вы и сами. Да еще с приятными новостями! Да... короче, мы захватили документы Маурера.

— Мы?!

— Я так понимаю, что это сделала группа Чернова.

— Постойте-постойте, товарищ генерал-майор, так это как-то связано

с той ориентировкой? Ну, вы помните, я вам тогда докладывал? По Леонову!

— Думаю, что связано. В общем, мне позвонили оттуда, — рука генерала ткнула куда-то вверх. — И сказали, что в ближайшее время эти документы будут переданы нам.

— И вы полагаете, товарищ генерал-майор, что толчком к этому послужила наша информация?

— Скорее всего так, капитан. Скорее всего так. Мы с вами не знаем, какую ценность представлял из себя этот Леонов и зачем он был нужен Чернову. Но если ради того, чтобы попытаться его достать, направили целую группу, которая вдобавок грохнула профессора и получила его документы... — генерал покачал головой. — То ценность эта должна быть очень и очень немаленькой.

— В таком случае, товарищ генерал-майор, у нас есть новость, которая наверняка их обрадует.

— И какая же?

— Глазастый сообщил нам, что в процессе проведения эксперимента на полигоне одним из подопечных профессора был взят в плен подполковник РККА Леонов.

— Поймите, так это тот самый Леонов? Ничего себе «радостная» новость!

— Это еще не все, товарищ генерал-майор. В процессе транспортировки Леонова к командованию этот самый подопечный напал на конвой. При этом им был убит гауптштурмфюрер Горн.

— Начальник объекта «Глубокое»?

— Так точно, он самый. Леонов бежал, перебив остальных солдат конвоя.

— Да, вот это новость так новость! Очень даже вовремя. Спасибо, капитан. Впредь обо всех сообщениях Глазастого докладывать мне вне всякой очереди и в любое время дня и ночи. Можете быть свободны.

Капитан вышел из кабинета. Генерал проводил его взглядом и поднял телефонную трубку.

— Коммутатор? «Рокаду» мне. «Рокада»? Одиннадцать-четырнадцать дайте. Алло? Будьте добры Архитектора. Товарищ Архитектор? У аппарата Грымов. Располагаю сведениями об интересующем вас человеке. Да-да, о нем самом. Когда вас ожидать? Понял. Жду.

Радиопереговоры

— У аппарата Третий.

— Первый на связи. Докладывайте, что у вас нового?

— В процессе поисков нами был выявлен любопытный факт: один из мобильных патрулей фельджандармерии имел огневой контакт с неизвестными. Это произошло за пределами зоны оцепления. При этом погиб один из патрульных, а второй был ранен. Старший патруля, обер-ефрейтор Гарнике, сообщил о факте нападения и указал место, где это произошло.

— Кому он сообщил?

— На дороге был пост вспомогательной полиции. Старшему поста он и передал эту информацию.

— Кто был старшим поста?

— Э-э-э... это был местный полицай. Заместитель начальника полиции.

— Он говорит по-немецки?

— Не знаю.

— Проверьте этот факт. Заодно расспросите и этого... Гарнике. На каком языке они разговаривали?

— Боюсь, что это будет затруднительно сделать. Сгоревший мотоцикл обер-ефрейтора был обнаружен в трех километрах от поста. Там же был обнаружен труп второго члена патруля, того, который был ранен. Сам Гарнике исчез, видимо его увели нападавшие.

— Вы хотите сказать, что имеют место две разные группы?

— По-видимому, так.

— Распорядитесь, чтобы тела погибших были доставлены сюда. Немедленно! И опросите этого вашего полицая!

Спустя три часа

— У аппарата Первый. Слушаю вас.

— На связи Третий. Разговор был по-русски. Обер-ефрейтор сначала говорил по-немецки, но когда понял, что его не понимают, перешел на русский язык. Говорил он неправильно, ошибался, но его поняли.

— Да? Какой талантливый фельджандарм!

— Не понял вас?

— Рота фельджандармерии переведена сюда месяц назад. Из Франции. Так вот, сослуживцы Гарнике утверждают, что русского языка он не знал! Им владел один из членов патруля, рядовой Маховски.

— Именно его мы и нашли первым. Там, где указал обер-ефрейтор.

— Очень хорошо. Так вот, Маховски знал по-русски всего десяток фраз. Каков же был талант обер-ефрейтора, что он за месяц выучил

русский так, что сумел объясниться со старшим поста?

— То есть вы хотите сказать...

— Да! Это не Гарнике! Это все тот же русский! Или уже какой-то другой, но не менее хитрый и опасный. Найдите его! И не медлите!

— Понял вас. Приступаю.

То, что у меня на хвосте снова повисли надоедливые «сопровождающие», я заметил ближе к концу дня. Радовало только одно: они шли без собак и моих следов, по-видимому, еще не отыскали. Отсутствовала у них ясная цель. В оптику на СВТ было видно, как они осматривают ямки, овражки и прочие скрытые места. Но вот какого-то определенного направления поисков в их движениях не просматривалось. Ну, такими темпами они могут меня искать до второго пришествия. Скорость моего передвижения была выше почти вдвое. Судя по карте, дорог тут было мало. Оперативно подбросить подкрепление не выйдет. Да и ресурсы у немцев не безграничны. По моим следам шло около взвода. Сколько я ни осматривал округу, больше никого не увидел. До точки randevу мне оставалось около пяти километров.

Радиограмма

Роману.

По вновь полученным данным объект поиска уцелел. Примите меры к его обнаружению. Возможен отход объекта в вашем направлении.

Михайлов.

Из воспоминаний подполковника Барсовой Марины Викторовны

Вот уже второй день мы сидим на точке. Марк и Гриша пришли сюда раньше нас. Пришли тихо, контактов с немцами по пути у них не было. Так что обошлось без стрельбы. Нам с командиром пару раз пришлось браться за оружие. Казалось, что вот-вот — и придется валить слишком любопытных фрицев. Но, слава богу, пронесло и тут. Оба раза немцы не доходили до нас всего ничего, какую-то пару метров. Я мысленно восхищалась выдержкой командира. Один раз немец наступил ему на ногу. Точнее, не совсем на ногу, а на ту кучу хвороста, под которой эта нога была. Я бы на его месте уже прострелила ему башку. А командир

выдержал. В итоге немец ушел, так ничего и не заметив. Словом, к месту встречи мы пришли изрядно вымотанными. Отстучав радиogramму и получив ответ, я забылась в каком-то подобии сна. Расшифровывать радиogramму я не стала: она была зашифрована личным командирским шифром. Долго поспать не вышло: командир меня разбудил.

— Вставай, Котенок! Надо уходить.

— Чего так? А ребята? Яша, Игорь? Мы не будем их ждать?

— Ты сама слышала стрельбу. Да и Центр подтвердил — погибли наши ребята.

— Мы совсем уходим?

— Отходим в сторону, здесь оставляем одного человека — наблюдать.

— За кем наблюдать?

— Приказ Центра. Ждать здесь еще сутки. Потом уводить к своим.

— Леонова не ищем больше?

— Поздно его искать. Взяли немцы. Спецгруппа СС.

— Как же так?

— А вот так. Сама знаешь, какие там могут волки быть. Тут и группа-то не всякая совладает, а уж в одиночку и вовсе ловить нечего.

Мы быстро собрались и отошли в лес. На месте остался Гриша. Облюбовал себе чердак поукромнее. Вокруг было полно полуразрушенных и полусожженных домов. Вот в одном из них он и залег. Когда-то в деревне происходили сильные бои. В итоге от нее осталось одно название и куча развалин без признаков жизни. Население, уцелевшее после боя, покинуло это место.

В лесу мы быстро оборудовали временную стоянку, построили шалаш. Впервые за много дней поели горячего. После этого командир распределил очередность отдыха и бодрствования. Мне выпало поспать аж четыре часа! Надо ли говорить, что этот сон был для меня самым сладким в жизни?!

Разбудил меня Марк.

— Вставай, Котенок. Чаю хочешь горячего?

— Да еще как хочу! Но спать больше хочется.

— Увы, это дома делать будем. Командир сказал будить: скоро сеанс связи.

— Точно, как это я сразу не сообразила! Давай, тащи чай, а я рацией займусь.

Центр ответил практически сразу. Полученная радиogramма была очень короткой, и я отнесла ее командиру. Эту радиogramму я расшифровала сразу, и ее содержимое добавило мне волнения. Командир

спал, накрывшись плащ-палаткой. На какую-то секунду у меня дрогнула рука: не хотелось его будить. Он спал совсем как ребенок, даже губами во сне причмокивал. Поборов свои колебания, я тронула его за плечо.

— Товарищ майор!

— А... что там?

— Центр отменил свой приказ. Мы должны продолжать поиски Леонова. Он может отходить в нашем направлении.

— Подожди-подожди... я сейчас... — майор рывком сел и помотал головой. — Черт, только лег! Еще раз и поподробнее.

— Держите! — я протянула ему страницу из блокнота.

Он взял ее и несколько раз прочитал.

— Так... Значит, по новой те же пляски. Слушай сюда. Документы ныкаем здесь. Один человек постоянно будет тут. Что бы ни случилось, а бумаги эти надо доставить к своим. Любой ценой. В деревне оставляем одного человека. Один человек отдыхает. Еще один вот там, — он показал направление рукой, — у реки будет. Там тоже дорога есть. Где бы наш клиент ни пошел, либо к реке, либо к деревне выйдет. Нет тут других удобных проходов. Если только совсем по чащобе ломиться. На это время уйдет, и сил потратить много придется. Марк — отдыхать. Котенок, ты здесь. Я — к реке. Через два часа Марку подъем. Меняет Гришку. Тот пусть отсыпается. Потом сменит меня. Всем все ясно?

Вопросов ни у кого не было. Наскоро перекусив, мы разбежались по указанным местам.

Прошел день. Никто не выходил к деревне, и около реки тоже не было никакого движения.

ГЛАВА 16

Утром, наскоро перекусив, я выдвинулась к деревне: сегодня была моя очередь. Местом наблюдения мы выбрали тот самый чердак, на котором Гриша засел в первый раз. Прошло около двух часов. На дороге, ведущей к деревне, я заметила какое-то движение. Отодвинувшись вглубь чердака, чтобы не было видно блеска линз, я приподняла бинокль.

Немцы. На дороге я увидела пятерых. Еще какое-то количество шло по обе стороны дороги, я видела, как шевелятся кусты. Идущие по дороге немцы на это никак не реагировали, из чего я сделала вывод, что по лесу идут свои. Сколько же их может там быть? И какова цель их визита? Будут ли они прочесывать деревню или просто пройдут мимо? Я решила не рисковать и на время отойти в лес. Но, посмотрев в ту сторону, увидела на краю деревни мелькающие фигуры в камуфляже. Вот оно как! Сначала они обошли деревню лесом и перекрыли из нее выход с противоположной стороны. А уже только потом по дороге подошли остальные. Это не просто прикомандированное подразделение! Это профессионалы контрпартизанской борьбы. В их неторопливых движениях ощущалась какая-то уверенность в своих силах. Бежать уже не получалось. Воевать с целой толпой фрицев в мои задачи не входило. Ясно, что ребята поддержат, но, во-первых, это будет не сразу, а во-вторых, после этого из деревни придется уходить. И всей операции каюк. Поэтому будем прятаться. В глубине чердака мы заранее оборудовали убежище. Во время дежурства мы все по очереди таскали туда обломки досок и прочий мусор. Под обломившейся балкой мы устроили лежку для одного человека. На первый взгляд это была просто обрушившаяся крыша, и даже в упор невозможно было рассмотреть скрывающегося там человека. Осмотрев место, где я сидела, на предмет следов, указывающих на мое присутствие, я таковых не обнаружила. И с чистой совестью забралась в лежку. Еще минут через двадцать я услышала, как на улице скрипит песок под ногами приближающихся немцев. Потом эти шаги стали слышнее. Кто-то поднимался вверх. Прильнув к щели, я увидела грузного немца. В руках он тащил пулемет. Подойдя к окну, он уселся аккуратно на наше место и примостил пулемет на подоконник. После этого он замер и почти перестал дышать. Интересно, это они что же — засаду здесь устраивают? Хотелось бы знать, на кого? Исходя из имевшейся у меня информации, кандидат мог быть только один. Тем временем и остальные немцы потихоньку затихли.

Во всяком случае я не слышала больше никого. Так прошел еще час. Фрицы не подавали признаков жизни. Однако... Еще через час ко мне подойдет смена. Во всяком случае должна подойти. Правда, если ребята засекли передвижения немцев, то они будут ждать. А если не засекли? На этот счет у нас тоже был сигнал. И, забираясь в лежку, я его задействовала. Чердак имел несколько окон, выходивших в разные стороны. В одно из них мы вставили кусок железного листа. Наблюдать он не мешал, а снятый и положенный на пол, означал сигнал «внимание!». Открытое окно хорошо просматривалось в бинокль из леса. И отсутствие листа замечалось сразу же. Так что, надеюсь, ребята, прежде чем идти, глянут в этом направлении.

Стоп... Что-то произошло в деревне. Я услышала шаги, голоса и обрывки команд. Немцы выходили из развалин и строились на улице. Сквозь щели в разбитой крыше я могла видеть фланг их построения. Всего их было около десяти человек. Может быть, и больше, но в моем поле зрения они не появлялись. Отрывистая команда, — и они зашагали к выходу из деревни. Странно! Они уходят? Почему не все? Мой пулеметчик остался сидеть на своем месте. Да и входило их в деревню больше. Сквозь дырки в крыше я могла видеть уходящий отряд, в нем было не более десяти-пятнадцати человек.

Они выходят? Но не все. Кто-то смотрит на деревню. И эта комедия для него. Мол, мы уходим, в деревне пусто. Сейчас они уйдут в лес, и те, кто за ними наблюдают, придут сюда. На пулеметы. И я ничего не смогу сделать. Ну, положим, этого пулеметчика я уберу. Но ведь есть еще и другие. Я еще не знаю, сколько их и где они сидят. Да и вылезать раньше времени — тоже не самая лучшая идея. Сколько человек может войти в деревню? Исходя из количества оставленных в засаде людей, а я оценивала их приблизительно в десять человек, вошедших не должно быть слишком много. Два-три человека, не более. Как долго они еще будут сидеть в своем убежище? Через несколько часов стемнеет, видимость ухудшится. В равной степени плохо будет всем, и входящим, и сидящим в засаде. Значит, пойдут они скоро, примерно через час. Нет никакой необходимости высиживать в лесу дольше после того, как наблюдатель засек уходящий отряд. Сейчас немцы ушли, но ведь они могут и вернуться. Должны же они где-то стать на ночлег. А до ближайшей деревни отсюда километров тридцать. Не дойти. А для ночлега эта деревня ничуть не хуже любого другого места. Вокруг лес, а в лесу полно болот. Не дуже комфортное место для ночевки. А из этой деревни можно выйти не только по той дороге, по которой пришли немцы. Есть выход к реке, и по двум другим дорогам отойти можно. Болота же за деревней меньше, и даже лес относительно свободно

проходим. Выгодно в свое время деревню построили. Как раз на перекрестке дорог стояла.

Фрицы затихли совсем — ни звука, ни вдоха. Явно готовились к чему-то. К чему? Понятное дело, что из своей ухоронки я могла видеть только небольшие кусочки от общей картины. Но повисшее в воздухе напряжение, похоже, и меня коснулось каким-то образом. Осторожно, стараясь не зашуметь, я вытащила из кобуры наган. Из кармана достала глушитель и стала прикручивать его на ствол.

Немец у окна внезапно напрягся, приподнялся, и я расслышала внизу осторожные шаги. Шел один человек. Временами он останавливался, словно бы прислушиваясь. Потом снова делал пару шагов и опять стоял. Вот он, тот, кого ждали немцы. Стрелять? Валить этого, сидящего передо мною фрица? Судя по позе пулеметчика, по тому, как он сопровождал стволом цель, человека этого он видел. Но не стрелял. Почему? Хотят взять его живым, и пулеметчик сидит тут на подстраховке? Тогда выстрел ничего не даст. Внизу наверняка есть еще солдаты. Да и, несмотря на глушитель, выстрел могут услышать. Тогда всем хана — начнут стрелять на поражение. И этого, внизу, ухлопают, да и мне уже не уйти. Нет, не буду пока стрелять, обожду чуток...

— Хальт! Стоять!

Я даже вздрогнула от резкого выкрика.

И тут же ударил пулемет. Длинной, патронов на тридцать, очередью. Немец у окна приподнялся и описал пулеметным стволом странную фигуру, словно бы очерчивая что-то, невидимое мне.

Топот ног, резкие, отрывистые команды.

Все внезапно затихло, я слышала только напряженное дыхание пулеметчика.

Звук шагов, кто-то шел из глубины дома. Похоже, он сидел прямо подо мною. А я не слышала его, даже и не подозревала, что в доме кроме меня и пулеметчика есть кто-то еще.

Стукнула дверь, неизвестный вышел на улицу.

— Подполковник Леонов? Позвольте представиться — гауптман Борг, — немец очень неплохо говорил по-русски. — Очень рад, что наша игра в кошки-мышки наконец закончилась. Будьте так любезны — положите свое оружие. Не надо делать глупостей, вы же разумный человек...

ГЛАВА 17

То, что немцы подустали, я заметил не сразу. Понятное дело — это не «курсанты», коих я уже насмотрелся. Эти жрать хотят, да и отдохнуть не прочь. И в кустики время от времени бегают. Обычные, я бы даже сказал — нормальные люди. А значит, и потребности с возможностями у них самые обыкновенные. Поди, с самого утра тут по дороге колбасятся? Если не раньше. Вот и возникла у меня интересная мысль...

Немцы, в отличие от меня, знают, где и кто у них еще сидит. Схлопотать пулю от своих неохота — френдлифаера никто еще не отменял. Значит, в лоб на засаду не пойдут. Зоны ответственности у них, ясен пень, установлены. Стало быть, идем за ними. Сзади. Пропустим их мимо и потихонечку пойдем. Так сказать — дыша им в затылок. Глядишь — и выйдем куда надо. Обойти их, конечно, можно. Только вот не факт, что при этом другие не засекут. Этих-то я по крайней мере вижу. Не всех, но основные — вот они, как на ладошке. Идут они в правильном направлении. Точку встречи никак не минуют. Да и сложно это сделать. Вокруг болота, черт их знает, насколько они проходимы? А дорога эта упирается прямо в деревню. Там меня и ждут. Вернее, не меня. Ребят погибших там ждут. Фрицы эти через деревню пойдут. И даже осмотрят ее наверняка. Не думаю, правда, что их там будут с нетерпением ждать. Ну, сколько человек в нашей разведгруппе? Три? Пять? Десятка точно не наберется. Так что воевать с немцами они не станут. Скорее всего, отойдут, а потом, уже после проверки и ухода взвода поисковиков из деревни, тихонечко назад и приползут. Вот и надо их при этом не зевнуть. Одно дело, когда на равных с командиром группы говорить смогу. И совсем другое, ежели притащат меня, как батон вареной колбасы, веревками плотно перевязанного.

Выбрав укромное место, я закатился туда и замер. Место это представляло собою старое, давно упавшее и местами уже подгнившее дерево. Вот в этот-то трухлявый ствол я и закопался. Присыпав себя по возможности этой самой древесной трухой и закрыв остальные части тела замшелыми обломками веток этого же дерева. Устроившись таким образом, я достал из-за пазухи подаренный мне на болотах снайпером наган с глушителем и замер в ожидании. Прошло около часа. Немцы не особенно торопились. Но вот вдали зашуршал кустарник. Подходят?

Сквозь просверленные ножом в коре отверстия было видно ступившего на поляну солдата. Камуфляж. Такой же, как и на эсэсовцах.

Они тоже оттуда? Что-то это меня уже задолбало.... Не слишком ли их тут до хрена шастает?

Солдат с карабином наперевес шел неторопливо. Тем не менее его кажущаяся медлительность явно была мнимой. Парень крепкий, хорошо тренированный и быстрый. Когда в лесу чуть правее него треснул сучок, он не стал резко падать на землю. Слегка присел и повернулся в ту сторону, вскинув оружие к плечу. Да-а-а... Подготовленный дядя. За доли секунды успел проанализировать звук, понять, что опасности он не несет. Вот и не стал никуда прыгать, хоть голову в ту сторону все же и повернул. Хреновато... Если по моим следам ходят такие вот деятели... Долго я от них не пробегаю. Надо срочно отсюда ноги делать. И чем скорее — тем лучше.

Успокоившись, солдат продолжил свой путь. Мимо моего схрона он прошел не задержавшись. Ну и правильно, в случае чего первым пулю бы и огреб. Наган с глушаком я держал под рукой. Звук его шагов затих вдали, но я не спешил вылезать из своего убежища. Что-то удерживало меня от этого... Что? Даже трудно было это сформулировать. В лесу было тихо, но я продолжал лежать. Даже дышать почти что перестал. Снова шаги и снова оттуда же, откуда и шли солдаты. Так их две волны? Вот как... А я вторую и не видел даже. Во второй волне людей было меньше, через мою полянку никто из них не прошел. Протопали правее. Теперь, надеюсь, все? Пот градом катился у меня по лбу, и я с удивлением это отметил. Надо же! Нечасто у меня бывают такие вот штуки. Что-то меня эти немцы зацепили. Давно не встречал я таких вот волкодавов. Это плохо. Такие вот упертые и хорошо обученные ребята могут идти за мной долго. А если они по пути и наших на точке randevу зацепят? Вот это будет архифигово. Понятно, что там не лохи ушастые сидят. Но ведь и не взводом же! Что я могу сделать? Завалить пару-тройку и увести их за собой? А если есть и третья цепь? Тогда вторая развернется и они прихлопнут меня как муху. А первая цепь пойдет дальше. И где гарантия, что они не зацепят наших? Те, наоборот, услышав стрельбу, могут рвануть на выручку к своим. И гарантированно влетят под немецкий каток...

Нет уж... Пойду за ними. Снайперка и пулемет в тылу наступающей цепи могут очень здорово смешать карты, даже и при самом удачном раскладе.

Через пару часов немцы подошли к деревне. Вернее, к тому, что от нее осталось. По ней когда-то хорошо отбомбились, да и потом крепко сцепились уже на ее развалинах. Следы этих боев и сейчас были хорошо видны. Целых домов тут почти и не осталось. Какой без крыши, а какой и

без стены. Улицы завалены обломками и мусором. Да... людей тут нет, и, пожалуй что, уже давно.

Перед деревней немцы остановились. Вышли на дорогу. Что-то мало их? Или это у страха глаза велики? На дороге стояло около двадцати человек. Или чуть меньше, мне с моего места было не очень хорошо их видно. Странно... мне казалось, что в лесу их было больше...

Постояв какое-то время, фрицы вдруг растянулись в цепь и пошли в направлении деревни. Чего они ждали? Команды? У них есть рация? Где? Радиста я не видел.

Тем временем цепь достигла крайних домов, и солдаты скрылись между ними. Некоторое время я еще видел между домами мелькающие фигурки, потом и они скрылись из виду. Они прочесывают деревню? Вполне вероятно, я на их месте поступил бы так же. Что они будут делать после? Останутся здесь или уйдут?

Через полтора часа я получил ответ на этот вопрос.

Фигурки снова замелькали между домами, и я увидел, как солдаты снова строятся на улице. Закончили прочесывание? Не рано? Хотя... целых домов тут почти не осталось, а чтобы прочесать все развалины, нужно не меньше роты. И световой день. Так что чисто формально они все сделали правильно.

Последний солдат скрылся в лесу, а я все лежал на своем месте. Идти? Или нет? При всем кажущемся разнообразии вариантов путей в деревню всего два — по дороге и по берегу реки. Больше нигде не пройти — болота. Кстати, видимо, именно поэтому в деревне шли столь жаркие бои. Наши, скорее всего, держали оборону в этой деревне, а немцы их оттуда вышибали. И, как следствие, не пожалели бомб и снарядов. Итог — передо мной. Ждать ночи? А вдруг, пока я тут лежу, наши уйдут из деревни? Сегодня последний день. Если я правильно понял тогда снайпера. Если они вообще тут были. Если это то самое место. Могли и раньше уйти. И я, как лопух, полезу в пустые развалины, разыскивая там неведомую мне точку встречи.

Так что? Ждать? Идти? Как там у классиков? «Если не знаешь, что делать — иди вперед!»

Повесив пулемет на плечо, я вышел на дорогу.

Вот уже и первые дома. Точнее, то, что когда-то ими называлось. Обходя обломки, прислушиваясь на ходу, я продолжал идти, прижимаясь к правой стороне улицы. Получалось не очень, видимость тут была неплохой. Так, вот справа длинная стена какого-то сарая, возле нее обломков почти нет. Ну и правильно, сарай-то целый! А вот дому напротив

досталось: полкрыши как не бывало. В сарае были ворота, в настоящий момент чуть приоткрытые. Тихо... Или это у меня слуховые галлюцинации от перевозбуждения? Вроде звякает что-то? Или это лента у меня в пулемете? Ага, как же, это она в кругляше так позвякивает? Щас... А ГДЕ?

Р-р-р-рах! Длинная пулеметная очередь взметнула пыль перед моими ногами. Выбила щепки из стены сарая. Так, что они полетели мне прямо в лицо. Потом они посыпались уже мне на голову. Ударили по спине...

Вилы... Пулеметчик сидел в чердачном окне, напротив меня. Я хорошо видел вспышки, вылетающие из ствола его оружия. Видел разлетающиеся веером гильзы.

Выбегающих из развалин немцев с нацеленным в мое лицо оружием. Все. Не уйти. И даже рукой не шевельнуть — срежут из десятка стволов.

Не добежав до меня нескольких метров, солдаты остановились. Наступила тишина, только хрипло дышал наверху пулеметчик. Чего это он так? Перевозбудился от радости? Так я ж не баба...

В глубине дома слышались шаги, кто-то шел. Заскрипела открываемая дверь, и на улицу шагнул крепкий мужик в камуфляже.

Странно, но его лицо показалось мне чем-то знакомым... Дежавю?

Подойдя ближе, немец остановился и с интересом меня оглядел.

— Подполковник Леонов? Позвольте представиться — гауптман Борг. Очень рад, что наша игра в кошки-мышки наконец закончилась. Будьте так любезны — положите свое оружие. Не надо делать глупостей, вы же разумный человек...

Так... Похоже, что толстая полярная лисичка улыбнулась мне полным ртом... Жаль, я только было успокоился, думал, вот, скоро уже своих увижу... В лучшей жизни, пожалуй, и увижу. А вот тут... уже навряд ли.

Я осмотрелся. Немцы стоят грамотно, директрису друг другу не перекрывают. Значит, стрелять будут сразу, как только я дернусь. Пулемет повернуть уже не успею, максимум, что смогу, — срубить ту парочку, что напротив меня стоит. И все.

— Не затягивайте, подполковник. Я, конечно, имею приказ взять вас живым. Однако же там не указано, насколько живым. И ничего не сказано о том, что вы при этом должны быть невредимым. Так что прострелить вам руки-ноги мне никто не мешает. Не надо провоцировать моих солдат, они и так не пылают к вам дружескими чувствами.

— Что же будет им мешать высказать мне это недружелюбие уже после того, как я положу оружие? Так хоть меньше мучиться буду...

— В этом не заинтересован уже я! Не скрою, если вас привезут

простреленного и избитого — это один из возможных вариантов. И совсем иначе это будет выглядеть, если на вас не будет и ни царапинки. Вторым вариантом мне более по душе. Но и против первого я не особо возражаю. Во всяком случае, жизнь своих солдат я ценю выше, чем благорасположение начальства.

В глазах солдат я заметил явное одобрение. Грамотный гауптман, и, похоже, солдаты его любят. Во всяком случае — уважают. Значит, в обиду не дадут и стрелять станут сразу, стоит мне только рукой неправильно шевельнуть. Таким образом, весь мой огнестрел стал бесполезным. Не успеть... Я наклонился и поставил пулемет на землю.

— Винтовку, герр подполковник!

— У меня не десять рук, гауптман!

Я взялся рукой за ремень. Немцы напряглись, хоть и не так явственно, как тогда, когда у меня в руках был пулемет. СВТ легла рядом с пулеметом. При этом я слегка тряхнул левой рукой, и из рукава мне скатился в ладонь пистолетный патрон. На землю бы он не упал — висел на веревочке. При этом веревочка была привязана к запалу от гранаты. Каковая, в свою очередь, была закреплена у меня под одеждой. Старый я волк... знаю, что бывает, когда ты весь оказываешься во власти противника... Не верю я гауптману...

— Теперь — пистолеты! Расстегните кобуры, но оружие пока не вынимать!

Это еще почему?

— Кстати, гауптман. Если уж все так вышло, как вы сумели все это организовать?

— Вас заметили еще в лесу. Когда вы шли за нами. Но там был риск вас упустить. Или не найти, если бы вас подстрелили. Другого пути отсюда у вас нет, деревни не миновать никак. Крюк слишком большой выйдет. Вот мы и разыграли этот импровизированный спектакль. Вы же не знали, сколько нас?

— Нет. Не знал.

— Правильно. Ибо часть взвода (ага, все-таки взвод!) все время шла чуть в стороне. Вы их даже не заметили (видел я их, а точнее — слышал). В деревню по дороге вошли те, кого вы видели. Остальные просочились ползком. Потом первая часть солдат вышла из деревни, а остальные стали ждать вас. Вот и все. Признайтесь — хорошо исполнено?

— Весьма неплохо.

— Благодарю. Серьезно, герр подполковник, похвала из ваших уст для меня много значит!

Теперь, будьте любезны, достаньте ваши пистолеты. Осторожно, двумя пальцами руки... Кстати, зачем вам их так много? Хватило бы и одного...

— Привычка...

Так... Ну что — поехали? Больше шансов не будет. Как только я положу пистолеты, они прыгнут. Вон, трое солдат уже карабины за спину перекинули. Промедлю хоть чуток, и уже не успею даже за веревочку дернуть. Зафиксируют руки, и тогда будет поздно.

Чпок! Чпок!

Странно знакомый звук...

Похоже, что и Борг услышал его, стал поворачивать голову...

— Держи соску!

И прямо в центр нашего построения на песок упала дымящаяся граната...

Хлопок капсюля-воспламенителя прозвучал еще в воздухе...

ГЛАВА 18

...Солнце жарило с утра так, будто намеревалось испечь нас заживо. Камни стены за несколько дней жары нагрелись, и прижиматься к ней плечами было вовсе некомфортно. Однако же делать было нечего: вид из окна открывался очень даже неплохой — просматривалась вся улица. Пришлось снять разгрузки и бронежилеты, чтобы подобраться к дому поближе. Теперь мы стояли всего в десяти метрах от него. И что? Хоть в десяти километрах, итог тот же. Не успеть...

В доме сидел давно разыскиваемый всеми нами (да и вообще всеми федералами) местный амир — Саид. В принципе, ушлые ребята из контрразведки давно подозревали, что он скрывается где-то в этом селе. Но он был волк стреляный и днем на улицу не вылезал. А ночью в селе его искать было без мазы. Вот и приходилось рассчитывать на изворотливость контрразведчиков. Которые по им одним известным признакам пытались вычислить его убежище. Вот уже несколько раз мы выезжали на адресные проверки. И каждый раз — облом! Нет, один схрон мы нашли-таки. Только был он пуст. Клиент покинул его не так давно, чайник на столе еще не успел окончательно остыть.

Значит, он, скотина, где-то здесь. Не уходит, хотя и может. Что-то держит его в селе. Хотя, откровенно говоря, он умудрился задолбать не только нас. Местные ребята, те, что нам помогали, тоже не испытывают к нему братской любви. Да, единоведец, да, местный. Но крайне жестокий человек, иногда — так совершенно попусту. Так что и местным он тоже нравился далеко не всем. А этот дом...

Только вчера мы в нем пили чай. Хозяин дома, местный участковый Ильяс Ходжаев, с гордостью показывал нам своего маленького сына.

— Смотри, брат, какой он сильный! Как меня за палец хватает! Вот увидишь — вырастет, всех нас за пояс заткнет!

— Ну, к тому времени я уже буду шестидесятилетним стариком, так что и неудивительно.

— Какой старик в шестьдесят лет?! Что ты говоришь? У нас в этом возрасте люди как скалы! Крепкие!

— Так то у вас... А я в Москве живу.

— Так сюда приезжай! Жену бери, детей. Что, хочешь сказать, мы тут дом не найдем? Работы для тебя не найдем?

— Ну уж за работу-то я спокоен... Тут еще пахать — не перепахать...

— Да... — Ильяс несколько погрузтел. — Но так ведь тоже не всегда будет? Ведь правда?

— Ну а для чего ж мы тут тогда все горбатимся?

— И то верно!

Малыш надулся и собрался зареветь.

— Смотри, не нравится ему что-то! Вон как губы надул!

— Ничего-ничего! Вот мы ему сейчас соску дадим...

— Пустышку.

— Что?

— Соска — это когда в ней чего-то есть. А когда она пустая, без еды — то это пустышка.

— Во как?

— А ты думал? У меня их вон уже сколько, так что эти тонкости я знаю...

А теперь мы стоим в десяти шагах от дома Ильяса...

Саида заметили местные, когда он шел по улице. Кто-то из них дал знать об этом в милицию, те — нам, и вскоре машины уже перекрыли улицу со всех сторон. Амир, судя по всему, собирался делать отсюда ноги — на площади его ждал автомобиль. А может, и получить чего хотел. Или передать. Кто знает? Заметив разворачивающиеся «УАЗы», водитель автомашины стартанул с места, не дожидаясь Саида. Далеко, правда, не уехал. На повороте его занесло, и он со всей дури боднул в борт БТР. Так для него поездка и закончилась. Обалдевшего, его вынули из сплюсненной «шестерки» и обшмонали. Забрали пистолет и две гранаты.

Амир же припустил вверх по улице. На ходу он врезал из автомата по нам. Стрелок он оказался неважный, и все ограничилось разбитыми стеклами и продырявленными заборами. Потом у него заклинило автомат. И неудивительно. «Борз» хорош только для того, чтобы засыпать пулями коридор при бандитском налете. Как оружие для боя он совершенно непригоден. Зато его можно таскать хоть под пиджаком. Бросив автомат, Саид заскочил в первый попавшийся дом. И взял в заложники жену и сына Ильяса. Оружия у него больше не оказалось, и он приставил нож к горлу мальчика.

Ильяса не оказалось дома, он был на работе. А то, боюсь, Саиду этот фокус не удался бы. Его бы просто порвали в клочья, он сам был весьма некрупного сложения, так что хозяин дома, легко поднимавший двухпудовую гирю, без затей сломал бы его об коленку.

А сейчас он стоял рядом с нами и бессильно сжимал и разжимал

могучие кулаки.

— Эй, там, на улице!

Надо же... голос прорезался у мерзавца. Саид наконец вышел на контакт.

— Чего тебе? — откликнулся Палыч. В этой операции он был за старшего.

— У меня тут два заложника!

— Знаем.

— Пусть хозяин дома придет. Поговорить надо. Один и без оружия!

Ильяс вытащил из кобуры пистолет, бросил его на землю. Повесил на забор разгрузку и автомат и пошел к дому.

— Эй, руки подними! И рубашку сними!

Он остановился. Снял рубашку — на солнце заиграли рельефные мускулы.

— Повернись!

Ходжаев повернулся. В одну сторону, в другую...

— Так и иди, рук не опускать!

Он скрылся за дверью. Прошла минута, другая... Стукнула дверь, и на пороге появился Ильяс. Постоял несколько секунд, щурясь от яркого солнца, и шагнул в нашу сторону. Сделав три шага, он остановился.

— Сергеич! Подойди сюда!

— Давай, — толкнул меня Палыч в плечо. — Иди, выясни, чего там?

Я подошел ближе. На окне шевельнулась занавеска. Ага, вот он где! Или не он? Стрелять нельзя...

— Ну, что там?

— Он Мадину на пол положил, сам сверху сидит. Сына в руках держит, нож к горлу приставил.

— Чего ему надо?

— Требуется автомат и две гранаты. Машину. Я за руль должен сесть. Он сзади сядет, с гранатами в руках. С ним Мадина с ребенком пойдет. Я его должен за село вывезти, там он нас отпустит и уедет уже сам.

— Ты ему веришь?

Ильяс покосился на окно. Пошлепал губами. Ясно, Саид нас слышит.

— Верю. Он поклялся.

— Так... Я должен командиру сообщить. Ты как?

— Я тут стоять должен. Пока оружие не принесешь.

Я свернул за угол, и ребята обступили меня.

— Ну?

В нескольких словах я рассказал обо всем. Палыч покачал головой.

— Врет он. Мы его выпустим, и он уедет. Потом убьет Ильяса и его жену с ребенком. Клятвам его верить нельзя, он ваххабит, они для него хуже неверных.

— Да это и так ясно. Что делать-то будем?

— Делать будем так...

Скрипнув тормозами, побитая «девятка» остановилась напротив ворот. Двигатель ее продолжал работать. Открыв дверь, я вылез на улицу. Достал из машины АКСУ, два магазина и две гранаты. Взял автомат в одну руку, гранаты и магазины в другую и зашагал к дому.

— Стой! Пусть он у тебя оружие возьмет.

Ильяс протянул мне сильные, но сейчас дрожащие руки.

— Держи, — я протянул ему автомат и магазины. — Это автомат, что он просил.

Ходжаев кивнул головой.

— А это, — протянул я ему обе гранаты. — *Соски...*

В глазах Ильяса мелькнуло понимание.

— Эй, — раздалось из окна. — Пусть он из автомата выстрелит!

Ходжаев отступил от меня на шаг. Вставил магазин, передернул затвор и выстрелил в стену дома напротив. От стены полетела пыль и осколки камней, а по земле запрыгали стреляные гильзы.

— Хорошо! Теперь гранату пусть бросит!

— Куда? Тут люди вокруг!

— Вон, в сарай пускай бросает!

— Сейчас, обожди, я внутрь гляну, может, там кто прячется? — я подошел к сараю, открыл дверь и заглянул внутрь. — Нормально, нет никого. Пусть кидает, только я в сторону отойду.

Дождавшись моего отхода, Ходжаев выдернул чеку и запустил гранату в открытую дверь.

Бабах!

Сарай словно бы подпрыгнул, изо всех щелей пополз дым.

— Хорошо! Иди сюда!

Ильяс повернулся и скрылся за дверью.

Я перевел дух. Из-за стены мне ободряюще показал большой палец Виктор. Это он подобрался к сараю и одновременно с Ходжаевым забросил в него свою гранату. Через окно. Ибо лишенная капсюля-детонатора граната Ходжаева взорваться не могла. Оставалось надеяться на то, что Ильяс понял меня правильно. Соска — пустышка — не рванет... Понял ли

он меня?

Как выяснилось, да, и очень хорошо. Стоило Саиду взять в руки гранату, как он тут же выдернул чеку и, держа гранату в руке, приказал всем выходить из дома. Это было его последнее осмысленное деяние. Мощным рывком Ходжаев свернул ему шею. То-то же, наверное, успел удивиться покойный амир...

Историю эту я рассказывал не единожды. Но здесь ее знал только один человек...

Немцы рухнули, как подкошенные. Условный рефлекс, знаете ли... А вот встать суждено было уже не всем. У меня тоже рефлекс сработал — сразу за пистолеты хвататься. Да и из окна, прикрывая мой отход, от всей души долбанул пулемет. Граната, естественно, не взорвалась, да и с какой стати-то? Детонатора в ней не было. Сунув пустые пистолеты в кобуру, я катнулся вперед, на ходу подхватывая собственное оружие.

ГЛАВА 19

Из воспоминаний подполковника Барсовой Марины Викторовны

Леонов? Так вот кого тут пасли немцы? Но как? Как они сумели вычислить его путь? А он сам? Почему он пришел именно сюда? Значит ли это, что и ребята наши пришли вместе с ним? Хотя бы кто-нибудь один жив остался!

Стоп, это все я буду выяснять после. Когда мы все будем в безопасности. Сейчас не время и не место для умокопания. Работаем, как говорил мне мой первый учитель... Да, вот уж он бы тут точно долго не раздумывал!

Отложив наган, я вытащила из сумки гранату и, вывинтив из нее запал, осторожно извлекла капсюль-детонатор. Так... сейчас он не нужен. Запал на место, гранату в карман.

Как там пулеметчик? На улицу глядит? Глядит, прямо-таки во все глаза. Эх, далековато до него... ножом не достать. А бросать его я так и не научилась пока. Зато стрелять — это я умею.

Чпок!

Немец выгнулся дугой.

Доски в сторону!

Я вскочила на ноги.

Рука пулеметчика потянулась к оружию.

Так ты живой еще?

Чпок!

И от его головы полетели брызги...

Прыжок к окну, взгляд вниз.

У стены сарая, окруженный полукольцом немецких солдат, стоял тот самый дядька с пулеметом, которого я видела на острове...

На секунду я замерла. Что-то подкатило мне к горлу. Он стоял, слегка расставив ноги и чуть наклонившись вперед. Руки были пусты, его оружие — пулемет и СВТ с оптическим прицелом — лежало на земле. СВТ? Такая же была у наших ребят... Значит, они виделись? Где же они?

Сверху я видела растянутые кобуры двух (двух!) пистолетов у него на поясе. Было ли оружие там, я не могла отсюда рассмотреть. Но на земле пистолетов не было, а немцы стояли не ближе трех-четырех метров от него. Значит, взять их фрицы еще не могли. Стало быть, оружие у Леонова есть. Надо дать ему возможность воспользоваться им. Отсюда я не видела всех

немцев. Кто-то из них вполне мог стоять и под стеной. А следовательно, для меня он недостижим. Но вполне достижим для Леонова!

Выдернув чеку, я бросила гранату прямо между ним и немцами. Предупредить его? Но гауптман знает русский язык! Прямо этого сказать я не могу. Но что же делать?

«— ...И вот тогда я сказал Ильясу: „Держи соску!“ Понимаешь? — дядя Саша поворошил в костре палкой.

— Если честно — то нет. Почему соску?

— Я намерен дать мальчишке пустышку давал. Ильяс и сказал — мол, соска. А я и говорю ему, что соска — это когда в ней молоко. А когда нет ничего — это пустышка.

— Все равно непонятно...

— Не мог же я при этом злое ему прямо сказать, мол, пустышку тебе даю, не рванут эти гранаты. Он бы все враз и просек! Я и подумал, что Ильяс парень неглупый, вспомнит наш разговор. И поймет, почему я гранату так называю.

— И как он? Понял?

— Своими руками шею этой скотине свернул! Уж сколько я жмуrow повидал, а с удивленной гримасой на лице не видел! Чеку-то он выдернуть успел! И небось удивился напоследок — отчего граната не взрывается?..»

Будем надеяться, что и Леонов окажется сообразительным. Другого-то выхода у меня нет! Даже если я сейчас ударю по ним из пулемета, всех все равно не положить. Да и его задеть могу очень даже легко. И сама потом не уйду...

— Держи соску!

И граната упала прямо к ногам немца в фуражке.

Фрицы как подкошенные повалились на землю.

Леонов же повел себя странно. Вместо того чтобы упасть вместе со всеми, он рванул из кобур пистолеты. Понял! Он понял меня! Сработало!

Ках! Ках! Ках!

Зачастили пистолетные выстрелы. Леонов вертелся волчком, между лежащих ничком солдат. Пистолеты в его руках плевались по немцам свинцом. Я уже где-то это видела! Эту манеру передвижения, чуть согнутые в локтях руки... Я это знаю!

Чуть шевельнул головой, приподнимаясь над землей, солдат.

Отбросив все размышления, я схватила еще теплый от рук прежнего хозяина пулемет.

Ду-ду-ду-дут!

И солдат, отброшенный очередью, свернулся калачиком на земле...

Вон еще один!

Пулемет сердито толкнул меня в плечо...

Еще!

Ду-ду-ду!

Отстреляв ленту, я отбросила пустой пулемет. Искать другие ленты было уже некогда, пора было уносить ноги. Насколько я видела, у пулеметчика их больше не оставалось. Передернув затвор автомата, я скатилась вниз по лестнице. Пустая комната, сзади хлопает сквозняком дверь... На улицу! Тут нет видимости, подойдут и закидают гранатами. А вот и выход, как раз отсюда выходил гауптман, или кто там еще шел вниз? Толкнув дверь, я выскочила наружу. Где же Леонов?

Шорох слева!

Я резко обернулась в ту сторону.

Он стоял у стены. Поваленный забор скрывал коренастую фигуру по пояс. Что у него в руках? Пулемет? Почему его ствол направлен на меня?

— Я...

Яркая вспышка! Расстояние между нами не превышало четырех метров... Пулеметная очередь ударила почти в упор.

Пули прошли почти впритирку к моей голове. Я отшатнулась в сторону. Позади меня раздался стук. В проеме двери оседал солдат. Автомат выпал из его руки и ударился об пол, этот-то звук я и услышала. «Сквозняк!» — мелькнула мысль. Точно, ведь входная дверь была закрыта, откуда взяться в доме сквозняку, ведь окон-то в сенях нет! Снова повернула голову и взглянула на Леонова. Он опустил оружие и смотрел на меня. Странно как-то смотрел, будто вспоминал.

— Аккуратнее надо быть, Котенок. Так и до беды недалеко.

— Да... я как-то вот зевнула его... Вниз скорее спешила, мало ли как там у вас? Вы целы?

— Цел. А ты как? Нога не болит, идти можешь?

— Могу.

— Ну так надо отсюда сваливать, и поскорее. Остальные где?

— В лесу... А вы откуда знаете?

Он похлопал рукой по СВТ.

— Видел я ваших ребят. Вернее, одного, второй к этому времени погиб уже. Он мне винтовку отдал и револьвер. И на карте показал, куда идти. Снайпер ваш ранен был, и весьма серьезно, идти не мог.

— И что вы?

— Он сказал, что не жилец. Просил меня уйти, а то у него граната под рукой была, боялся, что нечаянно дернется и... сама понимаешь. Ушел я...

— Ладно, об этом после поговорим, сейчас идти надо. Немцы там как? Проверять не надо?

— Успокоились. Старший их живучим оказался. И вертким. Даже из такого неудобного положения стрелять пробовал. Не успел. Но пара пуль на него ушла...

Мы тронулись в путь, и тут меня словно обухом по голове ударило! Ну, назвал он меня Котенком, ладно, Яков мог и проговориться в таком-то состоянии. Но вот нога! Откуда он про это мог знать?

— А-а-а...

— Привет тебе, Котенок, от дяди Саши...

В-в-в-жик!

Над нашими головами пропела пуля. Потом еще одна.

— К развалинам! — крикнул Леонов, забирая в сторону и перекидывая за спину пулемет. — Тут еще кто-то есть!

Кто-то — это было весьма мягко сказано. По нам стреляли минимум из десятка стволов.

Пересечь то, что когда-то было улицей, под таким обстрелом нечего было и думать. И десятка шагов не пройти — снимут.

— Вот, значит, как... — процедил сквозь зубы Леонов. Он прижался к стене и держал в руках СВТ. — Не сидится вам на месте? Ну, в добрый путь, лежать — оно так даже и приятнее...

Плавным движением он вскинул винтовку.

Бах!

Со стороны немцев ударил по ушам вопль.

— Есть один... а неча бегать, тебя сюда не звали... Правый фланг паси! — крикнул он. — Здесь-то я их вижу, а вот там мне дом обзор закрывает. Точняк, какая-то скотина там поперет, задницей чую!

Прижавшись к земле, я продвинулась на десяток метров в сторону. С этой позиции я могла контролировать правый фланг. Со стороны Леонова бабахнул еще один выстрел. Так... положение интересное выходит. Нам через улицу не пройти, немцы ее простреливают. Но точно так же и им не подойти к нам вплотную, мы тоже простреливаем все подходы. Так можно держаться долго, лишь бы у них миномета не оказалось.

Судя по всему, миномета у немцев не было, иначе зачем им было пытаться сократить дистанцию? Со своего места я видела, как, маскируясь обломками, в нашу сторону ползли два фрица. Пускай ползут, мне еще не очень удобно по ним стрелять... Ага! Первый солдат приподнялся и

вытащил гранату. Ну, давай, дергай за веревочку... Есть! Короткая очередь отбросила его назад. А выпавшая из руки граната рванула за спиной второго. Отлично! Минус два.

Бах! Бах! Бах!

Леонов выругался.

— Прыткий черт! Ну, ничего, я тоже не подарок...

Бах!

— Готов... Как там у тебя?

— Двое. Были...

— Растешь на глазах! Молодец! Не расслабляйся, сейчас еще полезут.

Им более некуда, тут я их хорошо зажал...

Немцы на какое-то время замерли. Постреливали с места, но в атаку не лезли.

— Что-то мне это не нравится, Котенок... Ты сколько у них пулеметчиков видела?

— Да вроде бы один он был. Теперь на чердаке лежит.

— А второй номер куда девался? Да и я видел у них два пулемета...

— Так часть немцев же ушла!

— И как далеко? Хитрой змеюкой был покойный гауптман. Не верю я, что он просто так их гулять отправил...

— Так, может быть, и мы потихоньку двинем? Пока эти фрицы на месте сидят?

— Может быть, может быть... — он приложился к винтовке. — Обожди-ка...

Бах!

— Есть еще один... Как ты думаешь, сколько их там?

— Ну... пятеро лежат, стреляют постоянно человека четыре... С десяток, я думаю, их тут есть. Точнее — было.

— Да твой пулеметчик. И на дороге шестеро. Еще один в доме прятался. Ну, тот, что за тобой следом выскочил. А было их тут, судя по всему, не меньше взвода... Значит, еще десяток где-то тут ошивается... Да, Котенок, ты права, пора и нам отсюда уходить. Если дадут... Держи-ка! — он бросил мне банку консервов, которую вытащил во время разговора из вещмешка.

— Это что? Зачем?

— Только жрать это не вздумайте! Этой смесью немцы своих подопытных кормят, чтобы те слушались их безоговорочно. Не знаю, как она на нормального человека действует, но здоровья уж точно не прибавит. Так что уберись к себе, у меня еще есть.

— А почему вы меня Котенком зовете? Ведь мы же с вами не встречались раньше? Вам Яков сказал? Или... дядя Саша?

— Это снайпера вашего Яковом звали? Нет, он мне ничего не говорил. А дядю Сашу... ну, можно сказать, что очень плотненько я с ним пообщался... оттого и знаю о тебе так много. Только вот здесь увидеть тебя не ожидал...

В-в-в-жик!

— Опаньки, а это еще откуда? Никак сзади пришло?

— Похоже.

— Вот и отыскался пропавший десяточек... Сейчас, Котена, будут нас тут квалифицированно и грамотно ровнять... то есть прессовать... Давай-ка вон туда переползем, авось да натянем фрицам нос.

Не приподнимая головы и не высовываясь, мы переползли метров на пятьдесят. Забрались в развалины дома. Судя по всему, это когда-то был магазин. Во всяком случае, обломки прилавка в нем присутствовали. Оставив меня сторожить входную дверь, Леонов спустился в подвал. Вылез он оттуда довольный.

— Люк там есть. Правда, заперт он. Ну, да это и хорошо, по крайней мере сзади не доберутся. Стены тут крепкие, кирпичные, да еще и кладка старая, толстая. Миномета, надо полагать, у фрицев нет, иначе бы они нас уже минами засыпали. Так что — продержимся.

— А если они помощь вызовут?

— Ну, разве что голубиной почтой. Радист-то у них на дороге был, вместе с гауптманом. Рация его в сторонке стояла, снял он ее, когда меня они вязать намылились. Вот я ее и засек.

— А если у них еще кто-то на ней работать может?

— И флаг ему в руки! Я ж не просто так в нее стрелял, от нечего делать. Пускай починит сначала... В подвал, кстати, не лезь! Я там растяжку фрицам организовал. Да, у тебя ведь бесшумка есть? Пулеметчика ты как сняла?

— Есть.

— Вот ее и доставай. Поработаем... — и с этими словами он вытащил из вещмешка такой же наган, как и у меня.

Плавнo скользя вдоль стены, он переместился на другую сторону дверного проема и осторожно выглянул.

— Нет пока никого. Ну, ничего, мы не гордые — подождем.

— Зачем?

— Смотри сама. Их тут самое маленькое — десятка полтора. Как минимум один пулемет. Воевать нам с ними на дистанции теоретически

можно, учитывая мою снайперку, но на практике бессмысленно. Задавят массированным огнем, лишат подвижности. После обойдут, сократят дистанцию и забросают гранатами. И все. Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал!

— И что будем делать?

— Вытаскиваем их туда, где их численное превосходство не пляшет. То есть — на пистолетный выстрел. Тут их полноразмерное оружие — винтовки и пулемет, сразу начинают быть неудобными. Не очень с ними в тесноте навоюешь... да и сама посуди, заляжет один такой недобиток в деревне и снимет нас с тобой на отходе. Вон там, — он указал рукой на промежуток между домами и лесом. — Одного фрица с винтовкой хватит, чтобы нас там положить. Как в тире. Значит, надо их тут всех заземлить. С гарантией, чтобы ни один не ушел.

— А сможем?

— Ну, умеючи и ведьму бьют... Все, молчим, я уже слышу кого-то... Смотри на меня и делай все, как я покажу!

Он приподнялся и, вытащив из вещмешка гранату, подвесил ее на винтовочный патрон, который он воткнул в щель между дверным косяком и стеной. К гранате заранее была подвязана бечевка, видимо специально для этого. Отвинтил колпачок на рукоятке и вытащил шарик на веревочке. Из того же мешка достал бечевку и отхватил ножом кусок около полуметра длиной. Обвязав им поднятый с пола кирпич, положил его на выступ стены. Потрогал рукой, проверяя устойчивость. Кивнул головой и привязал второй конец бечевки к шарiku. Вставил между кирпичом и стеной кусок доски. Отошел в сторону, посмотрел на дело рук своих и удовлетворенно осклабился. Вернулся на свое место и снова прижался к стене. Граната висела почти над его головой. Если бы он встал, то задел бы доску и... О последствиях думать мне не хотелось...

Прошло несколько минут, и я услышала, как на улице заскрипел песок. Кто-то тяжелый старался идти тихо, но рассыпанные повсюду обломки кирпича делали эти старания бессмысленными. Вот под ногой взвизгнул кирпич, посыпались камешки. На самом краю просматриваемого мною пространства появился солдат. Крепкий и здоровый парень с автоматом. Ага, так это я прикрытие вижу... А где же прикрываемый? Я его не видела, скорее всего он обходил дом с моей стороны и вскоре должен был появиться в поле зрения Леонова. Я уже слышала и его движение, нас разделяла только стена...

Стоп!

Еще шаги...

Этот шел прямо к тыльной стороне дома. Мы его могли только слышать. Черт, а ведь там есть окна! Он же может залезть внутрь дома и выйдет нам в тыл! Я жестами показала Леонову туда. Он успокаивающе кивнул и продолжал смотреть вперед.

Тем временем солдат уже был виден мне весь, и я подняла револьвер, беря его на мушку.

Что?

Леонов отрицательно покачал пальцами левой руки. Не стрелять? Почему?

Сзади взвизгнули деревянные рамы — кто-то лез в окно. По полу осторожно шагал еще один немец. Залез-таки! Чего мы ждем? Он же сейчас войдет в комнату! Я посмотрела на своего напарника. Он приподнял руку, покачал указательным пальцем, привлекая мое внимание...

Все дальнейшее произошло как-то мгновенно.

В дверном проеме появился высокий немец с пулеметом. Держать его наперевес он не мог, ширина проема не позволяла. Вот он и нес пулемет стволом вверх, чуть наискось. От правого бедра к левому плечу. Увидев нас, он на секунду замер в проеме...

Леонов резко опустил левую руку и почти мгновенно выстрелил в еще не видимого мною противника. Чуть повернул ствол и выпустил две пули в пулеметчика.

Вскинув свой наган, я выпустила две пули в «моего» солдата. Первая толкнула его в плечо, зато вторая легла на удивление удачно, чуть ниже среза каски. Он рухнул на землю и более не двигался.

Краем глаза я увидела взмах руки и, следуя этому указанию, перекатилась в комнату слева от меня. Там был тупик, да и сама комната была размером чуть больше сундука, который в ней пока еще и стоял. Крепкий, сколоченный из толстых досок. Только крышка отсутствовала... Так, прыжок в сундук, хорошо, что на моем месте не кто-то из ребят — нипочем не залезли бы... Присесть, теперь меня не видно... заодно и наган перезаряжу...

Ага, и напарник мой тоже этим озаботился, слышу щелчки с его стороны.

Некоторое время ничего не происходило.

Потом практически одновременно со всех сторон дома послышалось движение. Немцы брали дом в кольцо...

ГЛАВА 20

Эк фрицев-то зацепило! Зашевелились! А с другой стороны, я их понимаю. Пошел авангард, да разом весь и исчез. Ни звука, ни крика. И глазами ничего не рассмотреть. Я ведь не зря так долго со стрельбою тянул. Тот немец, которого я на улице завалил, аккурат в разбитый колодец и спикировал. Я его уже секунд десять пас, время для выстрела выжидал. Было, конечно, опасение, что шагнет он не в ту сторону, обойдет эту ямку. Но не шагнул. И теперь в прямом смысле этого слова исчез с лица земли. Оттого-то я и с третьим немцем так затянул, не хотел раньше времени шуметь. Глушак-то он и в Африке глушак. Однако услышать хлопок этот фриц все-таки мог! Катнул бы нам гранату в дверь, и кранты! Одно меня держало — знал я их тактику. Знал, что обязательно они дом не только с двух сторон обойдут, но и внутрь запустят кого-нибудь. Только вот не ожидал я, что это будет пулеметчик. А как по рассыпанным мною обломкам он захрустел, так я и понял — идет! И пришел... Подвела фрицев чрезмерная аккуратность, обязательно должен был этот пулеметчик своего подстраховать. Вот и подстраховал... Выглянув в дверной проем, я заметил, что и Котенин противник упал очень даже неплохо, между заросшими грядками. Так что видно его было только вблизи. Вообще красота! Сейчас немцы ждут вестей от своего авангарда. А их нет. И не будет. Что сделает фрицевский унтер? Пошлет солдат проверить дом? Пошлет. А полезут ли они в окно, как этот пулеметчик полез? Нет. Ибо по правилам нельзя посылать этим же маршрутом проверяющую группу. А куда они полезут? Путей два. Под стеной дома до входа — милости прошу, только вас и дождаюсь... И через подвал. Тоже в принципе неплохо — там я растяжку приспособил.

Немец оказался умный, и солдаты двинулись двумя путями. Захрустел песок, солдаты направились в обход дома. Одновременно зашуршала трава у люка в подвал.

Того, что они будут кидать гранаты, я не опасался. Пока унтер не убедится окончательно в гибели своих солдат, он этого делать не даст — всегда есть шанс, что они еще живы. Вообще немцы — мастера классные! Только вот уж больно предсказуемые... Если какая-то тактика дает нужный результат, то они будут ей следовать неукоснительно! Шаг вправо, шаг влево — щас! Кто это вам позволит отсебятину? У нас такие фокусы прокатывали, а вот у фрицев...

Однако что-то они зависли, надо поторопить... Приподняв обломок доски, я со всей дури засветил им по прилавку. Высунул голову в дверь и крикнул по-немецки: «Ганс! Ко мне!»

Ну хоть один-то Ганс у них тут есть?

Надо полагать, что искомый персонаж здесь присутствовал — на улице дружно затопали ноги.

Я кубарем выкатился в соседнюю комнату, туда, откуда пришел пулеметчик. Выглянул из-за косяка...

В проем двери влетел, как бык на корриде, немаленький фриц. Ганс прибежал? По пути он смахнул плечом доску, и на землю брякнулся кирпич. Не просто так упал, на нем болтался шарик терочного запала. Так, а вот теперь надо прятаться...

Немец, влетевший в дверь, так и пошел по инерции вперед и вскочил в ту комнату, на полу которой я и лежал. Ну, я-то тут уже давно сижу, глаза к полумраку привыкли, а вот он... плохо видел. Так и помер с пулей в брюхе, не поняв, откуда она прилетела.

Бу-бух!

Ого!

Неслабо граната поддала...

Я снова высунулся из-за косяка. Граната, подвешенная почти на двухметровой высоте над полом — штука весьма и весьма негуманная. В чем я лишний раз и убедился. На полу недвижимо лежало трое. Четвертый бился в проеме двери, пытаюсь встать и каждый раз оскальзываясь. У него были разбиты ноги, но в горячке он этого еще не понимал. Негромко хлопнул наган Котенка, и солдат вытянулся на полу. Неслабо... минус пять. Сколько еще их там осталось?

Бу-бух!

А это уже подвал. Будем надеяться, что хоть одного там да прихлопнуло. Так... веселая выходит арифметика... Три, да пять, да в подвале... один, ну уж один-то там точно есть. Я гранату точно так же подвешивал, как и тут.

Подхватив свой хабар, я скатился в подвал и прямо у лестницы напоролся на фрица. Очумевший от недавнего разрыва, он еще не успел прийти в себя. Да уже и не успеет... Рукояткой МГ я от души долбанул его под каску. Минус один... Вон, кстати, еще один лежит. Готов? Готов... Ну, этого я раньше посчитал... Итого десяток долой.

Пронесшись по подвалу и от души нахлебавшись при этом пыли и дыма, я подскочил к распахнутому люку. Как раз для того, чтобы увидеть, как в него лезут какие-то мордовороты. Ну уж нет, ребятки, этот вертолет (я

вскинул на руку пулемет...) не полетит... Минус три...

Тишина...

Кончились немцы?

Или резко поумнели?

Смекнули, что им тут не катит, и затихли?

Ох, что-то верится с трудом...

— Котена!

— Здесь я!

Молодец, уже из дома выбралась и, судя по голосу, где-то в огороде лежит. Не глушануло ли ее гранатой? По голосу не скажешь, вроде бы в норме все.

— К лесу давай! Я тут прикрою!

Бегом-бегом к тому срубу! Пулемет, зараза, враз потяжелел. Да и дышалка у меня... тоже не спортивная... Однако же — добежал. Так, на брюхо, пулеметом туда-сюда... Ну? Ну где вас черти носят? Уходит же объект поиска, уходит! Котенок молодец, бежит быстро, только плащ-палатка за спиной развевается. А на виду и не показывается... молодец...

Немец! Вон он, приподнялся над грядкой. В руках карабин, ищет цель. Правильно, шагов Котенка уже и не слышно почти. Вот только если ты направо посмотришь... СВТ взлетела к плечу... Уже не посмотришь...

В-в-ж!

В-в-ж!

Так ты тут не один... был?

Держите, господа хорошие. Сменив винтовку на пулемет, я от всей души додолбил остаток ленты в сторону фрицев. Ага! Притихли! Ну, пора и мне. Вон, Котенок уже у леса мелькает, все, оторвалась.

Перезарядив пулемет, я двинулся скорым шагом в сторону леса.

Стоп!

Что это?

Мотор?

Точно.

Мотор, и не один.

Рывком преодолев десяток метров, я выскочил к дороге.

На ней разворачивался мотоцикл. А за ним следом виднелись тупые морды грузовиков...

Значит, радист все-таки успел... Или у них была еще одна рация...

Вскинув пулемет, я выпустил всю ленту по приближающейся технике...

ГЛАВА 21

Командиру... полицейского полка

Подполковнику Беренмайеру

Докладаваю вам, что согласно вашему распоряжению мною была проведена операция по уничтожению русских диверсантов. Данная операция производилась совместно с поисковой группой обер-лейтенанта Хофмайера. По согласованию с ним вторая рота третьего батальона находилась в постоянной готовности к выдвигению. Точкой базирования подразделения был выбран квадрат 38–14. Наличие в данном квадрате перекрестка дорог обеспечивало быстрое выдвигение роты по любому направлению. 28 августа в 16.47 от группы обер-лейтенанта был получен кодовый сигнал «Полет». По указанному сигналу мы должны были выдвинуться в район деревни Волохово, чтобы в случае необходимости перекрыть пути возможного отхода русских диверсантов, которые были обнаружены группой около данного населенного пункта. В 18.10 рота прибыла в район развертывания. К моменту прибытия роты в деревне шел бой. Из группы Хофмайера остались в живых только унтер-офицер Маркс и шестеро солдат, причем пятеро из них имели ранения различной степени тяжести. Еще на въезде в деревню машины были обстреляны из пулемета, в результате чего было убито пятеро солдат и один унтер-офицер. Восемь человек получили ранения. Несмотря на активное сопротивление противника, рота сумела подавить огневые точки и приступить к блокированию противника. Пулеметчик противника, по-видимому, был убит, и его тело унесено диверсантами в лес или спрятано в деревне. Пулемет был нами захвачен. Под угрозой уничтожения противник отступил в лес. В ходе преследования отступивших диверсантов наши солдаты были обстреляны из пулемета со стороны леса. Для его подавления мною отдан был приказ открыть минометный огонь. После нескольких выстрелов пулемет прекратил стрельбу. Поднявшийся в атаку второй взвод был снова обстрелян, на этот раз из автоматов и с другого направления. Воспользовавшись образовавшейся в результате этого паузой, противник вновь ввел в дело пулемет. Благодаря

инициативе обер-ефрейтора Штарке, организовавшего грамотный обход позиций пулеметчика, огонь пулемета был подавлен, а сам пулеметчик убит. Его тело направлено для опознания согласно полученному ранее указанию. Уцелевшие диверсанты отошли в глубину леса. При преследовании их нами были обнаружены многочисленные следы, указывающие на наличие раненых (остатки индпакетов, обрывки окровавленных бинтов и т. п.).

По описаниям уцелевших солдат из группы Хофмайера, в деревне противником была организована хорошо продуманная засада. Часть уцелевших строений была оборудована минно-взрывными ловушками. По мнению унтер-офицера Маркса, в нападении принимало участие не менее десяти человек. При этом не менее половины нападавших были уничтожены или получили ранения.

В настоящий момент рота продолжает прочесывание леса вокруг деревни и осмотр развалин с целью обнаружения спрятанных там тел диверсантов и поимки оставшихся в живых членов диверсионной группы.

Обо всех полученных результатах будет доложено незамедлительно.

Наши потери на настоящее время составляют:

Убитыми — два унтер-офицера и двенадцать рядовых.

Ранен один офицер, один унтер-офицер и пятнадцать рядовых.

Сгорел один грузовой автомобиль.

Поврежден один мотоцикл.

Захвачены трофеи — один пулемет МГ-42, один пулемет Дегтярева, один пистолет «ТТ» и один револьвер «Наган» с приспособлением для бесшумной стрельбы. Шесть ручных гранат.

Командир второй роты

Обер-лейтенант фон Рогге.

Выдержка из рапорта майора Гальченко.

...Услышав выстрелы, я распорядился немедленно

возвратить во временный лагерь всех, кто был выдвинут на передовые посты. С этой целью мною был направлен в деревню лейтенант Широков. Однако он практически сразу возвратился в лагерь и сообщил, что в деревне в условленном месте выставлен аварийный сигнал. Немедленно после этого он был направлен к месту дежурства второго дозорного и спустя двадцать две минуты совместно со старшим лейтенантом Горбачевым прибыл в лагерь.

Мною было организовано наблюдение за деревней Волохово, где все это время продолжалась перестрелка.

Приблизительно через час после начала стрельбы нами был замечен вооруженный человек, отходивший из деревни в сторону леса. В нем была опознана радистка группы, младший лейтенант Барсова. По ней из деревни велся редкий огонь. Выдвинувшийся на ее прикрытие старший лейтенант Горбачев указал ей направление отхода и, в свою очередь, был вынужден открыть пулеметный огонь по вышедшей из деревни группе противника.

Пользуясь его замешательством, мы успели быстро организовать эвакуацию документов и начали отход по заранее оговоренному маршруту.

Тем не менее противник не прекратил своих попыток преследования. По позиции старшего лейтенанта Горбачева был нанесен минометный удар, после чего его пулемет прекратил огонь. Поднявшиеся в атаку немцы были остановлены автоматным огнем лейтенанта Широкова. К нему после некоторого затишья вновь присоединился пулемет Горбачева.

К этому моменту младший лейтенант Барсова вместе с трофейной документацией успела отойти в указанном мною направлении. Я дал сигнал на отход.

К сожалению, в условленное место сбора прибыл только лейтенант Широков. С его слов, старший лейтенант Горбачев был ранен и самостоятельно передвигаться не мог. Поэтому он и приказал лейтенанту Широкову отходить самостоятельно. Практически сразу после этого старший лейтенант Горбачев погиб — немцы забросали гранатами его позицию. Лейтенант Широков видел все это своими глазами, так как находился в непосредственной близости от места гибели. Ввиду сложной обстановки организовать эвакуацию тела Горбачева не представилось возможным.

Из воспоминаний подполковника Барсовой Марины Викторовны

Уже подбегая к лесу, я услышала за спиной выстрелы. Прав был Леонов, не все немцы на штурм дома пошли. Кто-то и в прикрытии остался. Надо полагать, с ними он сейчас и перестреливался. Памятуя его стрелковые таланты, я не особенно сомневалась в исходе этого поединка. Тем более что со стороны немцев стреляла всего пара стволов. Вот сердито рыкнул МГ. У фрицев больше пулеметов не было, так что это явно стреляли по ним. Ну, теперь-то им точно крышка! Вот и славно, сейчас Леонов сюда прибежит, тогда и пообщаемся. Ведь выяснить у него хотелось многое...

В-ж-ж!

Это еще что такое? Откуда?

Еще одна...

Припав к земле, я оглянулась назад.

Огибая край деревни, по полю бежали солдаты в серой форме... Человек пятнадцать.

Немцы...

Как же так? Ведь всех почти положили!

МГ в деревне вдруг ударил длинной, заполошной очередью, разом выпустив всю ленту. Часть немцев затопталась на месте и повернула назад, в направлении стрельбы. Остальные продолжили движение в мою сторону. Ну, ребятки, это вам так просто не пройдет! Мне до леса метров пятьдесят осталось, добегу. А вам, фрицы, только до этого места еще метров триста топать. На такой дистанции, да еще и с ходу... замучаетесь попадать. А вот когда я до леса доберусь... Ох и не завидую я вам! У меня еще пять полных магазинов осталось, на вас на всех хватит.

Ду-ду-ду...

Вокруг бегущих солдат взвилась пыль. Двое или трое из них упали, словно скошенные косой. Остальные спешно залегли.

Спасибо!

Это кто ж мне так вовремя подсобил?

Метрах в тридцати из островка редкого кустарника приподнялась знакомая фигура и повелительно махнула рукой, указывая мне направление движения. Наши! Это Горбачев! Ну, теперь повоюем!

— Беги, Котенок! Вариант раз!

Ага, война, хоть и временно, но отменяется. По крайней мере для меня. Надо в темпе тащить в лес рацию и оставшиеся фрицевские бумаги. Точка эвакуации была оговорена заранее. Так, автомат за спину и бегом к

стоянке. Вот уже и лес вокруг...

На поле продолжалась перестрелка, пулемет бил не переставая. Ох, Гриша, Гриша... дорвался-таки до любимого дела... Пулемет в деревне тоже не умолкал. Но бил уже короткими очередями, постепенно смещаясь в сторону леса. Жив Леонов, тоже отходит. Ну, ничего, он боец классный — оторвется! Стоп! Перестал стрелять... Ну да, у него же не грузовик патронов? Сколько он расстрелял лент? Штуки три, это как минимум. Наверное, кончились уже. Словно подтверждая мои догадки, частым боем загрохотала винтовка. Самозарядка, немцы стреляют не так часто. Жив...

Бух! Бух! Бух!

Это уже на поле. Минометы. Что-то некрупное, миллиметров на пятьдесят. Плохо дело, это значит, к фрицам подмога подошла. У этих, в деревне, минометов не было.

Гришкин пулемет замолчал, но в бой вступил еще кто-то из наших — длинной очередью ударил ППШ. Молодцы ребята, держат еще позиции!

Ходу, ходу!

Вот и стоянка.

Рация в шалаше, уже уложена в вещмешок. За спину ее. Теперь тайник. Бревно в сторону, дерн долой, вот они, бумаги эти окаянные. В вещмешке, что я из деревни принесла, кроме пары гранат и небольшого запаса еды ничего больше не было. Стало быть, туда бумаги и запихнем. Второй вещмешок, уже поменьше и полегче, улегся поверх первого. Не легко, но выхода другого нет. Дерн на место, туда же и бревно. Бегом!

За спиной продолжалась перестрелка...

Все, ноги совсем не идут. Надо передохнуть, до места уже не так и много осталось. Вещмешки отправились в ложбинку, а я, сжимая в руках автомат, рухнула на землю. А что ж вы хотите, я ведь не выючная лошадь? Уже километров пять по лесу быстрым шагом проперла, надо и передохнуть чуток..

Чу! Треск — кто-то наступил на сучок!

Перекатившись в ту же ложбинку, куда только что скинула груз, я вскинула автомат. Погоня? Собак не слышно, а по следам меня отыскать трудновато будет. Да еще и с такой скоростью...

Тук-тук...

Тук-тук-тук...

Тук...

Опознавательный сигнал!

Свои!

Тук!

Я щелкнула костяшками пальцев по автоматному магазину.

Тук!

Тук-тук!

— Котенок?

Гальченко!

— Я, товарищ майор!

— Где ты там запряталась? Вылезай, почти уж и добралась.

Командир вышел из-за деревьев.

— Все захватила?

— Все, товарищ майор! А ребята? Где все?

— Ты пока что первая прибежала. Остальных ждать будем. Давай, пока суд да дело, бумаги ко мне в мешок запихнем, тебе и так рацию тащить.

Я подняла свой вещмешок и вытащила из него связку бумаг.

— Держите, товарищ майор. А вот вам еще и дополнение к этой писанине, — и я положила сверху банку консервов.

— Спасибо, Котенок, но есть мы будем позже. Когда остальные подойдут.

— Ну нет, товарищ майор! Эту банку есть нельзя!

— Это почему же?

— Леонов передал. Сказал, что это еда немецких диверсантов, тех, которых профессор ихний тренировал. Обычный человек от нее плохо себя почувствовать будет. А этим только такую еду и подавай.

— Так ты его встретила!

— Да. И снова потеряла...

— Так это он там в деревне стрелял?

— Он. Мой отход прикрывал.

Не вдаваясь в подробности, я рассказала командиру о своей встрече с Леоновым. Он слушал внимательно, не перебивал. Не сдержался только один раз, когда я сказала ему, что немецкий капитан назвал Леонова подполковником.

— Ты это хорошо слышала? Ничего не путаешь? По нашим данным, он всего лишь старшина.

— Нет, он так и сказал: «Подполковник Леонов, позвольте представиться, гауптман Борг!»

— Борг?!

— Да, товарищ майор, Борг.

— Гельмут?

— Не знаю, он по имени не представлялся.

— Надо же, Котенок, какие тут интересные дела складываются... И что потом с этим немцем стало?

— Убил его Леонов. Из пистолета застрелил, несколько пуль всадил.

— Вот что я тебе скажу, человек ты мой дорогой: если бы мы с тобой за весь этот рейд только и сделали, что этого Борга на тот свет отправили, то за одно только это нас с тобой, да и всю группу вместе с нами ребята до гробовой доски пивом бы поили. А то и покрепче чем.

— А что же это за капитан такой? Обычный фриц.

— Не такой уж и обычный. Эта скотина с начала войны за нашими разведгруппами охотится. В особом доверии у самого Гиммлера состоит. У него специальная команда по поиску разведгрупп и диверсионных отрядов. Все волки опытные, воюют далеко не первый год. Преданы своему командиру и пойдут за ним куда угодно. Данное подразделение все наши, кто в курсе, давно уже заземлить пытаются. Не то чтобы это было прямое указание руководства, у него и без того дел хватает. Просто есть такая договоренность между нашими ребятами — найти эту группу, где бы она ни пряталась. В прошлом году, когда информация прошла, что могут быть они в одной из деревень, на отдых группа должна была туда прийти — так по нечаянности пролетающие мимо самолеты уронили туда десяток-другой бомб. Деревня-то и была — всего десяток домов, так что после этого только название и осталось.

— И что же?

— А ничего, не было там Борга, не пришел. Он вообще чертяка хитрый. Под своим именем почти нигде и не появлялся. И команда его аналогично пряталась. То они саперный взвод, то и вовсе химики. И вот надо же, здесь он всплыл. Как все было-то?

Я подробно рассказала ему о том, как происходил бой.

— Точно Борг. Его это манера с ложным отступлением. Сколько наших ребят на подобном фокусе попались, пока просекли эту уловку.

— А что же вы мне об этом раньше не рассказывали?

— Виноват, Котенок. Заработался, не учел. Не подумал, что и ты с ним когда-нибудь столкнешься. Так что можешь готовить дырочку для ордена. Официально, конечно, не за Борга тебе его дадут, но основная причина будет именно в этом. Наше руководство в курсе, кто он такой и как мы все к нему относимся.

— Так моя-то заслуга в этом какая? Его же Леонов застрелил!

— Но возможность-то стрелять ты ему обеспечила? Ведь так?

— Так.

— Значит, действовали вместе, в составе группы. Ну, да не об этом теперь речь. Помер Максим — и хрен с ним. Меня теперь больше Леонов интересует, этот-то живой.

— Вы так думаете?

— Уверен, Котенок. Судя по тому, как ты его описала, как он действует, как ходит и стреляет — это еще тот фрукт. Мастер серьезный, у такого и мне поучиться бы не грех. Посмотреть бы на него да поговорить...

— Так вы его видели.

— Где?

— На острове! Это тот самый дядька с пулеметом.

— Вот оно как... И ты тогда еще почувствовала что-то необычное. А в этот раз ничего похожего не было? Ну, чувства там какие-нибудь, ощущения непонятные? Может, послышалось чего или привиделось? Я тебя совершенно серьезно спрашиваю, подумай.

— Нет, не было ничего. Только вот он меня Котенком назвал и про ногу раненую спросил. И добавил: «Привет тебе, Котенок, от дяди Саши!» Ну, и еще когда он с пистолетами между немцами вертелся, показалось мне, что видела я это уже раньше. Движения знакомые, манера оружие держать похожая. Вот только не помню, у кого я раньше это видела. Единственный человек, который мне такие вещи показывал, погиб, а больше и не может быть никого. Окруженцев, что ко мне пришли, дядя Саша ничему не учил, это я точно знаю.

— Это и я знаю. Значит, был кто-то еще. Может быть, раньше тебя.

— Нет, раньше тоже никого не было. Я бы знала об этом.

— Загадка на загадке, Котенок. Кто же он такой, Леонов этот? Что за человек странный? И почему его немцы так разыскивают?

— А вы не знаете?

— Не знаю. Известно только, что он зачем-то им нужен. И, видимо, здорово нужен, раз они по его следам Борга пустили с его головорезами. Ладно, сейчас ребята вернутся, и пораскинем головой, как нам его отыскать. Не верю я в то, что такого мастера, как этот подполковник, обычные солдаты завалить сумеют. Как я из твоего рассказа понял, Борг за ним давно гонялся. И если уж он ему голову морочить столько времени сумел, то уж обычным-то солдатам точно лапши на уши навешать сможет.

Однако вечером никто из ребят не пришел. Только к утру, когда уже стало светать, мы услышали условный сигнал. Это пришел Широков. Он был ранен в плечо. И в бедре у него засел осколок от мины. Поэтому шел он медленно и часто останавливался отдыхать. Гриша не пришел. Игорь

рассказал нам, что Горбачев отстреливался до последнего. Немцы накрыли его позицию из минометов, и Гришу ранило в ногу. Когда Широков подобрался к нему, он еще был жив. Он сказал Игорю уходить.

— Так и сказал: «Иди, у тебя есть шанс! А я со своими простреленными коленями дальше пяти метров отсюда не уползу. Так не один ли хрен, где помирать: здесь или в соседнем кусте?» — Игорь глотнул воды из фляги и покачал головой. — Я оставил ему свои гранаты и пополз к лесу. Горбачев еще долго стрелял. Я уже почти было ушел. Только и меня на поле зажали. Накрыли из минометов, стали от леса отрезать. Ну, думаю, все! Зазря он погиб, не сумел я оторваться от фрицев. Да... Тут немцам кто-то во фланг врезал. Хороший стрелок оказался, сразу троих положил. Вот немцы на него за это и окрысились. И пока они всей толпой его по лесу гоняли, я под шумок и уполз. Отлежался в лесу, раны кое-как перевязал и вот к вам пришел.

Командир покачал головой.

— Да уж, не повезло вам... Как ты думаешь, кто немцу во фланг ударил?

— Я уж думал, это вы, товарищ майор. Больше-то кому? Маринка с документами ушла, а больше и не было тут никого.

— Это ты, мил друг, маху дал. Судя по всему, немцам на хвост наступил тот, кого мы разыскиваем — Леонов.

— Да ну?

— То-то и оно. Маринка его в деревне видела и даже разговаривала. Знаешь, кто нас все это время по лесам гонял?

— Немцы, кто же еще?

— Не просто немцы. Всем этим делом заправлял небезызвестный тебе гауптман Борг!

— Тот самый?

— Похоже, что да. В деревне его ребята были.

— Были?

— Именно так. Застрелили Борга. Леонов и застрелил. Да Маринка ему помогла. Так вот сообща и уконтрапупили.

— А не до хрена их там для Борговских-то ребятишек? Тех ведь всего взвод, а за нами не меньше роты гонялось.

— Это за вами рота гонялась. А Маринку с Леоновым в деревне как раз взвод и прессовал.

— И как — успешно?

— Это уж смотря для кого! Вон, сам ее и порасспрашивай.

Игорь повернулся ко мне.

— Ну, ты даешь, Котенок! Тихая-тихая, а такого волка ухлопать умудрилась! Давай, делись опытом, как это ты так сподобилась?

— Да это не я, это Леонов его застрелил. Я только перед этим всех немцев на землю положила, так что они стрелять не могли.

Мне пришлось еще раз рассказать обо всем происходившем в деревне. Повторяя этот рассказ еще раз, я вспоминала про себя все самые мельчайшие подробности. Меня не покидало ощущение, что я что-то упустила, чего-то не заметила. Какая-то невысказанность словно бы повисла в воздухе. Я еще и еще раз вызывала в памяти облик Леонова. Совершенно точно я не видела его никогда раньше. Тем не менее он вел себя так, будто расстался со мной всего лишь недавно. И этот вопрос про раненую ногу... Как он вообще мог об этом узнать? Командир говорит, что он старшина. Немец называл его подполковником, против чего Леонов не возражал. Ну, хорошо, пусть подполковник. Откуда он может знать такие вещи? Судя по тому, какая тогда суматоха развернулась вокруг этих несчастных бумаг, добытых дядей Сашей, засекретить все обстоятельства дела наши должны были самым тщательным образом. В том числе и обстоятельства получения мною ранения. А словесный пароль, который назвал Леонов, — откуда он мог знать про это? И как он меня узнал? С момента попадания в спецгруппу наши внешние контакты были сведены к минимуму. Среди тех, с кем я общалась за последнее время, никого даже отдаленно похожего на него не было.

Радиограмма

Михайлову.

Объект поиска был обнаружен нами в деревне Волохово. При личном контакте с радисткой группы им был передан образец специального рациона, используемого для подготовки немецких диверсантов. Леонов особенно подчеркнул, что данную пищу ни в коем случае нельзя принимать обычным людям. Более конкретно пояснить не успел. В деревне была организована засада. Руководил засадой гауптман Борг. В ходе перестрелки Барсовой и Леонова с немцами большая часть группы Борга была уничтожена, а он сам убит. Прибывшее к противнику подкрепление силами до роты пехоты предприняло попытку захвата объекта и членов группы. В завязавшейся перестрелке объект был отрезан от основного состава группы, и его местонахождение в настоящий момент неизвестно. С нашей

стороны имеются потери. Погиб старший лейтенант Горбачев. Один из членов группы ранен и может передвигаться с трудом. Документация и образец спецпайка находится у нас. Жду дальнейших указаний.

Роман.

Роману.

В квадрат 36–12 в ближайшее время будет выслан самолет для вашей эвакуации. В какое время вы сможете прибыть в указанное место?

Михайлов.

Михайлову.

В точку встречи смогу прибыть через три дня. Подвижность группы сильно ограничена наличием раненого. На прежнем месте оставаться опасно: немцы проводят интенсивные поиски по всей округе. В связи с этим передвижение в светлое время суток затруднено.

Роман.

Роману.

Самолет будет через три дня. Поиск объекта прекратить.

Михайлов.

ГЛАВА 22

Кап...

Кап...

Кап...

Дождь идет уже второй день. Казавшийся надежным шалаш давно уже промок. Натянутая между его стенками плащ-палатка провисла под тяжестью набравшейся в нее воды. Тонкие струйки стекают по стенам и постепенно превращают пол шалаша в болото. Если бы не ветки и сено, которые набросаны на пол, то давно бы уже промок и я.

Ненавижу дождь... Во всех его проявлениях. Но отсюда никуда не денешься. Пока. А может быть, и совсем...

После второго дня беготни по лесам я оторвался-таки от немцев. Вернее, это они наконец-то плюнули на упрямого русского и убрались восвояси. Унося с собой своих раненых. Их, благодаря моим стараниям, за последние сутки прибавилось.

Надо сказать, что ушли они вовремя. Я уже был на последнем издыхании. Собирался найти место получше и принять последний бой. Навряд ли он был бы слишком долгим. У меня оставалось всего одна обойма к СВТ и три патрона к нагану. Была еще граната, так сказать последний аргумент. Пистолеты были все пусты, патроны к ним я расстрелял еще около деревни, прикрывая отход Котенка. Кто ж знал, что немцы еще и в обход пустят целый взвод? Вот и пришлось обозначить свое присутствие, оттянуть их на явного и зримого противника. Оттянул... даже слишком хорошо... Ладно хоть Марина ушла, все на сердце легче станет.

Еще там, на опушке, зоркий минометчик положил мину так, что меняшибануло спиною об дерево. Здорово приложило, так, что даже отключился на время. В себя только пришел, а немцы — вот они! Метров десять до меня уже осталось. Тут я и выдал им сольный номер — стрельбу из двух стволов. Пулемет к тому времени уже где-то в деревне валялся, патроны кончились. СВТ в траве лежала, вот и взялся я за пистолеты. Удивил троих аж до смерти. Остальным тоже прилетело. Кому в руку, кому в ногу. Подхватил винтовку и ходу. Вот и бегал... до позавчерашнего дня...

Черт его знает, что это со мною приключилось? То ли удар об дерево сработал, то ли еще какая хворь, только вот лежу я теперь на сене, как бревно, и никуда уползти отсюда далее нескольких метров не могу — ноги не идут. Хорошо хоть еда пока есть, а воды вокруг полно. В такой-то

дождь...

Отыскав в своих запасах флягу с трофейной выпивкой, я разумно решил, что пропадать добру негоже. Попробовал... Надо же — коньяк! И недурственный, к слову сказать. Ну, что ж, не пил я тут коньяка, да вот пришло время. Благо, что закусон имеем. С первых двух глотков мне потеплело, и даже дождь немного стих. А что? Антидождин «В» — пьем, пока дождь не перестает идти. Есть, кстати, такой же антикомарин. Тоже «В», то есть «водочный». Пьем, пока не перестают кусать комары. А коньяк — так еще лучше. Так что имею законное право расслабиться. Место тут глухое, в дождь никто сюда не поперет, значит, можно и поспать. Когда я в последний раз спал по-серьезному?

Храпанул я изрядно. Сколько всего я подрых? Ну, уж сутки — это и к бабке не ходи! Часы мне расколошматило еще в деревне, так что время я определял по щетине. Стала гуще — день прошел. Эдак я совсем скоро на чеченского боевика похож стану. Ага. Если доживу. Как долго я тут еще продержусь? Еды хватит еще дня на три. Коньяка есть пол фляги. Воды — той вообще полно, столько и не нужно.

Что я могу сделать?

Уползти? Это по бурелому-то? Щас... все три дня только и буду отсюда выползать. А дальше куда? До населения километров пятнадцать, да и что я там потерял? Немцы меня и раньше подстрелить могли.

Стрелять в воздух? И кто к нам пожалует? Те же самые фрицы и придут. Как в анекдоте про заблудившегося туриста и медведя. «Ну, я пришел — тебе легче стало?» А могут и не прийти. Зазря только патроны пожгу. Да и не пойдут они, дураков среди них к этому времени поубавилось.

Костер зажечь?

Те же яйца — вид сбоку.

Ладно, будем думать.

Кто построил тут шалаш? Он совсем свежий, даже трава еще не обвяла. Значит, строили его недавно. Зачем? Это уже второй вопрос. Уж не для романтических свиданий, совершенно очевидно. Зачем-то он стоит именно тут. Что здесь есть такого интересного, раз надо готовить себе место для ночлега?

Дрова?

Чушь. Для этого так глубоко в лес залезать не надо.

Сено?

Теплее...

Кстати, в шалаше на полу сено лежит. Сорванную траву от скошенного

сена я пока еще отличить могу. Уж навряд ли кто-то, желая сделать свое обиталище комфортнее, поволок за пятнадцать верст с собой косу.

Сено...

А стога тут есть?

Один имелся, метрах в пятидесяти стоял. Сюда я под вечер пришел, уже темно было, не разглядел. А пока шел дождь, я его не видел. Стоп-стоп-стоп! А почему сейчас вижу? Да просто дождь притих. Ну, наконец-то!

Дождь действительно понемногу начал стихать. Ну и славно, а то такими темпами я скоро в амфибию превращусь. Кругом вода, даже и воздух словно бы загустел. Прошло немного времени, и небо стало слегка проясняться, в просветах туч пару раз мелькнуло солнце. От мокрой травы стал подниматься пар. В кустах ожили примолкнувшие на время ливня птицы. Кто-то зачирикал, захлопали крылья. О, мир пробуждается понемногу! Глядишь, и хозяин шалаша проснется... Интересно, кстати, кто он такой? Впрочем, мне в моем положении привередничать не приходится.

Кое-как отползя от шалаша, я заныкал пистолеты и кобуры под упавшим деревом. Завернул пистолеты в промасленную бумагу, в которую когда-то были завернуты консервные банки. Авось да не проржавеют. Толку от них сейчас не было никакого — патронов все равно нет. А пугать неведомого хозяина таким арсеналом было бы неправильно. Да и если, паче чаяния, с ним сюда пожалуют немцы или полицаи, то хоть им не достанется. А мне, если что, и имеющегося оружия хватит.

Хозяин, однако, не спешил проведать свой сенокос. Приняв еще пару глотков коньяка, я начал философствовать на эту тему. Сейчас осень, сено косить еще можно. Так что именно на эту полянку он может и не особо спешить. Тем более что тут уже косить не надо. Грузи стог на телегу и домой. А подъедет ли сюда телега? Я приподнялся на локтях и осмотрелся. Может. Вот там, между деревьями, проход есть. Это я сюда с другой стороны приперся, как раз через самый бурелом и лез. Оттого и подумал, что тут такая чаща повсюду. Оказывается, нет, есть тут и вполне проезжие тропки. До вечера так никто и не приехал...

РАПОРТ

Совершенно секретно Рейхсфюреру СС

Хайль Гитлер!

Докладываю Вам, что мероприятия, проводимые по плану «Почтовый рожок», можно считать завершенными. Противник проявил самый активный интерес к деятельности профессора и его подразделения. Прорвавшаяся в район испытаний группа практически полностью уничтожена, ее остатки рассеяны по лесу, и в настоящий момент завершается их уничтожение. Анализ полученной нами информации, показания очевидцев, осмотр тел погибших диверсантов и их тщательное медико-биологическое исследование позволяют нам сделать следующие выводы:

1) Противник ведет аналогичную подготовку своих специальных групп.

2) В процессе подготовки русские НЕ ИСПОЛЬЗУЮТ медпрепаратов, аналогичных тем, которые применяем мы.

3) Антропометрическое обследование тел погибших диверсантов (три человека) не выявило у них каких-либо отклонений от стандартного развития мускулатуры. Это, в свою очередь, позволяет нам с уверенностью утверждать то, что русские не применяют методов ускоренного развития физических способностей и наращивания мускульной массы. По-видимому, это им неизвестно.

4) В то же время следует признать, что методика подготовки русских диверсантов превосходит нашу. Их специалисты не ограничены в своем умственном развитии, способны быстро анализировать изменяющуюся обстановку и соответствующим образом на нее реагировать. Их скорость принятия решения весьма высока. Реакция на изменение обстановки — почти молниеносная. Стрелковая подготовка проведена на должном уровне. Диверсанты противника проходят хорошую языковую подготовку. Обладают опытом организаторской и командно-управленческой деятельности на уровне не ниже, чем командир батальона. Особо следует подчеркнуть хорошее знание ими минно-взрывного дела. Некоторые их приемы никогда ранее не использовались и нашим специалистам неизвестны.

5) В отличие от наших специалистов, русские предпочитают работать организованными группами небольшой численности. В этом случае их деятельность достигает максимальной эффективности. У них хорошо отретпетирована работа парами. Хотя надо отметить их высокую результативность и при работе в

одиночку.

6) Установлено название соответствующего подразделения противника. Это спецподразделение «А» Первого Главного Управления НКГБ СССР. Указанное подразделение нам неизвестно. Информация о нем отсутствует. Единственное обнаруженное нами упоминание о существовании данного подразделения относится к 1941 г. Тогда сотрудник этого подразделения убил несколько военнослужащих ремонтно-восстановительного батальона и после этого нанес серьезный урон преследовавшим его подразделениям специального назначения вермахта под командованием оберстлейтенанта Карла Рейнеке. Несоответствие в первоначальном наименовании подразделения (КГБ СССР вместо НКГБ СССР) можно объяснить неточностями перевода. По полученным нами данным, это подразделение существует уже около двадцати лет.

К своему сожалению, должен отметить также и то, что, несмотря на предварительную подготовку, мы так и не смогли противостоять русским диверсантам на должном уровне. Погибли профессор Маурер и все руководство управления «С». Практически полностью уничтожена спецгруппа гауптмана Борга, а он сам погиб в бою. Наши надежды на специалистов, подготовленных управлением «С», не оправдались. Их применение в данных условиях оказалось неэффективным, и в ряде случаев они даже нападали на наших солдат.

Советник первого класса Ганс Вернер.

Скрип колес я услышал под утро. Никак хозяин шалаша приехал? Ну, раз так... Я на локтях отполз в ближайшие кусты. Не забыл утащить туда и весь свой хабар, благо что его уже не так много и осталось. Интересно, сколько там будет народу? И что это будет за народ? Если это местные обитатели — одна песня, если полицаи — совсем хреново. Нет, положить-то я их сумею. А что дальше? Опять в шалаше залегать, ждать следующих гостей? Даже если я захвачу лошадь с повозкой, то куда поеду?

Скрип приближался. Я уже слышал негромкий разговор. Ага, значит, не один едет... Ну, давай, родной, покажись...

Телега, влекомая понурым конягой, выползла из-за поворота. И я опустил винтовку...

Негромко разговаривая между собой, на телеге сидели... две девчонки. Молоденькие, лет по пятнадцать. Головы повязаны платками, на плечах что-то среднее между телогрейкой и пиджаком. Как называется это одеяние? Лапсердак? Нет, это не у них... На ногах обыкновенные сапоги. Солдатские кирзачи? Ну... не совсем, но похоже. Блин, а моим-то уже скоро каюк...

Тем временем телега протиснулась между деревьев и подъехала к шалашу. Девчонки спрыгнули на землю. Та, что выглядела постарше, подвязала поводья лошади к кусту, и они обе принялись грузить сено. А ведь за один раз они все это не увезут... Значит ли это, что они приедут сюда еще раз? Не факт... Еще кто-то приедет? Тоже не факт. В шалаш они еще не залезали, а то увидели бы там мои следы. А зачем им туда залезать? Там, скорее всего, косари спали, а девчонкам-то он на фиг нужен?

Прошло полчаса, никто больше не появился. Ну что — рискнем? Я кашлянул.

Девчонки почти мгновенно оказались за телегой. О как, пуганые?

— Кто тут?

Это та, что постарше, выглянула из-за телеги. М-да, а в руке-то у нее... топор... Интересно тут гостей встречают... Однако надо что-то говорить, а то просто так убегут.

— Свои... — я постарался сделать голос как можно жалостливее. Ага, как же! Будто ржавым ножом по железной бочке проскрежетал.

— Свои все дома сидят!

— Значит, не все, — тут уже голос получше вышел.

— Что вам надо?

— Ходить я не могу... Мне бы из леса как-то к людям выйти...

— А кто вы такой?

— Солдат я... окруженец... к своим выйти хотел...

— А сюда как пришли, колы ходить не можете?

Интересный у нее говор. Или от волнения так сбивается?

— Сюда дошел, переночевал, а вот встать уже и не смог.

— Ружье у вас есть?

— Есть...

— Бросьте! Вон, на траву! А то... знаем мы таких...

Интересно, откуда? Я тут такой не первый уже?

— Ради бога... — выщелкнув из СВТ патроны, я высыпал их в карман. Размахнувшись, насколько хватило сил, бросил винтовку в указанном направлении. Недалеко, но все же девчонок успокоил. Спокойнее и мне стало, пусть у них винтовка, зато патроны у меня. А то, знаете ли, бывали

прецеденты... Может, у них папа полицей или типа этого?

Ободренные этим моим жестом, девчонки вылезли из-за телеги. Подошли поближе, и младшая сноровисто подхватила с земли винтовку. Передернула затвор — умеет! И разочарованно вздохнула.

— Нету там патронов, девоньки. Нет их у меня... кончилось все...

Они подошли, и, рассмотрев меня получше, младшая ойкнула. Ну да, видок был еще тот... Грязный, заросший щетиной. Немытая морда. В общем — бомж военного времени.

— Вы снайпером были? — это младшая.

— Нет, куда мне. Подобрал я ее.

Старшая передала свой топор подруге и присела около меня на корточки.

— Что у вас с ногами?

— Не знаю, милая. Не ходят и все тут. Чувствую я их, даже чуть пошевелить могу, а вот уже согнуть ногу не получается.

— Болят?

— Нет, не болят.

— Давно вы здесь?

— Четвертый день лежу. Вон, в шалаше все время прятался. А вас услышал, так и уполз. Мало ли кто едет, вдруг это немцы?

— А что ж вы ели-то?!

— Ну, есть у меня еще немного еды. На пару дней еще хватило бы.

Отойдя в сторонку, девчонки стали о чем-то совещаться. Разговор у них был бурный, причем заводилой в нем выступала младшая. Во всяком случае, напор у нее был — будь здоров! Наконец, о чем-то договорившись, они умолкли и направились ко мне.

— Мы вас к дядьке Хрисанфу отвезем. Он посмотрит, что там с ногами, может, и сделает чего.

— А немцев там нету? А то они меня тоже... враз вылечат...

— Нет. Они вообще к нам заезжают редко. Деревня маленькая, нету у нас ничего для них интересного.

— Ну, к дядьке так к дядьке. Хоть не в лесу лежать буду — и то хлеб!

Общими усилиями меня водрузили на телегу и засыпали сеном. В процессе погрузки мы и познакомились. Старшую девчонку звали Валентиной, а младшая назвалась Аней. После бурных обсуждений мою винтовку спрятали в кустах, и телега тронулась в путь.

Аня оказалась весьма любознательной девицей и всю дорогу донимала меня расспросами о положении дел на фронте. Что я ей мог сказать? Сослался на то, что был в лагере, и поведал ей некоторые подробности

лагерного житья. Судя по тому, как ошарашенно она умолкла, рассказчик из меня вышел неплохой.

Под стук колес я даже задремал и проснулся только от шепота Валентины.

— Дядя Саша!

— А... Что?

— Мы в деревню въезжаем. Сейчас к дядьке Хрисанфу завернем, так что вы того... готовьтесь!

— Эх, милая, да меня сейчас как бревно ворочать можно, ничего от меня-то и не зависит. К чему ж готовиться-то?

Телега, качаясь на ухабах, проехала еще немного и остановилась. Я услышал топот ног и звонкий голосок Ани.

— Дядя Хрисанф!

Прошло некоторое время...

— Чего тебе, балаболка?

— Дед Панкрат сказал вам сена завезти.

— На кой оно мне сдалось-то? Скотины у меня нет, а курам оно вроде бы и без надобности?

— Не знаю я. Он сказал — завези малехонько сена дядьке Хрисанфу. Он знает, мол, зачем.

— Во как? Я еще и про это знать должен? Ну... давай свое сено...

Заскрипели, отворяясь, ворота, и телега въехала во двор.

ГЛАВА 23

— Ложись уж, аника-воин... — дядька усадил меня на полок.

В баньке было прилично натоплено, аж дух захватывало. Я осторожно перевернулся и лег на живот. Он помог мне, поддерживая ноги, после чего вытянул их вдоль полка.

— Так... Щас попробуем... — с этими словами он зачерпнул из горшка полную горсть какой-то черной субстанции и принялся намазывать ею мою поясницу. Мазь эта обладала пренеприятнейшим запахом и быстро застывала на теле. Вскоре половина моей спины была закована в непроницаемый панцирь. Отступив на шаг, Хрисанф с довольным видом оглядел меня.

— Ну... более или менее... сойдет на первый раз...

Подойдя к бочке, он зачерпнул из нее полный ковш и с размаху плеснул воду на камни. Столб пара со свистом ударил в потолок!

И у меня сразу же перехватило дыхание... рот раскрывался в тщетной попытке вдохнуть отсутствующий в бане воздух. Дядька, ухмыляясь в усы, добавил еще... Его самого подобная жарница не брала вовсе. Посмотрев на мою красную морду, он сжалился и плеснул водой уже на мое лицо.

— Так?

— Да... так лучше...

— Терпи! — он назидательно поднял палец. — Это все цветочки были, вот сейчас по-настоящему припекать будет...

Инквизитор деревенский! Он что, всерьез? Я открыл рот, желая высказать ему пару ласковых слов, и тут меня *скрутило*...

Поясницу словно охватил стальной обруч... да еще и раскаленный докрасна... перед моими глазами завертелись красные круги...

— Очнулся?

— Ох... что это было, дядька Хрисанф?

— Деды наши так лечились. От всяких хворей, когда еще докторов нынешних и в заделе не было.

Говоря это, он в темпе откалывал с моей спины закаменевшую мазь. Отломанные чешуйки он кидал в ведро, стоявшее у ног. Боль уже в основном утихла, только волосы со спины дядька выдираал нещадно. Я ощутил в ногах покалывание. Ура! Живем!

— Ты не особо разгоняйся-то... Ишь, приткий отыскался... С ногами еще работать и работать. Ходить еще не скоро станешь...

Когда девчонки выволокли меня из стога, Хрисанф не сильно удивился. Присел, кряхтя, на корточки и взял меня за руку.

— Да... Понятно, почему вы его ко мне притащили... Болен он. Что с тобой?

— Ноги. Чувствую, а вот двигать ими не могу.

— Давно так?

— Четвертый день уж пошел...

— И отчего это у тебя?

— Взрывом кинуло на дерево, вот спиной и приложился. Шесть дней назад.

Он перевернул меня на живот, задрал вверх гимнастерку и принялся ощупывать спину. Спустился к пояснице, пощупал ноги.

— Вот что, девчата... Вещи его я спрячу, а вот с одеждой плохо, ростом я не вышел. Так что надобно достать ему чего-нито. Уразумели?

Анька быстро закивала.

— Все сделаем! Сейчас же и принесем!

— Только так, чтобы не видел никто.

Вот уже несколько дней он меня лечит. Мажет какими-то мазями, растирает, постукивает по спине и ногам увесистой палкой. Большого эффекта пока нет, но дядька спокоен.

— Быстро только кошки родятся! У тебя повреждений много, ноги просто первыми отказали. Могло и хуже быть.

— Да куда уж хуже-то!

— Не скажи! Руки, вон, целы, говорить можешь, даже ползать. А вот как бы с ногами зараз еще и язык отнялся? Али хуже того — глаза?

— Скажешь тоже... Глаза-то с чего?

— А спина с чего? С того самого и глаза!

Аргументов у меня нет и поэтому замолкаю.

Дядька удовлетворенно улыбается.

— То-то же! Слушай, что тебе старые люди говорят!

Девчонки забегают часто. Приносят что-нибудь перекусить. В один из своих рейсов за сеном они привезли и мою винтовку. Хрисанф все оружие попрятал где-то в доме. Даже гранату в вещах отыскал.

— А на кой оно тебе сейчас-то, железо твое? Воин из тебя нонеча, как из дерьма — пуля, прости Господи! На солдата ты сейчас не особо похож, кому ты такой нужен? В зеркало себя видел? Нет? Ну, так глянь! Краше в

гроб кладут. Если и придет кто с расспросами, так сродственник ты мой и все дела. Привезли тебя на лечение. Тут этим никого не удивишь, все знают, что я людей пользую.

— И часто ходят?

— Частенько. Только я по мелочам не берусь. Зубы там, синяки — это и без меня есть кому поправить. А вот так, как у тебя... Это уж мое дело...

Вообще дядька поговорить любит. Любопытный и любознательный. Из своей деревни отродясь не выезжал и не собирается. Но пытливым умом впитывает все, что я только ни рассказываю ему вечерами. По-детски непосредственно удивляется и качает головой.

— Это ж надо такого наворотить-то?! За каким, прости Господи, рожном?

И как я ему объясню, за каким рожном человечество столько всего понаизобретало? Особенно смертоубойного и членовредительского...

Сам он что-то рассказывает редко, все больше слушает. Только иногда его пробивает на откровенность, и он начинает объяснять мне различные хитрости своего ремесла.

— Дядька Хрисанф, а что ж вы в такой глуши сидите? Вам с такими талантами место в больнице какой-нибудь большой. Там и людям бы помогли, да и других своему ремеслу обучили бы.

— Хех! Там все больше по книгам народ лечат. А я уж лучше тут, поближе к земле, да к лесу. От них и жизнь наша пошла, и здоровье — тоже от них! А энти... — махнул он рукой. — Пигалицы в белых халатах, вон, навроде Аньки. А туда же — доктора! Молоко еще на губах не обсохло...

В один из дней нас посетила с визитом местная интеллигенция. В лице бывшего бухгалтера лесотреста. С приближением фронта все работы в нем закончились и его работники разошлись по домам. Так и Борис Викторович Немков оказался в своей бывшей деревне. В город, где у него была квартира, возвращаться было страшновато — бои шли на окраинах. Именно поэтому, предвидя такую ситуацию заранее, он и оформил себе командировку на участок, откуда и вернулся в деревню. Тут у него жил дед, у которого он и остановился. Немков был страшно горд своей предусмотрительностью, о чем не уставал напоминать окружающим. К дядьке он зашел по его просьбе, старику в очередной раз занедужилось. Вот и попросил он сделать ему лечебную мазь. Хрисанф поморщился, видимо гость был ему не по душе, но возражать не стал. Кивнул ему на лавку и ушел в сарай, где у него хранились всяческие снадобья. Нимало не обескураженный холодным приемом, гость важно на ней расселся.

— А вы, прошу прощения, кто будете? — спросил он у меня.

Практически все время я лежал на кровати в единственной большой комнате дядькиного дома. Тут спал и сам хозяин — его место было в углу, около окна. В остальных двух комнатах он хранил какие-то вещи. В одной из них стояла кровать, на которой иногда задремывали девчонки. Их визиты были почти ежедневными. С собой они приносили различные травы, и Хрисанф тщательно их разбирал, попутно рассказывая об их свойствах.

— А? — гость снова обратился ко мне.

— Сродственник я дяде Хрисанфу. Спину вот зашиб на лесоповале. Он и согласился меня обиходить...

Видок у меня был самый затрапезный. Щетина уже оформилась в некое подобие бородки, а одежда с чужого плеча и вовсе преобразила мою внешность до неузнаваемости.

— Это где же это вас так? Что-то при мне таких случаев не было...

— А где это, простите, при вас?

— В лесотресте.

— А-а-а... так это мы для себя лес валили... избу поправить надо было.

— У-у-у... не повезло вам. А кем при Советах работали, извините за любопытство?

Как-то мне резануло слух это слово... «При Советах»... Сам-то, поди, не ломом махал — вон, руки какие чистые да ухоженные...

— Слесарь я. Машины чинил.

— Так что ж вы тут бездельничаете? Вон, у немцев работы полно! Машин-то у них, чай, не как у прежней власти — в разы поболее!

— Из меня сейчас работник...

— Ну, дядька-то Хрисанф вас на ноги поставит, не сомневайтесь! А немцы-то как раз и объявление вывесили третьего дня, там список специальностей, которые им требуются. Автослесари так чуть не на первом месте стоят!

— А вы?

— Что я?

— Вашей специальности там нет? Ноне не воскресный день, что ж вы-то не на службе?

— Что ж мне, снова бухгалтером идти? Как при Советах?

— А чем работа плоха? Чай не с ломом да не в кочегарке...

— Для интеллигентного человека сейчас большие возможности открываются! Немцы, они грамотных людей уважают! Я уже был на приеме в управе, обещали устроить меня соответственно способностям!

— И вы к немцам работать пойдете?

— А к кому ж еще? Эти надолго пришли. Будьте уверены, они тут порядок наведут!

— Да уж... эти точно наведут...

— Напрасно вы иронизируете! Умные люди давно уже поняли, где их место.

— И где?

— С немцами! Где ж еще?

— Так они напали на нас...

— На вас лично?

— Нет. На страну они нашу напали.

— Да бросьте вы! Что хорошего сделала вам эта страна? Палочки трудодней в бригадирской тетрадке? Демонстрацию на Первое мая? А... — он раздраженно махнул рукой.

— Ну, вас-то старая власть не обидела? Вы же на хорошем месте работали?

— Служил! Вы разницу понимаете?

— Не очень...

— Служить можно и из-под палки. И по принуждению тоже. А вот *работать*... Для этого талант нужен! Мое ли это было дело — считать баланс?

— Хм... Кем же вы хотите *работать*?

— Я умею руководить! Это вы можете понять?

— Могу. Это вроде как наш инженер?

— Инженер... — интерес Немкова ко мне поубавится. — Это мелочи... Вот увидите, я добьюсь многого!

Стукнула дверь, это пришел дядька Хрисанф. Откровенничать при нем гость не стал, взял склянку с мазью, поблагодарил и попрощался.

— Трепло! — коротко резюмировал свое впечатление дядька.

— Чего так?

— Пустозвон — и все дела! Постоянно около немцев крутится. Все ждет, что его бургомистром назначат. Будто у них своих холуев не хватает...

— Что так сразу-то — в бургомистры?

— Гонору у него до хрена. И язык подвешен хорошо. В иное время такие речуганы задвигал...

— А не заложит он меня фрицам?

— Чего?

— Ну, я в смысле — немцам он про меня не расскажет?

— Сиди уж... Я давеча в полицию ходил, тут у нас двое обалдуев

теперь полициями заделались, так и сказал им, что сродственник у меня лежит, спину зашиб. Самогонки им принес, ажно две бутылки! Тьфу! Добро на г...но переводить!

Выпить дядька любил...

— И что они на это сказали?

— Да по хрену им все! Что мы с тобой, что немцы — было б чего пожрать да выпить! Один из них за такие привычки уже лет пять отсидел, только перед войной и вышел... Тьфу, прости Господи!

Прошло еще два дня, дядька продолжал свои истязания. Ноги понемногу стали отходить, покалывания в них усилились.

— Добро! — сказал Хрисанф после очередной бани. — Еще чуток — и вставать начнешь! Только не переусердствуй сначала-то, а то жилы сорвешь.

А на следующий день к нам заявили немцы.

Не лично к дядьке во двор, а в деревню.

Сколько их приехало, я не видел. Но во двор к нам их вошло трое. Один сразу же занял позицию у ворот, дабы никто не смылся из проверяемого помещения, а двое вошли в дом. Сопровождал их старый знакомый — Немков.

Предупредительно забегаая вперед, он раскрыл перед солдатами двери и отступил в сторону, пропуская их перед собой.

Вошедшие немцы были парнями крепкими, и от них так и перло дурной удалью.

— О, Гельмут, смотри! — ткнул пальцем в сторону дядьки Хрисанфа первый солдат. — Это настоящий деревенский колдун!

— Вилли, ты как всегда преувеличиваешь! Колдунов не бывает!

— Это у вас, в городах. А у нас, в Шварцвальде, и поныне можно встретить таких же, как этот дед.

— И что в нем такого необычного? Старик, каких тут много.

— Местный полицай, — при этих словах Вилли указал на Немкова, — говорит, что тот лечит даже трудных больных.

— И пусть себе лечит, нам же с ними хлопот меньше. Пусть ходят к своему знахарю, а не таскают свои болячки в город. Давай лучше дом осмотрим. Время к обеду, а мы все еще ковыряемся в этой Богом забытой деревушке.

Немцы прошлись по комнатам, открывая дверцы шкафов и сундуки и вытряхивая на пол их содержимое. Ничего интересного не нашли и вернулись в комнату. Гельмут сел на лавку, а коренастый Вилли взгромоздился на стол, предварительно сбросив на пол все, что на нем

стояло.

— Документы! — рявкнул он.

Немков закивал головой и повернулся к Хрисанфу.

— Хрисанф Петрович, им ваши документы требуются.

— А ты теперича у них заместо подпевалы ходишь?

— Какие обидные ваши слова, Хрисанф Петрович! А если бы тут, вместо меня, какой чужой человек был? Откуда он знает про вас? И не скажет господам солдатам, кто человек порядочный, а кто так... Обо всех вас думаю, а вы туда же...

— Держи ужо... — дядька протянул ему какую-то бумагу с печатью. — Других документов у меня нет, извиняй...

— А у него? — ткнул рукой Немков в мою сторону.

— Щас, вот он так в лес, да за дровами, с документами и поперся! Дома они у него, в Нефедьево, это аккурат верст семьдесят, ежели напрямки лесом идти.

Бывший бухгалтер подскочил к Вилли и что-то прошептал ему на ухо.

— Больной? Чем он болен? Это не тиф?

— Нет-нет, господин солдат! Тифа у нас в деревне нет! Он не может ходить...

— Да? По-моему, так он просто симулянт... Сейчас я его вылечу...

Он подскочил ко мне и сдернул на пол одеяло.

— Встать! Быстро!

Я с удивлением на него посмотрел. В принципе угрохать я его мог, вилка лежала под одеялом у правой руки. Удар в висок — и кранты! Перехвачу его карабин, и второму тоже карачун. А потом что? А потом плохо... Уйти не смогу, значит, амбец дядьке, да и всей деревне кисло будет.

— Он хочет, чтобы вы встали! — прошептал мне Немков.

— Интересно, как я смогу это сделать? У меня же ноги не ходят!

— Ну, хоть пошевелитесь! Не лежите бревном!

— Да не могу я!

— Что он там бормочет? — немец терял терпение. — Он что — не хочет встать? Ну, так ляжет, причем окончательно!

Он оттолкнул Немкова и вскинул карабин.

— Скажите ему, что если не встанет, то я его убью!

А ведь и выстрелит, с него станется. Вон глаза какие бешеные. Черт... не доброшу я отсюда вилку, веса в ней недостаточно. Максимум что сделаю, так это синяк набью. Эх, дядька Хрисанф, не вовремя ты мой наган заныкал!

Солдат лязгнул затвором.

Утюг?

Далеко... не достать...

Кружкой?

Легкая, толку с нее чуть.

Вилкой кидать?

А потом они застрелят дядьку Хрисанфа, спалят дом. И пройдутся по деревне частым гребнем... И выйдет так, что это я спровоцировал их на эти действия. Нет, не будем кидать. И эффект почти нулевой, и на сельчанах потом немцы отыграются. Так что же, попросту помереть? Или снова сыграть в старую, еще с 1941 года игру?

Бзынь!

Выпавшая из Анькиных рук крынка с молоком долбанулась об пол...

И правый бок немца окрасился в белый цвет!

— Черт!

Он внезапно подпрыгнул на месте и, бросив карабин, стал отряхивать свой мундир. Немков кинулся ему на помощь, подхватив с печки полотенце.

— Отто!

— Чего тебе? — раздался голос со двора.

— Какого дьявола ты пропустил сюда эту девку?!

— Был приказ — никого не выпускать. Про входящих ничего не говорилось. Да и потом, я же ее проверил. У нее ничего нет, кроме горшка с молоком.

— Все это молоко теперь у меня на кителе и брюках!

— Ну а я-то тут при чем?

Продолжая ругать своего коллегу, Вилли вышел во двор. Хохочущий Гельмут тащил за ним его карабин. Немков выскочил следом, бросив мокрое полотенце на пол.

Окаменевшая Анька прижалась спиной к простенку и не сводила с меня испуганных глаз.

— Фу-у... пронесло... — дядька Хрисанф наклонился и поставил в угол топор, который он незаметно для всех держал за спиной.

— Так вы его собирались...

— Ну да! По кумполу и все тут.

— А... остальные?

— И они бы не ушли. Тесно в избе, с винтовкой не больно развернешься, а вот с топором...

— Вставать скорее мне надо...

— Скоро уже, не беги вперед паровоза...

— Спасибо тебе, — повернулся я к Аньке. — Если б не ты со своим молоком... даже и не знаю, что бы тут произошло...

Она отклеилась от стены и подошла ко мне. Внезапно ноги ее подкосились, и она упала на колени, уткнувшись лицом в мое одеяло. Плечи ее затряслись от рыданий.

— Он же... он же вас убить хотел!

— Ну, не убил же...

— Как вы... так вот сидели и... и... ничего не делали?

— Я мог бы ударить его, ну вот этой вилкой, например... Но тогда бы они убили дядьку Хрисанфа, по деревне пошли бы...

— Все равно... так нельзя же ведь...

Дядька подошел к ней и присел. Рука его погладила Аньку по затылку.

— Ладно тебе сырость-то тут разводить... Обошлось, ну и слава богу...

ГЛАВА 24

— Разрешите войти, товарищ полковник?

— Входи, майор, присаживайся. Что долго так добирались-то? Я уж все жданки съел!

— Колесо в машине пробило. Пока снимали, пока чинили... Вот час незаметно и пролетел...

— Незаметно... Это для вас, молодых, время незаметно летит. А я каждый час неизвестности всем сердцем чувствую. Ладно, об этом в другой раз поговорим. Рапорт я твой читал, мне его курьер сразу же после вашего приземления и привез. Так что пока вы там разгружались да собирались, я уже все посмотреть сумел. Скажу сразу, сделали вы все, что могли, и даже чуть больше. Претензий, несмотря на то, что основную часть задания вы так и не выполнили, у меня к тебе нет. Учитывая того, кто вам там противостоял, удивительно, что вы вообще назад вырвались. Думаю, что руководство мою точку зрения поддержит. Теперь давай, Виктор, рассказывай мне о том, чего ты в рапорте не написал. Я тебя уже не первый год знаю — того, что не проверено, в документе отражено не будет. Ведь так?

— Так, Михаил Николаевич. Сами же меня этому и учили.

— Не скромничай. И талантов своих не преуменьшай. Ты и сам — тот еще подарок и до меня был... давай, как сыщики из МУРа говорят, колись!

— Даже и не знаю, Михаил Николаевич, с чего начинать...

— Вот с начала и давай.

— Если честно, товарищ полковник, то я вообще не понимаю, как мы в зону вошли.

— То есть?

— А то, товарищ полковник, что охрану там ставили далеко не дилетанты. Один тот факт, что немцы даже окопов не рыли, а сразу в готовые сели, вам ничего не говорит? То, что линии связи заранее проложены были, провода кое-где уже и травой заросли, как вам? То, что все эти позиции заранее были немцами подготовлены и вовсе не для случая с Леоновым? Да и ставили охрану там уж точно не вчерашние школьники.

— Ну, майор, твоих ребят тоже школьниками назвать нельзя.

— Согласен. Только вот, товарищ полковник, что я скажу. Если бы немцы не хотели нас внутрь пропустить, то и не пропустили бы.

— Так... продолжай...

— У меня вообще впечатление сложилось, что охрана эта имела своей целью не предотвращение проникновения кого бы то ни было в зону, а воспрепятствование его уходу оттуда. Ведь даже сектора стрельбы были расчищены для стрельбы вовнутрь охраняемого периметра, а не наружу!

— И что из этого следует?

— Нас там ждали, товарищ полковник.

Чернов резко встал из-за стола. Поднялся со стула и майор Гальченко. Жестом руки приказав ему сесть, полковник зашагал по кабинету.

— Ты хоть представляешь, майор, что ты мне сейчас сказал? Как ты думаешь, сколько народу знало о факте выброски вашей группы?

— Много, товарищ полковник. Вы знали, замнаркома, писари, техники на аэродроме, летчики, вооруженцы... Человек тридцать, по моим прикидкам.

— Двадцать три, майор. И все они, кроме замнаркома, меня и моего секретаря, были и до сих пор находятся на казарменном положении. Контакт с внешним миром не имеют по сей день. Пилот так вообще получает конверт, который может вскрыть только в воздухе. Под роспись его самого и второго пилота. С указанием времени вскрытия. Да... А все прочие получают информацию только «в части, их касающейся» и полной картины не знают. Полную схему операции знаю только я и замнаркома. И все! А ты говоришь — ждали!

— И сейчас готов это повторить. Единственный прокол, немцами допущенный, — это профессор, точнее его незапланированный выезд с полигона. Видимо, слишком быстро все это произошло, и не успели они его тормознуть вовремя. После нашего нападения противник проявил потрясающую скорость развертывания своих подразделений. Словно они это не раз отрабатывали.

— А почему бы и нет? Учитывая, что ими командовал Борг...

— Но вы и сами знаете, что уж кого-кого, а его бы просто так сюда не послали бы... Он же в последнее время только по нашим группам и работал.

— Один-ноль, майор. Это аргумент...

— Я, пока в точку возврата выходили, да и в самолете уже, долго думал. И вот что у меня в голове сложилось, товарищ полковник.

— Давай-давай, Виктор, твои догадки иногда очень даже интересными бывают!

— Вот если я на охоту пойду, на бобра, например... Я же и ловушку ставить буду соответствующую этому, ведь так?

— Ну. Все так.

— А если в нее вместо бобра, скажем, медведь залезет — будет с нее толк?

— Ну, ты нашел кого с кем сравнить! Ясен пень, разломает медведь твою ловушку.

— Вот смотрите, товарищ полковник, что у нас выходит. Как я понял, после того как загнали фрицы Леонова на полигон...

— Ты в этом точно уверен?

— А некого больше, товарищ полковник. И в документах трофейных об этом я краем глаза прочитал, и ефрейтор пленный подтвердил. Да и сам Леонов передал нам банку немецкого спецпайка. Все сходится, Михаил Николаевич, все! Он был на полигоне!

— Допустим, что был. Что из того?

— Вот тут бобровый капкан и не выдержал... Не тот зверь в него залез. И профессор не просто так с полигона уехал. Он свою шкуру спасал! Что-то не так там пошло...

— Два-ноль, майор! Ты этого знать не мог. Там у них действительно бардак начался. Взбунтовались профессорские подопечные, да и начали по своим стрелять. Вот и рвануло руководство управления «С» подальше от возможных неприятностей.

— Управление «С»? В документах оно часто упоминается. Я, к сожалению, не все прочел, но это название видел.

— Покойный профессор в нем и трудился. А штандартенфюрер, вами упокоенный, его возглавлял.

— Ага! Так вот, товарищ полковник, я продолжу. После этого случая на полигоне немцев и затрясло. Они были нацелены одну группу ловить — нас. А Леонов оказался им вроде песка в шестеренках. То они на нас бросались, то на него. А уж после того как самого Борга завалили... и вообще бардак начался. Он же, что ни говори, талант был. Умел на ходу импровизировать и быстро всю схему перестраивать, с учетом изменившейся обстановки. Если бы от Волохово нас его ребята гнали... я бы с вами сейчас не разговаривал.

— Даже так?

— Да, товарищ полковник.

— Да... ну, не скажу, что вам повезло. Хотя и без везения не обошлось, это точно. Как говорил один из моих учителей — везет тем, кто успевает это вовремя заметить. И кто же из вас оказался такой везучий?

— Котенок это. Младший лейтенант Барсова. Вместе с Леоновым они Борга и ухандокали.

— Котенок! Это уже не котенок, а тигренок получается! Такого зверя

задавить! Передай ей мою личную благодарность и можешь писать представление. Не только на нее, кстати. Вы все, кто уцелел, этого заслуживаете.

— Так мы же, товарищ полковник, основного задания не выполнили.

— А в этом, майор, твоей вины нет. Такого уровня противодействия вам никто, да и я сам в том числе, не ожидал. И не готовились к этому, если честно. Кроме того, если учесть документы да паек этот немецкий... Да и профессора покойного, вдобавок еще и Борга к нему приплюсовать... Не всякая войсковая операция такого эффекта достигает. Это ты еще всех последствий вашего рейда не знаешь. А они есть, можешь мне поверить. И весьма серьезные!

— Тут вот еще что есть, Михаил Николаевич...

— Ну?

— Барсова, когда мы уже назад летели, мне сказала, что узнала Леонова.

— И что ж ты раньше об этом молчал?! Где они встречались? Когда?

— Тут вот какое дело, товарищ полковник... Самого Леонова она до встречи в деревне, конечно, не видела. Но вот манера его передвижения, стрельбы... вопросы, которые он ей задавал, фокус с пустой гранатой... Вы Манзырева помните?

— Зэка этого, что с ней из немецкого тыла выходил? Помню, читал про него.

— Так вот, Барсова уверена, что Леонов знал такие вещи, которые, кроме Манзырева, никто другой знать более не мог.

Немков зашел к нам через два дня. Держался важно, вездесущая Анька сообщила, что немцы назначили его старостой. И это мгновенно сказалось на манере общения. Всем своим видом он показывал, что делает нам одолжение. И если бы не необходимость лечить больного деда, ноги бы его в нашем доме не было. Поздоровался он, тем не менее, вежливо. Дядька с ним общаться не захотел, молча взял баночку для мази и ушел в сарай.

— Обижаетесь на меня? — спросил Немков, поворачиваясь ко мне и присаживаясь на край кровати.

— А вы как полагаете?

— Зря... Это же не я придумал, у солдата что-то разыгралось воображение.

— Вы могли его остановить.

— Как?

— А как это сумела сделать девчонка?

— Ну, знаете! Это, наоборот, могло привести к обратному результату. Да и не стал бы солдат стрелять.

— Не знаю. У меня как-то не было возможности убедиться в серьезности или несерьезности его намерения.

— Да... печально, что вы меня не понимаете...

— А вы объясните, может и пойму. Я же тут, как бирюк в норе, ничего не знаю и не слышу. Вот вы теперь начальником стали, так я и не знаю, как это принимать? К добру аль к худу?

— Должен же кто-то думать и про этих... — он обвел рукой по сторонам, — недалеких людей...

— По-вашему, они тут все недалекие? Может быть, вы ошибаетесь?

— Бросьте! Вы и сами из этих мест, но успели уже увидеть другую жизнь. Должны понимать, что мир не кончается за околицей. У нашего народа есть шанс! Уникальный, такого больше не будет!

— Это какой такой... шанс?

— Мы можем войти в братскую семью просвещенных народов! Народов Европы!

— В качестве кого? Прислуги?

— А что в этом такого зазорного? Если даже и в этом качестве? Все начинали этот путь с самого низа!

— Не знаю. В ихней истории я не силен...

— Да поймите вы! — видать, с собеседниками у бывшего бухгалтера было совсем плохо, раз он стал со мною откровенничать. — Нас одних туда никто не пустит!

— А надо?

— Вы что, так и хотите всю свою жизнь прожить среди этой... серости? В глухой и беспросветной тоске?

— Ну, я что-то не тосковал раньше уж слишком-то... А почему вы думаете, что там, в этих ваших Ивпропах, жить лучше? Вы это сами видели?

— Видели другие. Вполне достойные люди, которым можно верить. Да и газеты надо читать, понятное дело, что не советские.

— Немецкие?

— Других-то нет!

— Так врут все в газетах-то...

— Это в советских врут! А немцы — культурная нация, им врать зазорно!

— Не знаю. Языками не владею, а потому и сказать ничего не могу. Да и зачем вам я? Почти инвалид...

— Я дядьке верю! Сказал он, что ходить будете, значит, будете.
— Так это еще когда будет-то...
— Будет! Тогда и поговорим, есть у меня к вам предложение одно.
— Какое же?
— Вы ведь водить машину можете?
— Могу чинить, могу и управлять, — пожал я плечами. — А что?
— Да так... есть у меня одна мысль. Заодно и с немцами подружиться, они хорошую услугу помнят! Так что выздоравливайте, а там всем работа найдется. И вам, и мне, и даже девчонке этой... как ее зовут, кстати?
— Вроде Аней звать. Не знаю точно, она же не ко мне ходит, а к Хрисанфу.
— Зачем?
— Молоко ему носит. У них тоже кто-то там заболел, вот они молоком-то и расплачиваются.
— И часто она к вам заходит?
— Нечасто. Я-то вижу ее, только если она в дом войдет, а так не всегда бывает. Может, она на улице дядьке горшок отдаст, да и уйдет. Откуда мне знать?
— Да? Ну да и бог с ней! Поправляйтесь скорее!
Похлопав меня по плечу, Немков удалился. А меня не оставляла мысль, что чего-то я упустил в нашем разговоре. Какие-то детали я явно зевнул...

ГЛАВА 25

Сегодня я пошел... на ногах... И произошло это как-то буднично и обыденно. Захотел встать и на костылях доползти до туалета. Он у дядьки во дворе располагается. Протянул руку за костылем, а он возьми да упали на пол. Я на автомате сунулся за ним и... обнаружил себя стоящим на обеих ногах. Попробовал шагнуть — вышло! Вошедший в комнату Хрисанф подхватил меня под руки: «Ну-ну! Куда поскакал!» Проводил до туалета и по возвращении усадил на кровать, предупредив, чтобы я двигался осторожнее и пока не слишком перенапрягался.

— Ден пять пройдет — тады в полную силу можно! А покудова, вон, по горнице ходи.

Уложив меня на постель, он привязал к обеим моим ногам веревки, пропихнув их во ввернутое в потолок кольцо. К другому концу он прикрепил тяжеленные железяки.

— Лежишь и ногами шевелишь. Туда-сюда, чтобы железки об пол не брякали сильно! Ноги разогреть тебе нужно.

Вот я и лежу, по несколько часов в день, напрягая ноги, поднимая и снова опускаю на пол железяки. Все это перемежается перерывами на ходьбу по горнице.

И надо сказать, что эффект получается просто поразительный! Ноги словно выросли заново! Первые два дня я уставал до мельтешения в глазах, потом втянулся, стало легче, да и мышцы перестали уже так болеть.

На пятый день после обретения мною способности к самостоятельному передвижению к нам во двор заявился Немков. И не один. Его сопровождали двое мордастых парней с винтовками. Я как раз лежал в кровати, переводя дух после очередного поднимания железяк. Веревки от ног я отвязал, сапоги снял, как это делал всегда, укладываясь на кровать. Так что на первый взгляд все было как раньше.

— Поправляетесь? — спросил бывший бухгалтер, присаживаясь на кровать.

— Пальцами уже шевелить могу. Так, того и гляди, и ноги уже заработают вскоре.

— Ну и славно! Девчонка эта к вам не забегала?

— Нет. Уж дня три как не видел. А что?

— Да подвела она меня... Нехорошо подвела...

— Так вы дома ее посмотрите. Она же тут где-то рядышком

обретается.

— Был я дома у них. Нету ее. И подружка ее... тоже куда-то спряталась...

— А за каким рожном она вам нужна-то? Ни кожи, ни рожи... Малолетки...

— Не скажите! То, что надо, у них у всех присутствует!

— Это что ж такое надо-то?

И Немков рассказал... Идея его была проста, как мычание. Понасмотревшись на немцев, послушав их разговоры, решил он организовать для них... публичный дом. Удачно занывав от новых властей лесхозовский автобус, он вознамерился сделать это заведение еще и передвижным. Для этой цели ему был нужен водитель. Вот почему он меня и обхаживал! Сам-то он управлять этим агрегатом не мог. Не дожидаясь моего выздоровления, он решил приступить к воплощению своей идеи в жизнь. Понятное дело — амфибийно-торакальный синдром... По-простому — жаба душит. Уж очень ему денег хотелось... Согнав с помощью полицаев выбранных для этой цели девчонок, он объявил им, что всех их направляют на работу в город. Характера работы предусмотрительно не объяснял. Только когда девичья команда добралась до места назначения (между прочим, около тридцати километров!) и была водворена в выбранный для их размещения дом, Немков и рассказал, какую «работу» предстоит им выполнять. Негодующие крики девчонок были быстро пресечены полицаями. Надо полагать, им тоже была обещана некая толика от предполагаемых доходов. После краткого вразумления девушек заперли в комнатах, откуда большинство из них в ту же ночь и сбежало, благо что окна никто не караулил. Остались только те, что были заперты на втором этаже. Там окна были с решетками. Так что явившихся поутру первых посетителей ждал конфуз. А некоторым в прямом смысле досталось. Анька умудрилась обварить кипятком из чайника одного офицера. Прибежавший на крик полицей тоже огреб, хотя и поменьше. В суматохе Анька и Валентина умудрились сбежать. Ох и влетело новоявленному предпринимателю! Вот и прискакал он сюда взмыленный и злой, твердо решив найти девчонок хоть у черта на рогах.

— Да... На что же вы рассчитывали? Я, конечно, не знаток, но для таких дел... для такой, гм, работы... наверное, каких-то специальных девиц отбирать надо? А не первых попавшихся?

— Где я их тут найду? Это не город, и людей тут немного! — огрызнулся раскрасневшийся бывший бухгалтер.

— Ну... не знаю. Можно было бы и в город для этого съездить...

— Ничего-то вы в конкуренции не понимаете! Это же рынок, а не бардак!

— Рынок? Так он вроде бы только по воскресеньям бывает? Да и при чем он тут?

— Да я не ваш базар имею в виду! Это, как вам объяснить... А, неважно! Как только там, в городе, пронюхали бы про мою идею, так тут же нашлись бы умные да предприимчивые люди, которые сумели бы сделать это быстрее. И все! Все труды — коту под хвост!

— Ну, вам виднее. А что ж вы тогда девчонкам этим прямо не сказали? Хоть конфуза такого не было бы. Понятное дело, согласились бы не все...

— Да кто их будет слушать?! Удел женщин во все времена — рожать от победителей!

— Это, в смысле, от немцев?

— А тут есть еще какие-то победители?

— Не вижу пока...

— Так и разговора нет!

— Видимо, разбежавшиеся девицы не знали о своем предназначении...

— Шутить изволите? Не советую...

— Да ладно вам... Сразу сказали бы, может, и удалось бы что-нибудь получше придумать. Охрану бы усилили...

— Из каких доходов, позвольте вас спросить? У меня только и есть, что эта парочка обалдуев, да еще двое в управе. А прочие мне не подчиняются, у них свое начальство есть.

Ага, стало быть, вас всего пять человек... Ну, это работы на полчаса. И то, если все лениво делать.

Выпустив пар, Немков остыл.

— Ладно, засиделся я тут у вас. Мне еще полдеревни осмотреть надо.

Иди-иди, голубчик. Ночью посмотрим, долго ли ты тут еще колобродить будешь...

Уже выходя во двор, он столкнулся с дядькой Хрисанфом. Тот как раз возвращался из леса, неся с собой пучок каких-то трав. Обрадовавшись встрече, староста ухватил дядьку за руку и потащил во двор, на ходу что-то ему объясняя. Что там было дальше, я не видел. Зато очень хорошо слышал... Хрисанф смачно въехал в ухо своему собеседнику. Топот ног (вмешались полицаи), матерная ругань, звуки драки. Ну уж, дудки! Я вскочил на ноги. Щас я вам тут быстро все растолкую...

У ворот скрипнули тормоза.

— Взять его!

Опаньки, это уже по-немецки?

На крыльце затопали, завозились, и все стихло.

Так... сольный выход отменяется. Кухонным ножом я тут много не намахаю. Значит, принимаем прежнюю позу, лежим.

В горницу снова вошел староста. Да-а-а... дядька постарался... Всю левую сторону лица у бывшего бухгалтера занимал здоровенный, растущий на глазах синяк. Даже не синяк — синячище! От удивления я аж крикнул.

— Эк! Кто это вас... так?

— Хозяин ваш, кто ж еще? С ума он, что ли, сошел? И двух слов сказать не успел даже... А он словно с цепи сорвался.

Так, дядька знает о произошедшем. Откуда? Видел девчонок? Очень даже может быть... А тут и виновник нарисовался. Вот и не выдержал Хрисанф. Зря он это... Ну, да ладно, еще не вечер.

Топая сапогами, в горницу ввалились немцы. Четверо. Раскрасневшиеся (это они дядьку вязали), возбужденные и злые. Что, снова за рыбу гроши? Драки все же не миновать? Подскочив к кровати, один из них схватил меня за ворот рубашки.

— Кто это?

— Это, господин солдат, больной, — сказал Немков. Надо же! А он знает язык! Не очень хорошо, но солдат его понял.

— Чем он болен?

— У него больные ноги, не может ходить.

— И все?

— Да, господин солдат, это все.

— Почему он тут?

— Он из соседней деревни, больше его некуда везти. В городскую больницу не возьмут, там лежат немецкие солдаты.

Немец отпустил воротник рубашки.

— Ладно. Пускай валяется здесь, лечить его все равно скоро будет некому. Этого бородатого драчуна мы поутру повесим на площади.

Он повернулся и вместе со всеми остальными вышел во двор.

— Вот видите! Я вас спасаю уже второй раз!

— Спасибо. Я это буду помнить. А где дядька Хрисанф?

— Боюсь, что вы еще не скоро его увидите... Он ударил немецкого солдата! Я даже боюсь представить, что теперь ему за это будет...

— А кто же будет меня лечить?

Так, это я правильно сказал. Немков, видимо, именно такого ответа и ждал. Все правильно — своя рубашка ближе к телу.

— А как вас лечили?

— В бане парили. И вон ту еще мазь на спину мазали.

— Ну, мазь вы и сами намажете, не так уж долго и осталось. Пальцы-то у вас уже работают? А баньку... вечером полицай придет и растопит. Сами до нее дойдете?

— На костылях — дойду.

— Ну и ладно. Утром к вам зайду еще.

Ушел. А хреноватое положение выходит... Дядьку бросить я не могу. Меня опосля этого совесть загрызет. В деревне немцы. Сколько? Я слышал один грузовик, но, может быть, есть и еще машины? Кстати говоря, за каким рожном они сюда приперлись? Как ни прикидывай, а вариант один — за девчонками. Видать, ошпаренный офицер немаленькой шишкой был. Выходит, что и их нельзя допускать к свободным прогулкам по лесу. Сегодня они туда уже не пойдут, поздновато. Да еще и Хрисанфа вешать собирались. Немец сказал — утром. Значит, сразу после этого туда и пойдут. Туда — это куда? Хрен его знает, карты у меня тоже нет, ее дядька заныкал, вместе со всем хабаром. А не надорвусь я такими темпами? Да, попутно и еще вопрос возник — чем я фрицев вразумлять буду? Конкретнее — где мое оружие? Не откладывая дела в долгий ящик, я начал методично обшаривать дом. Перевернув его вверх дном, я устало присел в горнице. Найти удалось только старую двустволку и два десятка патронов. Все остальное дядька так запрятал, что обнаружить это я не смог. Может, он вообще все из дому уволок, с него станется... Есть еще в лесу пара пистолетов, но они без патронов, и топать туда... Аккурат к возвращению его и повесят. М-м-да... ладно, воюем тем, что имеем. А что имеем? Патроны... Десяток с картечью — гут! Три пулевых, тоже неплохо. Остальные все с дробью, примерно на утку. Ну, в ближнем бою сойдет. Пристроив ружье поудобнее, я стал отпиливать напильником оба ствола. На охоту мне не ходить... брякнули об пол обрезки стволов... мне удобство важнее и скрытность... приклад стукнулся об пол. Все. Обрез готов. Загнав патроны в стволы, я защелкнул их на место. Патронташ на пояс, патроны туда. Картечь слева, пулевые под правую руку, дробь... за спину пока. Нож у дядьки есть, неплохой, кстати говоря. За сапог его, самое место. Топор? Тяжеловат, хотя... как он там говорил? «Тесно в избе, с винтовкой не больно развернешься, а вот с топором...» Не знаю, как там у них, в управе, но думаю, что не царские хоромы. Ладно, и топор тоже возьмем.

Ну вот, можно сказать, что и готов. Пару-тройку часов обожду, пущай стемнеет, а тогда и пойдем потихонечку...

ГЛАВА 26

Так, как там в мое время говорилось? Темнота — друг молодежи? Диверсантам она так вообще — мать родная. Чем я сейчас самым бессовестным образом и пользуюсь.

До управы я добрался быстро. Тут и идти-то было... Одна улочка да переулочек. Дом крепкий, немаленький. Что же тут раньше было-то? Центральный дом да пара крыльев. Перед крыльцом стоит грузовик. Один. И то слава богу! Сколько тут всего народу? Четверо полицаев. Все тут? Если с утра на облаву пойдут, должны быть на месте, не будут же немцы их ждать? А староста где? Хрен его знает, мне сейчас не он нужен в первую очередь.

Где они держат дядьку? В отдельной пристройке? И где тут такая есть? А нету. Около нее ведь пост стоять должен, дабы не сбег потенциальный висельник. А поста тут нет. Вернее, нет второго поста. Первый постовой присутствовал, сидел, баран этакий, на крыльце и курил. Что-то уж больно просто... Он точно тут один? Прямо подстава какая-то получается... Подождем. Должен же кто-то его сменить?

Прошел час. Часовой за это время пару раз прошелся вдоль фасада, потыкал сапогом в колесо машины и снова вернулся на свое место. Ты глянь, у него там табуретка стоит! Ну, вообще... обнаглел милوک...

Стукнула дверь — явился сменщик. Тоже полицаи, сонный и недовольный. Так, а лязга засова или щелчка ключа я не услышал... Значит, входную дверь они не закрывают, хорошо.

Обменявшись парой слов, полицаи разошлись. Сменщик уселся на табурет и закурил. Ну-ну, покури... напоследок..

Куда у нас тень падает? Аккурат на стену и приходится... вот вдоль нее и пойдем. Потихонечку. Трава под ногами? Тоже неплохо, аккуратнее ноги ставим. Так, нормально, не шелестит. Это куда это ты намылился? Грузовик посмотреть? Медом вам там намазано?

Полицай не торопясь подошел к грузовику. Привстал на цыпочки, заглядывая в кузов. Чего ты там потерял-то? Он ухватился руками за борт, подтянулся... и замер. Мой нож недвусмысленно кольнул его в поясницу.

— А ну — тихо! Не вздумай орать — зарежу, как свинью!

— Э-э-э...

— Где дядька Хрисанф?

— В холодной.

— Где это?

— В подвале. Там прямо напротив двери лестница вниз.

— Пост там есть?

— Есть, один человек.

— Немец?

— Нет, там наш сидит.

— А немцы где?

— Спят они. В левом крыле, там комната большая есть. Нам туда не велено заходить.

— Сколько их?

— Двадцать два человека.

— Староста где?

— Дома он, утром прийти должен.

— Слушай сюда. Хочешь жить?

— Хочу.

— Медленно слезаешь вниз и идешь к холодной. Я сзади тебя буду. Неровно пискнешь — тут тебе и могила. Понял?

— Да.

— Как подойдешь, окликнешь часового. Дальше не твоя забота, усек?

Полицай осторожно опустил на землю. В процессе этого его винтовка переключалась ко мне на плечо. Заодно я избавил его карманы от патронов. Два десятка, но тоже кое-что.

Кольнул его ножом в шею.

— Помни, я рядом. Если что — тебе первому конец.

Шагая почти в унисон, мы подошли к дому. Полицай взялся за ручку двери и потянул ее на себя.

Мы вошли.

Большая комната. Прямо напротив входа три двери. Сейчас они все закрыты. Слева стол и стул, для дежурного — надо полагать. Справа и слева двери в боковые пристройки. А где лестница в подвал? Вон она.

— Ну? Куда идем? Заснул?

Судорожно втянув воздух через зубы, полицай медленно зашагал вперед.

Мы медленно прошли через комнату и подошли к лестнице. Я незаметно для полицая переложил нож в левую руку. Видимо, он все же что-то почувствовал, и шаги его замедлились. Тогда я еще разок кольнул его в спину.

— Опять стоим? — прошептал я ему на ухо.

Он ступил на первую ступеньку.

— Не топай! Тихо иди!

Еще шаг, еще...

Поворот налево. Лестница продолжала спускаться вниз. Еще шаг...

Вот мы и в коридоре. Он плохо освещен, лишь у камеры горит керосиновая лампа под зеленым абажуром. Она стоит на столике, освещая две двери.

А где же второй? В смысле — второй часовой?

Его не видно.

Но мой полицейский продолжает идти вперед. Знает, где того искать? Скорее всего, он ведь и сюда ходит тоже. Вот мы проходим по коридору еще метров пять. Еще... Блин, тормознуть его надо! К лампе подойдем, меня и заметить могут!

— Кто там?

Голос откуда-то сбоку? Где он?

— То я, Мыкола, — ответил мой полицейский.

— Тю! Ты сбрендил? А пост твой?!

Вон он где! Сразу за лампой в стене проем. И там стоит диван, я даже отсюда вижу его ножки. Говорящий там и сидит. Или, что скорее всего, лежит.

— А! Ты глянь, чого я у немцев в грузовике надыбал...

— Ну?!

Скрипнул диван, и в круге света появились ноги в сапогах.

В ту же секунду Мыкола проявил недюжинную прыть. Толкнув меня руками назад, он сделал резкий прыжок вперед! Скажем так, он попытался его сделать... рука моя оказалась чуток быстрее, и клинок ножа вошел ему прямо в печень. Он уже был мертв, хотя и рвался вперед в тщетной попытке убежать от смерти...

— Эк!

И вылетевший из моей другой руки топор от всей души долбанул куда-то в район груди второго полицейского.

Прыжок вперед!

Вот он!

Стоит, держится обеими руками за грудь. Попал я в него обухом, но и это здоровья уж точно не прибавило. Так что заорать сразу он не смог. А теперь... уже и не успеет...

Так... с этими все... А что у вас, ребята, в рюкзаках? Вернее, на поясе и в карманах?

Наган имеем. В кобуре. И патронов чуток. В кармашке кобуры и в кармане.

А ключ?
От камеры ключ?
Нет ключа. Ни при себе, ни в столе.
А дядька-то вообще здесь?
— Дядька Хрисанф!
Тихо.
И обе двери заперты.
— Дядька Хрисанф!
— А?
— Живой ты?
— Кто тута?
— Да я это! Палыч!
— Ты зачем тут? Не ровен час, фрицы придут или эти... христопродавцы...
— Немцы спят, а полицаев я задавил. Их всего двое и было-то. Жаль, оружие я свое не нашел, быстрее вышло бы.
— В колодце твои железяки. Прямо внутри. Второе бревно толкнешь, оно и повернется. Там все и лежит.
— Сам и достанешь! Где от двери ключ, знаешь? Замок тут больно здоровенный, не сломать.
— Не знаю. Тот, что дверь закрывал, наверх ушел, даже связкой позвякивал в такт шагам!
Отыскав на двери окошко (видать, для подачи пищи), я его открыл.
— Держи!
И просунул туда трофейную винтовку с патронами.
— А ты как?
— Мне хватит, на крайняк еще кого раздену. Жди тут. Постараюсь не задерживаться там особо...
Поднявшись наверх, я осмотрелся. И куда же теперь мне идти? В левом крыле спят немцы. Так что, по логике вещей, полицаев там быть не должно. Значит, идем в правое крыло, там у них должна быть дежурка. Там небось и дрыхнет ключник. Осторожно приоткрыв дверь, я присел на корточки и выглянул в коридор. В его конце на стену падал отблеск света. Это что у нас там такое? Дверь. Неплотно прикрытая. Ага, стало быть, там дежурный и сидит...
Шаг, еще шаг — не слышит? Нет. Спит? А почему бы ему и не спать? Два поста, да еще два десятка немцев в доме. Какой дурак сюда полезет? Ну, это он так полагает, я-то себя за дурака не считаю...
Вот уже дверь совсем рядом, за ней слышны какие-то звуки. Кто-то

сопит — во сне? Какие-то шелестящие звуки, это еще что? Чем работать будем? Их там как минимум трое. Стрелять нельзя, подниму немцев. Остается топор. Все же не зря я его прихватил...

Еще метр, еще...

Шелестение прекратилось, послышался звук отодвигаемого стула и шаги. Кто-то шел к двери. Я прижался спиной к стене, справа от двери.

Дверь распахнулась, скрывая от меня вышедшего в коридор полицейя. Он повернул налево и затопал сапогами, удаляясь от двери. Быстрый взгляд из-за двери — по коридору шел крепкий парень в гражданской одежде, но с белой повязкой на руке. В руке он нес чайник. За водой пошел? Ну, пару минут он на это точно потеряет, а я за это время не то что ключи, полдежурки уволочь сумею. Стараясь не скрипеть половицами, я скользнул в комнату.

Справа и слева от двери по топчану. На них сладко дрыхли сменившиеся с постов полицейя. Ну, счастлив ваш бог... Считайте, что повезло вам сегодня... Прямо напротив двери стоял стол, на котором горела керосиновая лампа и лежал немецкий красочный журнал. Вот даже как! Читаем или просто картинки смотрим? А где ключи? Ящик стола? Пусто. Тумбочка? Тоже нет ничего интересного. Где же ключи?! Что, дежурный их с собою носит? Тогда извини, милоч, сам напросился...

Вытащив нож, я подскочил к спящим полицейям. Спящий человек, если его ударить ножом, как правило, хрипит и дергается. А вот проснувшийся — нет. Только он понять не должен, что же вокруг него происходит... ну, раз не должен, то и не поймет...

Толчок левой рукой в плечо.

Лежавший на спине полицейя приоткрыл глаза...

Закрыв ладонью его рот, я резко и быстро ударил его ножом под ребро.

Он дернулся и выгнулся дугой. Э-э, нет, дорогой, упасть на пол я тебе не дам... Готов...

Теперь второй.

Этот спит на боку, лицом к стене.

Наклонившись к уху, я шепчу ему: «Ты куда водку дел?»

Сонный детина повернулся ко мне и, открывая глаза, но еще так толком и не проснувшись, пробормотал: «Чего?»

Оп! И моя ладонь накрыла его рот.

Р-раз! Второй...

Теперь к двери, ждем дежурного.

Вот он затопал по коридору, подходит... вошел...

Рывок!

С грохотом покатился по полу чайник, расплескивая вокруг воду...
Окровавленный клинок уперся дежурному чуть ниже глаза.

— Где ключи?

— К-к-какие ключи?

— От холодной.

— С-с-староста с собой унес...

Ах ты ж, падла! И здесь Немков мне нагадить сумел! Что ж его тут, до утра ждать теперь?

— Запасные есть?

— Нет...

Черт! Что теперь делать? Сбивать замок топором? Переполошу весь дом. Ломом выворотить? А есть ли тут лом?

— Лом в доме есть?

— Е-есть, на пожарном щите.

— Где щит?

— Там... — дрожащая рука указала на левое крыло.

Совсем красота... у немцев лом. И что теперь делать прикажете?

— Дверь туда заперта?

— Не знаю... у меня от этих дверей ключей нету...

— Пароль у немцев есть?

— Чаво?

Так, от него толку более не будет. И чего теперь с ним делать? Совсем еще сопляк, хоть и здоровенный. Прирезать его я могу мигом, только вот... щенок же еще совсем... те, на топчанах, постарше были, с них и спрос другой.

— Оружие у тебя есть?

— Есть, винтовка. В шкафу стоит.

— А еще там что есть?

— Еще ружья всякие.

— Ну-ка, — развернул я его лицом к шкафу, — давай показывай.

Нож мой перекочевал ему в район поясницы.

Он осторожно шагнул вперед, протянул руку, открывая створки.

Что тут у нас?

Две винтовки, наша трехлинейка и какая-то незнакомая. Охотничье ружье, рядом на гвозде висит патронташ.

Ого!

На полке лежат гранаты, три штуки. Это уже веселее...

Больше в шкафу ничего не было, только на самом его дне стояла пара сапог. Новенькие, как раз мой размер. Хромовые, что уже неплохо... Надо

будет их с собой захватить...

Чего с этим обалдуем-то делать?

— Тебе сколько лет?

— В-в-восемнадцать...

— Чего не на фронте?

— Я б-больной, заикаюсь я...

— А в полицию служить пошел, здесь заикание не мешает?

— Т-т-так есть хочется...

— И как тебе этот кусок поперек горла не встал еще?

— Д-д-дяденька, не убивайте меня! Я вам что хотите сделаю!

Хм... Отправить его за ломом?

А что, вариант... Немцы его видели и запомнили. Да и появление дежурного полицейского всяко понятнее, чем визит угрюмого мужика с обрезами и топором.

Взяв с полки гранаты, я выдернул у одной из них чеку.

— Видишь? — сунул я ее под нос дежурному.

— Да...

— Чуть не так вякнешь, брошу ее тебе вослед. Там тебе и карачун, усек?

— Да...

— Сейчас пойдешь к немцам и принесешь мне лом с пожарного щита. Я следом пойду, совсем рядом, видеть тебя и слышать буду. Так что, сам понимаешь...

Он часто-часто закивал головой.

— Ну, тогда пошли, дорогуша... И помни — я рядом!

Мы прошли по коридору, миновали центральную комнату и уперлись в дверь. Полицай обернулся на меня, и я выразительно качнул наганом, указывая на нее. Вздохнув, он повернулся к двери, взялся за ручку... Чуть помедлив, толкнул. Против моего ожидания, она открылась неожиданно легко, даже не скрипнула.

ГЛАВА 27

Небольшой коридор, короче, чем в правом крыле дома. Дверей только две. Одна сбоку и одна в конце коридора. Обе закрыты, и никакого движения за ними не слышно. На стене сбоку висит пожарный щит. Вот и лом на нем имеется. Около щита на полочке стоит горящая керосиновая лампа.

А прямо под ней на стуле развалился немец с карабином на коленях...

Видно было, что в тяжелой борьбе с Морфеем последний одержал убедительную победу. Часовой крепко спал...

Снова обернувшись ко мне, полицейай глазами спросил — что делать?

Стволом нагана я недвусмысленно указал ему на пожарный щит.

Судорожно сглотнув, дежурный снова двинулся вперед.

Я остался стоять у двери, держа полицейая и немца под прицелом. Только чуть сместился в сторону, так, чтобы они оба были у меня приблизительно на одной линии.

Нет, я, конечно, все понимаю. Тыл, два поста полицейаяв, дежурный, но, уж коль поставили тебя на пост, будь любезен соответствовать... Непривычно видеть такое разгильдяйство со стороны фрицев.

Полицейай осторожно, стараясь не дышать, снял со щита лом и, держа его на вытянутых руках, отступил на шаг.

И в этот момент немец открыл глаза...

Ну, вот представьте себе такую картину. Сидите вы мирно на посту, дремлете вполглаза или даже основательнее. И вдруг обнаруживаете перед собой неведомо кого, да еще и с ломом в руках! Причем данный лом поднят над сонною головой! И какие будут у вас мысли? Уж навряд ли в голову придет то, что таким образом от вас мух отгоняют...

Вот и немец думал аналогично.

Глаза его буквально вылезли из орбит, и, роняя стул, он метнулся в сторону. А поскольку бежать к ломодержателю было бы непростительной глупостью, он и прыгнул в единственно доступном для него направлении. Ко мне. Видел ли он при этом, к кому скачет, так и осталось загадкой. Скорее всего, нет, ибо глаза его были прикованы к угрюмой железяке, поднятой над его башкой.

Ну, знаете ли, упускать такую возможность... Зажатой в левой руке гранатой я от души съездил немцу по башке. Тоже немногим хуже лома, кстати...

Солдат сполз по стене, уронив карабин на пол. Ну все, трындец скрытности... За дверью в конце коридора затопали ноги.

Вытаращив глаза, полицай ломанулся к двери. Лом он по-прежнему держал в руках.

Выскочившим в коридор полураздетым немцам представилась живописная картина. Лежащий на полу часовой и убегающий с ломом в руках полицай.

— Алярм!

Ну, раз пошла такая пьянка...

Крикун первым пулю и словил. За ним осел на пол второй. Третьего отбросило назад, в глубину комнаты.

Кстати, а гранату-то я чего в руках верчу? Туда ее. И она улетела в приоткрытую дверь.

Ухнуло!

Дверь распахнулась во всю ширь.

Сунув наган за пояс, я выхватил из кармана вторую гранату и отправил ее следом за первой.

Топот ног!

Дверь сбоку распахнулась, и в коридор выскочили сразу несколько немцев. До них было около пяти-шести метров.

Я рванул из-за пояса обрез.

Ничего более подходящего для ближнего боя в помещении, чем дробовик двенадцатого калибра, человечество пока не придумало.

Залп картечью из двух стволов зараз смел передних немцев, как метлой. Бросив обрез на пол, я выхватил наган. Оставшихся в нем патронов хватило, чтобы из выскочивших в коридор фрицев никого боееспособного более не осталось. Зашвырнув последнюю гранату в боковую комнату, я подхватил обрез и перекатом ушел в сторону.

Хренак!

Что-то уж больно сильно бабахнуло, аж стена затрещала. Горящую лампу сбросило на пол, и разлившийся при этом керосин вспыхнул ярким пламенем.

Перезарядив обрез, я зацепил взглядом лежащий на полу автомат. А что? Очень даже неплохо. Кувырок, и автомат в моих руках. Так, теперь я вдвойне неприятен буду...

Прыжок к стене! И перекатом поперек двери...

Кто-кто в теремочке живет?

Никто там больше не живет.

Понятно, отчего затрещала стена. Отброшенный взрывом от двери, на

полу лежал немец. Около его руки валялся знакомый шарик запала. Ага, так это он тоже меня гранатой угостить собирался? Но не повезло, моя рванула раньше. Вот и его граната бабахнула внутри комнаты. Так что на ее обитателях можно ставить крест. Большой и жирный. Подцепив рукой пояс с подсумками, я забросил его на плечо. И так сойдет.

Теперь ко второй двери. Как там обстановка?

Подхватив с пола карабин, я забросил его внутрь. Он глухо ударил об пол.

Бах!

Ага, есть живой. Справа от двери сидит. Или лежит? А черт его знает, как-то вот не тянет меня проверять. Жаль, что гранат более нету. Хотя...

Сунув за дверь обрез, я дулетом саданул в сторону стрелявшего. Энтузиазма ему это точно не прибавит, а вылезать в коридор желания поубавится.

Назад в боковую комнату. А что у вас, ребята, в рюкзаках? Так, магазины к автомату, хорошо, не мешает. Ага, вот и гранатные подсумки отыскались, вообще красота!

Вернувшись к двери, я поочередно зашвырнул туда три гранаты, стараясь распределить их равномерно по всей площади пола.

В свете разгорающегося пожара было видно, что это было довольно большое помещение, нечто типа актового зала или совещательной комнаты. В общем, достаточно обширное и немаленькое. Но уж трех-то гранат и на него должно было хватить с избытком...

После падения первой из них там кто-то всполошенно вскочил, по полу затопали сапоги...

Поздно...

Строенный взрыв вынес наружу остатки оконных стекол и окончательно сорвал с петель входную дверь.

Кувырок внутрь, автоматный ствол обшаривает комнату. Есть тут кто?

Кончились...

Видать, только один и оставался...

Вон он теперь, около окна лежит. Собирался, надо полагать, туда выскочить. Хотя и страшно, ночь, а граната за спиной пострашнее будет.

Быстро обшарив парочку близлежащих немцев, я выскочил в коридор.

Тут уже вовсю полыхала стена. Горел и пол. Пора уже и ноги делать отсель, сгореть вместе с домом мне не хотелось, а тушить его я не собирался. И поважнее есть дела.

Вот и центральная комната. На полу лежит лом, а полицейай сбежал. Ну и черт с ним, хорошо, что хоть лом не унес.

Нагруженный, как ишак, я сбежал вниз по лестнице.

— Дядька Хрисанф! Аккуратнее там, не пальни в меня сгоряча!

— Ты, Палыч?

— Нет, выездная сессия районного суда! Кто ж еще тут будет, кроме меня, шариться? Дом горит уже, надо отсюда когти рвать!

Ломом я выворотил из стены замок. Крепко его тут присобачили, самих бы вас туда...

Из глубины камеры ко мне шагнул дядька.

— Цел, Хрисанф?

— Более-менее. Ты сам-то как?

— Пока живой.

— Смотрю я, ты уже прибарахлиться тут успел?

— Да и ты не зевай. Покуда дом не сгорел, глянь по комнатам, может, и отыщешь чего нужного?

— А фрицы? Не помешают?

— Некому мешать. О, блин! Как это я позабыл? Давай, Хрисанф, у немцев посмотри, а я мигом! Во дворе увидимся!

Куда меня понесло? Да за сапогами, будь они неладны! Чем-то они меня зацепили. Сгорят ведь бесполезно, а мне еще до своих топать и топать...

Вот и дежурка. По пути туда я успел прихватить у немцев неплохой рюкзак, куда кинул несколько банок консервов и пару фляг со шнапсом.

Так, вот и комнатка. Сапоги в мешок, патроны к винтовкам — туда же, у меня как раз их и не хватает.

Какие-то бумаги в столе, потом разберусь. Еще что? А ничего. Неча более тут делать, пора и восвояси.

Во дворе меня уже ждал Хрисанф. В деревне стояла мертвая тишина, даже собаки не брехали. Дом только-только начал разгораться.

— Ну, ты и засел там! — дядька явно волновался. — Не ровен час, еще нагрянет кто...

— Кто же? Окромя старосты нашего некому более. А он сейчас уже поди в самую глубокую нору залез.

— Черт его знает... Нам еще домой заехать надо, захвачу я там кое-что. Да и железяки твои забрать надобно.

— Эт точно! Они нам сейчас очень даже кстати будут...

— Ну так и пошли. Хрена ль тут рассиживаться? — Хрисанф вскинул на плечо увесистый куль.

— Экий ты торопливый? А машина на кой тогда тут стоит?

— Так ты и водить можешь?

— А ты думал, я все подряд тогда Немкову молол? Могу. И не только эту. Так что садись, поедem с ветерком.

Проскочив по безлюдным улочкам, грузовик остановился около нашего дома. Напуганная стрельбой и взрывами деревня не подавала признаков жизни. Над крышами уже стали появляться первые языки пламени, горела управа.

— Ниче, — перехватив мой взгляд, сказал дядька. — Домов рядом нет, так что никого и не зацепит. К утру и стены упадут.

Минут двадцать мы провозились в доме. Дядька таскал в кузов всякие вещи, а я полез к колодцу. Вытащил из тайника свое оружие и первым делом перезарядил оба нагана. Трофейный револьвер протянул Хрисанфу.

— На кой он мне? Винтовки хватит. Лучше девчонкам отдай, им спокойнее будет.

— Как они там? Целы?

— На островке в болоте сидят. Еды им я натаскал, одежды всякой. Переволновались они, это да, а так...

Выйдя за ворота, он остановился и печально посмотрел на свой дом. Махнул рукой и, не оборачиваясь, полез в машину.

— Ну что, аника-воин? Поехали?

— Поехали. Только я тебя по дороге вот о чем расспрошу...

Коменданту... гарнизона

Майору фон Бюлову

Хайль Гитлер!

Докладываю вам, что сегодня ночью в деревне Ольховатка произошло вооруженное нападение партизан на здание управы. В момент нападения в здании находились пятеро сотрудников вспомогательной полиции и группа солдат под командованием лейтенанта Рейна. Указанная поисковая группа накануне прибыла в деревню для организации поисков партизан. В момент прибытия ими по указанию старосты деревни Немкова Б. В. был задержан местный житель Марков Х. В., который, со слов старосты, имел связи с партизанами. При задержании тот оказал активное сопротивление — нанес побои двоим членам вспомогательной полиции и самому старосте. Допрос Маркова решено было провести утром. Однако, пользуясь темнотой, приблизительно в 02.18, партизаны совершили нападение на здание управы. Скрытно приблизившись к дому, они в момент

смены часовых атаковали его. Забросали гранатами и открыли массированный огонь из стрелкового вооружения. По предварительным данным, в нападении принимало участие не менее тридцати-сорока человек. После нападения здание было облито керосином и подожжено. В результате этого все находившиеся в доме солдаты вермахта и служащие вспомогательной полиции погибли. Случайно удалось уцелеть только секретарю полицейского поста Баранову В. А. В момент нападения он находился в подвале, и поэтому уцелел при обстреле. Он успел выбраться из дома до того, как рухнула горящая крыша. Будучи допрошен, он пояснил, что занимался ремонтом мебели в одном из подвальных помещений. Именно он и указал время начала нападения. В момент нападения он не имел при себе оружия и поэтому не мог оказать нападавшим никакого сопротивления. Со слов Баранова, часть нападавших была одета в гражданскую одежду, а остальные в поношенную форму бойцов противника. Он считает, что основной целью нападения на здание управы являлось освобождение задержанного накануне Маркова Х. В.

Предпринятые мною поиски нападавших результата не принесли. Судя по оставленным ими следам, партизаны скрылись в направлении леса. Они имели достаточный запас времени, чтобы отойти на большое расстояние от деревни.

Наши потери составляют:

Один офицер, два унтер-офицера, один ефрейтор и восемнадцать рядовых.

Погибло четверо сотрудников вспомогательной полиции.

Партизанами угнан один грузовик.

Заместитель командира 2 роты 6 охранного батальона обер-лейтенант Браверманн.

ГЛАВА 28

Прочитав рапорт, комендант поднял глаза на сидевшего перед ним офицера. Тот немедленно вскочил с места и вытянулся.

— Садитесь, обер-лейтенант. Вы сами-то верите в... это? — майор кивнул головой на рапорт.

— Но... господин майор, факты...

— Можно повернуть и так, и эдак. Что вы мне, старому вояке, прошедшему две войны, тут сказки рассказываете? Я не хуже вас понимаю, что именно надо указывать в рапортах. Там, наверху, это сойдет. Они далеко, и им по большому счету все равно, сколько было этих бандитов. Больше солдат, чем у нас уже есть, все равно не дадут. Сколько было нападавших на самом деле?

— Ну-у-у...

— Сколько?!

— Полицейский видел около десятка человек. Еще несколько человек стреляли с улицы.

— И все эти десять человек залезли к нему в подвал? Так дружно сошли с ума? Они бы и не развернулись в том коридоре! Я его помню.

— Он говорит, что, когда ломали дверь, партизаны бегали по дому, разыскивая инструменты и ключи. Поэтому они часто пробегали мимо него.

— А где был он сам?

— Сидел под лестницей.

— Хм... Ну, может быть, может быть... что-то я такое припоминаю... сколько длился бой?

— Баранов говорит, что не более пяти-десяти минут. Местные жители в целом подтверждают эту версию.

— Партизаны? За пять минут положить два отделения опытных солдат? Пусть даже и сонных! И нескольких полицейских? Что-то я сомневаюсь... — майор покачал головой. — Ох и втянул нас этот петух Краевски в историю! Дернул его черт тогда пойти к этим бабам! Ну, ошпарили бы они кипятком своего старосту! И шума не было бы никакого! А сейчас?

— Но, господин майор, мы сделали все, что в наших силах! Поиски бандитов будут продолжены и...

— Приведут к таким же результатам... Ладно! Оставьте свой рапорт, я

подумаю, что мне докладывать наверх. Можете быть свободны!

— Слушаюсь!

Обер-лейтенант встал и прищелкнул каблуками. Повернулся и вышел, плотно прикрыв за собою дверь. Майор задумчиво покатал по столу карандаш. Подошел к окну и оперся на подоконник. Поздно уже, вон и стемнело, пока шел разговор. Под окном, хрустя по гравию сапогами, прошел часовой. Да... скоро уже холода, дожди. А потом и зима... Фон Бюлов поежился, словно ему за воротник намело снега. Что-то холодно стало в кабинете, неужели Браверманн неплотно прикрыл дверь? Надо крикнуть Вилли, он небось уже торчит на кухне, поближе к теплой плите. Да, скоро уже ужин...

Майор повернулся к двери и замер.

Прямо напротив него стоял мрачный мужик. В правой руке у него был револьвер с каким-то набалдашником на стволе.

— Кто вы такой?! — рука фон Бюлова дернулась к кобуре. — И что вы тут делаете?!

— Не надо кричать, майор. И не хватайтесь за пистолет, а то я буду вынужден вас застрелить. На револьвере глушитель, и выстрела часовой не услышит. Сядьте! И не надейтесь на своего денщика, он уже спит.

— Спит?

— Ага. Вечным сном. Коим можете вскорости заснуть и вы...

— Вы хотите меня запугать? Не выйдет! Я уже много повидал в жизни и смерти не боюсь.

— Значит, соображать научились. Уже хорошо. Сядьте, майор! Не испытывайте мое терпение. Мне нужно с вами поговорить. А пистолет ваш я пока заберу.

Фон Бюлов медленно сел в кресло.

Его собеседник присел на стул, еще не остывший после сидевшего в нем ранее обер-лейтенанта.

— Изучаете рапорт? — стволом револьвера показал он на стол. — Разрешите полюбопытствовать?

Майор молча толкнул в его сторону лист бумаги.

— Благодарю. Так... ага... хм, тридцать человек? Однако...

Он вернул лист бумаги на стол.

— В данном документе есть ошибка.

— Там их много.

— Я имею в виду нечто иное. Там неправильно указано количество нападавших.

— Хотите сказать, что их было больше?

— Ненамного. Но дело не в этом. Непосредственно бой вели всего два человека. Остальные играли роль оцепления. Чтобы никто не сумел убежать.

— Не понимаю вас. Оцепление? Зачем?

— Я уже сказал вам, чтобы никто из окруженных не сумел убежать.

— Но... почему?

— Экзамен сдавали.

— Что?!

— Вы когда-нибудь слышали о подразделениях специального назначения НКВД?

— Нет.

— Возможно. Тем не менее они есть. Так уж вышло, что ваши солдаты подвернулись им под руку, когда они направлялись для сдачи экзамена. Имеется в виду экзамен на тему «Штурм противника в населенном пункте». Вот и решили далеко не ходить. Этот дом или другой — какая разница?

— И вы хотите сказать, что все это сделали два человека?

— А что ж тут такого невероятного? В истории нашего подразделения были бои и посерьезнее. Двадцать человек взяли штурмом укрепленный дом, оборонявшийся батальоном солдат. И потеряли всего четверых.

— И что вы хотите от меня?

— Понимания, господин майор. Вы ведь солдат?

— Да!

— Я тоже. Пусть вас не смущает этот наряд. По званию я даже старше вас. Не мог же я идти по городу в советской военной форме? Нет, не сомневайтесь, дошел бы все равно. Только вот спокойного разговора не получилось бы.

— Что вам нужно?

— Вы можете указать в своем рапорте, что нападение было совершено регулярной частью войск РККА?

— Могу. А зачем? Что это даст мне или вам?

— У вас не будет основания подвергать репрессиям местное население. Оно не отвечает за армию. Партизаны — другое дело. Но их в деревне не было.

— Но полицейай...

— Подпишет то, что вы ему скажете. Он же не совсем еще выжил из ума?

— Вы его видели?

— Нет. Хотите, чтобы и его я навестил? Без проблем.

— Допустим... а мне от этого какая польза?

— Большая, господин майор. У вас тыловые части, не предназначенные для борьбы с профессиональными диверсантами или регулярными частями Красной армии. Вот увидите, к вам будет мало претензий со стороны руководства.

— Но есть еще и пострадавший немецкий офицер... Он сын влиятельного человека. И он не оставит без последствий выходку этих... девиц.

— А-а-а... вот вы что имеете в виду. Можете про него забыть. Досадное совпадение, не более.

— Он будет жаловаться!

— Не будет.

— То есть?

— А он уехал.

— Куда?

— Не знаю. Но слишком далеко, чтобы суметь оттуда пожаловаться на вас.

— И... когда же он... уехал?

— Два часа назад. Часовой у его дома может это подтвердить.

Фон Бюлов побарабанил пальцами по столу.

— И вы хотите меня уверить, что эта деревня вам безразлична?

— Скажем так, господин майор, мне бы *очень* не хотелось, чтобы ее жители как-то пострадали. Я обладаю весьма плохим характером и неважной памятью. Могу и забыть то, что некоторые люди непричастны к происходящему. Правда, здоровье у меня крепкое и сил хватает. Так что добаться в своей зловредности и забывчивости могу достаточно далеко. Даже и в Рейх... да и не один я тут такой...

— Ну, если вы гарантируете, что капитан Краевски не напишет жалобы...

— Не напишет.

— Тогда... я готов принять вашу версию событий...

— Отлично! — мужик встал со стула. — Ваш пистолет, без патронов, разумеется, будет лежать на крыльце. Денщик, пьяный в стельку, лежит на кухне.

— Он... жив?

— Будет жить. Меньше надо пить, тогда и ноги не будут на ровном месте подворачиваться. Засим разрешите откланяться. Прощайте, господин майор...

Стукнула дверь. Фон Бюлов посидел еще некоторое время за столом,

поднялся и вышел на крыльцо. Прямо под ногами лежал его «вальтер». Сунув его в карман, майор окликнул часового. Тот подбежал, придерживая карабин.

— Слушаю, герр майор!

— Кто-нибудь подходил сейчас к дому? Или отходил от него?

— Никак нет, герр майор!

— Ты точно в этом уверен?

— Я не отходил от крыльца более чем на пятнадцать шагов, герр майор! С той стороны ходит второй часовой!

— Свободен... — фон Бюлов вернулся в комнату. Сел за стол и пододвинул к себе чистый лист бумаги. Надо было писать рапорт...

ГЛАВА 29

Пройдя темными улицами до окраины, я выбрался из города. Нет, явно тут немцы какие-то квелые стоят. Патрули ходят только в центре, на окраинах их почти что и нет. Хотя... Что в этом городе охранять? Железной дороги тут нет, значит, нет и станции. Хилый заводик на окраине военного значения явно не имеет. Ни немцам, ни партизанам он особенно и не нужен.

Отмахав по дороге около километра, сбавил ход и стал приглядываться к кустам. Ага, вот! Свернув с дороги, я углубился в лес. Не прошел и ста метров, как был остановлен щелчком затвора.

— Тихо-тихо, дядька Хрисанф! Это я!

— Фу ты... я уж думал, что тебя там... того... задавили уже.

— Не выросла еще такая давилка у фрицев! Как там наш клиент?

— Кто?

— Немец этот как — не подох еще?

— Чего ему будет, кабану эдакому? Лежит вон...

Подойдя к машине, я выволок оттуда пресловутого капитана. Выдернул кляп.

— Уф!

Судя по тому, как он жадно вдыхал воздух, кляп дядька ему сделал основательный.

— Говорить можете?

— Да... что вы от меня хотите?

— Правильно ли я понял, что вы являетесь ответственным за перевозки в прифронтовой зоне?

— Да, это действительно так.

— Хорошо. Теперь подумайте, чем вы можете быть полезны советскому командованию? Иными словами, вы должны иметь очень веские доводы, чтобы я не убил вас прямо здесь. До фронта семьдесят километров, и я не собираюсь тащить вас на спине просто так.

Немец молчал недолго. Потом он заговорил... Даже с учетом того, что он перескакивал с одного на другое, знал он действительно много. Вот и готов мой пропуск к своим. По крайней мере первый разговор с нашими я выдержу. А дальше... дальше будем посмотреть...

— Ну вот и все, дядька Хрисанф. Здесь наши дорожки и расходятся. Я к фронту пойду, а ты к девчонкам топай. Трудно им без тебя-то будет.

— И не попрощаешься? Ждут они тебя...

— Так мне только в одну сторону топать почти сорок верст! А еще и назад! И фрица этого куда девать?

— Дак спеленай его и вон, к сосне хотя бы привяжи. Куды ж он денется за пару-то дней? Да и немцы за два дня успокоятся, меньше по дорогам шастать будут.

— По дорогам-то они шастать как раз и не будут. Я тут такой лапши коменданту на уши навешал, что он своих солдат из города никуда и не выпустит в ближайшие дни. Будут свои казармы охранять. За это время я как раз и пройду почти до фронта. А там уже другие расклады пойдут.

— Чего ж ты ему такого наговорил-то?

— Сказал, что тут почти что рота специальных головорезов из НКВД шастает. По своим таинственным делам. Мол, будешь нам мешать, вернемся и натянем тебе уши на задницу. Мне только его облав тут не хватало. Я же на фрицевской машине хочу хоть пару десятков верст проскочить, ведь леса-то в том направлении нет! А как это расстояние проеду, так уже легче будет. Лес не лес, а какие-то кусты там уже есть. Вот по ним до фронта и пойду.

— Да... смотрю я, у тебя все уже по полочкам разложено... звать-то тебя на самом деле как? А то... глядишь, и не свидимся более.

— Так и звать, как зовусь. Только не рядовой боец я. Подполковник. И не простой пехотинец.

— Да это-то я уже понял. Подполковник... ишь ты! Высоко взлетел.

— Так сверху и падать-то побольнее будет. Да и видно отовсюду. Ладно, дядька, давай уж хоть обнимемся на прощание.

Мы обнялись, Хрисанф похлопал меня по спине. Вздохнул, поднял с земли свой сидор. Закинул его за плечи. Потоптался, словно желая о чем-то спросить. Махнул рукой, повернулся, и вскоре его шаги затихли в темноте.

Я присел на подножку автомобиля. Надо было хоть перекусить чем бог послал. А то желудок мой уже настоятельно о себе напоминал. Да и шнапса хлебнуть можно, лишним не будет. И так весь день в напряжении, эдак и перегореть недолго.

К слову сказать, вся эта идея с захватом немца родилась почти экспромтом. Еще там, на болоте, куда мы добрались почти под утро, никто о нем даже и не вспоминал. Выскочившие нам навстречу девчонки повисли у меня на шее и не давали проходу еще минут пять. Только обещание Хрисанфа стегануть им по ногам крапивой заставило их отпустить меня, и они уселись рядом. А уж когда он поведал о ночных баталиях... В общем, отдохнуть я смог еще не скоро. Но зато вырубился прямо на полуслове.

— ...приехать может в любое время! И никто ему не мешает!

Кто? Куда приехать?

Я оторвал от рюкзака сонную голову и постарался сфокусировать зрение.

Так... вроде бы получилось.

У небольшого костерка сидела Анька и без умолку трещала. Расположившийся напротив нее Хрисанф невозмутимо драил винтовку.

— Ой! Дядя Саша! Проснулись уже?

— Пытаюсь вот в себя прийти...

— Вам помочь?

— Да я и сам... Водички вот только нет...

— Я мигом!

Но малоразговорчивая Валентина на сей раз оказалась впереди. Не вставая с места, она только протянула за куст руку и подала мне кружку с водой. Холодной и очень вкусной.

— Спасибо!

Анька тут же надулась. Хрисанф фыркнул и вытащил из своего сидора небольшой кулек.

— На вот, поддержи.

— Чего это?

— Крупа.

— ???

— Никогда не видел, как мышь на крупу дует. А ты, сбоку ежели глянуть, точно на мыша похожа будешь. Вот и посмотрю, как это на самом деле выглядит...

— Да ну вас! — Анька отмахнулась рукой.

Валентина задорно рассмеялась. Секунду спустя они хохотали уже вдвоем...

Дождавшись, когда девчонки перестали веселиться, я спросил у Аньки, про кого это она рассказывала только что?

— А! Это про немца того, что я кипятком облила!

— И что в нем такого особенного?

— Нас полицейский тогда предупреждал, чтобы мы с ним себя вели повежливее. Мол, большая шишка! Родня у него где-то высоко сидит, да и сам он человек богатый. И важный! У него даже на машине такие пропуска висят, что никто тормозить его не имеет права!

— Ну, так уж и никто...

— Правда-правда! Он и живет в отдельном доме, прямо у центральной площади, там, где раньше управление лесхоза было. Весь дом один занял!

Куда-то ездит постоянно, никого не спрашивает и никому не докладывает. К нему с пакетом придут, а его нету! Уехал! И когда назад будет — неизвестно. Полицай этот раньше на посту стоял, на площади, как раз напротив дома его и торчал целый день. Боялся он его сильно, сердитый, мол, да нос задирает высоко.

Интересно, что же это за фриц такой?

Контрразведка? Не похоже, он же не Шерлок Холмс, чтобы в одиночку работать.

Разведка? Те же яйца, вид сбоку. Не пашут они в одиночку.

Ему носят пакеты... Значит, действительно персона.

Богатый и родня влиятельная. Теплее.

Куда посадят любящие родственники такого товарища? На спокойное и доходное место.

Где в армии такое место? Снабжение.

Так? Не совсем... У него тоже должен быть какой-то аппарат, чтобы за него бумаги писал.

Много ездит... Инспектирует? А вот это уже ближе к истине!

Что можно в одиночку проинспектировать?

Поставки. Прибыло или нет.

Так. Поставим себя на его место.

Получаем задание, едем, проверяем, возвращаемся. Пишем докладную и ждем следующего пакета. Поскольку объекты проверки неизвестны заранее, у него должны быть «вездеходные» пропуска... «приехать может в любое время! И никто ему не помешает!» Сложился пасьянс!

Ну, хорошо. Выяснил я про фрица, и что с того? Мне с этого какая польза будет?

Прямая. С его машиной и документами я отсюда смотаюсь за несколько часов. Хозяина берем? Не помешает. Что там сейчас на фронте происходит? По всему судя, лупят нас там в хвост и в гриву. В это время на передовой все злые и недоверчивые. Пока я растолкую что к чему... Особенно если поверят. Нужен пропуск. Вот немец за него и проканаает. Повезло тебе, фриц! Конец войны живым встретишь! Если до фронта доедешь целым...

Кстати говоря, что-то надо и с деревней делать. Всех их в лес не утащить. Глупо, да и немцы в этом случае с пойманными в лесу церемониться не будут. К сосне — и всех делов. Так. Кто у немцев за главного? Есть же там такая личность? Должна быть. Городок небольшой, стало быть, и звание у него не шибко высокое. Максимум — подполковник. С ним и говорить будем. О чем? А вот сейчас и выясним...

Кое-что Хрисанф мне рассказал. Только он в городе мало бывал, а сейчас и вовсе ему туда ходить противно. Значит, напрягаем девчонок. У них глаза молодые, наблюдательные. Да и слух соответствующий.

— Валентина! А ну-ка давай, подползай ко мне! Есть у меня к тебе пара вопросов...

Дом оттопыренного немца мы с Хрисанфом нашли легко. Он неплохо знал эту часть города, да и девчонки достаточно подробно ее описали. Им-то приходилось тут бывать чаще, особенно перед войной. Легко обойдя немногочисленные немецкие посты, мы засели в полузаброшенном здании. Оно располагалось метрах в двухстах от нужного мне дома. Самое непродолжительное наблюдение подтвердило рассказ говорливого полицейского.

Пост на площади тоже присутствовал. А спустя пару часов я увидел подъезжающий к дому «хорьх». Ну ни фиги ж себе! Не всякий генерал на такой машине разъезжает! Из автомобиля вылез худощавый капитан с перевязанной мордой и важно прошествовал в дом. Ага, вот, значит, как его Анька ошпарила! Нечего сказать — постаралась! Впору медаль давать... Водитель поковырялся в машине, после чего тоже ушел в дом и более не выходил. Все это время полицейский демонстрировал образец бдительности. Внимательно осматривал окрестности и близлежащие переулочки. Э-э-э, дорогуша, эти фокусы мы знаем! Он работал исключительно на публику, стремясь, чтобы его показное рвение и внимательность были замечены в первую очередь со стороны дома. При этом на сам дом он старался не смотреть. Ага, стало быть, клиент не одобряет пристального внимания к своей персоне. И точно, стоило водителю уйти внутрь дома, как полицейский расслабился, присел на лавочку и даже семечки достал. Надо полагать, знал, что клиент никуда уже не выйдет.

— Вот что, дядька Хрисанф, есть у меня мысль...

— Да уж я догадался, — пробурчал он, рассматривая окрестности. — Ты на фрица этого, как кот на сметану, облизывался.

— Неужто так заметно было?

— А то! Собираешься ему и другую половину морды ошпарить?

— Ну, это от него никуда не уйдет... А сделаем мы вот так..

Обойдя дом с противоположной полицейскому посту стороны, мы легко пробрались к его стенам. Забор в этом месте был внушительным и высоким. Только вот лезть через него никто не собирался. Осторожно расшатав трофейным штык-ножом гвозди, я отогнул в сторону пару досок. Не бог весть какой проход, но нам хватило.

Добротный бревенчатый дом стоял на высоком кирпичном

фундаменте. Рупь за сто, был там и подвал! И действительно, спустя несколько минут я отыскал вход. Крепкая дверь с навесным замком... продержалась всего несколько минут. Хрисанф аж крякнул, наблюдая за моими манипуляциями.

— Ты раньше, часом, не взломщиком трудился?

— Да всему понемногу учили... этому тоже... Жди меня тут. Ежели буца поднимется — уходи в лес.

Подвал оказался неожиданно ухоженным. Впрочем, чего-то такого я подсознательно и ожидал. Замок на двери был хорошо смазанным, не обошли вниманием и петли. Значит, дверью часто пользовались. И уж точно это были не соседи из окружающих домов. Стало быть — немцы. А следовательно, там будет чисто. Но я даже не ожидал, что до такой степени!

Отсюда вывод — в подвал часто ходят. Вопрос — зачем? Ответ на это отыскался около лестницы, судя по ее расположению, выходящей наверх недалеко от входной двери. На полу стояло несколько ящиков. Консервы, ого — пиво! Еще какие-то банки... тут, видать, денщик провизию держит.

Так, прикинем, что мы имеем с гуся?

Наверху как минимум трое. Сам капитан, водила и денщик. Чем вооружены?

У водилы я видел кобуру, вполне может еще и автомат с собой возить, стало быть, надо его наверху искать. А у денщика что? Тоже пистолет? Вполне может быть... Ну еще и у самого ошпаренного что-то есть... В общем — три-четыре ствола. Ну и полиция можно... гм-м-м... приобщить... У него винтовка, в доме будет противником не шибко опасным...

А что у нас? У меня пара пистолетов и наган с глушаком. У Хрисанфа с собой обрез из родимой двустволки. Еще один пистолет он подобрал в управе. Винтовки и автоматы мы с собой не брали, дабы в городе вопросов не возникало. Зато гранатами затарились по самое не балуйся. Только в рюкзаке у меня их штук шесть лежит да парочка в карманах. У дядьки тоже что-то с собой есть.

Я поудобнее устроился около лестницы и стал ждать, когда же сверху кто-нибудь спустится. Время к обеду шло, так что должен был кто-нибудь прийти как минимум за пивом.

Прошло около получаса, и наверху кто-то затопал ногами. Скрипнул, открываясь, люк, и мне на голову посыпался всякий мусор. Заскрипели ступеньки, и в подвал спустился немаленького размера фриц. Наклонившись над ящиками, он начал в них копаться, вытаскивая какие-то

банки и бутылки. В левой руке немец держал корзинку, куда складывал отобранное добро. Положив туда несколько бутылок, он повернулся, собираясь подняться наверх. И нос к носу столкнулся со мной. Ошарашенный фриц открыл было рот, но, увидев у себя перед глазами набалдашник глушителя, оторопело замер.левой рукой я приложил палец к губам.

— Тихо. Не надо поднимать шум. Сколько народу находится наверху?

Немец открыл и закрыл рот, но ничего не сказал.

— Мне прострелить тебе ногу, чтобы ты стал поразговорчивее?

— Нет, не надо в меня стрелять! Наверху только гауптман Краевски и его водитель.

— Где они находятся?

— Водитель спит здесь же, на террасе. Гауптман у себя в комнате. Я должен сервировать ему стол к обеду. Он не любит опоздания.

— Ну, раз не любит, так не будем заставлять его ждать. Бери свою корзинку и пошли. И не дергайся ни в какую сторону, от пули все равно не убежишь.

Отступив в сторону, я пропустил немца наверх и пристроился у него за спиной. Сопя и отдуваясь, он стал подниматься по лестнице. Шаг-другой, и вот уже моя голова поднялась над уровнем пола. Что-то больно покладистый фриц мне попался... Пожалуй, отстану я от него на пару шагов. А то бывали прецеденты...

То ли я сам спровоцировал немца своим отставанием, то ли он изначально лелеял в душе какие-то гадские помыслы, но сделал я это абсолютно своевременно. Уже поднявшись на самый верх лестницы, он вдруг резко качнулся назад. При этом его левая рука с зажатой в ней корзинкой описала широкий полукруг и чуть-чуть не снесла мне голову. Прутья корзины просвистели у меня прямо под носом. А умный оказался немец! Иди я за ним вплотную, так и заработал бы этой самой корзиной аккуратно по плечу. Выпрыгнуть из люка ни в какую из сторон уж точно бы не сумел. И как пить дать, лететь бы мне кубарем по лестнице назад в подвал. Однако фриц промахнулся. Исправить свою ошибку я ему уже не дал. Наган в моей руке тихонько хлопнул. Немец пошатнулся. И вторая пуля опрокинула его на спину. Он грузно рухнул на пол. Поднявшись на шаг, я мягко катнулся в правую сторону, уходя от возможного выстрела. Быстро оглядел террасу. В нескольких метрах от лестницы, рядом с дверью на улицу, стояла широкая лавка, с которой именно в этот момент поднимался заспанный водитель. А вот это хреново, друг мой! Команды «Подъем!» никто не давал... Хотя тебе это уже все равно. Наган в моей

руке дважды хлопнул, и водитель, так и не успев встать с лавки, опрокинулся на нее назад. Минус два. Я прислушался. За дверью было тихо. Судя по всему, во внутренних комнатах выстрелы были не слышны.

Пользуясь возможностью, я быстро перезарядил наган. Прислушиваясь к малейшим звукам внутри дома, стащил с убитого водителя его форму. Черт его знает, что там видно в окнах и кто сейчас смотрит на дом? А форма мне при любом раскладе нужна будет. Так, ну вот я и стал похож на немца. А что? Говорить могу, на морде принадлежность к НКВД не прописана. Чем не добропорядочный фриц?

Прихватив корзинку подстреленного денщика, я осторожно приоткрыл дверь.

Ну, понятно теперь, отчего мне никто не мешал. В комнате негромко наигрывала музыка. Прямо около двери стоял большой радиоприемник, из которого и звучала красивая мелодия. Что-то латиноамериканское, если я не ошибаюсь? Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта.

— Отто? Где тебя носят черти? Или у нас в подвале завелись феи?

Хм, ну уж на фею-то я совсем не похож. А вот относительно чертей гауптман не так уж и неправ...

Толкнув дверь, я вошел в комнату. Прямо напротив входа был накрыт стол, за которым и восседал вождь денщицкий фриц. В настоящий момент он был занят поеданием курицы. Делал он это с таким азартом и наслаждением, что у меня аж заныло в желудке. Гауптман закончил обгладывать куриную ножку, бросил кость в тарелку и поднял глаза. Думаю я, что в этот момент все, что он сожрал, было готово выскочить назад. Прямо перед его глазами недвусмысленно покачивался револьверный ствол, из которого тянуло свежим запахом сгоревшего пороха.

— Приятного аппетита, герр гауптман! Вы позволите? — и я пододвинул к себе стул. Говорить немец не мог и только судорожно кивнул головой. Не опуская револьвера, я уселся.

Кое-как справившись со своими чувствами, Краевски перевел дух и спросил:

— Кто вы такой? Что вам нужно?

— Ну, вы же умный человек! Попробуйте догадаться.

— Вы хотите денег?

— Деньги мне тоже не помешают.

— Тоже? Вам нужно еще что-то кроме этого?

— Да, я хочу уехать из города. Надеюсь, вы мне в этом поможете. Ведь ваш автомобиль не останавливают патрули.

— Хорошо, я распоряжусь, и водитель вас отвезет.

— А я считал вас умным человеком... В крайнем случае я могу сесть за руль и сам. С вами или без вас, а пропуска на машине действуют одинаково.

— Так что же вам нужно? Чтобы я сам сел за руль?

— Достаточно будет и вашего присутствия в машине. Чтобы патрули видели, кто едет внутри. А за руль сяду я.

В глазах немца мелькнула искра. Ага, щас! Так и разогнались тебе подыгрывать!

— Не обольщайтесь, гауптман. В машине будет еще один пассажир. Он и проследит за вашим правильным поведением. Кстати... не советую вам его злить. Он родственник той девушки, которую вы недавно пытались... — я указал рукой на повязку.

Краевски поник. Видно было, что за эту возможность нагадить мне он уцепился было всерьез.

Подойдя к нему, я ощупал карманы. Оружия не было.

— Где ваш пистолет?

— На вешалке висит ремень. Там, в кобуре, и пистолет.

Прихватизировав его оружие (кстати, неплохая машинка — маузер HSC!) и окликнув в окно Хрисанфа, я уселся напротив двери, держа Краевски под прицелом. Слышно было, как внизу хлопнула дверь подвала.

Дядька осмотрел комнату и удовлетворенно кивнул головой.

— Нехило устроились!

— Ничего, некоторое время перетерпит и не в таком комфорте. Слушай сюда...

Спустя некоторое время из двери вышел водитель и, заведя мотор, подал машину задним ходом к углу дома. Остановился, вылез из машины и скрылся из поля зрения востроенного полица. Забежав в подвал, я выволок оттуда обоих дохлых фрицев и погрузил их в багажник. С улицы это рассмотреть было невозможно. По завершении этой операции машина вновь вернулась к крыльцу дома, откуда не торопясь спускался пленный гауптман. Он бы и не возражал, наверное, сделать это раньше, даже и не дожидаясь меня, но два внушительных ствола в руках дядьки Хрисанфа недвусмысленно намекали ему на вероятный исход такой попытки. Вообще, обрез в дядькиных руках напугал Краевски просто до одури, он чуть в штаны не навалил, когда я популярно пояснил ему возможные последствия применения данного девайса. И вот сейчас он осторожно, стараясь не делать резких движений, спускался по ступенькам к предусмотрительно распахнутой мною двери автомобиля. Дядька, не

отсвечивая на виду обрезаем, стоял в глубине террасы и бдительно контролировал каждое движение гауптмана.

Дождавшись, когда он усядется на свое место, Хрисанф, тоже переодетый в немецкую форму, таща в руках здоровенный чемодан, забрался на заднее сиденье. Перед переодеванием и он, и я по очереди побрились, используя капитанский несессер. Причем Хрисанф от души матюкался.

— Чтоб я свою бороду из-за этого... недоноска... да я его своими руками в нужник головой засуну!

— Не кипятись, дядька Хрисанф, нам этот полицейский живым нужен. И чтоб на посту до смены достоял. А сортир... он от этого мерзавца и так не уйдет...

Рыкнув на прощание мотором, «хорьх» выехал со двора и вскоре уже пылил по дороге за городской окраиной. Тормозить машину никто и не пробовал. Видимо, все патрули и солдаты на выезде из города хорошо знали и машину, и пассажира. Так что, заведя на переднем сиденье перебинтованную морду гауптмана, только козыряли и отходили в сторону.

Отъехав от города около километра, я загнал машину в лес и засобирался назад. Ранец с гражданской одеждой я прихватил с собой. Хрисанф оставался ждать меня тут. Вопросов он не задавал и моим сборам не мешал. Разложил на траве трофейное добро и с увлечением его перебирал. Да и что, собственно говоря, было обсуждать? План моих действий он знал и активно был с ним не согласен.

— Шарлатанство! — таково было его заключение относительно моих намерений. — И сам башку свернешь, и сделать не сможешь ни хрена! Не поверит тебе немец! Тоже, чай, не последнего дурака на такую должность поставили!

— Ну, не поверит, я его просто так зарежу... Фрицам опосля этого уж точно не до деревни будет.

ГЛАВА 30

В дом к коменданту я залез точно так же, как и до этого к гауптману. Вот за что я немцев люблю, так это за предсказуемость! Караульная служба была поставлена у них точно таким же образом, как и в предыдущем случае. И даже дома были похожие. Впрочем, подобных домов тут было большинство. Правда, часовых здесь было двое. Так что пришлось проявить максимум изворотливости, чтобы пробраться во двор незамеченным. На меня работало то, что одинокий солдат с ранцем и автоматом (наследством покойного денщика) никаких подозрений не вызывал. Поэтому, оказавшись во дворе, в подвал я пробрался относительно легко. Предусмотрительно захваченной монтировкой отодрал замок с подвальной двери вообще за пару секунд.

В отличие от капитанского денщика, его коллега у коменданта в подвал не лазил, и грязи там было побольше. Зато он был не дурак выпить, тихонько прикладываясь к запасам своего начальника. Это его и погубило. Я, правда, старался насмерть его не бить... но уж тут как судьба вывезет... а ты не пей на службе... целее будешь... может быть...

Натянув гражданские брюки прямо поверх формы и заменив пиджаком форменный китель, я нанес визит коменданту.

Не скажу, чтобы он сильно этому обрадовался. Но озадачил я его, похоже, всерьез...

Распроставшись с ним, я выбросил в приоткрытую дверь майорский пистолет и пулей слетел в подвал. Снимать брюки было уже некогда, и я просто располосовал обе штанины ножом. Заменял кителем пиджак, прихватил оставленный в подвале автомат и через некоторое время уже шагал назад. Никакого шума позади не было, похоже, комендант принял мои слова за чистую монету...

— Разрешите, герр майор?

— Входи, Генрих, я уже заждался! — фон Бюлов привстал из-за стола, приветствуя вошедшего. — Что так поздно? Я ожидал тебя раньше.

— Увы, старина, я не всегда могу распоряжаться своим собственным временем... — майор Хайнрих присел в кресло и с наслаждением протянул руки к теплой печке. — Сегодня вечером как-то зябко, да и ветер... Я вижу, и ты тоже греешь свои старые кости?

— К сожалению, я уже не тот молоденький лейтенант, с которым ты

познакомился во Франции...

— Да... время не щадит ветеранов. Однако же ты ведь пригласил меня не для того, чтобы вспомнить старое время?

— Служба сделала тебя подозрительным ко всему! Ты прав, у меня действительно есть для тебя важные новости.

— Ну так и поведай мне о них. Ты же видишь, я весь внимание!

— Я серьезно, Генрих!

— Я тоже не шучу. Мы знакомы уже с восемнадцатого года, старина! И я хорошо успел тебя изучить! Уж кто-кто, а ты точно не станешь пересказывать мне пустую болтовню!

— Спасибо. Так вот, ты, конечно, в курсе обстоятельств гибели группы лейтенанта Рейна?

— Генрих, абвер всегда знает больше, чем это может показаться на первый взгляд. Мы занимаемся этим вопросом.

— У меня есть любопытные факты, которые будут небезынтересны твоему ведомству. Как ты полагаешь, кто были эти нападавшие?

— Ты имеешь в виду партизан? Смею заметить, что это ошибочное мнение. Им такие фокусы, слава богу, пока не по зубам. Нападавших было всего...

— Два человека.

Абверовец поднялся из кресла и подошел к окну.

Постоял там пару минут и вернулся назад. Взял со столика бокал с вином и осушил его.

— Иоганн, ты поставил меня в тупик... Извини, но мне нужны объяснения такой... осведомленности.

— Следует ли мне понимать это так, что я прав?

— Да. И результаты осмотра места происшествия мне доложили всего два часа назад! Здесь, — Хайнрих особо подчеркнул это слово, — никто об этом еще не знает. Я абсолютно уверен в своих сотрудниках, они никому не сообщали этих данных.

— Это были не партизаны?

— Нет. Судя по манере ведения боя, осмотру уцелевших тел полицейских, это...

— Хорошо подготовленные диверсанты русских...

— Да. Но откуда у тебя эти сведения? Я тоже читал рапорт Браверманна и показания этого уцелевшего полицейского. Там этих данных нет!

— А со старостой деревни ты не говорил?

— Его нет на месте. Во всяком случае, вчера он в деревне не был. Я

допускаю, что он обделался со страху и сидит где-то в подвале. Но с момента нападения прошло уже два дня! Пора бы ему и вылезти!

— Он и вылез. И вчера был здесь.

— Почему у тебя? Он должен был первым делом прийти ко мне! Ведь он...

— Был твоим осведомителем. Так?

— Так. Но... почему он пришел сюда?

— А ты вспомни, где был вчера в одиннадцать часов?

— В батальоне. Проводил инструктаж офицеров... Постой! Ты хочешь сказать, что он приходил ко мне?

— Он так и сказал. Но тебя не было, а ждать он не мог. К тому же Немков был сильно напуган. И видит Бог, у него были на это все основания!

— Так... С этого момента, Иоганн, прошу тебя быть особенно точным в передаче его слов. Кто его напугал? И как?

— Немков видел нападавших.

— Полицай их тоже видел и не умер со страху.

— Это были люди в военной форме. Не окруженцы, как их называют сами русские. Кадровая часть. Более того, он слышал их разговор. Он подтвердил, что непосредственно бой вели всего два человека. Остальные стояли в оцеплении вокруг площади. Смотрели, чтобы никто из наших солдат не сумел уйти.

— Бред какой-то! Сколько их было?

— Немков сказал — около тридцати человек. К зданию управы они не подходили, стояли поодаль.

— Тогда понятно, отчего мы не нашли их следов... Но почему только двое?

— Они... не смейся, Генрих... сдавали экзамен. Как я понимаю, на право именоваться диверсантами.

— Ничего себе у них экзамены! Как же тогда экзаменуют преподавателей? Ты точно понял этого... как его... Немцова?

— Немкова. Да, он был очень убедителен, описывая увиденное. Но и это еще не все!

— Так... Хороший сюрприз ты приготовил старому другу...

— Деревня не представляет интереса для этих русских. Они вообще шли сдавать свой «экзамен» в другое место.

— Куда?

— Староста этого не знал. На наших солдат они натолкнулись совершенно случайно, вот и решили далеко не ходить.

— Как-то это у них... просто... Захотели — пошли, захотели — не пошли...

— Русские... чего ты от них хочешь?

— Ну да... вполне в их духе.

— Староста подслушал другое. Где-то вот тут, — комендант ткнул пальцем в карту, — у них что-то вроде временной базы.

— Он умеет читать карту?

— Староста раньше работал в конторе, заготавливавшей здесь лес. И знает эти места. По его словесному описанию, указанная база где-то здесь.

— Иоганн, мне нужен этот русский!

— Сомневаюсь, что среди твоих талантов проходит также и ремесло медиума.

— Не понял?

— Тебе придется вызвать его дух!

— Поясни.

— Немков был убит через час после того, как вышел от меня. Пуля в затылок... теперь ты понял, чего он так боялся?

— Его проследили от деревни?

— Вряд ли. Тогда бы он просто не доехал до города. Видимо, эти диверсанты следили за твоим заведением. Увидели там старосту, засекли его визит ко мне...

— Логично. Видишь ли, Иоганн... Ты, возможно, не полностью в курсе всех событий... пару недель назад не так уж и далеко от указанной тобой точки...

— Не мной! Это рассказал староста.

— Неважно! Так вот, там был тяжелый бой ребятишек рейхсфюрера с какими-то русскими диверсантами. По странному совпадению они тоже были одеты в военную форму. И они чертовски трудно дались этим выскочкам. Потеряв всего пяток своих головорезов, русские сумели захватить с собой чуть ли не сотню наших солдат! И отступали русские частью и в нашем направлении! Не к фронту! Как ты полагаешь, почему?

— У них есть какое-то дело здесь?

— В городе? Вряд ли. А вот в его окрестностях... очень возможно.

— Но здесь нет ничего, кроме леса и болот!

— Видимо, у них есть основания думать иначе. Во всяком случае, нами была получена ориентировка... да, кстати, и в твоём ведомстве она тоже должна быть!

— Генрих, я каждый день получаю чертову тучу разных бумаг! Прости, но я и свои-то распоряжения иногда помню не все...

— Ладно, — абверовец взял свой портфель и достал из него пачку бумаг, — сейчас... Где же это? А — вот, держи!

— Что это?

— Прочитай, там все указано.

— Так... Обращаю ваше внимание... придавая особое значение розыску... словесный портрет прилагается...

Хайнрих наклонился, наливая себе в бокал вина, и от его взгляда ускользнуло то, как вздрогнул комендант.

— Ну, что я тебе скажу, Генрих? Из моего окна видно не так далеко, как из твоего. Но в целом указанные тут сведения очень логично вписываются в имеющиеся события. Этих диверсантов прижали там, и они отошли к нам. Не вижу никаких противоречий.

— Иоганн, ты старый солдат. И думаешь так же. Логика действий диверсанта отличается от простой солдатской логики. Они никуда не отходили.

— То есть?

— Диверсанты вышли со своей базы тут, сделали нужное им дело в Глубоком и вернулись назад. Кстати, твой Немков не описал подробнее, как они были одеты?

— Он не был специалистом по форме одежды. Сказал — военная форма, не новая, но чистая и аккуратная, словно бойцы недавно вышли из казармы. Сытые, не изможденные недоеданием лица. К сожалению, он не видел их командира, но по разговору понял, что тот имеет достаточно высокое звание.

— Какое же?

— Увы, — развел руками комендант, — выше майора, это точно. Более подробно он не расслышал. И вообще, староста все время перескакивал с одного на другое, путался... Да и язык его оставлял желать лучшего...

— Как не вовремя он погиб!

— Ну кто же мог знать, что и тут, в городе, есть их люди?

— Они есть везде, Иоганн. В этой чертовой стране нельзя понять, кто из жителей нам друг, а кто враг.

— Да... это не Франция...

— И даже не Польша. Иоганн, ты очень здорово мне помог, даже и не представляешь, как сильно!

— Всегда рад быть полезным старому другу! Что же ты теперь будешь со всем этим делать?

— База русских диверсантов у нас под носом... это может стоить нам обоим головы... а может и к другому исходу привести... тут уж как

подадим все это руководству. Во всяком случае, я повременю об этом докладывать наверх. Да и тебе не советовал бы этого делать.

— Ну, я сообщил сведения тебе, так что и решение за вашим ведомством.

— Спасибо! Надо еще обдумать все хорошенько... я бы просил тебя об одном одолжении, Иоганн.

— О каком же?

— Не высылай своих солдат прочесывать лес. Хорошо?

— Принимается. Что еще?

— Не надо лезть и в эту деревню. Тут уж мы сами, своими силами, тихо и аккуратно все проверим.

— Ради бога! У меня и своих дел хватает.

— И еще... Я бы усилил на твоём месте патрули в городе. Повод для этого есть — убийство старосты.

— Мне придется отозвать часть солдат с внешних постов... Хорошо, я это сделаю. Может быть, ты пояснишь мне — зачем это?

— Мне не нравится, что по городу свободно ходят русские диверсанты. Я не опасюсь их пистолетов, но вот лишить их свежей информации о наших действиях — это было бы очень кстати. Слишком уж свободно входит и выходит из города местное население. Тут все-таки прифронтовая зона.

— Согласен. Что еще?

— Пока все. Разумеется, я буду держать тебя в курсе всех своих действий.

— Всех?

Абверовец рассмеялся. Покачал головой.

— Во всяком случае, тех, которые будут связаны с этими диверсантами. Обещаю не размахивать топором без оглядки.

ГЛАВА 31

Утро началось с того, что мимо моей лежки проследовали грузовики. Шли они налегке, удаляясь от города. И с приличной скоростью. В прикрытии я увидел только пару мотоциклистов. Так, пустые... Идут под погрузку? Это к фронту-то? Не санитарные, крестов нет. Значит, что? Идут за личным составом. Куда? Станция, судя по карте, вообще в другой стороне.

Вскрыв консервную банку, я поставил ее перед осунувшимся гауптманом. Развязал ему руки и всучил ложку.

— Ваш завтрак, герр гауптман!

— Вы обещали меня отпустить!

— Когда это? Я сказал, что мне необходимо выехать из города. Но что-то не помню, чтобы я обещал вас отпустить сразу же после этого.

— И что же вы собираетесь теперь делать?

— Для начала — уехать отсюда подальше. Для этого мне и пригодятся ваш автомобиль и вы в качестве приложения к нему. Дабы постовые не слишком придирались.

— Хорошо, допустим, вам удалось уехать отсюда. Что дальше?

— Вот там и посмотрим. Рекомендую учесть, герр гауптман, что хотя на машине удобнее и комфортнее ехать, но пешее передвижение значительно выигрывает в безопасности. Так что если мне придется преждевременно с вами расстаться... Ну что ж, я потрачу на дорогу чуть больше времени. Зато буду крепче спать... сами должны понимать, что же выгоднее лично для вас...

Краевски обиженно умолк и принялся без энтузиазма жевать консервы. Потом пришлось тащить его к ручью, умывать и брить. Должен же он выглядеть соответствующим образом? Хорошо, что хоть в туалет он ходит самостоятельно...

Пока я ковырялся с гауптманом, прошло уже чуть более часа. Вернувшись к автомашине, я усадил Краевски на заднее сиденье, поближе к окну. С правой стороны, так, чтобы его хорошо было видно с обочины. К рукам ему я привязал его же собственный портфель. Вряд ли у него возникло бы желание побегать с ним хоть куда-нибудь. В портфель, до самого верха, я насыпал булыжников. Так что и сам поднимал его с трудом. Прорезав в задней стенке портфеля отверстия, я пропустил в них веревку, которой и связал гауптману руки. Таким образом, для любого стороннего

наблюдателя все выглядело предельно естественно. Офицер, держащий в руках портфель, — чего уж тут необычного? До меня он им не достанет. Далековато, да и силенок у него... не так уж и много.

Ну вот, наши приготовления и закончены. Можно уже и в путь-дорогу. А можно ли? Что-то мне звуки не нравятся, не иначе едет кто-то. И кто это там у нас?

По дороге шли давешние грузовики. На сей раз — груженные. В кузовах сидели солдаты. Хм, немцы собирают в город личный состав? Похоже, что комендант напрягся даже более, чем я рассчитывал. Семь грузовиков. Около полутора сотен солдат — неплохо! А ведь все они были между мною и фронтом. Теперь там на полтора ста рыл меньше. Это есть гут!

Проводив их взглядом, я уселся за руль и, ломая бампером кусты, выехал на дорогу. Давайте, ребятки, двигайте. У меня отсюда свой путь...

Первый пост фрицев я проехал вообще без задержки. Увидев знакомый автомобиль, солдат быстро поднял шлагбаум и отсалютовал нам. Проезжая мимо, я оглядел пост. Три солдата, мотоцикл... все? Да, больше никого не было. Судя по капитально обустроенному навесу и добротным скамейкам, тут в былые времена коротали время не менее десятка солдат. Надо полагать, теперь они ехали в грузовиках в сторону города. А кстати говоря, рации-то у них нет! Во всяком случае, я ее не заметил. Ладно, на следующем посту проверим.

Следующий пост показался только через десяток километров. Был он расположен на перекрестке и обустроен куда лучше и капитальнее первого. Рация на нем была, я сразу срисовал антенну над небольшим домиком. И порядка тут было больше. Во всяком случае, шлагбаум передо мной не подняли. Щуплый фриц неторопливо подошел к машине и потребовал документы.

Вместо ответа я показал ему на лобовое стекло, где в правом нижнем углу был прикреплен пропуск.

— Этого недостаточно? Тут все написано!

Немец слегка смутился.

— Извините, герр ефрейтор (на мне была форма с такими погонами), но у нас объявлена тревога... Ищем беглецов.

— В форме солдат вермахта? Прикажете мне разбудить господина гауптмана?

По моему настоящему указанию он в такие моменты должен был изображать спящего. Причем очень крепким сном...

Солдат нерешительно топтался около шлагбаума. Огрести плюху от офицера ему не хотелось, но и взять на себя ответственность тоже было страшновато.

— Но... Одиночные передвижения запрещены...

— Рация у вас есть?

— Так точно, герр ефрейтор!

— Свяжитесь с комендатурой! Назовите номер машины!

Щуплый немец понесся к домику с антенной. Около шлагбаума никого не осталось. Совсем никого... если не считать пулеметчика, сидевшего за мешками с песком... Интересно, что скажут по рации? Ищут уже машину или нет? Я осторожно взвел затвор у автомата и попробовал рукою замок двери. Он тихонько щелкнул при открывании...

На крыльце домика появился еще один солдат. Постоял, оглядывая местность, потом спустился и, не торопясь, зашагал к пулеметчику. Так... с чем это фриц идет? Немцы что-то просекли, и он сейчас отдаст приказ пулеметчику на открытие огня? Попробуем опередить? Вылезти из машины и подойти к ним? А гауптман? Что подумают немцы, если водитель вдруг вылезет из машины, оставив там офицера? Я на их месте был бы удивлен. Надо полагать, что и немцы тоже не воспримут это как само собой разумеющееся.

Значит, что, сидим?

Сидим.

И готовимся к прыжку. Кювет — вон он, рядом. Гранаты... парочку захватить успею, больше не взять. Стало быть, надо накрыть гнездо сразу. Первой же гранатой. В крайнем случае второй. А дальше — бегом к пулемету и кромсаем домик. Скорее всего, остальные немцы там...

Солдат тем временем дошел до пулеметного гнезда, о чем-то переговорил с пулеметчиком и пошел в мою сторону. Прошел мимо... сел на бревно слева и чуть впереди от меня. Закурил, поставив винтовку около себя. Так... контролирует не видимую пулеметчику сторону автомобиля? Похоже... Почему тогда оружие не в руках? Курит он почему? Ему же стрелять скоро, а он курит, видите ли!

Нет... что-то тут неправильно... не должен он вот так сидеть. Или это у меня паранойя? В каждом немце вижу противника, который хочет меня угробить? В принципе так оно и есть, только вот на мне сейчас немецкая форма и на лбу не написано, кто я такой на самом деле.

Сколько еще ждать этого... тощего? Он там что, роман по радио читает? Я надавил на клаксон.

Курящий немец дернулся и чуть не выронил сигарету. Хм... нервишки? Плохой из него сейчас стрелок...

Дверь домика распахнулась, и, дожевывая что-то на ходу, к шлагбауму бегом устремился часовой. Он торопился, полы шинели путались в ногах.

— Прошу прощения, герр ефрейтор! Комендатура ответила не сразу...

— Мы можем следовать дальше?

— Разумеется! Мы получили приказание не препятствовать вам! Но... может быть, вы... все же дождетесь попутных машин? В течение часа, может быть — двух, должно проехать несколько грузовиков...

— Чтобы потом глотать пыль, которую они поднимут? Впрочем, предложите это герру гауптману...

— Не смею вам мешать!

Солдат торопливо распутал узел и поднял перед нами бревно шлагбаума. Вытянулся в струнку. Курильщик тоже вскочил и встал по стойке смирно. Перед этим он осторожно положил недокуренную сигарету на бревно. Так он к пулеметчику за куревом ходил! Фу, блин, так и седым можно стать...

— Сообщите на следующие посты, чтобы они нас более не задерживали! — бросил я в открытое окно, проезжая мимо фрица.

— Так точно, герр ефрейтор! Немедленно, как только провожу вас!

Пост скрылся за холмом, и только здесь я обнаружил, что держу на коленях взведенный автомат...

Отъехав еще пару километров, я остановил машину, вышел из нее и присел на обочину. Нащупав на бедре флягу, достал ее и, отвернув крышку, сделал пару глотков шнапса. Фу-у-у... Кто там в книгах пишет о немислимом хладнокровии и стальных нервах спецназовцев? Сюда бы его... посмотреть, как он штаны менять будет... нельзя к такому привыкнуть. Сколько ни тренируй нервы, а все равно каждый раз как впервые. Интересно, как там мой гауптман? Ему штаны еще менять не надо?

Насупившийся немец молча сидел на своем месте. Блин, так он и не понял ничего! С его точки зрения, это была обычная задержка на посту. Воистину говорят — дуракам везет!

Сплюнув, я уселся на свое место и резко рванул автомобиль вперед.

Проехав еще несколько километров, притормозил. Слева от дороги рванул нестройный залп, еще один... защелкали редкие выстрелы. Что за хрень? Автомат снова прыгнул ко мне в руки. Стоять на месте? Здесь все

открыто, в случае чего и не убежать. По полю «хорьх» не пройдет, а до леса далеко, не добегу. Ладно, попробую на скорости прорваться.

Дорога описала петлю, потом пошла вниз, и я увидел...

Слева к дороге примыкал большой луг. У обочины стоял грузовик и несколько телег. Чуть поодаль по полю ходили какие-то люди. Между прочим, с оружием. У грузовика переминались несколько человек с повязками полицаев на руках. Так... не партизаны, сразу стрелять не станут.

Заметив меня, один из полицаев обернулся и что-то крикнул своим товарищам. Потом быстрым шагом направился к дороге. Что-то хочет спросить? Рации у них наверняка нет, про беспрепятственный пропуск «хорьха» им ничего не известно, да и мой мундир он отсюда не разглядит. Лучше притормозить, с них станется... еще пальнет вдогонку. Ну ничего, сейчас я тебя, голубчик, построю...

— В чем дело, болван?! — гаркнул я полицая, который уже успел подойти достаточно близко, чтобы рассмотреть, кто же сидит за рулем. Надеюсь, что мне удалось хорошо симитировать акцент.

— Прошу прощения, герр...

— Ефрейтор! Давно пора знать знаки различия немецких солдат!

— Здравия желаю, господин ефрейтор!

— Герр гауптман интересуется, что тут происходит?

Бах! Бах!

В поле ударили выстрелы.

— Что такое? — в моей руке появился пистолет. — Партизаны?

— Никак нет, господин ефрейтор! Это... ребята порядок наводят. Ордунг, ферштейн?

— Ордунг, болван! Вы позволите, герр гауптман? — обернулся я к Краевски. И, не дожидаясь ответа, полез из машины на улицу. Пистолет я убрал в кобуру, а вот автомат прихватил с собой.

— Пойдем, — взял я за рукав полицая. — Посмотрим, что там у вас. К машине никому не подходить!

И я выразительно потряс в воздухе автоматом.

Мы спустились вниз. Полицай всю дорогу семенил рядом, но с пояснениями не лез.

Вот и поле.

На самом краю, почти у дороги, лежит труп уже немолодого мужчины. Когда-то черные волосы густо тронуты сединой. Кожаная жилетка, при жизни любил пофорсить. Кончился для него форс... на спине она была

пробита пулями.

— Кто есть этот мужик?

— Так, господин ефрейтор, цыгане это!

— Почему здесь?

— Так для проверки остановили мы их, — со стороны поля, не торопясь, подошел грузный дядька в дорогом (явно с чужого плеча!) пиджаке. Даже повязка полиция на рукаве у него была какой-то... непривычной, что ли? Да и голос у него... тоже не местный?

— Вы есть кто такой?

— Начальник отряда полиции. Лацис моя фамилия.

— Гут! Это хорошо есть! Что тут произошло?

— Оттуда они ехали, — начальник отряда показал рукой направление. — Нас увидели и к лесу свернули. Да не успели.

— Так.

— Ну, мы и стали их шмонать...

— Что?

— Обыскивать, господин ефрейтор.

— А-а!

— Вот. Ну и нашли у них в повозках двоих красных. Раненые они были. И винтовка была спрятана.

— Молодец! Так сделал! Хорошо! Где они есть? Герр гауптман будет хотеть их видеть!

— Так... Кончили мы их...

— Кончили...

— Расстреляли.

— Всех?

— Да... что ж тут с ними возиться-то? Красным одна дорога — на тот свет. Да и цыгане эти... людишки никчемные... толку с них? Опять же — красных укрывали...

Не слушая больше полиция, я прошел вперед. Туда, где были разбросаны по полю тела расстрелянных.

Совсем девчонка молодая... юбка завернута на голову, на ногах кровь. Не сразу ее застрелили, не сразу...

Вот и постарше лежит, да и не одна она тут.

Молодой парень, в руке нож, клинок запачкан кровью — успел? Не вижу убитых полицаяв, а-а-а, нет, вон у одного рука перевязана. Ему, значит, досталось. Ну, хоть не задаром погиб цыган...

Сразу несколько тел. Так и не поймешь сразу, кто же тут лежит. Мужчины, женщины — все вперемешку.

Пожилой дядька в красноармейской форме — один из красных? Да, вот и треугольники на петлицах... Сапоги уже сняли, один из полицаев перекинул их через плечо.

А второй где?

Вон, рядышком и второй лежит. Этот совсем молодой парень... рядовой.

Я опустошенно ходил по полю, рассматривал погибших. Черт, ну я же на войне не первый день, все, казалось, видел. Мог бы и привыкнуть уже... Нет. Не могу. Нельзя к такому привыкать. Это ж не бойцы, вообще не солдаты. Какая нужда была их стрелять? Ну, отвели бы их в лагерь... Лагерь? Я вспомнил карьер... да... это было бы еще хуже...

— ...беспокоиться...

Что? А! Это полицаи говорят!

— Что ты говорить?

— Не извольте беспокоиться, господин ефрейтор! Мы порядок знаем! Никого тут живого нету уже. Всех проверили, кто особо живучий был, тех уже штыком... Так что вы можете их не смотреть более, тут мы все, как полагается, сделали. Туда, — он махнул рукой в поле, — и ходить незачем...

— Молодец! — я покровительственно похлопал Лациса по плечу. — Держи!

И я вытащил из кармана пачку сигарет.

— Презент!

— Премного благодарствую, герр ефрейтор!

— Ты не местный есть?

— Весь наш отряд нездешние. Нас сюда на усиление прислали, местные-то не могут, как мы...

— Гут! Трупы все — закопать! Вон там! — рука моя указала полицаю на большую яму около дороги. — Зараза — нет! Мертвое тело — лежать в земля!

Лацис поморщился, приказ ему не понравился. Вот как, с немцем спорить?

— Назад ехать будем вечером. Поглядеть будем...

Теперь кобениться не станет. Черт его знает, фрица этого, а ну как настучит?

Еще раз похлопав его по плечу, я вернулся к машине. Бросил на сиденье автомат, завел мотор и тронулся с места, не обращая внимания на вытянувшихся в приветствии полицаев.

Вот и поворот, уже лес рядом. Лес?

Машина плавно въехала под раскидистую елку. Двигатель замолк.

ГЛАВА 32

— Что вы хотите делать?

Гауптман очнулся!

Ишь ты, всю дорогу молчал. Неужто и его проняло? Да нет, он же на месте расстрела не был.

— Вы их знаете? — кивнул я головой в сторону скрывшегося из глаз поля.

— Кто ж их не знает? Они тут уже три месяца. Ездят по деревням, ловят красных.

— Откуда они?

— Не знаю! Они раньше жили где-то в... Литва? Латвия? Не помню... Сильный отряд, они работают жестко, местные их боятся...

— И это... вы называете работой?!

— Но кто-то должен делать и это?!

Так... Не выходит у нас разговор... ну да ладно, сам виноват.

Притянув Краевски к сиденью дополнительным куском веревки, я полез в багажник. Где-то там лежала моя СВТ...

Еще перед заходом в город мы с Хрисанфом заныкали в лесу все длинноствольное оружие. Обе винтовки, мою СВТ и его трофейную трехлинейку, да еще и автомат в придачу к ним. Трехлинейку и автомат он унес с собой, а СВТ я забрал. Мало ли... Хороший ствол, мне он понравился.

Вот и вершина холма. Лес стал реже, сквозь деревья уже проглядывало поле. Грузовик еще стоял на прежнем месте, и около него копошились полицаи. Несколько человек забрасывали землей яму. Тел погибших я на поле уже не видел. Так быстро стащили их в указанное мною место? Хотя... почти два десятка здоровенных мужиков... в принципе могли. Ага, вот около ямы остановилась телега, и полицаи сбросили с нее несколько тел. Так они их на повозках перевезли! Блин, рационализаторы хреновы... Значит, время у меня еще есть. Минут десять они там еще провозятся, это уж как пить дать. Проинспектируем пока свои запасы.

Наган с глушаком привычно устроился за спиной, пистолеты... Я дослал патроны в патронники и дозарядил магазины. Так, с этим все ясно.

К СВТ у меня было около сотни патронов. Были даже несколько бронебойно-зажигательных. Поглядывая на поле, я присоединил к ней

глушитель. Давно его таскаю, надо же, наконец, и в деле испытать.

Гранаты. Четыре немецкие и одна непонятно чья, напоминающая нашу РГД-5, только чуток поменьше. Сойдет.

Теперь надо прикинуть диспозицию. Отсюда до грузовика около шестисот метров. Стоит он мордой ко мне, значит, в эту сторону и поедет. Скорее всего. Буду на это и рассчитывать, ибо если он развернется... высажу ему в кузов пару обойм и все. Далеко, не догоню. Устраивать гонки с полицаями, да еще и в сторону немецкого поста, мог только круглый идиот. Значит, ждем.

На поле тем временем продолжалась какая-то возня. Полицаи что-то грузили в машину. Цыган ограбили? Чего с них взять-то можно? Вторым год войны, уж ничего небось не осталось полезного. И какой черт их вообще в поле выгнал? Ведь не любят их немцы. Почти как евреев. И стреляют, и вешают. Сидели бы себе где-нибудь в глухом углу, так нет — вылезли! А впрочем... что я могу о них знать? Бойцов подобрали, не бросили, уже за это спасибо сказать им можно! Но не могу я их за это отблагодарить, увы... Ну хоть посчитаюсь...

На поле взревел мотор. Ага! Закончили-таки полицаи грабеж... Я прильнул к прицелу. Так, едут в мою сторону. Это есть гут! Ну что, подпустим их к лесу или на поле приласкаем? И тут свои плюсы есть, и там тоже имеются. В лесу стрелять буду с короткой дистанции. Однако же могут они в нем и спрятаться. Если успеют, конечно. Зато на поле они открыты. Всех укрытий только грузовик да кювет. И тот не бог весть какое укрытие. А у меня винтовка с оптикой...

Чух!

Пошел паром пробитый радиатор.

Блин! Винтовка с глушаком ниже бьет! Сантиметров на десять или около этого пуля просела! Надо повыше брать...

Чух!

И водитель уронил голову на баранку...

Это уже повеселее будет. Даже много прибавил...

Чух! Сидевший рядом с ним полицейский раскинул мозгами по кабине...

Потерявший управление грузовик повело вбок, и он ткнулся носом в кювет. Мотор заглох.

Из кузова стали с криками выпрыгивать полицаи.

Чух! Чух!

У рослого парня с винтовкой вдруг подломились ноги. Из враз ослабевших рук выпало оружие. Он быстро-быстро засеменил ногами, смещаясь вбок, словно бы бежал по кругу... Не добежал... Минус три.

С ехавших следом повозок посыпались горохом возницы. Кинулись к кювету. Но добежать до него было суждено не всем. Минус четыре.

Остальные залегли в нем, повысовывая в разные стороны стволы. Но пока не стреляли. Видимо, нападение было слишком уж неожиданным. Выстрелов не слышно, до леса еще около сотни метров. А поле было пустым, куда ни глянь...

Молчим? Лежим и не стреляем? Хорошо, я тоже обождать могу... Пока винтовку перезарядим, почти десяток патронов я уже пожег... А хороший у покойного снайпера глушак оказался...

Прошло минут пять. Засевшие в канаве полицейские не подавали признаков жизни. Им там туалетная бумага еще не требуется? Ну-ка... У гауптмана, хвала его жадности, неплохой бинокль отыскался. Хотя что-то полезное с него поимею. Есть еще, правда, его бумаги, в придачу к голове. Ну, так это не мне, это пускай с ним разведка побалакает. А вот бинокль... это мое, не отдам!

Так... вот они, голубчики... Вертят головами, ищут стрелявшего. Ну-ну... Эдак вы тут и до утра просидеть можете. Ага, вот этот пополз. Куда? Неужто к лесу? Ну, это уж явное неуважение! Я тут что, совсем слепой сижу?

Первые две пули взбили фонтанчики земли около ползуна. Он начал было приподниматься, чтобы рвануть назад, но не успел... Минус пять. С поля заполошно откликнулся автомат. Его вразнобой поддерживали винтовки. Пули бессмысленно просвистели где-то в лесу. Да ради бога! Таким макаром можете хоть до утра стрелять... Если патронов хватит, конечно...

Что-то вы там больно комфортно устроились. Ну не наглость ли? Перезарядив винтовку, я посадил несколько зажигательных пуль в грузовик. Старался попасть ему в бензобак и, похоже, в этом преуспел. Автомашина вспыхнула разом вся, будто была сделана из бумаги.

Сидевшим в кювете это сильно не понравилось, и они поползли в сторону. Этого я и ждал. Кювет в этом месте был чуток мельче или дорога в мою сторону наклонялась, не знаю. Но одного полицейского я зацепил. Крик его был слышен даже в лесу. Куда же это я ему влепил-то?

На этот раз пальба продолжалась чуть дольше. Но с тем же эффектом. Сколько их там всего осталось? Чуть более десятка? Может быть...

Однако пора мне позицию менять. Я же ведь не просто так грузовик и подводы именно здесь остановил. Кювет в этом месте изгибается. Вроде бы хорошо, вдоль не простреливается. Точнее — не простреливался. Пока полицейские по нему вбок не отползли. Страшная штука — стереотип человеческого мышления!

Ну вот, свалился ты в канаву придорожную. Осмотрелся. Стреляют по тебе откуда-то. Надо голову вниз прятать. Справа поворот — не достанут. Слева — то же самое. А тут вдруг грузовик загорелся. И пришлось отползать. Да еще под огнем... Вот и прополз за поворот-то спасительный! А там канава прямо в сторону леса идет. И поворотов на ней больше нет! А в голове все еще сидит ложное чувство безопасности...

Метров сто пятьдесят по лесу я преодолел достаточно быстро. И увидел, как по канаве, не поднимая головы, ползет сразу пяток полицаев. Ага, так это вы в лес собрались? А воевать кто будет?

Что теперь с ними делать? В лес пустить? Это же они ко мне во фланг намылились. Или просто драпают? Тогда почему только пятеро? Чего не все тогда поползли?

Надо полагать, сидит их старший начальник сейчас в кювете и ждет. Ждет того, сколь удачным этот маневр окажется. Ну и правильно, в общем, делает. Не может же один человек на два десятка нападать? Так ведь? Так. Значит, сидят где-то еще стрелки, до времени молчат. А воевать-то мы и не обучены... в заднице екает уже поди? Надо отсель ноги делать и поскорее. Вот пускай и ползут к лесу «тральщики». Ежели они удачно пройдут, то и начальство следом двинет, надо полагать... Значит, пускаем их в лес, так, чтобы с поля видно не было.

Вот уже пятерка доползла до края канавы. Затаились, головы осторожно высовывают. Ну и какого хрена вы тут разлеглись-то? Ползите уж! Сколько мне вас тут ожидать еще?

Первый из полицаев, молодой еще парень, решился. Резко вскочил на ноги и опрометью понесся к лесу. Он вломился в кусты в десятке метров от меня. Слышно было его частое дыхание. На бегу он запутался винтовочным ремнем в кустах и, чертыхаясь, пытался его распутать. Вот, развязался наконец. Лежа на земле, я рассматривал его сквозь прицел. Из винтовки стрелять нельзя, услышат. Кладем ее на землю и берем наган. Он тоже с глушителем, но изначально бьет слабее, в самый раз будет.

Полицай осмотрелся, шагнул было в лес, но передумал. Остановился на опушке, прислушался. А ведь ему страшно! В бою он и не был поди никогда. Из кустов по отходящим бойцам наверняка стрелял, так разве это бой? А тут... Высунувшись из леса, он махнул своим товарищам рукой. Мол, чисто тут все, давайте ко мне. Ага, а он, значит, на опушке сидеть будет, типа прикрывать их. От кого только?

Впрочем, ладно. Свое дело ты сделал, пора и честь знать.

Выскочив из канавы, полицаи ломанулись в лес всей толпой. Молодой аж на месте затоптался от нетерпения. Ну да, они сейчас в лес пойдут,

стрелков неведомых искать, а он тут сидеть будет. От несуществующих врагов тыл прикрывать, да начальство отходящее ждать. Зато — первым на глаза начальнику попадется. Стало быть, и все почести ему, как герою. Ага... пенсия от «демократического» правительства нынешней страны-хвостозаносителя «передового человечества», первое место в шеренге «ветеранов» на параде недобитых... Ну уж хрен! Не будет у тебя этого!

Видать, и впрямь радужные картины будущего застилали ему зрение. А бравурные марши услаждали слух. До такой степени, что не слышал он позади шагов моих осторожных. Не увидел тусклый блеск клинка...

Минус шесть.

Теперь за оставшимися пойдем тихонечко. Далеко они убежать не могли, слышу я их. Страшно и им тоже, чай, впервые на них так-то охотятся? Каково это — себя дичью ощущать? Вот и жмутся они друг к другу. Никому в лес уходить в одиночку не хочется. Засадить бы им сейчас гранатой! Ладно, обождем, никуда они не денутся.

Шаг, еще шаг. Теперь не упряимся, ползем. Не ленимся, целее будем...

Вот они... в ямку забились, переговариваются. Ага, тут у нас тоже все «шибко вумные» попались. Никто в лес идти не хочет, всяк готов тыл прикрывать. Ну да, это вам не цыган беззащитных стрелять, тут и в ответ прилететь может. Но идти надо, разговор на повышенных тонах пошел, во как — уже за винтовку хватаемся? Проигравший полицейай вылез из ямы, сплюнул под ноги и передернул затвор автомата. Шагнул в сторону того места, где теоретически могли скрываться нападающие...

Чпок!

Автомат глухо брякнулся на землю...

Оставшаяся троица словно окаменела...

Наган в моей руке хлопнул еще дважды.

Оставшийся в живых полицейай повернулся ко мне. Поднятые руки тряслись мелкой дрожью. Винтовка так и болталась у него на плече. Увидев немца с револьвером в руках, он попятился. На его лице отразилась целая гамма чувств. Немец — и стреляет по своим?

— Брось оружие! — сказал я, сопровождая свои слова выразительным движением ствола.

Это он понял сразу, и приклад глухо ударился о землю.

— Сколько вас там еще осталось?

— Я нэ понимайт по-русски...

Хрясь!

Выплевывая выбитые ударом зубы, полицейай покатился по земле.

— Ну?

— Еще семь человек!

Надо же... вот что хороший удар кулаком делает! Интересно, а французский язык таким методом учить можно?

— Ваше задание?

— Проверить путь отхода. Если все в порядке — дать сигнал.

— Какой?

— Три раза поднять винтовку прикладом вверх. Потом ждать остальных. Прикрывать их огнем, если это будет нужно.

— Угу. Хорошо, тогда бери винтовку и пошли.

— К-куда?

— Как куда? Путь ты проверил, теперь сигнал давай.

Ты смотри, а мерзюк-то приободрился! А-а-а, так это он на того, первого, рассчитывает!

Ну-ну, давай, топай. Надейся и дальше...

Вот и опушка леса.

— Давай на поле выходи, только недалеко. Махай там своей винтовкой, хоть пляши! Словом — давай своим сигнал.

Шумно вдохнув воздух, полицейай вышел на поле. Поднял винтовку вертикально, взяв ее за ствол. Трижды качнул ее вверх-вниз. В поле махнули ответно.

— Назад!

Он осторожно, стараясь не делать резких движений, повернулся ко мне.

— Давай, голуба, топай сюда.

Полицейай медленно прошел несколько шагов, вступил на опушку. До сих пор помощи ждешь? Да, ишь он как головою крутит. Старается на сучки наступать, ветками хрустит.

— Да не старайся ты так! Нет тут вашего часового. Вон он, в тех кустах валяется...

Нервы у него не выдержали, и полицейай метнулся в сторону... там и остался лежать...

Не видели его из канавы-то?

Нет. Они там тихо ползут, голову стараются особо не поднимать. Жить хотят... Другие, вон, тоже хотели... их кто спросил? И я вас спрашивать не буду.

Подобрав СВТ, я сбегал к убитым и прихватил еще и автомат. Снял подсумки с магазинами. И залег в кустах, дожидаясь гостей. Автомат взял в руки, выложил перед собой гранаты. Винтовку положил рядом.

Минут через десять я услышал дружное пыхтение — по канаве ползли полицаи. Вот над ее краем поднялось сразу две головы. Осматриваетесь? Своих ждете? Сейчас повстречаетесь... сразу со всеми.

Отвернув колпачок, я дернул за шарик запала и, выждав пару секунд, бросил гранату в канаву.

Взрыв ударил глухо, словно из-под земли. Вскочив на ноги, я выпустил весь магазин автомата вдоль по канаве. Второй... упал на землю. Перекатился в сторону, перезаряжая автомат. Еще перекат... Приподнявшись над канавой уже со стороны поля, внимательно ее осмотрел.

Так, один, второй... четверо. Вон один полицай лежит, еще один рядышком валяется. Все недвижимые, одежда изорвана пулями и осколками гранаты. Где седьмой? Вот он, под одним из убитых оказался. Только ступню и видно. Живой? Сейчас проверим...

Короткой очередью я перечеркнул его ноги.

— А-а-а!

Так ты жив еще? Только стесняешься? От меня прятаться вздумал? Ну, будем считать, что я тебя не заметил... Еще одна граната полетела в канаву.

Теперь всё. Точнее — все. Кончились полицаи. Ну так собаке — и смерть собачья!

Коменданту... гарнизона

Майору фон Бюлову

Хайль Гитлер!

Докладываю Вам, что сегодня в 08.12 мотопатрулем комендатуры был обнаружен грузовик отдельного подразделения вспомогательной полиции под командованием Арвида Лациса. Данное подразделение было направлено вчера в деревню Сухомлиново для проведения проверки этого населенного пункта.

Обнаруженный грузовик сильно обгорел и имеет пулевые пробоины. В сгоревшей кабине обнаружено два тела сотрудников вспомогательной полиции. При осмотре прилегающей территории обнаружено еще пятнадцать тел сотрудников этого подразделения.

На телах имеются многочисленные пулевые и осколочные повреждения. Один из сотрудников вспомогательной полиции был убит холодным оружием.

Дальнейший осмотр места происшествия был продолжен

обер-лейтенантом Ланде из управления уголовной полиции через пять часов после обнаружения мотопатрулем грузовика.

Со слов обер-лейтенанта, нападающий был один. При осмотре удалось обнаружить место, откуда велась стрельба по грузовику, и место, откуда были заброшены гранатами семеро сотрудников вспомогательной полиции. Во всех случаях на месте происшествия имелись следы одного и того же человека. (Фотоснимок следа и слепок с него прилагаются.) Нападавшим использовалась русская винтовка СВТ-40 и револьвер «Наган». Гильзы от винтовки прилагаются. Четыре человека были застрелены из револьвера «Наган». В случае нападения на семерых сотрудников вспомогательной полиции был применен пистолет-пулемет МП-40 (судя по следам на найденных гильзах). В этом же случае нападавший использовал ручные гранаты германского производства (найденны части взрывателя).

Остается непонятным, каким образом один человек сумел остановить и уничтожить подразделение, имевшее большой опыт противопартизанской борьбы.

Тщательным осмотром леса вблизи от места происшествия установлено, что в восьмистах метрах от места боя некоторое время стоял легковой автомобиль. На дороге имеются следы его заезда в лес. След свежий, давность не более одного дня. Ввиду слабой выраженности следа установить марку автомобиля не представилось возможным. На месте стоянки обнаружен один патрон русского производства для винтовок Мосина и СВТ.

Заместитель командира 2-й роты 4-го охранного батальона лейтенант Мозер.

Приписка на рапорте.

«Генрих, это явно по твоему ведомству. В деревне было двое супердиверсантов, здесь один. Не находишь ли ты странным такое совпадение?»

Доставлявший рапорт солдат не добрался до адресата. Его труп был обнаружен только на второй день поисков. Оружие, документы и сумка с корреспонденцией бесследно исчезли...

ГЛАВА 33

— Разрешите войти, товарищ полковник?

— Давай, Виктор, заходи. Присаживайся.

— Что-то срочное, Михаил Николаевич?

— А вот мы сейчас вместе и подумаем... Чаю хочешь?

— Не откажусь. Холодно зато что-то на улице... да и дождь, будь он не ладен!

— Ну так и наливай! Вон на тумбочке чайник стоит. Заварка рядом, сахар внизу. Да и мне тоже стаканчик организуй, чего уж в одиночку-то чаевничать?

Майор подошел к тумбочке, позвякал стаканами и вскоре поставил перед хозяином кабинета исходящий паром стакан. По комнате распространился аромат свежесваренного чая.

— Эх, хорошо! Ну да ладно, Виктор, вот зачем я тебя вызвал. Тут мне смежники сообщили, что вот в этой деревне, — карандаш в руках полковника отметил точку на карте, — имело место столкновение немцев с неким неустановленным диверсионным подразделением.

— Ну и что? Мало ли их в немецком тылу?

— Немало. Но не в этих местах. Нет там у нас никого. Ничего интересного в этих лесах не имеется. Даже ближайший партизанский отряд находится в сорока километрах оттуда. Около железки обретається.

— Ну... могли быть и окруженцы...

— Вот тебе копия немецкого рапорта. Написал его начальник абвергруппы в этой местности. Волк старый, его наши коллеги уже лет пять как пасут. Так что верить его писанине можно.

— Посмотрим... Ага! Хорошо им вломили, качественно... Угу...

— Заметил?

— Да, Михаил Николаевич... Два человека? Специальное подразделение диверсантов НКВД? Это еще откуда?

— Вот и я думаю, откуда это вдруг? Нет там никакого спецподразделения. Ни у нас нет, ни у смежников. А ты что думаешь?

— Ну... Можно карту, товарищ полковник?

— Держи. Посмотрим, как у тебя голова сработает?

Майор наклонился над столом, что-то прикидывая на карте. Повертел ее так и эдак. Что-то пометил. Потом поднял на Чернова вопросительный взгляд.

— Есть у меня одна мысль...

— Только одна?

— А тут больше ничего не вписывается. Вот, посмотрите, я тут прикинул кое-что...

Полковник наклонился над картой, хмыкнул. Взял со стоявшего сбоку стола еще одну и положил ее рядом с картой майора.

— Похоже?

— Так и вы тоже думаете, что это...

— Леонов. Больше некому. Уходил он, если верить твоему же рапорту, приблизительно в этом направлении. Так что его появление в данной деревне вполне вероятно. А уж судя по почерку, так больше и некому.

— Да, вполне в его духе. В одиночку на два десятка фрицев... пожалуй, что он и смог бы.

— Ну, там еще и кто-то второй был.

— А вот это, товарищ полковник, меня более всего и удивляет! Кто же это там такой ловкий отыскался? Как они друг друга нашли? Из моих ребят с ним точно никого быть не могло.

— На, читай! — Чернов протянул Гальченко еще одну бумагу. — А про это ты что скажешь?

Майор быстро пробежал глазами содержимое очередного документа. Снова посмотрел на карту.

— Он идет к фронту?

— Похоже, что так. Давай, майор, собирай группу. Будем ждать его уже здесь. Чует мое сердце, что ожидание это будет недолгим...

Сегодняшняя ночевка была относительно комфортной. Машину я загнал в полуразрушенный сарай. Стоял он в стороне от дороги, интереса к нему, судя по отсутствию следов, никто не проявлял уже давно. Однако сохранившаяся часть крыши надежно защищала от дождя, а остатки стен давали укрытие от ветра.

Немца я уложил в машине, а сам устроился на куче старой соломы. Водой ее не промочило, и ветер пока не растащил по округе. Так что лежанка вышла на славу.

Немец, кстати, оказался неожиданно прожорливым и привередливым. Пришлось намекнуть ему на неуместность некоторых старых привычек. Похоже, что он понял и в очередной раз обиделся. Ну и хрен бы с ним, чай детей вместе не крестить...

Разглядывая карту, я прикидывал свой дальнейший маршрут. Километров пятьдесят мы, пожалуй что, и проедем. Может, и больше, но

ненамного. Переехать линию фронта на «хорьхе» возможно только в кино, да и то при хорошем отношении главного режиссера к герою фильма. Да и то... Машина тут не пляшет, это очевидно. Идти ногом? В одиночку — да без вопросов! Прошел бы линию фронта тихо и без фокусов. И вылез уже где-нибудь у наших в глубоком тылу. Хватит с меня нерасторопных часовых... А вот фрица этого как тащить? В наступлении проблем бы не было. Засесть с ним в лесу, да и подождать своих. Но здесь, если мне не изменяет память, картина совсем иная. Нам только что надавали по мордасам у Харькова, так что наступать будем весьма не скоро. Эдак и у немца борода до пояса вырастет, пока наших солдат тут дождемся.

Не катит. Кому он нужен будет — с такой-то бородой? И он сам и сведения его... да и у меня времени тоже не вагон. Академик ясно на это намекнул. Стало быть — ищем выход. И поскорее. С этими мыслями я и заснул...

Следующий день никаких проблем не принес. Усадив свежесбритого фрица на его место, я занял место за рулем и покатил вперед. Предварительно выскоблив собственную морду аж до синевы. Очередной пост мы миновали без затруднений. Часовой, едва увидев пропуск, поднял шлагбаум и козырнул. Предупрежденный мною гауптман важно кивнул ему головой. Для дальнейшего продвижения я постарался выбирать дороги похуже, где наличие постов было менее вероятно, чем на основной трассе.

Несколько часов я продвигался к фронту. Уже явственно погромыхивало. Навстречу нам попало несколько санитарных грузовиков — явно с передовой едут, вон, в кузовах люди с повязками видны.

Уже стало темнеть, когда я выехал на основную трассу. Ехать по боковой стало совсем нереально, у меня же не вездеход! Уставший от толчков немец задремал по-настоящему.

И почти тут же, всего через пару километров, мы уткнулись в шлагбаум.

По стеклу автомобиля мазнул луч фонаря. Мазнул и тут же потух. Ага! Значит, есть вероятность налета ночных бомбардировщиков. Стало быть, фронт уже близко...

— Куда вы направляетесь, ефрейтор? — из-за луча света фонарика в руке говорящего я не видел его лица.

— В Николаевку.

Место назначения я определил, исходя из разговора с гауптманом. Там находились прифронтовые склады снабжения. И до фронта было около двадцати километров.

— Вы проехали. Это место в пяти километрах позади вас.

— Вот черт! Как я мог ошибиться? Гауптман с меня теперь семь шкур снимет! Благодарю вас! Теперь я могу развернуться назад?

— Куда вы собрались ехать ночью? Да еще и с включенными фарами! Дождетесь утра, тогда и поедете. Хотите наклеить на свою голову русских «ночных ведьм»?

— Но... простите, герр...

— Обер-фельдфебель Вайнер!

— Простите, герр обер-фельдфебель, но где мы сможем переночевать?

— Проедете прямо, до площади. Там есть свободные дома. Я позвоню, и вас встретит там часовой. Он укажет вам ночлег.

— Премного благодарен вам, герр обер-фельдфебель! Мне и так влетит от гауптмана за ошибку, а уж если я не найду ему достойное место для отдыха...

Немец хмыкнул.

— Ну о чем говорить, камрад? Мы всегда должны помогать друг другу...

Ну если это не намек на... «подарок», то я — папуас! Протянув руку в салон, я вытащил из вещевого ящика пачку сигарет.

— Вот, камрад, держи! На улице так зябко по ночам...

— Особенно когда нет хорошего курева! Ночи бывают такими холодными...

Войдя в дом, я усадил немца на кровать.

— Вот тут и будете спать, герр гауптман.

— А вы будете меня караулить?

— Зачем? Вы хотите сбежать?

— А вы рискнете стрелять? В деревне много наших солдат!

— Что же вы на улице молчали? Или вспомнили про судьбу своего водителя и денщика?

Гауптман промолчал.

— Так вот, уважаемый, дабы у вас иллюзий никаких не было...

Поставив на лавку рюкзак, я расстегнул верхний клапан.

— Видите бруски? Это тротил. Здесь его около пятнадцати килограммов. Так что воронка будет основательная. Я всегда ношу с собой гранату, а место ночлега миную минами-ловушками. Так что... — моя рука указала на окно. — Можете поупражняться в крике...

— Вы блефуете...

— Хотите проверить? Я далеко не самоубийца, но в плен попадать не собираюсь. К вашему сведению, я не дезертир и не бандит, как вы могли

предположить. Перед вами профессиональный диверсант с опытом работы более двадцати лет! Да и по званию старше вас, и существенно!

Краевски подтянулся.

— Впрочем, гауптман, я пока не собираюсь на тот свет. И вас постараюсь от этого уберечь.

— Куда вы меня везете?

— К русским. Вас это не устраивает?

— Но ведь им скоро конец...

— Смею вас уверить, этого не произойдет. Более того, вы еще не раз скажете мне спасибо за то, что вас уберегли от судьбы, ожидающей большинство ваших коллег.

— ...

— Понимаю ваш скептицизм. Поверьте, вам осталось совсем недолго ждать, чтобы поверить в мою правоту. А пока... устраивайтесь. Входную дверь и окно я заминирую. Специалистов, способных снять заряды, установленные профессионалом моего уровня, здесь нет. Так что... подумайте, прежде чем шуметь, хорошо?

Закрыв дверь, я придвинул к ней стул и уселся на лавку. Будем надеяться, что гауптман далеко не специалист в минно-взрывном деле. Тротил-то у меня был... всего три шашки по четыреста грамм. Их-то и видел Краевски. А вот внизу лежали консервы и прочий хабар. Выпирающие банки смотрелись весьма грозно, и при желании можно было представить себе, что весь рюкзак забит тротилом. Остается только уповать на убедительность моих слов. Пока что у немца не было оснований считать меня шутником...

Чтобы еще больше уверить его в своих жутких помыслах, пришлось повозиться около его двери. Постучать там рукояткой ножа. После чего повторить свои манипуляции уже около окна, выйдя для этого на улицу. Ну вот, маскарад завершен, можно и передохнуть. И даже поспать... заодно и перекусить не помешает. Из рюкзака была извлечена оставшаяся у меня колбаса. Плохо только, что хлеба нет... Ничего, и так сойдет.

Однако шутки шутками, а что делать дальше? Обе предусмотрительно захваченные еще в доме канистры были пусты, в баке бензина всего ничего, да и толку-то с него? Ехать на легковушке дальше? Не выйдет, окопов на ней не переехать. Значит, утром, по выезде из деревни, кидаем ее в ближайшем лесу и ногом... Самолета у меня нет...

В сенях глухо стукнула дверь.

Хозяин пришел?

Странно, часовой сказал мне, что все избы свободны, хозяевам

разрешено приходить в них только утром, для уборки. Да и то — под присмотром немцев. А сейчас уже вечер, им ходить и подавно нельзя. Кто же это? На всякий случай я, не разворачивая, сунул колбасу в карман и расстегнул клапан кобуры.

— Вилли! Где ты, старый ворчун?

Хм, это еще кто?

Дверь стукнула, и на пороге появился невысокий фриц в комбинезоне.

Некоторое время продолжалась немая сцена. Он смотрел на меня, а я внимательно разглядывал неожиданного визитера.

— Вилли?

— Увы, дружище, ты ошибся домом...

— Как? А где же он?

— Скорее всего — по соседству.

Немец озадаченно посмотрел на дверь во вторую комнату.

— Там мой гауптман! И он только что лег спать! Очень тебя прошу, камрад, не шуми!

— А я-то думал... что старина Вилли поменял свою жестянку на шикарный «хорьх»...

Да он же пьяный! Как я сразу не унюхал! Вот и речь у него... соответствующая.

— Нет, камрад, ему не настолько повезло! Это машина моего шефа!

— У-м-м! Извини, дружище! — немец развел руками. — Наверное, я действительно зашел не туда...

При этом он потерял равновесие и качнулся вбок. В последний момент успел, однако, ухватиться рукой за притолоку.

— Э-э-э, вижу, ноги держат тебя с трудом! Давай-ка... — я помог ему сесть на лавку.

— Нет, нет, нет! Я пойду! Скоро уже подъем и снова... на свидание с русскими солдатами...

— Ну, давай, помогу тебе дойти хоть до двери.

— Спасибо!

Фриц обвис на моем плече, и мы вместе вышли из дома.

— Куда тебе нужно?

Он огляделся по сторонам.

— Вон туда! Там наш дом!

Мы прошли по переулку около сотни шагов. Свернули влево.

Хм! Понятно, отчего немец в комбезе! Он же танкист!

Возле домов стояли танки. Средние, «Т-3». Вот, значит, на чем он на свидание собрался...

Подойдя к одному из них, немец постучал кулаком по броне.

— Вот моя рабочая лошадка... Только из ремонта.

— Подбили?

— Двигатель меняли. Пока привезли, пока поставили... Вот и отстал я от своего батальона...

— А это? — показал я рукой на остальные танки.

— Маршевая рота. Нас тут всех собрали из разных частей. Эти, — ткнул он рукой в конец улицы, — вообще пришли только сегодня. И всех уже распределили... даже не дали отдохнуть...

— Ну ты-то, как я вижу, времени не терял!

— Ну... осталось только дойти до дома... чтобы лейтенант не увидел.

— И чтобы часовой не стрельнул со страху.

— А! Он стоит только там, — фриц ткнул рукой куда-то в сторону, — что тут можно украсть?

Вот и искомый дом. Немец распахнул дверь и решительно потянул меня внутрь.

— Твой гауптман все равно спит! Пойдем! Посиди с нами!

— Но у меня с собою ничего нет... разве что... — я вытащил из кармана кусок колбасы, завернутый в пергаментную бумагу.

— Вот и славно! Надоели уже эти консервы...

Несмотря на позднее время, в доме никто не спал. Нас встретили уже изрядно поддавшие танкисты. Мой фриц извлек из-за отворота комбинезона флягу со шнапсом, которая тут же была разлита по стаканчикам. Мою колбасу быстро нарезали мелкими кусочками.

— Прозит!

И принесенная танкистом фляга вскоре показала свое доньшко...

Надо же! Не думал, что немцы могут так напиваться перед боем. Хотя если послушать их разговоры...

— А ваш лейтенант? Он не зайдет случайно к нам?

— Что он тут забыл? Он тоже танкист, знает... каково это — идти в лоб на русские позиции.

— Но ведь у иванов уже нет пушек? Да и танки почти все закончились!

Громкий хохот был ответом на мои слова.

— Не надо так внимательно слушать наше радио, камрад! Пушки у них еще есть, да и танки иногда появляются... Впрочем, эти фанатики могут полезть на танк и с голыми руками.

— Не может быть!

— Ну... не совсем с голыми... они бросают в нас бутылки с

«коктейлем Молотова», отчего танки горят как свечи!

— Да... в наше время, в ту войну, таких штук еще не было. Правда, и танки те не очень напоминали современные...

— Эх, старина, твое счастье, что ты не на передовой! Это ад! Даже и сейчас, когда мы лупим этих иванов изо всех сил, они еще могут кусаться! И очень больно! А уж что было зимой...

— Это я помню хорошо! Успел хватить! И тогда, да и сейчас тоже... Я же не всю жизнь был шофером...

— Тогда ты поймешь нас!

— Да уж... старые фронтовики знают, что такое война...

Мы посидели еще немного, и я стал прощаться.

— Завтра, если не уедем, зайду еще. У гауптмана в запасах есть неплохой шпик... думаю, не будет большим грехом отрезать небольшой кусочек?

— Увы, старина, завтра нас накормят обедом уже русские! До них отсюда рукой подать! Полтора часа ходу — и мы на передовой!

— Так близко? Отчего же молчат пушки?

— Так ведь ночь, старина! Это не Верден, где все важные точки были хорошо пристреляны и можно было бабахать хоть в полной темноте! Тут степи... одна балка похожа на другую, сам черт потеряется! А русские просто сидят в ямах и воронках, куда же стрелять?

ГЛАВА 34

Идя по темной улице, я продолжал напряженно думать. «Хорьх» к передовой не пройдет. А танк... Водить его я могу. Правда, не этот, ну да все они на один лад. Современные танки вообще без проблем, в тридцатьчетверке в Алабино за рычагами сидел. Правда, она куда как труднее в управлении, чем современные машины. Но я пока не жалуюсь на слабость, так что выдюжу. Ну, хорошо. Допустим, что танк я угоню. Что дальше? Своим ходом переть в направлении передовой? Не катит. Да и где она, кстати говоря, известно только приблизительно. Стало быть, идем в общей колонне и не хамим. Опять же — если все сумею сделать как надо. А гауптмана куда? В танк, куда ж еще?

В колонне... в колонне... не так все просто! Перед выходом лейтенант соберет экипажи на инструктаж. Как минимум — построит их перед отправкой. И что — я буду один в нескольких лицах разыгрывать представление? Бред. Так не выйдет, немцы кто угодно, только не дураки и не слепые. А как выйдет? А вот так... Развернувшись, я зашагал к танкам...

Рыча моторами, танки вытягивались вдоль узкой улицы. Колонна неторопливо выползала из деревни.

Перед заглохшим танком стоял разъяренный лейтенант и вовсю распекал моих вчерашних собутыль... софляжечников. Закончив свой монолог, он плюнул на землю и поспешил к ожидавшему его бронетранспортеру.

Взъерошенные танкисты потянулись к своей машине.

— Что случилось, камрад? Твоя лошадка не наелась овса досыта?

Похмельный немец обернулся, собираясь ответить нахалу. Но, увидев меня, слегка остыл.

Развел руками.

— Черт его знает, что тут стряслось?! Такое впечатление, что вся проводка умерла одномоментно!

Ну, положим, не умерла... Всего лишь замыкание...

— Хм... Ну... я тоже водитель... Может быть, подумаем вместе? Посмотрим?

— Это же танк!

— Я и трактором управлять умею. Полагаешь, что это настолько разные вещи?

- А не боишься выпачкать мундир?
- Неужели у вас нет запасного комбинезона?
- Ну, этого добра найдем!

Вот уже полчаса мы копаемся внутри танка. Попутно я выясняю некоторые особенности вождения данной машины. Как я и ожидал, это не тридцатьчетверка, хотя что-то общее есть.

— Ну что, Хайни, можно сказать, что вам повезло!

— Это еще почему?

— На передовую вы сегодня не попадете.

— Ага! Лейтенант пообещал нам штрафную роту, если не поспеем вовремя. «Хоть на руках катите свой гроб!» — так прямо и сказал! Но к началу атаки мы должны быть в точке сбора!

— Так как ее найти?

— У Гельмута на карте есть обозначение... Но это все пустые разговоры, если двигатель не заведется... сам понимаешь... неприятностей будет выше головы.

— Плохо... — моя рука забралась за жгут проводов. Где-то здесь... ага!

— Ну-ка, попробуй.

— С чего это?

Вместо ответа я показал ему гнутый гвоздь.

— Как ты полагаешь, откуда я это взял?

— Черт!

Немец полез к рычагам. Танк задрожал, выплюнул из выхлопной трубы облако дыма и заревел похмельным мамонтом.

— Отлично!

Немец восторженно стукнул кулаком по приборной панели.

— Заработало! Спасибо, камрад, с меня шнапс! Побегу к ребятам, они...

— Не торопись! Этот гвоздь — он же не сам по себе сюда пришел, ведь так?

— Ну... может быть... и что?

— Сделай-ка пару кругов на танке. Мало ли... надеюсь, у него не отвалится при этом что-то важное?

— А ты прав! Давай, садись-ка рядом!

Так, посмотрим, как он с ним справляется. Ага... вот как... в принципе не очень и сложно. По прямой я его всяко проведу, вот в повороты вписываться уже сложнее будет... ну, в конечном итоге, это все-таки танк, а

не легковушка. Чай, крылья не помну.

Завершив второй круг, танк остановился около дома.

— Ну вот, а ты сомневался! Все цело.

— Да, вижу. Слава богу, что у неведомых негодяев не хватило ума отвинтить вам гусеницу.

— А ты шутник, старина! Ладно, пора тебе переодеваться, а нам собираться в дорогу. Как раз и двигатель прогрелся, так что поедem быстро. Даже и в точке сбора будем вовремя.

Продолжая разговаривать, мы выбрались из танка и пошли в дом. Внутри нас ожидал теплый прием, остальные члены экипажа похлопали меня по плечу и выразили свою горячую благодарность.

После чего начали перетаскивать свои немногочисленные пожитки в танк. Я выразил свое желание оказать помощь, которое было встречено с одобрением. Подхватив какой-то мешок, я поволок его к выходу. К сожалению, мешок оказался слишком громоздким и сильно ограничивал мне обзор. Пришлось вытащить нож и прощупывать им себе дорогу. Кто ж был виноват в том, что на моем пути оказался незадачливый механик-водитель? А ты не стой на дороге в темных сенях... Уронив от огорчения свою ношу, я обернулся назад, чтобы встретить еще одного члена экипажа. Увы, и для него огорчение оказалось слишком сильным... Да и не только для него...

Перетаскав мертвых немцев на чердак, я рассмотрел повнимательнее трофейную карту. Какие-то значки... обозначения частей? Может быть... А вот и точка сбора, к ней карандашом проложен маршрут. Ага, вот и передовая. Не очень точно нарисовано, но и то — божий дар! Всего тридцать километров, надо спешить.

Подогнав танк к дому, я принялся в темпе перетаскивать свои вещи внутрь стального мамонта. Спешил и, естественно, за это поплатился. Какой-то неведомой железякой я умудрился сорвать каблук на сапоге. И тут же охромел на правую ногу. Вот ведь незадача, правильно говорили древние — торопись медленно! Хотя... Дохромав до машины, я вытащил из багажника трофейные сапоги, взятые мною еще в управе. Покрой у них был явно не немецкий, да и голенища выше, чем это было у них принято. Так что с формой они слишком контрастировали. Вот и лежали до лучшего часа в багажнике. А в танке можно, кто там мои ноги разглядит? Присев на лавочку, переобулся. Хм... а подошва у них странная. Рифленая, наподобие наших вибрам. Странно, разве в это время такие делали? Да и голенища у них... такое впечатление, что это не просто кожа. Ладно, хрен с ними,

потом более внимательно посмотрим.

Известие о смене транспортного средства гауптман воспринял с явным неудовольствием.

— Ну, вы же не хотите идти через фронт пешком? Ваш автомобиль для этой цели явно не подходит.

— Это авантюра...

— Ну уж кем-кем, а авантюристом меня до сих пор никто не считал! Не волнуйтесь, я не больше вас хочу на тот свет. И постараюсь не лезть в бутылку.

Усадив Краевски в танк, я аккуратно привязал его к скобе, дабы фриц не навернулся при маневрах. Держаться ему было особо нечем, ибо руки были, скажем так, заняты. Мне менее всего хотелось постоянно оборачиваться в его сторону. А уж двинуть сзади по чану он вполне был способен. Подходящего железа в танке было предостаточно. Терять ему уже нечего, так что мог и попробовать...

Так... Следы я замел, насколько это возможно. Задрал капот у «хорьха», пусть думают, что сломался и чинюсь. Авось до вечера не станут искать. Танк уедет, танкистов же найдут далеко не сразу. Так что сегодня тревогу уже не поднимут. Вот и хорошо, хоть назад оборачиваться не придется. И то хлеб...

Взревев мотором, танк двинулся к дороге. Удачно избежав столкновения с забором, я направился в сторону выезда. Шлагбаум передо мной предупредительно распахнули заранее. Что, уже были прецеденты? Танкисты народ такой... могли и снести мимоходом... Часовой около шлагбаума указал мне направление движения. Спасибо, конечно, но следы гусениц доброго десятка танков не заметил бы только слепой.

Хоть и разбитая гусеницами, дорога была вполне себе проезжей. Для танка, разумеется. Немного освоившись с управлением, я даже позволял себе иногда выполнять несложные маневры. Пробовал поворачивать, притормаживать. Худо-бедно, но кое-как получалось. Понятное дело, что со стороны это выглядело, мягко говоря, странно. Но на пустой дороге зрителей и критиков пока что не наблюдалось.

Кстати, о критиках... Остановившись на минутку, я забрался в башню и зарядил пушку бронебойным снарядом. Пехота мне не очень страшна, благо что пулеметы заряжены, а вот танк... Я трезво оценивал свои перспективы в возможном столкновении и не строил на этот счет никаких иллюзий. Выстрел у меня будет первый, он же и последний, ежели промажу. Надо, кстати, башенный люк приоткрыть, на случай экстренной эвакуации. Вот, теперь пулемет опробовать... Спленная очередь березка

упала в грязь. Годится... Успокоив взволновавшегося было немца, я снова полез к рычагам. По моим прикидкам, танк проехал уже около десятка километров. Судя по карте, уже скоро и поворот. Пара километров, и он будет мне виден.

Точно, аккуратно через два километра за бугром отыскался перекресток. На нем топтался одинокий немец. Еще один сидел за рулем мотоцикла и похоже, что дремал. Завидев меня, немец на перекрестке махнул рукой вправо. Ага, значит, все верно. Они знают про отставший танк и знают, куда он должен проследовать. Очередной раз воздаю хвалу немецкой аккуратности и педантичности. А что? Все правильно. Командир роты предупредил регулировщиков об отставшей машине, вот они и направляют меня в нужном направлении. В нужном? Пока да, а вот дальше, как говорят в Одессе, будем посмотреть...

Дорога втянулась в небольшой лесок и запетляла между деревьями. Матерясь сквозь зубы, я дергал за рычаги, пытаюсь вписаться в повороты. Черт, они что, другой дороги найти не могли? Как тут вообще на такой дуре проезжать? Хотя... пожалуй, что только на такой и проедешь. Танк трясло на кочках и корнях, я разок приложился башкой и, зашипев, напялил на голову висевший сбоку танкистский шлем. Кстати говоря, наш. Где же этот фриц его откопал? Стало даже чуток потише, рычавший за спиной движок уже не так бил по ушам. Не завидую я танкистам... ничьим... в таком грохоте и оглохнуть недолго. Да еще и выхлоп, никакой экологии. Нет на них «Гринписа»!

Танк особенно сильно прыгнул на ухабе, и моя башка, пускай даже и в шлеме, с размаху боднула лобовую броню. Из глаз аж искры посыпались! Хреновый из меня мехвод... Надо передохнуть, эдак и до передовой не доеду...

Башенный люк щелкнул стопором. Фу-у-у... тут даже и воздух другой, свежий... Тихо, только движок молотит на холостых оборотах. Внизу завозился немец, тоже свежего воздуха захотел? Обождешь, пока к своим не выйдем. А уж там-то надышимся. Если доберемся... Черт, ну что у меня с утра такое настроение фиговое? Лезет в голову всякая хренотень! Последствие птичьей болезни, в народе именуемойся кратко — «перепел»? Или «перепИл»? Один хрен, лекарство от этого только одно. Оно же и причина болезни. Вытащив флягу из вещмешка, я сделал пару глотков. А и впрямь полегчало! И голова уже не так болит...

За лесом рванул воздух залп! Еще один! И поехало... вот куда торопились фрицы... ну, значит, и мне пора.

Взревев мотором, танк рванулся вперед. Уже не разбирая дороги. Под

гусеницами трещали молоденькие деревца, хрустели сшибаемые башней ветки.

Деревья разом разошлись в стороны, и танк вырвался на опушку. Справа от меня беглым огнем лупили куда-то вперед две пушки. А левее в ту же сторону двигались утренние танки. Значит, я зевнул поворот и выехал правее. Вот недалеко от танков поднялся черный столб разрыва. Есть-таки и у нас пушки! Правда, лично мне сейчас от этого не легче...

Уловив краем глаза какое-то движение, я повернул голову. Навстречу танку, размахивая руками, бежал офицер. Чего ему от меня надо? А-а-а... на чужую позицию въехал! Ну да, тут же пушки стоят, танки левее идут. Ну, зевнул я поворот, чего сразу орать-то? Вон как надрывается, аж покраснел! Ну не дезертир я, и труса не праздную. Утром только за рычаги сел. Ладно, щас поправим дела...

Наверное, немец несказанно удивился, увидев, как приостановившийся было танк резко рванул вперед. Причем не в поле, как можно было бы ожидать, а прямо на него. Хотя... вряд ли он успел это сделать.

Сбив левым бортом офицера, танк всей своей немаленькой массой навалился на ближайшее орудие. Под гусеницами заскрежетало, танк подбросило. От второй пушки порскнули испуганными зайцами артиллеристы. Поздняк метаться! Двоих танк достал, остальные попрыгали кто куда. Участь второй пушки была аналогичной, ее ствол тоже взвизгнул под гусеницами. Ага! Есть тут еще кто?

Пушек больше не было.

Резко развернувшись на месте (а что?! и я не хуже многих!), танк попер вдогонку уходящим вперед машинам противника. На ходу мотало нещадно, приходилось постоянно объезжать какие-то ямы, остатки колючей проволоки. Ого! Справа от меня дымился танк. Окопов еще не видно. Это его артиллеристы приласкали? Похоже, что так. Надо поаккуратнее быть...

Стоп! Эдак я доеду... куда не надо. Момент! Вытащив из вещей гауптмана красное полотенце, я вскарабкался в башню. Это полотенце я еще накануне приметил на всякий случай. Вот и пригодилось... Выбросив его наружу, я придавил его край крышкой люка. Ну, если и такой сигнал наши не поймут... Назад, за рычаги!

Метров триста я пропер относительно свободно. Разрывы грохали где-то в стороне, видать, пушек у наших тут было маловато.

Потом как-то рывком немецкие танки приблизились. Я оказался у них в тылу. Скорее всего, они просто сбавили скорость, а я продолжал переть

как на рожон. Вот и догнал...

Остановка! Снова лезем в башню.

Так... что у нас в прицеле? Пусто... Почему? Так, пушка не туда глядит. Довернем, мы не гордые... заполнив все поле зрения, в прицеле показалась корма ближайшего танка.

Блямс!

В башне завоняло порохом, а танк противника исчез в пламени нехилого взрыва. О как! Куда ж я ему влепил-то?

Заряжаем... следующий клиент...

На этот раз я попал в цель только третьим выстрелом. Танк не взорвался, только как-то хило задымил. Да и хрен с ним, остановился, и ладно. Еще кто есть?

Грохнувший сбоку разрыв подтвердил правильность моих догадок.

Меня здорово приложило боком о броню, в голове зазвенело, и перед глазами пошли цветные круги. Внизу испуганно завопил немец.

Снаряд... Снова крутим башню... Вот он!

Мы выстрелили почти одновременно и оба промазали.

А вот это плохо... скорострельность у него выше, сейчас он меня... того...

Удрать?

Не успею уже...

Снаряд!

Немец не стрелял.

Башня его двинулась вбок, а сам танк подал назад.

Выскочив словно из-под земли, к нему бегом неслись фигурки в ватниках...

Наши!

Вот одна из фигурок запнулась, упал мужик... Это танк стреляет? Да он драпает, собака!

Видать, солдаты с бутылками для него страшнее, чем спятивший танкист.

Ну, извини... Вот он!

Блямс!

Брызнули звенья разбитой гусеницы...

Танк крутанулся на месте, сбивая прицел стрелку.

Зато моя машина стояла перед ним во всей красе. Бортом. Стреляй — не хочу!

Кургузая пушка шевельнулась, я прямо всей кожей почувствовал взгляд наводчика. Не успеть... Даже и в люк не выскочу — срежет.

Вертящийся на месте танк не давал стрелку точно взять меня на прицел, ему приходилось все время доворачивать башню.

Снаряд? Еще одна попытка?

Над кормой танка поднялся черный дымный хвост... Это уже не выхлоп! Мне показалось, что я даже отсюда услышал звон разбивающихся о его броню бутылок.

Он вспыхнул как-то весь сразу. Выскочить никто не успел.

Далеко за ним я увидел отходящие назад танки.

Стрелять?

Я тот еще артиллерист. Эти-то подбил исключительно нахальством. Второй раз так не повезет.

Двинув танк с места, я успел проехать не более сотни метров. Увидел прямо по курсу овраг и направился туда. Здесь хоть немцы не достанут.

Впереди, метрах в пятидесяти, откуда-то из-под земли выкарабкалась фигура в шинели. Черт, в глазах уже плывет, не вижу толком, кого это черти несут?

Рукой машет? Хорошо, остановимся, все равно уже ехать не могу...

Заглушив мотор, я полез в башню. Ноги соскальзывали, руки ходили ходуном... Отходняк? Да, похоже на то... По пути зачем-то подцепил левой рукой рюкзак с вещами. Вот и люк. Хорошо, что крышку я так и не закрыл, сейчас бы и открыть не сумел... Рюкзак смачно плюхнулся на землю.

— Ого! Ты глянь — фриц вылез! Никак пьяный совсем? Вон, даже ноги не держат!

— Я не фриц... и не пьяный... контузило меня. Там, в танке, настоящий фриц сидит, его в штаб надо... птица важная... знает до фига.

Земля и небо стремительно завертелись у меня перед глазами, и, уже падая с танка на руки подбежавших бойцов, я услышал командный голос: «В медсанбат его!»

И наступила темнота...

Командиру 141-го отдельного стрелкового полка

Подполковнику Марченко В. П.

Докладываю Вам, что сегодня в 11.15 противник силами до двух батальонов пехоты, при поддержке танков и артиллерии, предпринял попытку прорыва нашей обороны у деревни Храмчихино.

Предварительно на наши позиции был совершен авианалет десятью бомбардировщиками противника. В результате авиаудара

была полностью уничтожена батарея ПТО на окраине деревни. Пользуясь этим, немцы нанесли удар в указанном месте. Под прикрытием массированного артиллерийского огня противника его пехотные подразделения приблизились вплотную к нашим окопам. Но в непосредственной близости от них немецкая пехота наткнулась на установленные ночью саперами минные поля и, понеся большие потери, залегла, ограничившись ружейно-пулеметным огнем с места. Ввиду невозможности продолжать атаку силами пехоты противник двинул в бой танки. Пройдя через минные поля, рассчитанные только на пехоту, немецкая бронетехника (в количестве до 15 танков и бронемашин) вклинилась в расположение 2-й роты моего батальона. При этом огнем единственной оставшейся у нас пушки был подбит один танк противника. Мною был выдвинут из резерва взвод истребителей танков. Но еще до его подхода один из танков противника, бортовой номер 134, вывесив на башне красный флаг, открыл артиллерийский огонь по своим. Ему удалось уничтожить один и подбить второй танк противника. В ходе дальнейшей перестрелки с третьим ему удалось повредить ходовую часть этого танка. Подоспевшими бойцами резервного взвода танк противника был уничтожен. Танк под номером 134 проследовал в глубину наших позиций, где и был мною остановлен. Я предложил экипажу сложить оружие. Его экипаж состоял из одного танкиста, пояснившего на русском языке, что внутри находится офицер, располагающий важными сведениями. После чего танкист потерял сознание (с его слов — был контужен при перестрелке). В результате осмотра танка нами был взят в плен немецкий офицер в звании капитана. При нем находилось большое количество бумаг, представляющих оперативный интерес.

Установить личность танкиста не представилось возможным. Никаких документов при нем не оказалось. На комбинезоне имеется надпись «Вилли Леман». В сознание он так и не пришел и был направлен мною в медсанбат, где и находится в настоящее время. Организована его охрана.

В результате уничтожения танков, наносивших удар по нашим позициям у деревни, атака противника захлебнулась. Его артиллерия прекратила огонь, и атакующие подразделения отошли.

Потери немецко-фашистских войск на нашем участке составляют, по предварительным оценкам, до роты пехоты убитыми и ранеными, два танка уничтожены и два подбиты. Один танк (бортовой номер 134) нами захвачен и используется в обороне. Нами также взяты трофеи: один ручной и один станковый пулеметы.

Потери батальона составляют:

- 1) Уничтожены два орудия ПТО и одно повреждено.
- 2) Разбито артиллерийским огнем и авиацией три пулемета и один миномет.
- 3) Батальон потерял убитыми 42 человека. В том числе двух командиров рот и одного командира взвода. Ранено 34 человека. Раненые бойцы направлены в медсанбат.

*Командир 2-го батальона 141-го отдельного
стрелкового полка старший лейтенант Воропаев В. П.*

ГЛАВА 35

За окном пела птица. Соловей? А поют они сейчас?

Это было настолько неожиданно; что я даже и не обратил внимания на окружающую обстановку. Лежал и слушал. Так странно было слышать пение маленькой птички. В ушах еще стоял звон, и все тело болело от синяков и ушибов. Мне казалось, что я уже навсегда утратил способность не то чтобы восхищаться, но даже и замечать эти маленькие чудеса природы. А вот, поди ж ты... Лежу и слушаю.

Пернатый певец издал еще несколько переливистых рулад и замолчал. И сразу же я услышал далекий гул. Выстрелы? Взрывы? Не понять — далеко...

А кстати, где я?

Брезентовый потолок... такие же стены... палатка? Да, старая армейская, сейчас таких и не используют уже. Разве что на складах остались... Да и то, там уже более современные есть. А эта... уж больно она потрепана... вон, даже дыры есть. Хоть и зашиты (причем в спешке и неаккуратно), но отсюда я их вижу.

Так... Палатка, несколько кроватей. ПМП? Мой взгляд упал на табуретку около кровати. На ней лежал комбинезон черного цвета Это что? Чье и откуда?

За пологом палатки слышался негромкий разговор. Слов я разобрать не мог (в ушах еще звенело), но понять, что звучали два голоса — мужской и женский, сумел. Медсестра? А второй кто?

Ладно, сейчас посмотрим... Я откинул одеяло, собираясь встать.

Со звоном покатилась по полу жестяная кружка. Она лежала на одеяле у меня в ногах, и я ее попросту не видел.

Разговор тут же прекратился, и в палатку заглянули двое. Точно — медсестра! И прехорошенькая. Странно, мне знакомо ее лицо...

Вторым был невысокий солдат, одетый в военную форму времен войны. Опа, и петлицы есть! А погон нету... почему?

— Гля, Маришка, фриц очнулся! Ну, давай, беги до главврача, чегой-то он им интересовался давеча... Э-э, ты сиди там!

Но и без него понятно, что вставать мне еще рановато. Стены палатки зашатались у меня перед глазами, пол угрожающе накренился. Я снова опустился на кровать, пережидая качку.

— Во, вот так и лежи! — солдат удовлетворенно осклабился. — Куда

бечь-то собрался?

— До ветру... — прохрипел я и даже не узнал своего голоса.

— Это уж сестру обожди, она тебе все и устроит... Погодь! Так ты по-нашему говорить можешь?

— Могу. Только я не немец.

— Эх! А одежка на тебе чья? А танк откеля?

Какой еще, на хрен, танк? Одежка? Это комбез, что ли?

На улице слышались быстрые шаги, и в палатку ворвалась медсестра.

— Маришка, энтот фриц до ветру хочет! А ноги не держат его совсем.

— Ладно, Петь, это уж моя забота. А ты давай делом своим занимайся — охраняй! Я уж тут сама как-нибудь справлюсь...

Через несколько минут я лежал на кровати уже в более собранном состоянии, нежели до этого. Так... что мы имеем? Старая палатка, солдат в форме доисторического образца, фриц... ага, еще и комбез этот. Бред какой-то... стрельба в отдалении... война? Снова-здорово сорок первый?

Полог палатки распахнулся, и внутрь вошел пожилой дядька в белом халате. Медсестра вскочила с табуретки и метнулась к нему навстречу.

— Как он?

— Вставать хотел. Только на ногах не стоит, качает его.

— Рано ему еще это делать, — дядька присел на табуретку. — Вы меня не узнаете?

— Нет... не помню...

— Хорошо. Как вас зовут, помните?

— А как меня зовут? В смысле — здесь! Как меня здесь зовут?

— ...

Главврач (надо полагать, это был именно он) поднял с табурета комбинезон.

— Можете прочитать, что здесь написано?

— Попробую...

Где тут, интересно знать, надпись? Что-то не вижу... На клапане кармана? Нет. Внутри? Может быть... Ага!

— Вилли Леман.

— Это ваше имя?

— Нет...

— Но этот комбинезон был на вас надет!

— Ну и что? Я ваш халат надену — стану главврачом?

— Так... А с чего вы взяли, что я главврач?

— Ну... часовой говорил, что вы мной интересовались...

— Так и сказал?

— Сказал, что главврач мной интересовался. Медсестра убежала, а потом и вы пришли. Вот я и подумал, что вы и есть главврач.

— Разумно. И логично. А зачем я вами интересовался, можете предположить? Ранений у вас нет, случай в принципе рядовой...

— Мне знакомо лицо медсестры, да и ваше... тоже видел где-то...

— Вспомнить можете?

— Нет...

— А так?

И главврач прикрыл ладонями лоб и нижнюю часть лица.

...Топот ног, сдавленное дыхание где-то сбоку... Горящая палатка, истошный женский крик.

— Туда давайте!

Фигуры штрафников замелькали у меня перед глазами. Сорвали горящую палатку, начали таскать оттуда раненых. Вынесли из огня совсем молоденькую девчушку, положили на траву и снова к пожару, там еще есть люди. Кто-то пронзительно кричит из-за пелены дыма...

— Старшина! Дом горит!

— Туши!

— Нечем! Воды нет! А так туда не войти — спечемся на хрен!

Взгляд по сторонам. Что тут есть подходящего? Ага!

— Вон, кухню видишь? Чай в ней или суп — один хрен, все не горит! Вот к ней и давай!

— Понял! — и еще десяток бойцов срываются к кухне.

Помню, как, обжигая руки, мы раскидывали горящие бревна и доски, вытаскивая из-под развалин дома оглушенных врачей и раненых — тут была операционная... Мужик в рваном, когда-то белом халате, на ворота гимнастерки петлицы — три шпалы, подполковник. Весь в саже, и только пронзительно-голубые глаза выделялись на закопченном лице...

Взглянув в эти глаза сейчас, я кивнул головой.

— Да, товарищ подполковник, я вспомнил. Вы были главврачом в госпитале. Тогда еще был налет, немцы бомбили деревню, и госпиталю здорово досталось. Мы тушили пожар. Вас вытащили из операционной. И девушку помню. Имени только не знаю. Помню, как ее из горящей палатки выносили. У нее еще одна нога в сапоге была, а вторая — так...

— А свое имя помните?

— Боец Леонов, Александр Павлович. 82-я отдельная армейская

штрафная рота.

— А говорил — не помню!

Со стороны входа в палатку раздался восхищенный вздох. Медсестра, прижав к груди руки, смотрела на главврача.

— Пал Петрович! Как вы вот так?!

— Вот так! Удивлены? — посмотрел на меня подполковник смеющимися глазами.

— Да уж...

— Ничего удивительного. Я вас запомнил. Тогда, в деревне, вы были первым, кого я увидел, придя в себя. Лицо у меня было все в саже, я потом его долго отмывал. А вот глаза... Они у меня приметные. Если и запоминает кто, так именно их. Так сказать — якорь!

— Надо же... никогда бы не подумал...

— Э-э-э, батенька, я же по основному профилю именно что памятью и занимался в свое время... да... пришлось, знаете ли... Вот и помню, что да как в таких случаях говорить. Вас-то я сразу узнал. Да только, назови я ваше имя, вы, вполне возможно, что и не вспомнили бы ничего.

— Почему так?

— Человек должен сам все вспомнить, иначе мозг не разбудить! Извне это почти невозможно, только изнутри. Замыкается человек в себе, и мозг спит. Вы вот во сне много ли сделать можете?

— Не знаю. Наверное, немного.

— Почти ничего. В смысле — ничего сознательного. Да... Ладно, отдыхайте, вам еще дня два лежать надо.

Уже у выхода подполковник обернулся.

— Как, вы говорите, называется ваша часть?

— 82-я отдельная армейская штрафная рота.

— Думаю, что здесь вы ошибаетесь...

— Почему же? Я хорошо помню...

— Ваш командир говорил мне, что за дот он написал на вас представление. Об освобождении из штрафной роты. Так что... сами понимаете...

— Мой командир? Капитан Романов? Вы его видели?

— А что ж тут такого необычного? Ваша рота отсюда в двух километрах стоит. Видимся иногда...

Назавтра главврач зашел снова. Мне несколько получше, голова уже не гудела как церковный колокол.

— Поправляетесь?

— Вашими стараниями...

— Да у вас и организм крепкий. Тренированный. Такие нагрузки должен переносить.

— А с чего вы взяли, что тренированный?

— Голубчик, я же врач! Уж и не знаю, кем вы там до штрафной роты были, но уж реакции тренированного спортсмена от реакций тракториста я всегда отличить сумею! А где тело здоровое, там и ум соответствующий.

— Хм... по-другому тоже бывает.

— Ну уж! Это вы, батенька, загнули!

— Загнул?

И я рассказал главврачу о немецких «выпускниках». А что? Никакой подписки я никому не давал, да и кто б здесь мог ее у меня отобрать? Рассказ мой потряс подполковника. Он сидел молча, только прикуривал папиросы. Одну за другой. Нервничал, ломал их крепкими пальцами. Снова закуривал. Временами начинал ходить по палатке.

— Это все?

— Все, что знаю лично я.

— Кошмар... Я лично знал многих немецких врачей, высококлассные специалисты, мастера своего дела... Но чтобы вот так... на живом человеке... Маурер, вы говорите?

— Да. Карл Фридрих фон Маурер. Профессор. У него своя клиника под Лейпцигом.

— Все так. Я его знал, но лично не встречались. Однако про его работы на мозге слышать приходилось. Вот, значит, куда его занесло... не ожидал... Эх, в Москву бы мне сейчас!

— Так в чем же дело? Вы ж не к теще на блины, как я понимаю, собрались?

— Какие уж тут блины... Там клиника есть, работают над случаями, аналогичными вашему. Только в более тяжелой форме. Маниакальный бред, навязчивые галлюцинации... ну и прочие радости... вы не специалист, не поймете, но есть, есть в ваших рассказах нечто важное... Да и сами вы...

— Я-то здесь при чем?

— Якорь! Помните! И в вашем случае, как и у этих... э-э-э... «выпускников», есть такая же зацепка в памяти. Надо только ее найти.

— И что же тогда произойдет?

— Мы разбудим мозг! Человек сможет чувствовать! Видеть и слышать! Понимать! Эх!

— Так напишите рапорт. Ну... что в таких случаях полагается писать у

вас?

— Хоть десять напишу. Да толку?

— В смысле?

— Немцы утром прорвали фронт. Их танки у нас в тылу. Дороги на Москву для меня нет.

— И вы так спокойно об этом говорите?

— А что же я должен делать? Кричать «караул!» да бегать? У меня госпиталь! А не боевая часть! Здесь мой фронт!

— Так что же тогда я тут разлеживаюсь?

— Завтра! Это я вам как лечащий врач говорю! И чтоб ни-ни! Раньше я вас не выпущу!

Начальнику Особого отдела армии

Полковнику тов. Ладыгину В. К.

Исходя из требований ориентировки № 85/д, сообщаю Вам, что допрошенный мною гауптман Фридрих фон Краевски показал на допросе следующее.

— Пленение гауптмана было произведено в дерзкой форме, среди бела дня в городе, заполненном немецкими войсками.

— Пленивший его человек назвался старшим офицером специального подразделения Красной армии.

— Этот человек хорошо водит автомашину, танк. Стреляет из танковой пушки и пулемета.

— Уточненные мною обстоятельства боя у деревни Храмчихино в целом подтверждают показания Краевски.

— Местонахождение этого человека мною устанавливается. К сожалению, связи со 2-м батальоном в настоящий момент не имеется. Часть ведет бои в окружении. Поэтому опросить командира батальона более подробно не представляется возможности.

Поскольку указанные события могут иметь прямое либо косвенное отношение к лицу, указанному в ориентировке, прошу Вас проинформировать об этом инициатора запроса.

Оперуполномоченный Особого отдела... стрелковой дивизии капитан Лаптев М. С.

Утром ко мне зашла Маришка.

Принесла не новую, но тщательно отстиранную форму, ватник, мой рюкзак и сапоги.

— А оружие мое где?

— То, что в мешке было, там и лежит. Винтовка у старшины, вы к нему зайдите, надо расписываться.

— А за пистолеты — не надо?

— Так их и не видел никто. Только позавчера Павел Петрович в мешок заглянул, думал, что документы ваши там есть. А вместо них — пистолеты лежат...

Вытащив из мешка «Маузер XSc», я протянул его Маришке.

— Держи! Подарок тебе. Мне все равно не положено, в роте отберут.

— Ой! Спасибо...

— На вот, патроны к нему тоже есть. И кобура.

Довольная сестричка подбежала ко мне и чмокнула в щеку. Засмушалась и выскочила на улицу.

Получив у старшины СВТ (надо же! Не зажилили...) и патроны, я пошел искать подполковника. Отыскал его не сразу, он сидел у операционной палатки и курил. Увидев меня, бросил папиросу и поднялся.

— Уходишь уже?

— Пора, товарищ подполковник. Сами знаете...

— Знаю. Ну... удачи тебе. Не подворачивайся больше под снаряд. В следующий раз может и не повезти...

— Спасибо, товарищ подполковник.

— Да ладно! Долг платежом красен, а мы тут все у тебя в должниках ходим!

— Вот, возьмите, — я протянул ему «парабеллум» в кобуре. — На память.

Главврач подбросил в руке пистолет, поймал и повел им из стороны в сторону.

— Хорошая машинка. Спасибо тебе, в хозяйстве пригодится. Ну, давай, мне на операцию идти пора. Авось увидимся вскорости, если вас куда не перебросят.

Мы обнялись, он похлопал меня по плечу и, не оборачиваясь, ушел в палатку.

Вот и еще один хороший человек встретился мне на долгом пути. Сколько их уже было? Севергин, артиллеристы со станции, дядька Хрисанф, девчонки-хохотушки, теперь вот и подполковник... Расстаюсь с ними, а у самого будто кусок из сердца кто-то вынимает. Понимаю, что

иначе никак, а все равно...

ГЛАВА 36

До деревни, где стояла моя рота, идти было недалеко. Где-то, вне моей видимости, бухали разрывы, немцы вели беспокоящий огонь по площадям. Но сюда, слава богу, никто не стрелял.

Вот и крайние дома, виден одинокий часовой у забора. Нахохлился, будто петух под дождем.

Увидев меня, он проявил активность — вынул голову из воротника и тонким голосом прокричал: «Стой! Кто идет? Пароль?»

— Идет боец Леонов. Из госпиталя я. Пароля не знаю, кто там мне его скажет?

— Стоять на месте!

— Стою. Разводящего вызови, неохота мне тут мокнуть...

Разводящим оказался смутно знакомый боец из третьего взвода. Увидев меня, он раскрыл рот.

— Ты?! Живой?!

— Нет, поп с причетом. Неужто не видишь?

— Откуда?

— Сейчас — из госпиталя. А если вообще... тут долго рассказывать нужно. Мне бы к ротному. Доложусь, а уж потом...

— Пошли, об чем вопрос-то? Чапай за мной, покажу...

Капитан отыскался в небольшом домике. Стекол в окнах не было, неподалеку была воронка от мелкой бомбы. Видать, стекла взрывной волной вынесло. Окна были частично забраны досками.

Разводящий постучал в дверь и, дождавшись ответа, толкнул ее вперед.

— Товарищ капитан! Разрешите доложить? Боец Леонов...

— Ты?!

Отбросив в сторону стул, ротный шагнул ко мне и крепко обнял. Отодвинул меня на расстояние вытянутой руки и стал рассматривать.

— Похудел... отощал... откуда тебя к нам занесло?

— Долго рассказывать, товарищ капитан. Воевал я, не на печке сидел...

— Расскажешь! Вечером зайдешь! Сейчас в роту давай, будешь за старшину, его третьего дня убило.

— Так я же...

— Ненадолго ты у нас удержишься. Это уж к бабке не ходи...

Представление на тебя ушло, правда, думал я, что ты того, погиб уже...

— Повезло...

— Рахимов, — повернулся к разводящему капитан. — Свободен! Можешь идти. А ты, Леонов, останься пока...

Разводящий козырнул и вышел за дверь.

— Садись! — Романов указал мне на лавку. Поднялся и, подойдя к висящему на стене вещмешку, вытащил из него флягу. Поднес к уху, встряхнул, удовлетворенно кивнул головой и положил ее на стол. Достал оттуда же банку консервов и буханку хлеба. Пододвинул это ко мне.

— Открывай и хлеба нарежь.

Разлил по кружкам водку и присел напротив.

— Ну?

Мы чокнулись.

— Вообще, Леонов, я тебе обязан. Точнее — вся рота. Если бы не эта твоя придумка с дотом... Короче, спас ты многих, за что тебе и благодарность. После этого боя у нас человек тридцать вернули в войска. Как искупивших и заслуживших. Кого по ранению, а кого трибунал освободил. Так что за это и выпьем!

— Спасибо, товарищ капитан.

— Тут вот еще что есть... Опосля этого боя мне особист наш чуть душу не вынул! Все про тебя расспрашивал да выяснял. Что ты сказал, кому да в какой последовательности. Что-то не нравится мне этот интерес... Ты-то сам что про все это думаешь?

— Есть у них такой интерес. Даже и ориентировка на этот счет имеется.

— Во как?! А откуда же ты все это знаешь, позволь мне полюбопытствовать?

— Долгая история, товарищ капитан...

— А я никуда не тороплюсь. Да и ты, насколько я в курсе, тоже вроде бы не опаздываешь, а? Или я еще чего-то не знаю?

Не вдаваясь в излишние подробности, я рассказал ему о моих приключениях в немецком тылу. Только вот про встречу с Котенком поведал в самых общих чертах. Не хотелось мне никому про нее рассказывать...

— Да... — ошарашенно покачал головою Романов, разливая очередную дозу по кружкам. — Помотало тебя... Так сразу и не соображу, теперь-то что будет? По совокупности тебе тут как минимум орден полагается. А то — и не один. А вот как оно все в реальности повернется...

— А по-всякому может быть, товарищ капитан. В том, что они меня

отыщут и здесь, не сомневаюсь ни секунды. Вот тогда и посмотрим, что им от меня нужно. Я удивился, что в госпиталь никто из них не пришел.

— Ну ты там и был-то пару дней всего. Да и не до тебя им, откровенно-то говоря. Тут такая каша за это время завертелась...

— А в чем дело, товарищ капитан?

— Отрезали нас от своих. В пяти километрах отсюда немцы прорвали фронт и отрезали нас от основных сил.

— А чего ж тогда тихо так?

— Так между нами и немцами река протекает. Они по одному берегу идут, а мы на другом стоим. Мы им не мешаем, вот они и не стреляют особо. Так, кинут пару-тройку снарядов, чтобы не расслаблялись, и все... Приказа на отход никто не давал. Да и не дадут, как я думаю. Вот и сидим тут, как в мышеловке. У меня в роте сто четырнадцать человек осталось, если с тобой считать.

— Но ведь есть и другие части?

— Есть, как не быть. Только утром связной приезжал, передал приказ занять завтра с утра оборону вместо того батальона, что сейчас там стоит. Их, как я понимаю, кинут на прорыв. Сейчас там, — ткнул он рукой вверх, — спешно ударный кулак формируют. Из всего, что еще уцелело. А уцелело не так уж и много... Нас тут ТАК бомбили последнее время... А ты говоришь — особист... Где он сейчас, хотел бы я знать...

— Разрешите войти, товарищ полковник!

— Заходи, капитан. Что довольный такой?

— Леонов отыскался, товарищ полковник!

— Иди ты... И где же?

— У нас, товарищ полковник. Прибыл в свою часть.

— Откуда?!

— Как сообщили — из госпиталя. Пешком пришел.

— Ну ни фиги ж себе! Мы его во вражеском тылу ищем, а он... это точные сведения?

— Да, товарищ полковник. Информатор видел его и разговаривал с ним.

— А что же командир роты не доложил?

— Докладил. Час назад его рапорт зафиксирован в штабе.

— А твои информаторы, стало быть, быстрее оказались?

— Так точно, быстрее. Я получил сообщение два часа назад и сразу же выехал к вам. Информацию о рапорте капитана Романова получил уже здесь, передали вашему дежурному.

— Ну а чего ты тогда ко мне поехал? Ехал бы уж сразу за Леоновым.
— Нет такой возможности, товарищ полковник. Без вашей помощи не смогу.

— Это еще почему?!

— Фронт немцами прорван, и участок, на котором вышел к нам Леонов, позавчера отрезан от основных сил. В окружение попало до двух дивизий, и другие подразделения есть... Связь с ними имеется, а вот сообщения нету уже. Нужен самолет, иначе туда не попасть.

— А аэродром там есть?

— Есть, товарищ полковник, даже два. Туда сейчас боеприпасы подвозят понемногу. Вся авиация занята, без вашего вмешательства самолета не дадут. Я уже разговаривал с летчиками, но... — Лихов виновато улыбнулся. — Моих полномочий тут явно недостаточно...

— Так! Будет тебе самолет! Жди в приемной!

Обождав, пока за капитаном закроется дверь, полковник Чернов поднял телефонную трубку.

— Шестьдесят второго мне. Жду... Гальченко? Поднимай своих! Всех, кто под рукой! Срочно выдвигайся на аэродром, приказ получишь там! Что? Значит, нужно, раз я так говорю! Клиент объявился! Да, тот, кого ты в последний раз искал...

— Охренеть... — Романов рассматривал лежащую перед нами местность. — И все это я должен удержать сотней бойцов?!

Командиры взводов подавленно молчали.

Да и было отчего...

Уходящий батальон оставил нам свой участок обороны. Окопы там были, было даже два пулеметных дзота. Но на этом все ништяки заканчивались. Ни проволоки, ни мин — ничего.

— Красота! — Капитан прошелся перед нами. — Если я всех бойцов сейчас в окопы посажу, то как раз на каждый десяток метров по одному и выйдет. И то в лучшем случае. Что молчите, будто воды в рот набрали? Городня! Твой взвод здесь сидеть будет. Как воевать собираешься?

— Ну... будем стоять до последнего...

— Долго этого ждать не надобно! Такими темпами всех тут подметут еще до вечера.

— Рокотов! Что у нас с вооружением?

Незнакомый мне лейтенант прокашлялся.

— Два станкача, два ручных пулемета. Одиннадцать автоматов. Около шестидесяти гранат. Правда, бутылок с КС много. И свои есть, да и

батальон, когда уходил, оставил штук сто. Патронов полтора боекомплекта. К пулеметам по два.

— Станкачи в дзоты, ручные пулеметы на фланги. Оставить полсотни бутылок и двадцать гранат на КП, остальное все раздать бойцам. Патроны тоже. Вопросы есть? Нет? Все, разошлись все по местам. Леонов, останься.

Когда командиры разошлись, капитан повернулся ко мне.

— Ну? Что скажешь? Голова у тебя есть, сам успел в этом убедиться, так что — валяй, не стесняйся!

— Хм... пушек, как я понимаю, у нас нет?

— Минометов тоже.

— Мины?

— Где ж я тебе их найду?

— Соседи слева и справа?

— Слева река, от нее до нашего фланга болото. Не пройти. За рекой уже немцы. Отсюда мы их не видим, правда, и они нас тоже. Справа сидит рота майора Карпова, человек сто.

— Майора?

— Позавчера это полк был. Все, что осталось, свели в роту. У них есть пара сорокапятков.

— Не дадут одну?

— Шутишь? Ты бы дал?

— Ну...

— Вот и он не глупее некоторых.

— Там, на выезде из деревни, подбитый танк стоит. И какие-то еще машины есть. Может... пороемся там?

— Добро. Возьми десяток бойцов. Проведи ревизию. Еще что скажешь?

— Немцев когда ждать? Есть прикидки какие-то?

— Сейчас четыре утра. Немец раньше десяти не пойдет.

— Перед окопами всякая техника побитая есть. Может, сгоняю я и туда тоже? Пока фрицы спят да жрут?

— Думаешь, что батальонцы не выпотрошили ее до доньшка?

— Нет. Следов от окопов в ту сторону не видно. Они тут больше землекопательством занимались и нехило в этом преуспели.

— Хорошо, возьми бойцов и дуй туда. Это самая первая задача. Потом доложишь.

Направив бойцов к танку и подбитым машинам, мы с десятком ребят из моего взвода осторожно выдвинулись в поле.

Первые метров пятьдесят мы проскочили относительно быстро, потом

начали передвигаться уже осторожнее. Вот и первые убитые фрицы.

— Голованов! — окликнул я невысокого чернявого бойца.

— Я!

— Берешь себе помощника и обшариваешь фрицев. Гранаты, патроны, автоматы — все в кучу, вон туда. Потом в окопы перетащите.

— Понял.

— Двигай!

Прячась за складками местности, мы добрались к первому подбитому бронетранспортеру. Через борт свесился убитый солдат. Ощутимо тянуло гарью. Я ткнул рукой ближайшего бойца.

— Пулемет видишь? Снимай его, патроны внутри поищи и все это — в окопы. Потом бегом сюда летишь.

Еще метров пятьдесят. На бугре боком накренился танк Чешский 38t. Гадость, если по правде. Но — тоже танк.

— Осмотреть его! Пулемет и патроны туда же. Пушку проверить, целали?

Так, заглядывая по очереди в разбитые машины, мы добрались наконец к тому месту, откуда уже было видно немецкие позиции. Над ними стоял дымок, топили печки. Мерзнут фрицы! То ли еще будет, ребятки! Вот жажнет вам по ушам морозец в самом скором будущем...

Подготовки к атаке не видно. Может, и вовсе сегодня не пойдут? Хотелось бы... Хотя чего я жду? Выстроенных по линейке танков и парадную шеренгу пехоты? Стоп... есть мысля... Местность тут открытая, только кустики есть кое-где... То, что я думаю, в них не спрятать. Значит, танки подойдут позднее. Ага... и не только танки.

Вытащив из вещмешка бинокль, я устроился около большого валуна. Хотя и видимость не очень, темновато еще, но все же лучше видно, чем без него. Обождем...

Прошло полчаса, и я наконец увидел то, что искал. Немцы-немцы... умные да грамотные... предсказуемые...

В окопах дым стоял коромыслом. Командиры взводов усадили бойцов за чистку трофейного оружия. Меня поймал лейтенант Рокотов и потащил к командиру.

Тот расхаживал по блиндажу КП, как тигр по клетке. Был бы у него хлещущий по бокам хвост — так почти точная копия вышла бы...

— Ну?! Что у вас?

Рокотов снова прокашлялся.

— Значит, так. У нас в тылу, с грузовиков, взяли одно ПТР и три десятка патронов к нему. Один ротный миномет. Полтора десятка гранат.

Около десяти тысяч патронов. В танке разбит двигатель. Пушка и пулеметы в исправности. Снаряды есть.

— Это у нас. А «трофейщики» что принесли?

— Три пулемета МГ-34. Около шести тысяч патронов. Семь автоматов с боекомплектом. Почти три десятка гранат. Проверили подбитый танк, сняли с него пулемет, сейчас принесут. Пушка цела, есть снаряды.

— Так... У тебя что? — повернулся ко мне капитан.

— Техники у немцев не видно, и спрятать ее там негде. И полевая кухня еще не подходила. Значит, до кормежки они в атаку не пойдут. Если выслать наблюдателя на указанную мной точку, то можно засечь ее задолго до подхода к передовой. Как кухня появится, можно отсчет вести, аккуратно через час и попрут.

— Рокотов!

— Я!

— Организуй. Дальше давай, — снова повернулся ко мне капитан.

— Один трофейный пулемет я бы выдвинул прямо в болото. Немцам наступающим он точно во фланг работать будет. Там пехоту и прижмем. А танки без нее не пойдут. Если поглубже залезть, то пехота подойти не сможет, а танк — и подавно. Узкие у немцев гусеницы, утонет машина. Пока этот пулемет не собьют, за левый фланг можно быть спокойным.

— Сделаем...

— Может быть, товарищ капитан, я сам и пойду? Там пулеметчик опытный нужен...

— Подумаю... Что еще?

— В подбитый танк можно артиллериста посадить, если отыщем. Пропустит вражеский агрегат и долбанет ему в корму. Только вот уйти ему оттуда будет... трудно, скажем так...

— И это поищем.

— Пока время есть, может, хоть как-то подтащим к передовой наш подбитый танк? Хоть на километр? Пушка в нем есть, для нас это много!

— Пошлю посыльного в деревню, может, там что-то будет...

— Там же госпиталь? Машины у них точно есть!

— Тут трактор нужен. Он там вроде бы был, я на улице его видел. Ладно, посмотрим. Давай, занимайся болотом. Пулеметы в окопах я распорядюсь установить.

— Может быть, я и миномет заберу? С фланга обзор неплохой открывается...

— Бери. Сколько тебе бойцов нужно?

— К пулемету двое, да миномет с минами тащить... человек шесть,

это если без меня считать.

— Ладно, делай как знаешь.

Через час мы уже вгрызались в землю на болоте. Со стороны реки оно было очень даже проходимым. До определенной степени, разумеется... но для наших целей это было больше чем достаточно. От реки еще ползли клочья утреннего тумана, скрывая наши передвижения. Хоть и не смотрел сейчас никто в нашу сторону, однако мешкать не следовало. До завтрака немцы в бой не пойдут, это у них свято! А со стороны противника нас видно плохо, сам проверял, когда у валуна лежал. Он как раз на полпути между мною и их позициями. Действуя как пришпоренные черти, мы оборудовали окоп для миномета, и я послал троих бойцов перетаскать туда весь боезапас. Для пулемета отрыли две ячейки и начали готовить запасную позицию. Взмokли и устали, но к моменту, когда в немецких окопах началось шевеление, мы уже зарылись в землю по максимуму.

ГЛАВА 37

Присмотревшись к дороге, я увидел на ней какое-то движение. Бинобль прыгнул мне в руку — что там?

Там оказалось четыре танка. Всего-то? Хотя... я вспомнил позиции, оставленные нам. Для них — самое то. Пушек у нас нет, и немцы, по-видимому, это знают. Так что для этой позиции больше и не надо.

Отправив бойца сообщить об этом капитану, я полез к миномету выставить прицел. Ох и невеликий я тут спец...

— Товарищ старшина!

Долговязый боец в надвинутой на уши пилотке.

— Чего тебе?

— Разрешите? — он указал на миномет. — Я же минометчиком был... Потому и с вами попросился у взводного.

— Сумеешь?

— Спрашиваете!

— Ну, валяй!

Оставив его с минометом, я снова полез к пулемету. Уж это дело я знаю неплохо...

Не очень у нас уютные окопы вышли, на дне уже вода собралась, пригорочки-то на болоте невысокие. Ну ничего, авось сразу и не промокнем. А потом уже не до этого будет...

Пока мы возились с наводкой и маскировали позиции, вернулись бойцы с боезапасом к миномету. Притащили пятнадцать мин и тут же потопали обратно — боезапас этим не ограничивался. Проводив их взглядом, я обернулся в сторону немцев. Сквозь редкий кустарник было хорошо видно оживление. Хочется верить, что наблюдатель у валуна тоже успел это рассмотреть. В бинокль было видно, как пехота выбирается из окопов и выстраивается позади танков. Сколько до них? Метров шестьсот? Пожалуй. Да и время к одиннадцати подошло, пора бы им уже и начинать...

Я обернулся к минометчику.

— Готов?

— Всегда готов! — засмеялся он, откидывая голову назад.

— Звать тебя как?

— Григорьев я, Виктор.

— Ну вот что, Витя, держи бинокль. Видишь, вон там фрицы

строятся?

— Вижу!

— Накрыть сможешь?

— Да не вопрос!

— Давай, засунь им в одно место огурец!

Хлопнул выстрел. Виктор припал к прицелу. Секунда, другая...

Неподалеку от крайнего танка поднялось облако разрыва. Недолет...

— Дальше на полста! — крикнул я, не отрывая глаз от бинокля.

— Готов!

Хлопок!

Накрытие!

— Давай еще парочку!

— Сделаем!

Григорьев выпустил еще несколько мин, сместил прицел и положил еще пяток с разлетом по горизонтали. Немцы забегали, как ошпаренные тараканы. Странное дело, но по нам пока никто не стрелял... Или не верят, что кто-то полез в болото? Скорее всего... Уж больно бредово все это выглядит. Ну какой дурак полезет в топи, отрезая себе все пути к отступлению?

Накаркал...

Один из танков вдруг резко развернулся в нашу сторону и попер. Хреновато... Срисовали нас... Следом за ним в ту же сторону потопало человек тридцать фрицев. Точно, засекли. Я кувыркнулся к пулемету. Теперь уже и моя очередь пришла. Или обождать пока, не раскрывать всех козырей? Пожалуй... Поставив пулемет к стенке окопа, я приготовил СВТ. Самое то, чтобы по одиночным целям стрелять.

— По прежним целям бей! — крикнул я минометчику. — Эти нам не опасны, а танк тебе не подбить! Чем больше там положим, тем меньше их к ребятам придет!

Не отрываясь от стрельбы, он кивнул мне головой.

А танк тем временем все ближе. Когда ж ты, скотина, потопнешь наконец? Ведь почти по болоту идет уже!

Словно услышав мои слова, танк противника вдруг клюнул носом. Еще раз... Заревел двигатель, и из-под гусениц взметнулись фонтаны черной воды. Танк, заваливаясь носом, оседал в болото. А ты не спеши так... карту посмотри, когда не лень... Вот открылся башенный люк, и в нем показалась фигурка танкиста.

Метров триста до него? Было...

Труп немца повис в люке.

С такой дистанции из СВТ, да еще и с оптикой, промахнуться затруднительно...

Чуть погодя труп танкиста шевельнулся, выпал из люка и сполз на корпус танка. Надо полагать, второй член экипажа лезет? Ну-ну, давай, вылезай... Недалеко ты убежишь...

То ли желая прикрыть танкиста, то ли из-за чрезмерной злобности, но немцы открыли ураганный огонь по болоту. С бруствера взлетела пыль, и пришлось прекратить охоту на танкистов.

— Виктор! — стараясь перекрыть грохот выстрелов, заорал я. — Бошку береги!

— Будь спок, старшой! Тут дураков немаэ!

Стрельба немного утихла, и я рискнул поднять голову.

Ага, немцы установили пулемет. Это он нас и накрыл. Ну-ну... долг платежом красен... А остальные полезли в болото. За каким хреном? Трофеев захотели? Ну, железных крестов вам не обещаю... я примостил на бруствере СВТ... а за деревянные постараюсь...

Второй пулей я сбил пулеметчика. Его отбросило в сторону, а пулемет развернулся стволом вбок. Второй номер заполошенно вскинулся... и схлопотал пулю в брюхо. Его крик был слышен даже у нас. Бредущие по пояс в болоте немцы открыли беспорядочную стрельбу по нашим позициям.

— Мужики! Ну-ка причешите фрицев! Григорьев!

— Я!

— Прежним делом займись!

— Мин мало! Штук шесть всего осталось!

— Сейчас еще принесут! Не жалеи!

Гулко забабахали винтовки. Кашлянул миномет.

Перезарядив СВТ, я взял на мушку одного из болотоходцев.

Бах! Спекся...

Следующий клиент...

До островков эти солдаты так и не дошли.

Основная масса немцев все-таки двинулась вперед. Я услышал ожесточенную стрельбу из пушек, над гребнем холма встал дымный хвост. Потом еще один. Гулко рвались гранаты, захлебываясь, длинными очередями били пулеметы. И все это перемежалось неумолчной трескотней винтовок. Даже и в бинокль я не видел, что же там происходило.

— Старшой!

Кто это? А-а-а... подносики мин пришли.

— Что притащили?

— Мины принесли, двадцать штук.

— Что там?

— Плохо... танки над окопами стоят, стрельба повсюду...

— Григорьев!

— Я, товарищ старшина!

— Постреляй-ка по тому месту, где техника подбитая стоит. Там еще бронетранспортер на холме, отсюда кусочек видать. Вот чуток правее и положи. С рассеиванием давай.

— На такую дальность мины и сами разлетятся дай боже! И мудрить не надо ничего.

— Ну и валяй!

По моим расчетам, если немцы сейчас не ворвались в окопы, то находятся где-то на ближних подступах. Там, где в свое время остановили немецкие бронетранспортеры наши предшественники на этом участке фронта.

Миномет выплюнул последнюю мину и замолчал. Стрельба вроде бы немного утихла.

— Вот что, мужики... Давайте-ка вы двое к вон тому пулемету, тащите его сюда, — я указал бойцам на бесхозный пулемет, одиноко стоявший недалеко от танка. Тот уже успел прилично погрузиться в болото, и над поверхностью торчала только башня. — Только поаккуратнее, еще заляжет там какой недобиток... А ты, боец, со мной пойдешь. Коробку с лентами возьми.

Закинув винтовку за спину, я привычно подхватил пулемет, и мы оба двинулись в сторону наших окопов.

Поднявшись на пригорок, я увидел всю картину боя. Метрах в трехстах от меня, прямо около разбитого дзота, стоял накренившийся набок танк. Башенный люк был откинут, и из него свисал убитый танкист. На земле около танка лежало вперемешку несколько тел — наши и немцы. На первый взгляд было совершенно непонятно, что же тут произошло? Внешне танк был цел и видимых повреждений не имел. И только обойдя его сбоку, я увидел закрытые плащ-палаткой смотровые щели. Вцепившись руками в поручни, к броне прижался невысокий красноармеец. Он лежал, прижимая своим телом плащ-палатку. Его спина была прострелена в нескольких местах. Свисавший из башенного люка немец сжимал в своих руках пистолет. А в спине танкиста торчала рукоятка финского ножа. Понятно... Танк шел вдоль окопов, сворачивая наш фланг. Дзот, судя по

всему, был разбит из танковой пушки. И тогда, чтобы остановить его, боец, лежащий сейчас на броне, закрыл все приборы наблюдения своей плащ-палаткой. До последнего он прижимал ее к смотровым щелям и, даже мертвый, не разжал рук. Ослепленный танк остановился, и танкисты полезли наружу. Тут-то их и встретили разъяренные потерями штрафники... В жестокой схватке с подоспевшей немецкой пехотой погибли все. Но и из фрицев никто не уцелел.

Двигаясь дальше по полю, я наткнулся на новые свидетельства того, что бой был невероятно жестоким. Перед разбитым пулеметом тела немцев лежали прямо-таки навалом. Судя по всему, пулеметчик менял ленту, и атакующая пехота сумела за это время подойти на гранатный бросок. Весь бруствер окопа был перепахан гранатами. Это, однако, не помешало пулеметчику положить подошедших слишком близко немцев. Место здесь было ровное, укрытий никаких. И у бегущих немцев был только один путь — в окоп. И последний из них все-таки успел до него добраться. Коренастый фельдфебель, сжимавший в руках автомат, лежал в окопе, насквозь пробитый граненым штыком трехлинейки. Хозяин трехлинейки лежал рядом с ним, еще сжимая винтовку в руках.

Еще в одном месте я прошел по громадному черному пятну. В различных его местах лежали обугленные тела немецких солдат. А в небольшой воронке, прямо на пути их следования, лежал невысокий солдат с восточными чертами лица. Рядом с ним еще стояли в ямке несколько бутылок с КС. Видимо, парень устроил им засаду и поджарил таким образом почти полвзвода.

Шедший позади меня боец глухо матерился сквозь зубы. Да... я его понимал... Сколько их тут лежит? Есть ли вообще живые в этом аду?

Впереди сухо пощелкивали выстрелы, и мы оба, не сговариваясь, свернули в эту сторону.

Обойдя еще один танк, который, в отличие от первого, напоминал абстрактную скульптуру из железа, мы увидели впереди спины нескольких бойцов, ожесточенно стрелявших из винтовок куда-то в поле. Проследив направление их стрельбы, я обнаружил их цель. Пули поднимали фонтанчики пыли около небольшого овражка, приблизительно в ста метрах от окопа. Надо полагать, что там находился противник. Приняв левее, пользуясь складками местности, мы проскочили метров полтора и вышли к этому овражку с левого фланга. Отсюда были слышны выстрелы и команды на немецком языке. Последние метров двадцать мы проползли попластунски. Вот и край овражка.

Посмотрев вниз, я увидел на дне оврага офицера, присевшего около

телефонного аппарата, и трех солдат рядом с ним. На склоне овражка лицом к нашим позициям лежала довольно-таки приличная толпа немцев. На первый взгляд их было тут не менее двух взводов. Ага, так это они к завершающей атаке тут подготавливаются?

— Видишь эту кучку фрицев? — спросил я, не оборачиваясь, у своего второго номера.

— Угу.

— Гранаты есть?

— Есть одна граната и бутылка с КС.

— Тогда хренакни эту группу бутылкой, а гранату кидай поближе к немецкой цепи. А дальше — по обстановке. Будет возможность — из винтовки стреляй. Главное — смотри, чтобы никто к нам во фланг или в тыл не забрался. Усек?

— Да, сделаю все.

Боец отполз чуть в сторону и приготовился. Я установил пулемет, расправил ленту и взял на прицел немецкую цепь.

— Давай!

И говорящий по телефону офицер вместе с солдатами превратились в четыре воющих комка пламени. Припав к пулемету, я выпустил длинную очередь прямо в спину лежащих солдат. Секундой позже около немецкой цепи рванула граната, повалив назад самых резвых фрицев, которые обернулись было на вопли недогарков.

Видимо, все это оказалось той самой последней соломинкой, которая и переломила верблюду хребет. Вся немаленькая немецкая цепь, вместо того чтобы развернуться и засыпать меня пулями, дружно рванула восвояси. Я еле успел выпустить по ним пару очередей, пытаясь отжать их влево, в сторону огневых точек на болоте. Пулемет вхолостую лязгнул затвором — ленте конец. Подскочивший второй номер рухнул на землю, протягивая мне новую ленту. Но, увы, только пару запоздалых фрицев мне удалось свалить на землю. Все остальные уже перевалили хребет.

— Ушли! — с досадой проговорил боец за моей спиной. — Эх! Не успели мы!

— Твое счастье, что ушли. Если бы они хоть на секунду призадумались да мозгами пораскинули... лежать бы нам с тобой тут холодными.

— Так у нас же пулемет!

— А у них, ты думаешь, ложки с вилками? Сколько их тут лежит?

— Ну... десятка полтора...

— А сколько утекло?

— С полсотни, кабы не поболее...

— Во! А у нас аккурат лента закончилась! Вот они в полста стволов и нашинковали бы нас в мелкий винегрет. Ты, родной, поди всю Германию тут закопать собрался? Так вынужден тебя разочаровать — одного пулемета для этого явно недостаточно... Но ты нос-то не вешай раньше времени. Свое дело мы сделали, атаку ихнюю сорвали. Сегодня уж и не сунутся более. А нам каждый час ныне дорог.

За холмом наперебой замолотили пулеметы. Значит, хоть какую-то часть отступающих фрицев наши болотные стрелки уконтрапупят. Вообще красота!

— Слышишь? Это на болоте наши пулеметы стараются! Эх, мины все кончились...

ГЛАВА 38

Пройдя по полужасыпанной траншее к КП, я отодвинул рукой висящую в дверном проеме плащ-палатку.

— Разрешите?

— Кто там? А... Леонов... заходи.

Ротный был плох. Пулеметная очередь прошла ему поперек обеих ног, которые сейчас и заканчивал перебинтовывать санитар. Лейтенант Рокотов баюкал перебинтованную руку, ему тоже прилетело.

— Разрешите доложить, товарищ капитан?

— Садись... что там у тебя?

— В болоте утоплен один танк противника. Минометно-пулеметным огнем уничтожено до двух взводов пехоты. Может, и больше, но посчитать не мог. Взят в виде трофея один пулемет. Потерь среди личного состава не имею. Один боец легко ранен. Все.

— Утоплен... Ишь ты! Ну а у нас... сам небось видел?

— Видел. Не все, но кое-что рассмотреть успел.

— Да? Ну слушай сюда...

Со слов капитана выходило, что еще на первом этапе штурма наших позиций мы сумели нанести немцам приличный урон. Да и моя неожиданная атака с фланга здорово поспособствовала снижению их прыти. Выдвинувшиеся танки противника были внезапно обстреляны из подбитого чешского 38t, и одна машина противника была при этом уничтожена. Правда, его немцы тут же сожгли. Хотя стрелкам при этом несказанно повезло — они успели вылезти через нижний люк и благополучно уползти к своим окопам.

— Тут немцы и забуксовали всерьез. Два танка у них осталось, да и мины ваши легли удачно. Пощипало их изрядно. Стали они назад отходить. И вот тут! — капитан стукнул кулаком по стене и поморщился, видимо боль отдалась в ногах. — Городня поднял свой взвод в контратаку...

— И что?

— Ничего. В смысле — от взвода ничего почти и не осталось... Порезали их фрицы в чистом поле из пулеметов. Пушки танковые постарались. Вот центр и опустел. Немцы, не будь дураками, сразу же это и просекли. Ударили их танки, прошли на линию окопов и начали... А следом и пехота подтянулась... Вот и завязалась каша...

— А наш неисправный? Тот, что у деревни стоял?

— Там и стоит до сих пор. Нету в деревне трактора. Погрузили в тракторную телегу штабное имущество и уехали...

— Один мы все-таки подбили! — подал голос Рокотов. — Да и второй сумели остановить...

— Этот я видел.

Плащ-палатка в дверном проеме колыхнулась, и вошел мой взводный. Фуражку он где-то потерял, лицо было измазано сажей. Руки мелко дрожали. Не сказав ни слова, он грузно сел на нары справа от входа.

Капитан покосился на него, но ничего не сказал. Снова повернулся ко мне.

— В общем, остались от роты слезки. Рокотов, что у нас в наличии есть?

— В строю тридцать два бойца. Это я с группой старшины считаю. Шесть легко раненных после перевязки остались на позициях. Итого тридцать восемь человек. С командирами вместе — сорок. Правда, пулеметов много, восемь штук. В основном — трофейные. Один «Максим» разбит в дзоте. Этот дзот уничтожен. Двадцать один автомат есть — тоже преимущественно трофеи. Гранат... сколько-то есть, не успел подсчитать. Бутылок осталось около восьмидесяти штук. Патроны есть пока. Тридцать мин к миномету. Все.

— Потери противника?

— Не менее двухсот человек только убитыми. Сколько их там ранено... — лейтенант развел руками. — Один танк утонул в болоте, два уничтожено, что там с четвертым, старшина?

— Черт его знает! На вид — вроде бы цел...

— Значит, один танк захвачен.

— Итого, лейтенант, вломили мы фрицам изрядно. Это радует. Как ты полагаешь, Михалыч, вторую атаку выдержим?

— Нет, товарищ капитан. Если противник даже и прежними силами пойдет... полчаса времени у них отнимем — и все. А они опосля такого пинка точно подкрепления запросят. Это еще артиллерия с их стороны сегодня не стреляла, а то бы они и сегодня нас на ноль помножили бы. — Рокотов до войны был бухгалтером, и это иногда проскакивало в его словесных оборотах.

— Не паникуйте, товарищ лейтенант!

Это еще кто? А-а-а... у Городни голос прорезался...

— Мы еще вполне способны удерживать занятые позиции! Приказа на отход не было!

— Обожди... — поморщился ротный. — Не шуми так. Не согласен с

лейтенантом?

— Нет! Мы еще можем нанести серьезный урон противнику!

— Можем. И нанесем. И ляжем тут все. И приказ не выполним, некому его выполнять будет. У кого есть другие мнения?

Рокотов пожал плечами.

— Я все сказал, добавить нечего.

— Леонов?

Взводный вскинулся...

— А ты сиди! Сказал уже! Поумнее тебя человека послушаю!

— Товарищ капитан! Я попросил бы вас...

— Попроси... Это я с тебя еще за взвод твой, бесславно и бесполезно погибший, спрошу! Где они?!

— Мы могли опрокинуть немцев контратакой...

— Взводом на батальон? Ты из ума не выжил еще? Людей тебе не жалко? Вижу, что не жалко. Только вот мне они сейчас в окопах нужны! Живые, между прочим! На хрен ты мне тут один сдался? Толку с тебя?! Стрелок из тебя хреновый, а командир — так вообще никакой! Под трибунал бы тебя закатать за нарушение приказа...

Капитан устало откинулся на стену блиндажа. Сидевший рядом санитар укоризненно посмотрел на Городню.

— Разрешите, товарищ капитан? — прервал я затянувшуюся паузу.

— Говори...

— Какой у нас приказ?

— Не допустить захвата деревни противником. Удержать ее до подхода основных сил. Дать возможность эвакуироваться оттуда нашим тыловым подразделениям.

— А конкретно про эти позиции говорилось что-нибудь?

— Где ж немцев-то держать? И так ясно все.

— Есть предложение, товарищ капитан.

— Ну?

— Оставить здесь заслон, имитирующий оборону. Два-три пулемета...

Рокотов вскинулся...

— В поле пороемся, так еще десяток отыщем, не меньше.

Лейтенант присел назад, одобрительно покивав головой.

— Основную линию обороны строим у моста через ручей. Берега там топкие, танки противника не пройдут. Нашу тридцатьчетверку, используя трофейного немца в качестве буксира, перетаскиваем за мост. И строим всю оборону по тому берегу ручья.

— Мост взорвать! — подал голос Рокотов. — Взрывчатка у нас есть.

Много! Килограмм сто. В грузовиках нашли, там саперное имущество было.

— Нет. Не трогаем мост. Если его обрушить, то, во-первых, немцы введут в бой артиллерию. Пока мост цел, пушки по его ближним подступам бить не будут. Немцам тоже мост этот нужен и желательно — целый. Во-вторых, пехота пойдет в атаку по мосту. Разобьем мост — полезут через ручей. И плевать им на то, что там берега топкие, пройдут! Таким образом и приказ выполним, мост-то перед деревней стоит? И людей зазря не положим...

— Хм... — капитан почесал небритый подбородок. — А что-то в этом есть... Михалыч! Ты как думаешь?

— Может пройти. Еще одну атаку отобьем.

— Старший лейтенант?

— Авантюра! Минометами накроют площадку перед мостом — и ворвутся на тот берег.

— Леонов?

— Флаг им в руки и поезд навстречу. Я им мешать не буду. Чем больше их туда войдет, тем больше работы похоронной команде останется...

— Так... Слушай приказ!

Мы все поднялись с места, даже Рокотов постарался принять какое-то подобие уставной стойки.

— За неоправданные потери среди личного состава, нарушение приказа непосредственного командира старшего лейтенанта Городню от командования взводом — отстранить! В связи с убытием по ранению в тыл командира роты командовать ротой будет старшина Леонов! Вопросы есть?

— Товарищ капитан! — Городня сделал шаг вперед. — Но... Этого не может быть! Он штрафник еще... не искупил...

— Ну ты хоть мне-то не ври прямо в глаза! — вскипел капитан. — Ведь знаешь все сам! А передо мной ваньку валяешь... Я такого штрафника, как он, на взвод тебе подобных не поменяю! Все! Иди с глаз моих долой!

— Куда? Куда мне идти...

— Винтовку в руки и в траншею! Рядовым бойцом!

Рокотов одобрительно покивал. Видимо, мой бывший взводный не вызывал у него симпатии.

— Ты что скажешь? — ротный повернулся к нему. — Вместе вам воевать, меня рядом не будет уже...

— Повоюем, товарищ капитан. И вас еще дождемся...

ГЛАВА 39

— Гавриков!

— Я!

— Иди сюда.

Скользя сапогами по откосу, боец подбежал ко мне.

— Значит, так. Берешь двух бойцов и посылаешь их в деревню. Отодрать откуда хочешь дверь и притащить сюда. Две штуки. Пила у нас есть.

— Понял.

— Пилишь двери пополам. Колышки видишь?

— Это на буграх-то? Вижу.

— Еще четыре человека роют там ямы. Аккурат по размеру отпиленной двери. Глубина — метр. Яма не просто вглубь, а под наклоном. Примерно — вот так, — показал я ему рукой. — Усек?

— Так точно!

— Землю рядом не высыпать! Дерн подрезать и уложить в сторонке. Старайся ямы рыть направлением на колышки. Кстати, не забудь их потом повыдергивать.

— Будет исполнено.

— Идем со мной.

Мы прошли с ним вдоль холма. На первый взгляд позиция у противника была весьма неплохой. Перед мостом, почти в ста метрах от ручья, возвышался холм. Он представлял собой надежное укрытие от любого огня с той стороны. Мало того, почти посередине его рассекал узкий, с крутыми откосами овражек. Скорее даже расщелина. Общей длиной около пятидесяти метров, она была почти идеальным укрытием от стрелкового оружия. Сейчас по ее верхнему краю озабоченно вышагивал Рокотов.

— Как успехи, товарищ лейтенант?

— Копаем, почти все уже завершено. Но... не проще было бы просто обвалить стену? Тротила у нас достаточно...

— Не настолько, чтобы я тратил его попусту. Как с прокладкой проводов?

— Заканчиваем. Только землей осталось присыпать.

— Отлично! Заряды связали?

— Вон там лежат.

— Гавриков, возьми там четыре связки. Те, что поменьше. Как ямы отроешь, их на дно. Половинками дверей прикрыть сверху, и начинай засыпать их булыжниками, железками. Что хошь туда сыпь, лишь бы покрепче было да потяжелее. Потом кладешь сверху дерн и маскируешь. Меня позовешь, проверю! Провода к зарядам вам Земсков подведет. Он уже к тому времени свободен будет, товарищ лейтенант?

Так, ну вроде бы всех озадачил... Подбитую тридцатьчетверку перетаскивали на тот берег. Трофейный танк грозно рычал движком, но сцепка еле ползла. Ага, мешки уже закончили насыпать, отлично! Ну... в первом приближении... вроде бы и успеваем...

— Товарищ старшина! — незнакомый мне боец подбегал со стороны деревни.

— Чего тебе?

— Там подполковник пришел... Командира роты требует...

О, гос-с-споди! Ну за что мне этот крест? Так все нормально развивалось — и нате-здрасьте! Ну какой хрен его сюда приволок? Сейчас будет лезть с приказами идиотскими... Еще и писать чего-нибудь заставит...

Я быстро перебежал через мост.

Где он, гость незванный?

А-а-а, вот стоит...

— Товарищ подполковник, старшина Леонов... Товарищ военврач? Павел Петрович? Что вы тут делаете?

— Это вы? Здравствуйте. Я, собственно, командира роты искал.

— Так его к вам унесли... Уже несколько часов назад...

— Да? Извините, не знал... А командир роты...

— Перед вами.

— Вот как? Боюсь, мои поздравления будут неуместными в данной ситуации.

— Да бог с ними! У вас-то что стряслось?

— Стряслось? Да... пожалуй, что и стряслось... в общем, я прошу указать мне и моим бойцам место в цепи.

— Постойте-постойте! Каким таким бойцам? Санитаркам, что ли?

— И им в том числе. Оружие у нас есть. Вот и ваш подарок к месту оказался.

— Так... Я, наверное, после контузии соображать стал туго. Можно поподробнее?

— У меня нет другого способа защитить наших раненых...

— То есть — как? Вас что — не эвакуировали? У вас же были

грузовики, я сам видел...

— Их у нас забрали.

— Кто?

— Штаб дивизии. Они эвакуируют имущество штаба и политотдела.

Образцово-показательно, даже стулья грузят.

— Подождите... Так они у нас вчера трактор угнали с тележкой.

— Да. Туда погрузили сейфы.

— Охреносоветь... сейфы... И где теперь эти... эвакуаторы?

— Там, на площади. Грузят...

— И куда же это они собрались?

— В десяти километрах отсюда — аэродром. Туда еще прилетают самолеты.

— Ковальчук! Ко мне!

— Я, товарищ старшина!

— Десять человек с двумя пулеметами — ко мне сюда! Бегом!

На площади кипела лихорадочная деятельность. Из двух немаленьких домиков выносили имущество. Главврач не соврал, на одном из грузовиков я увидел связки стульев. Остальное барахло ожидало своей очереди. Я заметил десяток пишущих машинок, какие-то связки бумаг. Бардаком тут и не пахло, все работали быстро, но без спешки. Видно было, что подобной работой им заниматься не впервой.

Отловленный Ковальчуком пожилой солдат охотно указал мне старшего. Такой же пожилой старший лейтенант стоял с большой папкой в руке, сверяя какие-то записи.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

— В чем дело, боец?

Ну да, знаков различия у меня не было. Комроты объявил перед строем о моем назначении на должность, этим все и ограничилось.

— Командир 82-й отдельной армейской штрафной роты... гыр-гыр-гыр... Леонов! (звание я опустил совершенно сознательно...).

Он слегка поморщился.

— Слушаю вас?

— Почему вы забрали грузовики в госпитале? Им же раненых вывозить нечем?!

— А вот это, уважаемый, уже не ваше дело! У меня есть приказ...

— У главврача он тоже есть. Что важнее, раненые или ваши стулья?

— Что?! Да как вы смееетесь?! — он схватился за кобуру.

Ох, и повидал я таких... еще там... только вот там приходилось

выслушивать их высокопарную бредятину. Да еще и головой кивать с умным видом... Ну, голуба, тут тебе не Арбатский округ!

Покачивая в руке трофейный «Коровин», я осведомился у его бывшего хозяина: «Ну что? Дурить не будете больше?»

— Нет... Руку отпустите...

— Не вопрос...

Он поднялся с колен, отряхивая брюки и что-то ворча под нос. Потом вдруг отпрыгнул в сторону и бросился к своим бойцам.

— Товарищи! Сюда, ко мне!

Длинная пулеметная очередь прошла поверх голов. И наступила тишина.

Старлей аж присел.

— Значит, так... — я вышел на середину площади. — Всех находящихся здесь мужчин, способных держать оружие, я забираю с собой. Десять минут на разгрузку машин. Все барахло кидать прямо через борта. Время пошло!

Десять не десять, а они управились достаточно быстро.

— Отлично... — я прошелся около кучи, впечатляющей своими габаритами. И это все они хотели вывезти зараз? Оптимисты... — Всем построиться!

Н-да... вояки... но выбора у меня нет.

— Ковальчук отведешь их к мосту. Доложишь лейтенанту, он им определит участок обороны.

— Слушаюсь!

— Вы... вы ответите за это самоуправство! — Старлей? Точно он. — Оставление врагу... военного имущества... документов...

— Что здесь? — ткнул я ногой в ворох бумаг. — Оперативная документация есть?

— Еще вчера вывезли. Здесь имущество финчасти и политотдела, — немолодой, как и все солдаты, старшина показал на груды бумаг. — Здесь финчасть, а вот эта горка побольше — политотдел.

— Ага! Ковальчук, бутылку дай.

Ветер моментально раздул неслабый костер. Хорошо горит!

— Товарищ военврач, забирайте транспорт. Грузите больных и персонал и... катитесь отсюда к такой-то матери!

Захватив с площади несколько катушек провода и телефонные аппараты, мы вернулись на берег. Отловив нашего сапера, я отдал ему большую часть добытого.

— Слушай сюда, Земсков. Линии подрыва везде проложили?

— Заканчиваем, товарищ старшина. Вот только машинок подрывных не хватает.

— А телефонные аппараты тебе зачем притащили? Тоже вполне подойдут для этой цели. И еще. Вон горочку правее холма видишь?

— Это с кривым-то деревом? Ну да, вижу.

— Оттуда все тылы фрицев будут у нас как на ладони. Так что найди бойца поспокойнее и поглазастее и туда посади. Телефон ему обеспечить. Линию на этот берег проложи. Это и будет наша дальняя разведка. Успеешь?

— Должны успеть. Если только немцы сегодня не попрут.

— Не попрут. Я их порядки знаю. Пока они заявку на артподдержку дадут, пока пушки эти к ним доедут. Да и без танков они в атаку не пойдут, а их тоже еще где-то взять надобно. Опять же, пехоты у них положили прилично, так что и тут пополнение нужно. Хорошо, если они к утру управятся, да и то сомневаюсь...

— Понял. Разрешите выполнять?

— Давай, двигай.

Буксировочные работы на нашем берегу наконец завершились. Тридцатьчетверку спихнули в воронку и активно обкладывали мешками с песком. Экипаж трофейного танка принимал в этом самое живое участие. Надо и к ним подойти, посмотрю, как там дела.

— Ну как, мужики? Успеем до появления фрицев-то?

— Успеем, старшина! — здоровенный боец легко укладывал мешки на броню. — Чего уж тут осталось-то? Только вот не пойму — зачем это? Тут же и так броня есть?

— Есть, не спору. Но лупить по танку будут из всего, что у фрицев имеется. Так что лишними мешки эти точно не будут. Глядишь, и остановят снаряд, или хотя бы удар не таким сильным будет. Кстати, снимите пулемет из корпуса. Он все равно стрелять не сможет, ведь у нас только башня из земли видна будет.

— Сделаем.

— Так... кто у нас старший в трофейном агрегате?

— Я, товарищ старшина. Боец Миронов.

— Добро! Как он тебе?

— Не трактор, конечно, но водить смогу. Мне бы еще заряжающего...

— Вон, к лейтенанту подойди, у него пополнение есть. Попроси у него, пусть даст кого-нибудь. Скажи — я распорядился. И еще. Пока время есть, пробегись, набери ветоши какой-нибудь. Масло с подбитых машин слей.

— Зачем это?

— После сегодняшнего сюрприза немцы ни один брошенный либо подбитый танк без внимания не оставят. Стало быть, когда увидишь их, ветошь эту и зажигай. Ежели ее маслом полить, она дюже дымно гореть будет. Пускай думают они, что танк горит, не ровен час — бабахнет. Вот и пройдут мимо.

— Ловко!

— А ты думал! Я этот фокус уже в бою применял, сработало. Задачу уяснил?

— Так точно! Ждать, пока немцы совсем увязнут. Если подтянут пушки к берегу — раскатать их в тонкий блин. До этого сидеть тихо.

— Точно! С немецких-то позиций им стрелять сюда несподручно, холм мешать будет. Бойцы, что в окопах старых будут активность изображать, опосля этого представления к тебе и отойдут. Будут твоим пехотным прикрытием. Хоть и немного их, а все лучше, чем ничего. Так что не тяни тут, бери себе заряжающего, ветошь собирайте и отчаливай на прежнюю позицию. Держи! — я протянул ему флягу. — Сам распределишь, кому и сколько.

Чего-чего, а еды и водки у нас пока хватало. Хозяйственный лейтенант успел вывезти все наши запасы. Хотя бы этой проблемой можно голову не забивать.

Уже темнело, когда мы более-менее подготовили свои позиции. Я дал команду отдыхать, бойцы уже валились с ног. Немцы так никуда и не двинулись...

Разбудил меня грохот разрывов. Выскочив наружу из полуразвалившегося домика, где мы сделали себе временный штаб, я окликнул часового. Он подбежал, путаясь в длинной шинели.

— Что там бабахает?

— Не знаю, товарищ командир. Лейтенант распорядился разведку выслать. Ребята только что ушли.

— По нам не бьют?

— Нет, сюда ни один снаряд не залетал.

— Добро. Как разведка придет — сразу ко мне.

Умывшись и наскоро перекусив холодной тушенкой, я начал бриться. Как бы оно там все ни повернулось сегодня, а пугать окружающих небритой мордой не хотелось. Да и положение обязывало. Не сам по себе, какой-никакой, а командир. Пусть и временный, а все равно должен выглядеть аккуратно. За этим занятием меня и застал Рокотов.

— Красоту наводишь, командир?

— Ага, сейчас вот только добреюсь, одеколончиком спрысну — и можно в медсанбат к медсестрам чаи гонять.

— Так где ж его взять, одеколон-то?

— Водкой мордой протру, запах еще приятнее будет. Во всяком случае, соблазнительнее.

— Так госпиталь ушел. Еще вчера.

— Всех вывезли?

— Всех. Грузовики два рейса сделали. Лейтенант, что ими командовал, сказал, что военврач на аэродроме такую бучу поднял! Машины еще во второй рейс не ушли, а раненых уже в самолет грузить начали. Военврача самого чуть не силком в него засунули. За ним там уже целая депутация явилась. Он же у нас какой-то видный спец.

— А что же он тогда в госпитале делал? Раз такая величина здоровенная.

— А кто ж его знает! Мало ли как все повернуться может. Вот у нас в роте и танкисты нашлись, и минометчики, и даже саперы. А числятся все пехотинцами.

— Да и не говори, лейтенант... Чего только в жизни не бывает! Что там за стрельба, выяснили?

— Выяснили. Немцы по болоту долбят.

— Ну и флаг им в руки. Оттуда еще затемно наши ушли. Значит, будут сегодня фрицы наступать. Это они себе дорогу расчищают. Чуток время пройдет, и по окопам звезданут.

— Объявляем тревогу?

— Незачем. Пока они болотные кочки с землей сровняют, пока по окопам нашим пустым пройдутся... Я думаю, что минимум час у нас есть. Пусть люди пока чаю попьют, перекусят, чем Бог послал. Распорядись, чтобы водку им раздали.

— Не рано с водкой-то? После боя и раздали бы.

— Не рано. Они, лейтенант, не глупее нас с тобой. Каждый знает, что старшина еду и водку всегда после боя выдает. Получает-то он ее заранее, по количеству живых, а выдает тем, кто уцелел. А здесь мы им понять дадим, что хотим их всех живыми увидеть.

— Ну... Некоторые могут и иначе подумать. Мол, последний бой, чего уж тут жалеть!

— И так может быть. Зато злее драться будут.

Мы вышли на улицу. Если бы я сам вчера не руководил всей нашей доморощенной фортификацией, то сегодня ни за что и не догадался бы о

том, что здесь вообще кто-то что-то делал. Даже тридцатьчетверка издали напоминала грандиозную кучу мусора. В окопах и укрытиях не было видно никакого движения. Только в паре мест вверх поднимался легкий дымок. Не иначе как чай разогревали. Перейдя реку, мы обходным путем, чтобы не оставлять на мокрой траве следов, поднялись на холм, где должен был находиться наблюдательный пункт. Еще на подходе нас окликнули. И только убедившись в том, что подходят свои, позволили идти дальше.

На вершине холма, прямо под корнями большого куста, был выкопан окоп. В нем сейчас находились два бойца. Один спал, второй сидел около телефона.

— Как связь? В порядке?

— Все нормально, товарищ командир. Только что разговаривали. Сейчас к нам посыльный прийти должен. Поесть принесет. А так все тихо. Немцев не видно, вообще никого нет.

— Я думаю, что раньше чем к обеду они сюда и не придут. Им еще на прежнем нашем рубеже бодаться до потери пульса.

— Так там же нет никого!

— Это мы с тобой знаем, а немцам про это неизвестно. Особенно когда их пулеметами стеганут. Тут уж точно не до рассуждений будет.

Спустившись вниз, мы еще раз прошли по местам установки фугасов. Промокший дерн уже слился с окружением, и если не приглядываться специально, то обнаружить минирование было почти невозможно.

Неожиданно в воздухе наступила тишина. Я не сразу сообразил, что происходит. И только потом понял: немцы прекратили артподготовку. Мы переглянулись, и Рокотов сказал: «Пожалуй, мне пора».

— Давай поаккуратнее там. Башку зря не подставляй. Из командиров у нас и так почти никого не осталось. И помни: дать немцам увязнуть поглубже, до той поры сидите тихо.

Мы обнялись, и Рокотов, закинув за спину автомат, быстрым шагом пошел к нашим старым позициям. Едва он скрылся за холмом, как вдали снова слышались разрывы. Немцы начали обработку окопов.

По возвращении к мосту меня встретил Ковальчук.

— Здравия желаю, товарищ командир! Личный состав накормлен, все заняли свои места.

— Добро, — я потопал на КП.

— Тут вас старший лейтенант помогает.

— Это еще какой? Взводный наш бывший?

— Нет, тот, что вчера на площади штабными командовал.

— Ну, давай его сюда. Поговорим, пока время есть.

Штабной выглядел неважно. Под глазами у него набухли мешки. Видимо, он большую часть времени не спал.

— Слушаю вас, товарищ старший лейтенант. Какие вопросы?

— Я прошу вернуть мое личное оружие. Скоро бой, а мне даже стрелять не из чего.

— Держите! — я вытащил из сумки «Коровина» и протянул его хозяину. — Только вот оружием это назвали явно по недоразумению. Стрелять из него можно только в упор. Хотите, вам что-нибудь другое подберем?

— Да я вообще стрелок плохой.

— Так это и не ваше дело — стрелять. Есть у вас личный состав — вот им и командуйте. Это ваше оружие. Позиция ваша не на самом переднем крае. Может, до вас еще очередь и не дойдет. По крайней мере вначале. А там, как говорят в Одессе, будем посмотреть. Может, помощь подойдет или приказ другой дадут.

Он козырнул и молча пошел к своим солдатам.

ГЛАВА 40

Потянулось тягостное ожидание. Примерно через полчаса артиллерийская канонада затихла, и в воздухе опять повисла тишина. Ненадолго. Уже минут через пятнадцать ее разорвали выстрелы танковых пушек и длинные пулеметные очереди. Значит, немцы под прикрытием артогня подошли максимально близко к нашим старым окопам. Пулеметная стрельба — это наши расчеты имитируют активное сопротивление. По разработанному нами плану они должны отстрелять одну-две ленты и в темпе ныкать. Укрытия для этого были выкопаны еще вчера в стороне от окопов. На все это мы отводили максимум полчаса. Уйти раньше значило вызвать подозрение немцев. Уйти позже вряд ли бы получилось.

Стрелка часов отмерила двадцать две минуты, и стрельба в районе наших старых позиций затихла. Успели они уйти или нет? Полчаса еще не прошло, но откуда я знаю, какая там была обстановка? Одна надежда: Рокотов — мужик разумный и обстоятельный, горячку пороть не будет. Раз принял решение отойти, значит, так надо. Я обернулся к Ковальчуку.

— Давай, на позиции сообщи: всем готовность номер один. Без приказа не стрелять. Особенно это штабных касается.

Он убежал к телефонистам. Благодаря вчерашней реквизиции штабных запасов телефонной связью мы были обеспечены более чем удовлетворительно.

Однако же и мне туда пора. Пока бой не начался, надо руку на пульсе держать, мало ли... стрельнет еще кто не вовремя...

Вот и окопчик телефонистов. Выкопали мы его под прикрытием развалин, так что со стороны противника сюда влупить будет затруднительно.

— НП? Как там у вас?

— Тихо пока...

Ладно.

Обождём... нам пока всякое промедление в кассу.

Однако ждать не пришлось. Телефон зажужжал, и телефонист подал мне трубку.

— Слушаю!

— Мотоциклисты!

— Сколько?

— Вижу троих. В смысле — три мотоцикла. Один у выезда на дорогу

остановился, двое других идут к вам, к мосту.

Трубка брякнулась на аппарат.

— Так! Передать всем — не стрелять! Ждать моей команды!

Прошло несколько минут, и из-за холма не торопясь выкатились два мотоцикла. В колясках пулеметчики настороженно поводят по сторонам пулеметными стволами. Подянки опасаетесь? Правильно, ребята, делаете... Только не здесь она вас ожидает.

Первый мотоцикл тронулся с места и въехал на мост. С заднего сиденья соскочил немец и, подбежав к краю моста, принялся рассматривать сваи. Мину ищет... ученый... но тут твоя ученость не катит. Нету там ее. Видимо, успокоенный осмотром, немец вернулся назад, и на этот раз уже оба мотоцикла въехали на площадку перед мостом. Лавируя по узкому проходу между сгоревшей техникой и развалинами, объезжая воронки, они медленно продвигались вперед. Пока ничего не вызывало у них подозрения. Ф-ф-у-у... Сколько мы вчера сил потратили, а я так чуть не охрип от матюгов, выстраивая эту на первый взгляд беспорядочную мешанину обломков и воронок. Но... построили... Даже воронки постарались выкопать со всей старательностью, учли даже то, куда будет выброшена земля при стрельбе со стороны немцев. Вот и экзаменаторы пожаловали, сейчас нам оценки ставить будут.

Третий мотоцикл появился около моста. Остановился, но мотор не заглушил. Ждет...

Передний мотоцикл вдруг развернулся и во весь опор понесся в сторону моста. Что-то увидел? Засек бойцов?

Зажужжал телефон. Кто это? А... пулеметчик у съезда с моста.

— Слушаю!

— Товарищ командир! Немцы уходят! Разрешите открыть огонь?

— Нет! Огня не открывать! Ждать команды!

Мотоцикл продолжал нестись к мосту. А второй?

Стоит на месте? Точно, стоит. Только пулеметчик вертит стволом по сторонам. Так это вы наши нервы испытываете? Ну-ну... валяйте.

Немцы проскочили через мост, и водитель подрулил к третьему мотоциклу. Мотоциклисты о чем-то переговорили, и третий мотоцикл тронулся с места, развернулся и скрылся за холмом.

Сработало?

Ждем доклада с НП.

Телефон!

— Да!

— Третий мотоцикл на большой скорости уходит от реки! Едет по дороге в сторону наших окопов.

— Это он за основными силами отправился. Ждем походной колонны.

Первый мотоцикл тоже развернулся и двинулся через мост. Вот они оба, держась строем уступа, направились в сторону деревни. Скатертью дорожка, гости дорогие... Там, между деревьями, мы уже приготовили встречу таким вот... туристам... Из того же телефонного провода сплели три жгута и разложили их на дороге метрах в десяти друг от друга. Учитывая вероятную скорость мотоциклов, шансов побеседовать с экипажами после такого приема было немного. Была, конечно, вероятность того, что фрицы пустили бы в головной дозор броневик или бронетранспортер с солдатами. Ну и на этот случай у нас заготовочки были...

Прошло несколько минут.

Чу!

Где-то в тылу бухнул одиночный выстрел...

Снова тишина...

Телефон!

— Слушаю!

— Товарищ командир! Это Ковальчук!

— Рассказывай.

— Встретили мотоциклы. Все, как вчера и говорилось. Только они в промежутке между жгутами въехали, так мы их и натянули.

— И как?

— Как колом по яйцам! Одного только дострелить пришлось, он, собака, голову в этот момент наклонил, вот и уцелел. И то — ненадолго...

— Жаль... Поговорил бы я с ним... Что взяли с мотоциклов?

— Два пулемета с патронами. Два автомата и два карабина. Гранат отыскалось восемь штук.

— Один пулемет и карабины оставь штабным, все прочее — сюда. И побыстрее!

Только я положил трубку, как зажужжал телефон с НП.

— Слушаю.

— Вижу колонну. В голове три танка. После них идут бронетранспортеры — пять штук. Дальше грузовики. В хвосте колонны три грузовика с пушками на прицепе.

— Сколько там солдат? Ну, плюс-минус лапоть хотя бы.

— Не менее двухсот. Возможно, и больше, точно сосчитать не могу.

— Добро. Работай дальше.

Новый телефон.

— Пост номер три слушает!

— Это Леонов. Танкистам передай, после танков их задача — забить техникой мост. Чтобы другие танки не прошли. Дам ракету — пусть играют, как на свадьбе! От вас и весь перепляс пойдет!

Прошло совсем немного времени, и мы все услышали медленно усиливающийся низкий гул.

Вот из-за холма появились танки. Они шли чуть в отрыве от колонны. Подъехав к мосту, передний танк затормозил. Откинулся башенный люк, и из него показалась голова. Танкист вскинул к лицу бинокль.

Я обернулся к телефонистам.

Те, вытянув шеи, пытались рассмотреть приближающуюся колонну.

— Чего вы там не видели? Еще налюбуетесь. Передайте по всем постам — головы не высовывать! Засекут нас немцы — вся работа коту под хвост!

Любознательный немец вертелся по сторонам еще несколько минут. За это время к нему подтянулась вся колонна. Моторов они не глушат... хорошо. Зная немецкий пунктик относительно экономии топлива, можно было предположить, что, ожидая сколько-нибудь продолжительной остановки, движки колонна заглушила бы. Значит, повторной разведки не будет...

Взревев мотором, передний танк двинулся на мост.

Я взял у телефониста ракетницу, проверил. Красная ракета.

Ждем...

Танк, не торопясь, переполз мост и притормозил, дожидаясь остальных. Вот уже второй подходит к берегу, третий в это время неторопливо подползает к мосту. Молодцы фрицы, соблюдают предписанное расстояние между танками при движении по мосту. То, что доктор прописал...

Передняя машина тем временем тронулась с места и стала огибать с правой стороны скопище разбитой и частично еще дымящейся техники. Ну, не зря все же мы ее вчера в такую кучу сдвигали. Пришлось танкистам попотеть... А еще и подожгли ее с утра... Совсем неприятная преграда стала. Никому ее таранить неохота...

Интересно, второй танк за первым пойдет? Или все-таки слева будет препятствие обходить?

Слева... Хорошо...

Третий тем временем въехал уже на середину моста. Еще чуток,

метров пятнадцать, и он доберется до берега. А вот те хрен!

Я вскинул ракетницу.

Пах!

Красная ракета прочертила в воздухе дугу, указывая на мост.

Шевельнулась куча строительного мусора, имитирующая разбитый дом.

Бух!

Бронебойный снаряд легко проломил лобовую броню немецкого танка. С такой дистанции нашим стрелкам можно было не выбирать точку прицеливания...

Хренак!

Полыхающая куча железа проползла еще несколько метров и остановилась, надежно закупорив мост.

В головной немецкий танк из развалин полетели бутылки с КС, и он почти мгновенно превратился в полыхающий костер. Второй машине тоже не повезло. У нее загорелся двигатель, а парой секунд позже прилетевший снаряд начисто снес ей башню...

Вторая красная ракета прочертила воздух в направлении моста.

И снаряды танковой пушки накрыли колонну.

— Телефонист! Танкистам передайте, пусть хвостовые машины выбивают! Те, что с пушками!

Сосредоточенная на узкой полоске земли между мостом и холмом колонна была почти идеальной мишенью.

Уже через пару минут дорога назад была надежно закупорена разбитыми машинами. И началось светопреставление...

Попытки развернуть пушки были пресечены в зародыше. Одну разнесло прямо-таки в клочья — в грузовике сдетонировал боезапас. Вторую перевернуло этим же взрывом. Третью отбросило в сторону, и она накренилась набок.

Положение у немцев было просто аховым. Мост закупорен горящим танком, бронетранспортеры не пройдут. Танкисты, соблюдая инструкцию, вели машину точно посередине моста (не железный, чай, и не каменный, надо осторожность проявлять, как в уставе написано), и теперь у нее с боков оставалось всего чуть более двух метров свободного пространства. Разве что на мотоцикле проехать можно. И все бронетранспортеры немцев мгновенно стали бесполезными... Да и прорвись они через мост, лучше не стало бы. Все пространство перед мостом было занято развалинами и разбитой техникой, а в единственных проходах догорали танки. Даже если бы немцы и спихнули танк с моста в реку (под огнем-то?), то толку с этого

не было бы. Дороги дальше просто не существовало, она была вся забита горящими машинами.

Оставалась пехота. Уж ногами-то везде можно пройти. И развалины да воронки этому не помеха. Убегать назад, да еще под артогнем практически в упор? Дураков среди немцев не было — в этом случае добежали бы немногие...

Разворачивать минометы они не стали. Толку-то с них было против танковой брони? То, что это именно танк, а не одиночное орудие, они видели. Выстрелами с башни сорвало часть маскировки, и теперь марку машины можно было определить безошибочно. Досадный ляп, если позабыть о том, что на тех местах мы ее и не закрепляли, как положено...

Орущая толпа разозленных фрицев влетела на мост. Обогнув танк, солдаты были встречены картечным выстрелом, проделавшим в их рядах изрядную брешь. Атакующий пыл тут же поутих, и фрицы стали расползаться по укрытиям. Сложить голову впустую никто не хотел...

Что сделает любой солдат, если ему прямо в харю пальнут картечью? Правильно, постарается заныкаться понадежнее. А если вокруг относительно ровное место? Побежит туда, где такого места уже нет. В лоб на пушку, а тем более — на танк, не поперет, ученые уже все. Да и сколько там этих танков? Один? А если нет?

Вот и немцы побежали. Не назад, через мост. И не вперед, под выстрелы танковой пушки и предполагаемые танковые же пулеметы. Побежали они в сторону воронок, которые присутствовали неподалеку от съезда с моста. А что бы им туда и не побежать? Ямы достаточно емкие, более того, грунт, якобы выброшенный при разрыве снаряда, лег, как ему и полагалось, в сторону полета снаряда. Тем самым создав хоть и примитивный, но все же бруствер, закрывающий от возможного пулеметного огня. А почему «якобы» выброшенный? Так это мы его вчера насыпали. И никакие снаряды тут ни при чем. Воронки вообще были от небольших авиабомб. Их даже специально углублять пришлось. Потом края подравнивать и подсыпать. Муторное это было дело...

Так что, невзирая на размеры этих «воронок», немцев туда набилось презрительно...

— Телефонист! Пост номер пять!

— Земсков у аппарата!

— Давай, крути свою шарманку! Первая линия, как и планировалось.

— Есть, товарищ командир!

И наш сапер крутанул подрывную машинку...

С небольшим интервалом прозвучало пять взрывов. И хотя заряды

были относительно невелики (всего по килограмму тротила), многим немцам этого хватило досыта...

Над площадкой описала дугу зеленая ракета.

И скрытые до того времени в развалинах и в прибрежных кустах, ударили пулеметы.

Жестким, фланкирующим огнем...

В четыре ствола.

Не жалея патронов.

Белая ракета.

Скрылся в кустах на той стороне последний убегающий немец...

Телефон.

— Гогуа!

— Я, товарищ командир!

— Высылай трофейную команду! На ту сторону переходить осторожно, мало ли... Смотреть в оба! Фрицы сбежали, а вдруг не все? Бронетранспортеры, те, что на ходу, выстроить поперек дороги и зажечь! Пулеметы, патроны, гранаты — все, что пригодится, тащите сюда. Сейчас Ковальчука вызову, он уж тут раскидает трофеи по справедливости. Пушку осмотрите, если годная к стрельбе — на эту сторону. Снаряды вообще забирайте все, какие будут. Телефонист!

— Я, товарищ командир!

— Давай НП. НП? Как там фрицы? На дороге сидят? Много? С полсотни... Пускай сидят, лишь бы в нашу сторону не лазили, а то там сейчас наши «трофейщики» шуруют. Смотрите там...

ГЛАВА 41

— Товарищ командир! — это один из телефонистов.

— Чего тебе?

— Там Ковальчук пришел...

— Уже? Я только звонить ему собрался...

— А он не один пришел...

Я обернулся. Со стороны дороги подходил Ковальчук. Следом за ним шел незнакомый мне командир. Сопровождала его группа бойцов, человек шесть. И кто это к нам пожаловал? Я посмотрел на петлицы. Оба-на, полковой комиссар! Птица немалого полета... Ну что, ревизия прибыла?

— Здравия желаю, товарищ полковой комиссар! Командир 82-й отдельной армейской штрафной роты старшина Леонов!

— Вольно... старшина... Полковой комиссар Грушевский. Расскажите-ка мне, что тут у вас происходит...

— Разрешите, товарищ полковой комиссар? — я кивнул в сторону телефонистов, настороженно косящихся на неожиданных визитеров. — Мне необходимо отдать распоряжения...

— Действуйте, — кивнул он головой. — Только побыстрее...

— Миронов! Запроси о потерях. Наших и противника. Доклады «трофейщиков» — немедленно сюда.

— Так точно! Сделаем, товарищ командир!

— Товарищ полковой комиссар...

— Член Военного совета! — вклинился в наш разговор один из сопровождающих.

— Извините! Я этого не знал...

— Продолжайте, старшина, — жестом руки отстранив своего спутника, сказал Грушевский. — Что здесь происходит?

— Выполняю приказ, полученный командиром роты, товарищ член Военного совета! Не допустить прорыва противника на данном участке. Любой ценой!

— А где сам командир роты?

— Ранен и убыл в госпиталь. Перед этим он назначил меня исполнять его обязанности.

— Есть письменный приказ?

— Есть. Разрешите предъявить?

Видимо, этого полковой комиссар не ожидал.

— Ну... давайте, что там у вас...

— Прошу! — и я протянул ему лист бумаги, еще раз подивившись дальновидности Романова. — Копия приказа направлена в тот же день по команде. Вот также и копия донесения о происшедшем вчера бое.

— Так... — рассматривая документы, произнес комиссар. — Все по правилам... подпись, дата... Донесение тоже по форме составлено... ого! Тоже немало вы там накуролесили... А что, кроме вас, в роте не осталось командиров?

— Никак нет, остались! Старший лейтенант Городня и лейтенант Рокотов.

— Почему же капитан Романов назначил вас?

— За неисполнение приказа командира, повлекшее гибель вверенного подразделения, старший лейтенант Городня от занимаемой должности отстранен. Направлен в строй в качестве рядового бойца. Почему командир поручил исполнять его обязанности мне, а не лейтенанту Рокотову... — я развел руками. — Видимо, ему было виднее.

— И этот приказ у вас тоже есть...

— Так точно! Предъявить?

Комиссар замолчал. Заложил руки за спину и прошелся перед нами туда-сюда.

— Товарищ член Военного совета! — Это Миронов. — Разрешите обратиться к командиру роты?

— Обращайтесь.

— Товарищ командир роты! Потерь среди личного состава не имеется. Легко ранен один боец. В строю пятьдесят четыре человека. Подсчет расхода боеприпасов ведется. Потери противника, по предварительной оценке, составляют более ста человек только убитыми, около сорока человек ранено и захвачено в плен. Оказание им медпомощи затруднено отсутствием у нас медикаментов и перевязочных средств. Уничтожено три танка, семь бронетранспортеров, шесть грузовиков, два артиллерийских орудия. Захвачено одно орудие со снарядами, шесть пулеметов и миномет. Подсчет трофеев продолжается.

— Пусть немцы себя сами и перевязывают! Нету у меня для них госпиталя! Небось бинты и вату и у себя отыщут. В ранцах пороются, там у них много чего есть...

— Так... Иди-ка сюда, старшина... — Грушевский взял меня за рукав и отвел в сторону. — А вы там стойте!

Тронувшиеся было за ним сопровождающие вернулись назад.

— Вот что, старшина... То, что я сейчас видел и слышал, убеждает

меня в правильности твоих действий. Да еще и во вчерашнем рапорте командир роты тебя отметил с самой положительной стороны. Засаду сам придумал или подсказал кто?

— Сам, товарищ...

— Комиссар. Так короче будет, а свои звания и должности мне и без тебя известны.

— Сам. Опыт есть, не первый день воюю.

— Как долго еще здесь держаться сможешь?

— Еще одну атаку выдержу точно. Если немцы применяют авиацию — взорву мост, после чего отойдем в деревню. Может быть, еще одну атаку отобьем. Дальше все — кончимся. Народу у меня... сами все слышали...

— Что тебе нужно, чтобы продержаться тут два дня?

— Оружие есть, боеприпасы тоже пока имеем — немцы «подвезли». Людей мало. Артиллерии нет, минометов всего два. Про ПВО — вообще молчу... Еды, санитаров — тоже не помешало бы. Немцев этих теперь девать куда-то нужно...

— Угу... С ПВО ничем не помогу — нет. Артиллерия... ладно, подумаем. Людей пришлю, сколько смогу. Еды навалом, распоряжусь.

— Тогда, товарищ комиссар, попробую.

— Ты не пробуй! Ты продержись! Там, — ткнул он рукой в тыл, — аэродром. На нем около тысячи раненых. Мы пробили коридор к своим, понемногу вывозим их. Авиация тоже старается изо всех сил. Но... сам понимаешь... тысяча человек... Коридор простреливается немцами, вывозить раненых мы можем только ночью. Или авиацией. Поэтому все ПВО, которое еще у нас осталось, стянуто в район аэродрома и маршрута перелета транспортных самолетов. Сил свободных у меня нет, оборонять аэродром нечем. Немецким танкам отсюда до него — час ходу.

— Понял...

— То-то... — он повернулся к своей свите. — Тихомирова сюда! Бегом!

Один из сопровождающих сорвался с места и пулей понесся в тыл.

— Как тебя на роту поставили и почему, разбираться мне некогда. И незачем. Командир твой явно не спяну так поступил. Значит, были у него основания для такого решения. Думаю я, что он тебя уж всяко лучше меня знал. Громов! — обернулся он к своей свите.

— Я, товарищ член Военного совета!

— Заготовь приказ. Сформировать на базе 82-й отдельной армейской штрафной роты сводную группу под командованием старшины Леонова. Как тебя по батюшке?

— Александр Павлович.

— Леонова Александра Павловича. Дать ему право останавливать и присоединять к своей группе все выходящие из окружения или утратившие связь с командованием остатки воинских частей и отдельных бойцов. Группе поставлена задача — любой ценой предотвратить прорыв противника в район аэродрома у деревни Чалово. Приказываю сводной группе удерживать занимаемые позиции в течение двух суток. По истечении этого срока разрешаю отход на соединение с основными частями. Написал? Дай сюда, я подпишу.

— Товарищ комиссар...

— Что еще?

— Вы там указали про остатки частей... Но... у них ведь есть свое командование. Какие-нибудь командиры уцелели, не всех же повыбило?

— Ну, уцелели. И что?

— В нашей роте меня назначил командир, и это всем известно. А здесь... Скажет какой-нибудь капитан, мол, принимаю командование как старший по званию. А ты, старшина, вообще штрафник. Сиди и молчи.

— Что-то ты темнишь, старшина... Раньше тебя это не останавливало... Громов! Добавь в приказ. Снять Леонова с его поста или отстранить можно лишь по моему прямому указанию. Или это можно сделать приказом командира дивизии, то есть равного мне по занимаемой должности.

Он повернулся ко мне и взглядом указал следовать за ним. Мы подошли к телефонистам, все это время напряженно следившим за нами.

— И вот что я тебе скажу, старшина. Нет тут больше штрафников, понял? Своими действиями вчера и сегодня вы искупили свою вину перед нашей страной. Это мое мнение, а оно, слава богу, кое-чего стоит еще! Сегодня же, как приеду в штаб, поставлю этот вопрос перед членами Военного совета и перед прокурором. Думаю, что приказа долго ждать не придется...

— Товарищ член Военного совета! — запыхавшийся штабной старший лейтенант вытянулся перед полковым комиссаром. — По вашему приказанию... прибыл...

— Значит, так, товарищ старший лейтенант. Я всесторонне и объективно изучил ваш рапорт. Произвел проверку обстоятельств, изложенных в нем. И полностью, своей властью, утверждаю все приказания старшины Леонова. Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ член Военного совета!

— И вот что я тебе скажу, старший лейтенант... — комиссар ухватил

побагровевшего Тихомирова за пуговицу гимнастерки. — Ты, конечно же, не успокоишься. И писать станешь во все мыслимые и немыслимые инстанции. Пиши. Это ты можешь. Но запомни! Я, конечно, не Лев Захарович, но тоже могу обеспечить тебе затруднения с пищеварением и продолжением рода, аж до самого конца твоей жизни! Это ты понял?

Последние слова комиссар произнес так тихо, что их расслышали только Тихомиров и я.

После того как Тихомиров скрылся из виду, комиссар повернулся ко мне.

— Ну, надеюсь, что других недовольных тут больше не будет. Так что работай! И назад не оглядывайся. Громов!

— Я!

— Пленными немцами займись. Организуйте их отправку в тыл. Для конвоирования возьмите бойцов из моей охраны.

Он повернулся ко мне.

— Ну, старшина, не подведи меня! Давай, занимайся своим делом, а я постараюсь тебе помочь. Тут уж как выйдет — не обессудь!

Комиссар пожал мне руку и вместе со своей свитой пошел к дороге.

— Так! — повернулся я к телефонистам. — Сообщите на посты о том, что сказал член Военного совета относительно штрафников. Пусть бойцы знают это. Ковальчук! Пошли со мной.

Мы прошли на площадку перед мостом.

Там кипела суeta — бойцы тащили через мост трофейное вооружение и боеприпасы. С матюгами и руганью протаскивали по узкому проходу уцелевшую пушку. На ходу я озадачивал Ковальчука на предмет размещения захваченного нами вооружения. Все наши минометы я распорядился установить так, чтобы из них можно было обстреливать подступы к мосту на том берегу. Вообще, на месте немецкого командира я бы пять раз подумал, прежде чем атаковать мост с данного направления. И так уж не слишком широкая дорога сейчас была загромождена разбитой и горящей техникой. Это полностью исключало из дела танки — разве что для стрельбы с места. Не расчистив дорогу, пустить по ней танки было нереально. Разве что тараном пробивать проход через нагромождения подбитых машин. И если с грузовиками подобный фокус еще можно было бы сделать, то спихнуть таким образом горящие бронетранспортеры... Даже при полном отсутствии противодействия с нашей стороны на подобное мероприятие ушло бы прилично времени. Торопя бойцов, я поглядывал на часы. С момента окончания боя прошло около двух часов. Затянувшееся молчание со стороны немцев уже напрягало. Что может

сделать сейчас их командир? Артналет? Без корректировщика? Неэффективно. А корректировщиков пока не было. Своевременно выдвинутый на холм секрет (бойцы ушли почти сразу после отбития немецкой атаки) пока никаких признаков жизни не подавал. Выстрелов тоже не было слышно, значит, они еще пока живы и здоровы. Авиация? По одному танку посередине минного поля? И по четырем пулеметам? Не дуже расточительно? Это смотря какая задача стоит перед немцами. Если они знают про аэродром... Скорее всего — знают. Или узнают в самом ближайшем будущем. Так или иначе, но сейчас уже почти два часа. Если они придут сегодня, то часа через три... или совсем не придут.

Командиру... дивизии генерал-майору фон Вейде

Сообщаю вам, что 11 сентября 1942 года, во исполнение ранее полученного приказа, мною была предпринята атака на позиции противника в квадрате 14–21. По данным разведки, на них держал оборону пехотный батальон без средств усиления. Присутствовали только небольшое количество пулеметов и одно-два противотанковых ружья. Предпринятая днем ранее разведка боем в целом подтвердила полученные данные. Для атаки был назначен 2-й батальон. Для усиления батальону были приданы четыре танка, которые должны были подавить пулеметы противника и, не входя, по возможности, в зону эффективного огня противотанковых ружей противника, обеспечить продвижение пехоты к окопам противника.

В 11.15 батальон начал построение для атаки и немедленно был подвергнут минометному обстрелу со стороны болота, расположенного на правом фланге. Проведенная ранее занимавшим наши позиции 1-м батальоном 3-го полка разведка местности установила, что данное болото непроходимо для пехоты и техники. Поэтому наличие в нем огневых точек противника явилось неожиданностью для командира 2-го батальона, всецело доверявшего имеющимся у него данным. В результате минометного обстрела батальон понес потери, и его развертывание произошло позже намеченного срока.

Для подавления огневых точек противника были направлены танк и взвод солдат. Приблизившись к болоту, им удалось заставить русских прекратить огонь. Однако в процессе этого танк попал в болото и начал тонуть. Пехота прекратила огонь и

приступила к спасению машины и ее экипажа. Воспользовавшись этим, противник снова открыл огонь. В результате этого погиб командир танка, обер-ефрейтор Венцель. Взвод, несмотря на ружейно-пулеметный огонь, атаковал огневые точки и вывел из строя миномет противника. Однако понесенные при этом большие потери не позволили взводу полностью выполнить поставленную перед ним задачу. Взвод отступил на соединение с основными силами, вынеся из-под огня троих раненых, в том числе и командира взвода, лейтенанта Хайнике. Потери взвода составили девятнадцать человек убитыми.

Тем не менее задача была ими в основном выполнена, что и позволило батальону атаковать основные позиции противника.

После соприкосновения наших солдат с противником удалось установить, что оборонявшийся ранее на этом участке стрелковый батальон был за ночь заменен солдатами штрафной роты противника. По всей видимости, в данном подразделении были собраны опытные бойцы, направленные в штрафники по различным причинам. Их сопротивление было крайне ожесточенным, солдаты противника даже бросались в штыковую атаку на наши танки.

Ни один из них не сдался в плен, даже будучи ранеными, они оказывали упорное сопротивление. Оборона красных оказалась насыщена большим количеством пулеметов (не менее десяти). Помимо этого они умело использовали пушки ранее подбитых танков, открывая из них огонь в упор по проходящим мимо нашим машинам. Танки, захваченные противником, были уничтожены, при этом одна наша машина была подбита и взорвалась, часть пулеметов русских нами была подавлена. Это позволило оставшимся танкам прорвать линию окопов красных. Отставшая из-за внезапного минометного налета пехота залегла и не успела отогнать от прорвавшихся машин штрафников-смертников, в результате нападения которых обе они и были уничтожены.

Пехота была отведена в укрытие для переформирования и подготовки завершающего этапа штурма. Внезапно противник (видимо, специально ожидавший этого момента) с заранее подготовленных и хорошо замаскированных позиций нанес удар прямо по открытому флангу со стороны болота. Был убит последний остававшийся в строю офицер — обер-лейтенант

Хаген. Погибли также и все трое взводных унтер-офицеров. Пулеметным огнем с фланга было убито шесть и ранено восемь солдат. Оставшиеся без командования солдаты отошли к своим окопам. Противник, воспользовавшись отступлением, выдвинул вперед пулеметчиков, которые открыли огонь по отходящим. Следствием этого стали многочисленные потери среди отступающих подразделений.

По уточненным данным, потери противника составляют около ста человек убитыми и ранеными. Уничтожен один миномет, семь пулеметов.

Потери среди солдат вермахта составляют:

Три средних танка уничтожены противником;

9 офицеров и 7 унтер-офицеров, 128 солдат убиты;

6 офицеров, 92 солдата и унтер-офицера ранены и эвакуированы с поля боя.

В батальоне осталось три офицера и 85 нижних чинов.

Утонувший в болоте танк поднят и отбуксирован на ремонт.

Имеющихся сил было недостаточно для повторного штурма позиций противника.

В связи с этим я принял решение приостановить дальнейшее наступление. Прошу разрешить повторный штурм позиций противника завтра утром. Также прошу Вашего распоряжения о восполнении потерь, понесенных батальоном в ходе сегодняшнего штурма, выделении танков и артиллерийских орудий для организации артподготовки и непосредственной поддержки пехоты.

Командир второго полка... дивизии Майор фон Гершоу.

ГЛАВА 42

Сидя на остатках фундамента разрушенного дома, я прихлебывал из кружки горячий чай. Попутно выслушивал Ковальчука. Тот, тыча пальцем в карту, пытался пояснить мне ход работ по укреплению наших позиций.

— Основное я понял. То, что вы на дороге нагородили, это здорово. Только вот народу у нас... Кем держать эти позиции будем?

Ковальчук развел руками и ничего не сказал.

— Понимаю, что это уже не твоя забота. Тут мне голову ломать придется. Да... Вы там хоть перекусить успели?

— Да, как-то так... не особо.

— Вон у ребят немецкие трофеи лежат, иди прихвати себе и своим парням. Будет бой или нет, а пожрать всяко не помешает. У телефонистов фляги с водкой лежат, скажи, что я распорядился, и возьми себе одну.

— Есть, товарищ командир!

— Как перекусите, подходи сюда, прикинем вместе, что дальше делать будем.

Козырнув, он убежал к своим ребятам. Уже почти три часа он и его группа занимались тем, что всячески затрудняли проезд и проход по единственной дороге. Устраивали завалы, готовили позиции для стрелков. Выработались они уже вусмерть, и передышка была совершенно необходима.

— Товарищ командир!

Да, похоже, что пожрать мне не дадут...

— Да, что еще стряслось?

— Тут вас спрашивают. Комиссар подмогу прислал!

Неужто?! За такой новостью я и голодный понесусь сломя голову. Дожевывая на ходу, я торопливо подходил к своему командному пункту. Навстречу мне поднялись несколько человек.

— Командир сводной группы, старшина Леонов. Приветствую вас всех, товарищи. Очень вы вовремя, а то мы тут совсем уже с ног валимся. Надеюсь, что член Военного совета хотя бы в общих чертах пояснил вам обстановку? Не удивляйтесь, что группой командует старшина, времени не было, искать других командиров ему было некогда, вот и... Приказ есть приказ — ничего с этим не поделаешь... С кем имею честь беседовать?

— Младший лейтенант Сапельников! — поднялся с бревна коренастый мужик. — Командир саперного взвода. В строю двадцать один

человек. В наличии имею две сотни противопехотных и около полусотни противотанковых мин. Около пятидесяти килограммов тротила. Средства взрыва и все прочее имущество имеется.

— Ну, товарищ младший лейтенант, вы тут самый желанный гость будете! С вами я потом особо побеседую, работы вам тут...

— Старший сержант Нечипорук! — даже и не назови он свою фамилию, я бы и спьяну не перепутал его с кем-либо — вылитый хохол, как их любят изображать в книгах. Крепкий, основательный мужик, уважаю таких. Вот и говорит он неторопливо, слова взвешивает. Если еще и воевать так будет, вообще здорово, не люблю торопыг. Пригладив пышные усы, он откашлялся.

— Имею в наличии два орудия. Сорокапятки. Боекомплект полный. В строю четырнадцать человек, артиллеристы. Две повозки и четверо человек — обозники, вооружение — винтовки.

— Здорово! Там внизу, около моста, стоит трофейная немецкая пушка. Семидесятипятимиллиметровка. Снарядов к ней около двух сотен имеется. Забирай в свое полное владение, все равно у меня артиллеристов более нету.

Усы старшего сержанта плотоядно зашевелились, и я понял, что этот подарок у него теперь отберут только у мертвого.

— Посмотрим, товарищ командир! Надо еще проверить, как там с ней прежние хозяева обращались...

— Ну, с них теперь разве что черти в аду поспрошают. Задача у тебя простая будет — не пропустить технику на эту сторону. И пехоте соответственно вломить, ежели припрет.

— Вломим. За это не опасайтесь...

— Позиции сам выбирай, не мне тебя учить.

— Сделаем. Разрешите идти?

— Давай, Нечипорук, двигай. Я к вам позже еще загляну. Про маскировку не забудьте, немец авиацию прислать может.

— Старшина Ковригин! Минометный взвод. Восемнадцать человек личного состава. Два миномета 82-мм. В наличии имеем около трехсот мин. Один пулемет.

— У нас еще трофейных минометов штуки три есть. Боезапас к ним не подсчитали еще, но вроде как сотни две или больше имеется. Один наш, ротный, пятьдесят мин. Возьмешь под свое командование?

— А людей дадите?

— А где ж я тебе их найду?

— Так ведь кто-то из них раньше стрелял?

— Старшина, ты не из Одессы случаем будешь? Я сам с него и стрелял. Что же мне теперь — в минометчики идти?

— Ладно, товарищ командир, попробую своими силами обойтись...

Взглянув на последнего из ожидавших меня командиров, я чуть не присвистнул от удивления. Вот уж кого-кого, а моряка тут встретить было почти невероятно.

— Главстаршина Наливайко! Кто-то тут поминал Одессу, или мне послышалось? Так вот, товарищ командир, вы таки ошиблись адресатом! Наш уважаемый старшина, безусловно, достойный человек, и, глядя, как он с вами торгуется за минометчика, я готов снять перед ним бескозырку. Но вот в Одессе я его не встречал...

— Надо признать, что и я никак не ожидал встретить здесь моряков. Я ошибаюсь, или тут неподалеку пришвартовался крейсер?

Наливайко прямо-таки расцвел. На лентах бескозырки была надпись «Червона Украина».

— О! Товарищ командир слышал за наш славный корабль? Увы, но он теперь еще долго не отойдет со своей последней стоянки...

— Нет крейсера, но матросы есть? Тоже неплохо.

— Так точно! В строю тридцать два человека, два станковых пулемета, двадцать одна винтовка СВТ и семь автоматов.

— Как сюда попали, главстаршина?

Моряк снова расцвел. Я-то помнил, как внимательно относятся моряки к правильному произношению их званий, вот и не ошибся. Во всяком случае, на Наливайко это подействовало. С его слов, они прикрывали железнодорожный транспортер с орудием. Эдакую здоровенную платформу со 180-мм пушкой. После его повреждения авиацией противника транспортер ушел в тыл, а его охрана, ожидая возвращения транспортера после ремонта, оказалась в котле. Где и попала на глаза Грушевскому. Очень ценный подарок! Моряки — вояки отменные. Мое мнение по этому поводу только усилилось, когда мы осматривали их строй. Крепкие, ладные парни. Снаряжение подогнано и где-то даже и подшито для большего форсу.

— Вот что, главстаршина... я смотрю, у тебя двое ребят со снайперскими винтовками. Для форсу или работать могут?

— Показать? — моряк обиженно насупился.

— Отвечаешь?

— Кувшинов! Покажи приклад!

Один из снайперов протянул мне свою винтовку. На прикладе имелись зарубки, смысл которых мне не надо было пояснять. Одна. Две...

Четырнадцать! Неслабо...

— Вот что, главстаршина, эту парочку я у тебя забираю. И еще двоих им в прикрытие дай. Винтовки свои они могут оставить, я им трофейные пулеметы дам.

— Так мы уж все вместе, командир, как же так...

— Не ворчи, моряк, тебе тоже задачка неслабая будет. Сажать твоих ребят в оборону...

Гримаса на лице Наливайко ясно показала, что он думает по этому поводу.

— И я так думаю. Вот, — развернул я перед ним карту. — Смотри... Где-то здесь сидит в засаде лейтенант Рокотов. У него есть немецкий танк и человек шесть пехоты с пулеметами. Должен он был уцелеть, во всяком случае стрельбы там я не слышал, а втихую его не взяли бы. Задача у него особая — нанести удар в спину фрицам, когда нас тут в блин раскатывать начнут. Танк — это, конечно, хорошо, но и они горят, как свечи. Без пехоты здесь не обойтись. Так что ребята там нужны... сам понимаешь... неслабые и отчаянные. Как мыслишь, главстаршина, потянут твои парни?

— Товарищ командир! Да мы... мы их зубами грызть будем!

— Не надо зубами. У меня трофейных пулеметов почти десяток, возьмешь? Гранат дам, полсотни хватит? Хоть и немецкие, но и они в дело пойдут.

— Патроны к пулеметам?

— Ага, проникся?! Дам, сколько унесешь. Станкачи здесь оставь, с ними не побегаешь, а бегать тебе придется. Подойдешь к саперу, пусть он даст тебе десяток противотанковых мин и покажет, как их ставить.

— Зачем это?

— Смотри. Немцы вскорости опять сюда пойдут. Слева от нас река, дальше она разливается, и переправу искать на ней хлопотно. Танки переправить нельзя. А без них фрицы не полезут.

— А справа что?

— Там реки нет. Но вместо нее вся местность изрыта оврагами и балками. Для танков простора нет. Что там у нас с обороной — не знаю. Но если член Военного совета сюда приехал...

— Значит, тут самая задница и ожидается...

— Скорее всего. Да и до аэродрома отсюда по прямой всего ничего. Место самое удобное.

— Что ж тогда войск сюда дали так мало?

— Зато самых лучших. Или ты иначе думаешь?

Главстаршина усмехнулся.

— Нет. Дали тех, кого надо. Что с минами-то делать, командир?

— Когда фрицы пойдут на нас еще раз, вы их пропустите. Этих мы постараемся отбить или хотя бы задержать. После того как они пройдут, заминируете перекресток дорог.

— Это чтобы к ним подмога не пришла?

— Верно. Когда они на минах гробанутся, вы их там и прихлопните. Чтобы уж гарантированно не приперлись.

— Сделаем.

— Если немцы подвезут артиллерию, то и ее вы должны наморщить качественно. Удара танков и пехоты в тыл они явно не ждут. Да и охраны у пушек, скорее всего, не будет. А там... или взорвете их к чертовой бабушке, или уж хотя бы пальните из них фрицам в спину. Даже если всего пару снарядов им навесите, и то мало не покажется...

— Понял, командир. Ну, ты и голова! Эдак наvertеть-то!

— Ладно... Давай, води своих ребят на перевооружение...

Вместе со снайперами и их напарниками мы завернули в один из разрушенных домов. Домик имел нехилый подвал, в котором был устроен склад трофеев. Там матросы из прикрытия отобрали себе по пулемету. Помимо патронных коробок, они еще и перепоясались лентами и стали напоминать героев фильма о Гражданской войне. Отловив по пути командира саперов, я поинтересовался — есть ли в его хозяйстве маскировочная сеть?

— Есть. А много надо?

— А вот этим товарищам отрезать кусочек. Метра три в длину и метр шириной. Каждому.

— Сделаем. А зачем это?

— Сеть несите, покажу.

Сапер послал за сетью своего бойца, который вскорости приволок требуемое.

— Смотри сюда! — и ближайший снайпер был уложен на землю. Куском веревки я закрепил сеть у него на плечах, кусок сети обмотал вокруг головы и в нее же замотал винтовку. — Отходим все от него.

Мы отошли метров на пятьдесят.

— Ну как, хорошо его видно?

— Бугор какой-то...

— А если он еще и на фоне травы или кустов ляжет?

— Совсем плохо видно будет.

— Вопросы есть?

Вопросов не было.

— А теперь, товарищи, потопали на ту сторону.

Минут через тридцать мы стояли на вершине холма, около расщелины. При подъеме наверх встретили секрет, бойцы которого поведали нам о том, что немцев пока не было.

— Ставлю задачу! Основная задача на начало боя — выбить корректировщиков, чтобы немцы не могли вести прицельный огонь. Пары размещаются вон там и вон, холмик видите? И на нем тоже. Это начало. Как бой пойдет, стрельба начнется, под шумок валите офицеров. Минометчиков, особенно наводчиков. И вообще — старайтесь себя не светить. Корректировщиков отработаете — и молчок! Пока мы стрелять не начнем. Чтобы не срисовали вас раньше времени. Вот в эти сектора не залезать! И вообще, к дороге ближе ста метров не подходить!

— Почему, товарищ командир?

— Оттого, ребята, что хоронить мне вас неохота еще. Тут мины стоят.

— Где? — заинтересовался сапер.

— А вот теперь уже ваша задача началась. Камнеметные фугасы, четыре штуки, расположены вон там и вон там. Видите?

— Нет...

— Значит, постарались мы хорошо. Ваша задача, товарищ младший лейтенант, состоит в том, чтобы немцы не прятались от огня...

— Какого?

— Постараемся их тут минометами прижучить. Так вот, противник не должен лезть вон в те кусты. И вон туда, в ложбинку. Стало быть, кустики и ложбинку вы заминировать. Пяти мин, я думаю, хватит. Лишь бы они туда не совались.

— Так есть же вот эта расщелина, товарищ командир! Она в данном плане гораздо предпочтительнее будет. Не прямая, так что даже в случае прямого попадания мины точно в нее осколки дальше поворота не уйдут.

— Вот пускай фрицы в нее и лезут.

— Вы хотите и ее заминировать? Разумно, но в этом случае после первого же разрыва они и сюда более не полезут.

— Она уже заминирована. Заряды стоят вот здесь и там, у противоположного входа.

— Какие? Осколочные? Или тоже камнеметы?

— Нет. Безосколочные, по двадцать килограмм каждый.

Сапельников озадаченно покачал головой.

— Вы хотите завалить расщелину и лишить немцев укрытия? Но для этого можно было бы использовать и менее мощные заряды...

— Нет. Этого делать мы не будем. Пусть будет укрытие. Ваша задача

— загнать сюда немцев. Если туда залезет хотя бы рота, я вас лично расцелую! Не хотите? Тогда — водки налью!

— Ну, положим, туда и две роты залезть смогут. Но зачем? Подорвав заряды, вы положите только крайних в этой цепочке, они же все будут вытянуты вдоль стен, и осколки далеко не уйдут...

— А если я взорву оба заряда одновременно? И взрывные волны пойдут по расщелине? Навстречу друг другу?

Сапер что-то прикинул в уме. Его лицо просияло.

— Тогда... тогда вероятность уцелеть при таком методе подрыва... практически равна нулю!

— А я о чем?

Оставив снайперов обживать позиции и искать себе укрытия, мы пошли назад. Навстречу протопал отряд морпехов. Они шли молча, без зубоскальства и шуточек. Увидев нас, Наливайко подошел ближе.

— Ну как, главстаршина, все взял, что нужно? Продовольствие, боезапас?

— Я уже думал, что тот хитрый жук, который сидит у вас, товарищ командир, на трофеях, сейчас сыграет в ящик!

— Гогуа? С чего бы это вдруг?

— Он так смотрел за каждый патрон и самую распоследнюю гранату! Я уже думал — его хватит родимчик!

— Ну, он же все это туда сам и таскал...

— За что ему сердечное спасибо! Но он так и собирался сидеть там Кощеем до конца войны? Он немножко неправильно информирован — война кончится не завтра!

Эх, знал бы ты, когда она закончится...

— Хорошо, что хотя бы продовольствием у вас заведует не этот жлоб! А то при подобном отношении еще и к еде... мой отряд так никуда бы дальше этой пародии на воду и не ушел... Скончались бы от заворота кишок...

— Слюной бы захлебнулись...

— Вы таки понимаете меня, командир?

— Ладно! — хлопнул я его по плечу. — После боя еще будет время поговорить о разных вещах...

Главстаршина козырнул и заторопился к своим бойцам.

ГЛАВА 43

По пути на наш берег мы еще раз прикинули места расстановки мин. Основной целью по-прежнему считался недопуск бронетехники противника на мост. Мин для этой цели пока хватало.

— Вот что, Сапельников... Сколько у нас мин остается?

— Каких?

— Противотанковых.

— Штук десять.

— Оттянись потом к деревне и заминируй ее ближние подступы. И промежутки между домами. А здесь, ближе к мосту, но уже на нашей стороне, противопехотками засеять проходы между домами. Так, чтобы атакующая пехота шла только по улице. И никуда с нее не сворачивала.

— Прямо на танк?

— На него.

— Сделаем.

— И вообще, если еще что-нибудь после этого останется, то такие же мероприятия надо провести и во всей деревне. Так, чтобы у атакующих, кто бы они ни были, в голове засело четко: идти можно только по прямой. Шаг в сторону сделал — взорвался к чертовой матери. Никакая пехота по минным полям наступать не будет. Ежели только ее сзади пулеметами не подстегнуть.

Сапер покивал головой.

— Задача понятна. Мин на все это у нас, конечно же, не хватит. Но не беда. Можем и просто из взрывчатки фугасов наделать. Благо, что натяжные взрыватели у меня имеются в достаточном количестве. Грамм по триста фугас поставим — самое то. И пехотинцу выше крыши, и для техники сойдет, особенно для бронетранспортера. Танки сюда, скорее всего, не пройдут.

— Это сегодня они не пройдут, а завтра? Сегодня-то мост мы удержим. Но у нас приказ держаться здесь двое суток. Так что минируй противотанковыми и деревню. Логика минирования та же: движение только по прямой.

— А не просекут немцы? Есть ведь и у них умные головы. Поймут, что не просто так мы их прямо двигаться заставляем. Сообразят: мало нас, вот и концентрируем всю оборону в одной точке. А двигаться в эту точку заставляем минными полями.

— Просекут. И какой из этого сделают вывод?

— Расчистят проход в минном поле и обойдут нас с фланга.

— Абсолютно правильно мыслишь. Как раз на это я и рассчитываю. Там, в деревне, есть поворот направо. Достаточно широкий и удобный, как раз технике пройти. Только вот ведет он в тупик. Там мостик был через реку, так его разбомбили. И идти дальше некуда. Вот туда пускай и приходят. Там-то мы их и подождем. Так что твоя задача — тупик этот со всех сторон минами обложить. Один туда вход, он же и выход. А с противоположной стороны этого прохода за минным полем мы пушку поставим, и это для них еще один сюрприз неприятный будет.

Оставив сапера заниматься поставленной задачей, я отыскал старшину артиллеристов. Мужик он был сообразительный, мысли мои хватал почти что на лету. Конечно, как артиллерист он меня на три головы превосходил. Что и неудивительно: воевать он начал еще в Первую мировую. Так что некоторые мои идеи он на корню зарезал как абсолютно невыполнимые. А по всем остальным вопросам мы с ним договорились быстро. И я с легким сердцем спихнул на него всю работу по организации артиллерийской засады. Времени на это ушло прилично, и к моему возвращению на КП я уже изрядно проголодался. Однако время к вечеру. А немцев все нет. Не придут?

Топоча ногами, к КП подошла группа Ковальчука. Парни устали и еле передвигались. Доложившись о проделанной работе, он уселся рядом со мной. Телефонисты поставили перед ним открытую банку консервов и котелок с чаем. Минут десять никто не говорил, все сосредоточенно ели.

— Смотри, командир, — показал на дорогу Ковальчук. — Никак комиссар еще кого-то прислал.

По дороге не торопясь двигалась группа людей, человек пять.

— Не похоже это на подкрепление. Маловато их. Разве что командиров прислал — это может быть. У нас тут из спецов только артиллерист да сапер. До боя дойдет, я же во всех местах одновременно быть не смогу.

Шедшие по дороге люди тем временем подошли ближе. Странно, почему-то около них нет нашего сопровождающего. А я ведь четко предупредил тыловое охранение: всех пришедших обязательно сопровождать до места.

— Вот что, Ковальчук, что-то не нравится мне эта кучка. Скажи ребятам, пусть будут настороже. Форма-то у них наша, только это еще ни о чем не говорит.

Он кивнул головой и отошел к своим бойцам.

Неизвестные приблизились. Впереди шел человек со знаками различия

капитана, сопровождали его четверо бойцов.

— Здравия желаю, товарищ капитан! Ищете кого-то?

— Совершенно верно, ищу. Конкретно вас, Леонов, и разыскиваю. Собирайтесь, пойдете с нами.

Вот тебе и здрастье! Это еще что за перец? Что-то не помню я за собой особенных прегрешений, чтобы со мной так обращались.

— Извините, товарищ капитан, не понял вас. Куда я должен идти и зачем?

— А вы что, не помните меня?

— Не помню, товарищ капитан. Вроде не встречались мы с вами раньше.

— Это плохо, Леонов. Странная память у вас стала.

Краем глаза я заметил, как напрягся Ковальчук.

Разговора нашего слышать он не мог, так что же послужило тому причиной? Видимо, в отличие от меня, наш визитер ему был знаком. И ничего хорошего от него мой боец не ожидал.

— Нет, товарищ капитан, не помню вас.

— Оперуполномоченный Особого отдела штаба армии капитан Лихов. Теперь вспомнили?

— Нет, товарищ капитан. И не очень понимаю, какие у вас могут быть дела на передовой. Если вы по рапорту старшего лейтенанта Тихомирова, то с этим случаем уже разобрался член Военного совета полковой комиссар Грушевский. Он полностью подтвердил мою правоту.

— Не знаю такого старшего лейтенанта и рапорта его не читал. У меня к вам свой интерес имеется.

Это какой же еще интерес у него есть? В любом случае, уходить отсюда сейчас мне совсем не с руки. Кто станет во главе обороны, если я уйду? Сапер? А больше некому. И действовать он будет так, как его учили. И все мои придумки коту под хвост. И уже через пару часов после начала атаки немецкие танки пойдут на аэродром.

— Извините, товарищ капитан, какие ко мне у вас есть вопросы? Готов ответить на них прямо сейчас, хотя у меня и не так много времени.

— Вот что, боец, не зарывайтесь! Это *приказ*, понятно вам? Быстро собирайтесь, нас машина ждет! Пять минут на выполнение, время пошло!

Ну да, узнаю повадки особиста... То-то он так и через тыловое охранение прошел. Понятно, отчего с ним сопровождающих не было. В тыловом-то охранении бывшая штабная обслуга стоит, вот он и запугал их до желудочных колик. Никто из них не решился спорить с особистом.

— Прошу меня простить, товарищ капитан, но выполнить ваш приказ

не имею возможности.

— Вы совсем с ума сошли, Леонов?! Не знаете, что бывает за неисполнение приказа в боевой обстановке?

— Знаю, именно потому так и поступаю. А вы, товарищ капитан, знаете, что бывает за нарушение приказа вышестоящего руководства?

— Что вы мне тут ваньку валяете, Леонов? Какое еще вышестоящее руководство? Я здесь старший по званию.

— Здесь — возможно. Но это не значит, что вы можете творить здесь все, что вам заблагорассудится. Вот, полюбуйте! — и я протянул ему приказ, подписанный Грушевским.

Интересно было наблюдать за сменой чувств на лице капитана. Нескрываемое раздражение постепенно уступало место такому же удивлению.

— Но... Член Военного совета мог и не знать всех обстоятельств дела... В любом случае я обязан исполнить полученный мной приказ.

— А я обязан исполнить свой приказ. И, в отличие от вашего приказа, мой присутствует здесь в письменном виде. У вас есть какие-то возражения?

Капитан задумался. Грушевский, судя по всему, был персоной серьезной, и наживать себе такого врага, даже и особисту, было крайне небезопасно. Однако и у Лихова начальник был, скорее всего, непростой фигурой. Так что у капитана явственно вырисовывалась дилемма: выполнить приказ своего руководства и навлечь на себя громы и молнии со стороны члена Военного совета или отступить и заработать по шапке от своего шефа. И то и другое могло иметь далеко идущие последствия. Судя по дальнейшим его действиям, таинственный шеф был для Лихова более весомой личностью.

Особист расстегнул клапан кобуры.

— Сдайте оружие, Леонов! Вы арестованы! — громко крикнул он, подавая сигнал своим сопровождающим.

М-м-да, а вот это он напрасно...

Со стороны отдыхавших бойцов Ковальчука вразнобой залязгали затворы, и нас всех окружили нахмуренные штрафники.

Прислушивавшиеся к беседе телефонисты тоже повскакивали с места и взялись за винтовки.

— Следует ли мне воспринимать ваши слова, товарищ капитан, как желание отстранить меня от занимаемой должности?

— Да! Вы немедленно проследуете со мной, товарищ боец!

— Вот как? Согласно приказу Военного совета армии я в настоящий

момент являюсь командиром сводного отряда. Отстранить меня от должности вы, товарищ капитан, не имеете права. Иначе как с санкции Военного совета. У вас она есть?

— Нет...

— В таком случае прошу вас покинуть расположение части и не препятствовать мне выполнять полученный от вышестоящего руководства приказ!

Капитан огляделся. На лицах окружавших нас бойцов готовность прийти к нему на помощь явно отсутствовала. Выйти победителем из столкновения более чем с двумя десятками штрафников шансов не было никаких. Он нехотя застегнул кобуру.

— Смотрите, Леонов, это вам даром не пройдет.

— На вашем месте, товарищ капитан, я бы тоже пять раз подумал. Вы только что чуть не сорвали важную операцию. Кто бы ни был вашим руководителем, сомневаюсь, что ему удалось бы вас отмазать в этом случае. Так что вы еще мне спасибо скажете. Более не задерживаю вас, товарищ капитан.

По моему знаку бойцы расступились, давая ему проход в тыл. Смерив меня напоследок испепеляющим взглядом, Лихов повернулся и зашагал вниз по склону.

— Да, старшой, нажил ты себе недоброжелателя, — стоявший рядом Ковальчук смотрел вслед уходящим особистам. — Это ж наш особист, я хорошо его помню. Еще после дота он нас всех о тебе расспрашивал.

— Чего ему там-то не понравилось? Нормально же отработали.

— А я знаю? В их кухне сам черт ногу сломит.

Я недолго размышлял над этим происшествием. Навалившиеся дела снова захватили меня с головой. До самого вечера никто из нас не присел больше отдохнуть ни на минуту. Уже совсем стемнело, когда из тыла скорым маршем подошли еще десятка три пехотинцев под командованием неразговорчивого чернявого старшины. Фамилию я его так и не запомнил. В памяти отложилось только то, что сам он был родом из Сухума, даже название улицы, и то что-то мне напоминало. Совсем забегавшись, я присел на секунду передохнуть в пулеметном окопе, да там и уснул.

Разбудило меня дипломатичное покашливание. С трудом продрав глаза, я увидел младшего лейтенанта — сапера. Он сидел рядом на корточках и держал в руке дымящуюся кружку.

— С добрым утром, командир. Чаю хочешь?

— А что, утро уже? Только вроде присел передохнуть на секундочку!

— Ну да. И проспал почти семь часов.

— Охреносоветь! Что ж не разбудил-то меня никто?

— Я не разрешил. Ничего особо срочного все равно не было. Ночью еще человек двадцать подошло. Артиллеристы. Пушек у них с собой не было, но миномет принесли. Мин противопехотных еще чуток. Я их сразу все в землю и закопал. И все равно не хватило. Взрывчатка у меня вся кончилась, последние фугасы из трофейных снарядов ставили.

— И как?

— В целом нормально. Сплошного минирования достичь, конечно, не удалось. Но уже и того, что сделали, хватить должно. Во всяком случае, геморрой наступающим мы обеспечили крайне серьезный. Я еще и за рекой чуток мин насовал, чтобы по берегу не шибко шарились. Вот схема минирования, — и он протянул мне несколько листов бумаги.

— Спасибо, — я глотнул горячего чая, и в голове слегка прояснилось. — Что там немцы? Не слышать?

— Слышать. С утра вертелись мотоциклисты, к реке не подходили, больше по берегу катались. С наших позиций их видно не было, они к нам тоже не заглядывали.

— И чего им там надо было?

— Думаю я, что брод они искали.

— Нашли?

— Черт их знает! Во всяком случае, на нашем берегу их слышно не было, стало быть и не вылезли фрицы на него. Справа у соседей шум слышен был. Я к ним связного послал, пока еще назад не пришел.

Над рекой вставал туман. Не очень густой, его уже раздувало ветерком. Было прохладно, на траве лежала густая роса. Мы с сапером направились к КП. По дороге туда встретили Нечипорука. Судя по наличию кругов под глазами, спать артиллеристу пришлось немного. Увидев нас, он приветливо помахал рукой.

— Ну, с добрым утром, куркуль!

— Это за что ж вы меня так, товарищ командир?!

— А кто у нас самый богатый? И пушки у тебя, и личный состав подошел! Самый укомплектованный из всех нас.

— Самый укомплектованный — это моряк будет! Уж как он себе сидоры добром набивал! Я такого и не видел никогда.

— Ну, так он же с Одессы. Своего не упустит. Где там у нас старшина минометчиков?

— Там где-то, по кустам колобродит. С самого ранья запасные позиции оборудует.

— Ты вот что: поймай его и волоки сюда. У меня для него тоже задача есть.

Старшину Ковальчука я озадачил тем, что велел выделить несколько человек с минометом и отправить их на тот берег. Задача им была поставлена непростая: замаскироваться где-нибудь в укромном месте, пропустить немцев и, дождавшись, когда бой разгорится не на шутку, накрыть фрицевские тылы беглым огнем. С собой они уносили трофейный миномет и весь боезапас к нему.

Прошло совсем немного времени после их ухода. Только высохла роса, и солнце начало греть нас, словно пытаясь компенсировать холодную ночь.

Внезапно на той стороне реки зачастили винтовочные выстрелы. Сухо протрещал автомат. А вот это уже немцы. У нашего секрета автоматов не было. Стрельба продолжалась еще какое-то время, потом затихла. В бинокль я рассмотрел одиночного бойца, спускающегося вниз по склону холма. Прошло еще минут пятнадцать, и его привели на КП.

— Здравия желаю, товарищ командир! Красноармеец Григорьев! Разрешите доложить?

— Докладывай!

— Полчаса назад на дороге были замечены немцы в количестве около десяти человек. Осмотревшись на дороге, несколько человек ушли назад, а шестеро начали подниматься вверх. С собой несли стереотрубу и радиостанцию. Как вы и приказывали, мы подпустили их поближе и открыли огонь. В результате перестрелки четверо немцев были убиты, двое убежали. С нашей стороны погиб один боец, красноармеец Иващенко. Как было приказано раньше, я отошел назад. Все равно немцы уже нас видели, и второй раз так напасть не получилось бы...

— Спасибо, боец! Свое дело вы сделали. Рацию немцы с собой унесли?

— Нет, на месте бросили. Я ее еще прикладом стукнул пару раз.

— Это ты зря, она бы нам не помешала. Ладно, двигай вон туда, там тебя накормят и попить чего-нибудь дадут.

Григорьев ушел. Я обернулся к саперу.

— Ну что, прибыли гости! Давай, топай к себе в берлогу. Будь наготове. Сигналы помнишь?

— Помню.

— Если телефонную связь разобьют, буду дублировать ракетами.

Младший лейтенант ушел, а я принялся мерить шагами окоп. За ночь его расширили и натянули сверху маскировочную сеть. Так что обзор из него теперь был вполне удовлетворительный. Не приходилось высовываться из-за угла по каждому поводу.

ГЛАВА 44

Прошло еще минут двадцать.

Х-р-р-р-р...

Бабах!

На нашей стороне реки поднялся столб разрыва. Не всех корректировщиков ухлопали. Или немцы лупят вслепую? Прошедшие после первого выстрела десять минут убедили меня в правильности этого предположения. Батарея стреляла по площадям, стараясь не вцепить случайно по мосту. Вследствие этого большинство снарядов падало в глубине наших позиций. Бойцов там у нас не было, и большого урона это принести не могло. Выпустив около пятидесяти снарядов, немцы прекратили стрельбу.

Зажужжал телефон.

— Слушаю!

— Вижу на дороге немцев. Около двух десятков грузовиков, четыре бронетранспортера.

— Танки есть?

— Нет. В бронетранспортерах установлены минометы. Расчеты готовятся к стрельбе. Вижу нескольких немцев, поднимающихся на холм.

— Продолжай наблюдение.

Положив трубку, я повернулся к телефонисту.

— Сообщи минометчикам: на холм лезут корректировщики. Пусть засадят десятком мин по вершине холма. Рановато немцам там разгуливать.

Ковригин сработал четко, верхушка холма окуталась дымом разрывов. Сразу же после этого снова зажужжал телефон.

— Немцы с холма убегают, вижу нескольких убитых. Пехота с машин слезла, строится на дороге.

Передав на позиции команду готовности к бою, я приткнулся к биноклю. Вот из-за холма, разворачиваясь на ходу в редкую цепь, появились первые наступающие. С нашей стороны пока не прозвучало ни одного выстрела. Минометы тоже молчали. Преодолев первую сотню метров, немцы поравнялись со стоящими на дороге сгоревшими бронетранспортерами. До моего уха донеслись хлопки разрывов. В цепи появились первые бреши — немцы напоролась на минное поле. Мин не было только на середине дороги, вдоль которой через некоторое время и вытянулись все наступающие фрицы. Самое то — сюда и были нацелены наши минометы.

Повернувшись к телефонисту, я кивнул ему головой. Тот поднял телефонную трубку и сказал в нее несколько слов.

Снова раздались хлопки минометов. На том берегу заплесали разрывы. И почти тут же ответные мины начали рваться на нашем берегу. Я обернулся к телефонисту.

— Сигнал снайперам: три зеленые ракеты.

Нешадно избиваемые минометами, терзаемые рвущимися под ногами минами, немцы добрались-таки до моста. Но, против моего ожидания, они не бросились на него. В бинокль я видел, как замелькали лопаты: немцы окапывались. На нашем берегу снова заплесали разрывы артиллерийских снарядов. На этот раз немцы били значительно точнее. Или корректировщик шел в цепи, или им все-таки удалось залезть на холм, обманув наш НП и снайперов. Я схватил трубку телефона.

— НП? Вы чего там — уснули все? Кто корректировщиков зевнул?

— Нет на холме никого! Еще машины подходят.

— Сколько?

— Точно не вижу: пыль! Но около десятка есть. И еще моторы слышу.

— Телефонист! Минометчикам скажи: сигнал три.

И бывшие по берегу минометы перенесли свой огонь за холм. Я сунул телефонисту трубку.

— Давай, минометчиков корректируй! А то вмажут в белый свет как в копеечку!

Бой на берегу тем временем разгорался. Под прикрытием подбитой техники немцы стали выдвигаться на мост. Со стороны их окопов начали бить пулеметы. Целей они пока не видели и поэтому причесывали все казавшиеся подозрительными места. Наши пулеметы пока не отвечали.

Телефонист сунул мне трубку.

— Что там?

— Еще немцы подходят! Из минометов стреляют только два, остальные почему-то замолчали. Вижу на дороге пыль — танки идут!

— Пехоты там сколько?

— Много! Наши мины падают повсюду, но немцы продолжают прибывать. Сейчас к дороге пойдут!

Так. Немцы изменили тактику. Корректировщики сидят у них в цепи, это уже ясно. Сейчас пехота разведает наши огневые точки, и немецкие пушки по ним вдарят. После этого танки расчистят дорогу и рванут на мост. Где их артиллерия? Судя по рассеиванию снарядов, где-то в глубине позиций противника. Сбить или достать мы их не можем — неизвестно их

местоположение.

— Еще пехота подошла! Идут к дороге, с ними четыре танка!

Все, решились на расчистку.

Ну, вот уж хрен!

— В зону поражения вошли?

— Давно уже!

— Телефонист! Саперам команду на фугасы!

Взрыв был слышен даже отсюда...

— Минометам — беглый огонь по дороге за холмом!

Снова НП.

— Командир! На дороге ужас какой-то творится! Грузовики все к черту разнесло! Та пехота, что с танками шла, — вообще не вижу никого!

— А те, что остались?

— В расщелину лезут!

Взрывать? Сейчас они там прячутся. В атаку все равно не пойдут. Танки без пехоты не очень страшны. Но пехота есть на берегу... Однако же до этого берега машинам еще дойти нужно. А там мины стоят...

— НП? За танками смотреть!

Огонь со стороны немцев существенно ослаб. Минометы с бронетранспортеров стрелять перестали: то ли снайперы постарались, то ли фугасами накрыло. Неважно. Главное — заткнулись. Еще стреляла артиллерия, пытаясь нащупать минометы, но толку с этого пока было немного. Что сделают немцы?

— НП? Потери немцев?

— Грузовики разбиты, многие горят. Всего машин десять. По пехоте... тут трудно сказать, но человек двести точно хлопнули.

Ага, и на дороге их с полсотни только на минах легло и минометами выбито. Еще и раненых приплюсовать — считай, батальону кирдык почти пришел. Машины разбиты, значит, подкрепления быстро не доставить. Если еще и моряки сработают как надо... Сколько немцев сидит в расщелине? Сотня? Меньше или больше? А на берегу? Хватит их для прорыва? Им ведь еще через мост идти. А тем, что в расщелине сидят, надо еще до берега добраться. Между прочим, тоже по минам идти придется. Нет, не пойдут они сейчас. Немцы знают, что где-то здесь стоит танк и пулеметы в засаде. Пока что не видно никаких успехов от работы немецкой артиллерии. Нет, не совсем же они дураки, чтобы лезть вперед на неподдавленную оборону.

Бой завис, если так можно сказать. Еще стреляли немецкие пушки, били из окопов пулеметы. В ходе боя наступил перелом. Не чувствовалось

среди немцев напора. Они еще стреляли, копали укрепления. Но я понимал: сейчас они в атаку не пойдут.

Снова телефон.

— НП? Что там у вас нового?

— Один танк подорвался. Остальные отошли метров на сто и остановились у дороги.

— Что с пехотой?

— Сидят в расщелине.

— Подкрепления больше не было?

— Нет, из тыла никто не подходил. Движения по дороге не наблюдаю.

Так будут немцы наступать или нет? Имеющихся сил для этого недостаточно. А подкрепления что-то не видать. Или это уже морячки подсустились? Не рано ли? Я повернулся к телефонистам.

— Минометчикам: прекратить огонь, сменить позицию.

Стрельба с нашей стороны практически затихла. Перестали стрелять и немцы. Только пушки бухали время от времени.

Зуммер телефона!

— Командир, немцы отходят от реки!

— Телефонисты, передать всем: воздушная тревога!

Наш берег совсем затих. В тягостном ожидании прошло минут двадцать. Не ошибся ли я, предполагая воздушный налет?

Нет! На горизонте появились черные точки. Одна, две, три... девять. Здорово же немцы на нас обиделись!

— Телефонисты! Всем пулеметам, кроме тех, что на переднем крае, огонь по самолетам. Не дать им прицельно отбомбиться. Танкистам покинуть танк — и в укрытие! Танк — мишень, его будут выбивать в первую очередь.

И небо рухнуло на наши головы...

Поднимаясь с колен, я выплевывал изо рта невесть как попавший туда песок. По моим внутренним ощущениям, нас бомбили не меньше часа. Хотя на самом деле налет вряд ли продолжался более десяти минут. Я выглянул из окопа.

Танку не повезло. В него попали как минимум дважды. Теперь на его месте чадным дымом полыхал костер. Что там горело, сам танк или маскировка — отсюда было уже не разглядеть.

— Телефонисты! Что там у нас со связью?

— Частично цела.

— Частично — это как?
— Отвечают не все.
— Выясните у тех, кто отвечает: потери и наличие личного состава. Если есть обрывы — исправить.

Вся площадка перед мостом напоминала собой фрагмент лунного пейзажа. Подбитые немецкие танки тоже огребли от своей авиации и были годны разве что на металлолом. Несколько бомб упали в реку. Мосту тоже досталось. Фугаска пробила настил и взорвалась в реке, отчего его слегка перекособочило. Отлично! Значит, больше фрицы авиацию не вызовут. Еще одна такая «удачная» штурмовка — и мост можно будет списать в архив. Подобный сюрприз им явно не нужен.

— Товарищ командир!
— Слушаю.
— Разбито одно орудие — сорокапятка, два пулемета. Восемь человек убитых, одиннадцать ранено. Трое из них тяжело.
— Тяжелых в деревню. Там вроде бы подвалы были. Попробуйте спрятать их там. Не думаю, что это последний налет. Связь с НП есть?
— Есть.
— Давайте их сюда.
— Слушаю!
— Это Леонов. Как там у вас обстановка?
— К немцам подходит подкрепление. Идут по дороге пешком. Дойдя до места, скрываются в расщелине. Хождения по дороге нет, никого не видно.
— Сколько всего подошло?
— До роты.
— Добро. Смотрите там. Телефонист, сапера давай. Сапельников? Как там у тебя?
— Нормально, командир. Двоих зацепило, остались в строю.
— Похоже, пора расщелину рвать. Немцы туда так и прут.
— Ну, пора так пора. Сейчас сделаем. Уши затыкайте на всякий случай.

Я прижал к глазам бинокль.
Тихо. В поле зрения были видны выглядывающие из окопов немцы. Переведя бинокль на расщелину, я увидел, как и оттуда тоже выглядывают головы в касках. Значит, они уже дошли до этого края. Вот один из них выскользнул из-за укрытия и, прижимаясь к земле, двинулся в сторону

окопов. Они накапливаются для удара. Да, действительно пора. Взрыва все не было.

— Телефонист! Сапера давай!

— Рядовой Барагинов слушает.

— А где младший лейтенант? Взрыва почему нет?

— Линия перебита. Он пошел обрыв искать.

— Отчего сам? Других никого не нашлось?

— Он сказал, что знает, где линия проложена. Другим, сказал, не найти.

— Телефонисты! Передать по постам: никому не стрелять!

Прижав к глазам бинокль, я нашел окопчик саперов. Где там лейтенант? Вон он, ползет. Куда ж его черти несут? Ведь на глазах у немцев скоро будет! Подхватив СВТ, я кубарем выкатился из окопа. Первые метров двести удалось пробежать относительно спокойно. По-видимому, одинокий русский солдат мало кого интересовал на том берегу. А уж тратить на меня снаряды — и вовсе выглядело бы верхом расточительства. Потом везение кончилось. Где-то со стороны немцев хлопнул одиночный выстрел, и пуля подняла песок в паре метров от меня. Ну, если у вас все там такие стрелки, то можно спокойно возвращаться назад. Словно желая опровергнуть мои заблуждения, следующая пуля взбила песок почти под ногами. Пришлось попрыгать из стороны в сторону. Это вызвало злобный гогот со стороны немцев. Его было слышно даже на нашем берегу. Смех — это хрен с ним, но вот вместе со смехом с того берега прилетели еще и пули. А это было уже не так весело. Вот и выбранная позиция — разбитый бомбежкой и снарядами большой дом. Около него был выкопан окоп, прыгая в который, я чуть не споткнулся о лежащего на дне красноармейца. Беглый взгляд — убит. Увы, не всех мы посчитали правильно. Переведя дух, я подобрался к краю окопа и поглядел в оптику. Немцы еще продолжали хохотать, время от времени постреливая в мою сторону. А где сапер? Не вижу его. Значит, уже на берег выполз. Бли-и-и-н! Бомба, упавшая в реку! Наверное, взрывом повредило провода. Смотрим в оптику на немецкий окоп. Кто из них смотрит на реку? Пока никто. Хотя нет — вон один насторожился. Шею вытянул, присматривается. Нехорошо отделяться от коллектива. Все на меня смотрят, а ты в сторону таращишься. Я что, зря тут перед вами клоуна изображал? Пуля ударила немца чуток пониже лба. Слетевшая каска взметнулась в воздух, а любопытный исчез в окопе. Гогот тут же прекратился, и немцы лупанули по мне аж с полутора десятка стволов. Перебегаем левее, туда вроде не стреляет никто. Высовываем голову. Тихо?

Тихо, сюда не смотрят. Кто у нас там самый любопытный на этот раз? Любопытных не оказалось, зато оказались упертые. Припав к пулемету, коренастый немец ожесточенно долбил из него по моей прошлой позиции. Эдак ты мне тут яму выкопаешь... пулями. А зачем мне здесь лишняя яма? И так хватает. Вторым выстрелом пулеметчика удалось свалить. По прямой до немецких окопов было менее двухсот метров. И пока немцы очухались, я успел зацепить еще одного. На этот раз по мне начали стрелять едва ли не все, кто в этих окопах сидел. Обождав минутку, повторяем фокус со сменой позиции. Неудачно. Высунуть голову здесь тоже не получилось. Пришлось, маскируясь за развалинами, отползти еще левее метров на двадцать. Тут уже получалось выглянуть. Взгляд в оптику — кто смотрит на берег? Есть такой, и даже не один. И не только смотрит, но еще и стреляет куда-то. Впрочем, куда они стреляли, понятно было и без подсказок. Сменив обойму в винтовке, я лупанул по этим стрелкам. Одного обидел сразу, второй и третий некоторое время не могли понять, чего же от них хотят. После того как один непонятливый кувыркнулся на дно окопа, третий врубился и повернул ствол в мою сторону. Раньше это делать надо было, лопух! Готов... Свалившись в яму, перезаряжаю винтовку. Долго я еще так бегать перед ними буду? Эдак и свалиться скоро могу. Не мальчик, чай, не восемнадцать лет. Перекат в сторону, еще один. Подвал разрушенного дома. В сторону моста смотрит отдушина. Хорошо! Выставляем в нее винтовку. Немцы уже вообще обнаглели. Вон один из них бежит по мосту. Бежал... Пока они не засекли мое новое место, я успел свалить еще одного. Тот тоже непонятно зачем пялился в сторону реки. Пересиживаю под стеной очередной приступ ярости противника. Опа! Всерьез обиделись! За стеной гулко рванул снаряд. Такими темпами меня здесь надолго не хватит. Нельзя же в одиночку воевать с батальоном немцев. Да и патронов осталось не так чтобы до хрена. Отстреляв полтора десятка патронов, удалось завалить еще одного шибко любопытного. После чего до немцев наконец дошло, и они попрятали головы в окопы. Однако на артиллеристах это никак не сказалось, и снаряды по-прежнему продолжали долбить многострадальные развалины. Когда же это наконец кончится?

Хренак! Долбануло весьма основательно. Высунув голову в отдушину, я увидел клубящееся над расщелиной облако дыма и пыли. Дополз-таки сапер...

Радиопереговоры

— На связи Первый. Доложите обстановку и ход выполнения задания.

— У аппарата Седьмой. Объект обнаружен, но с его изъятием

возникли неожиданные трудности.

— Что еще?

— Объект располагает письменным указанием командования, запрещающим его смещение или отстранение от выполнения поставленной ему задачи.

— Что за ерунда, Седьмой? *Моих* полномочий для этого недостаточно?

— Приказ отдан Военным советом армии.

— Даже так? Вы этот приказ видели своими глазами?

— И даже в руках держал.

— Кто подписал?

— Абросимов.

— Хм...

— Объект окружен солдатами-штрафниками, которые выполняют любой его приказ, поэтому изъятие силой ни к чему хорошему бы не привело.

— Вот что... задание ваше остается прежним. Но порядок исполнения мы изменим. Обратитесь в штаб дивизии, они выделяют вам роту. Для прикрытия на завершающей фазе операции. Командование переходит к Четвертому.

— К Га... виноват! А он... здесь?

— И давно. Соответствующее указание он получит.

Радиограмма

Седому

Действуйте по варианту три.

Напоминаю вам, что объект ни при каких условиях не должен быть захвачен противником. Ответственность за это возлагаю на вас лично.

Лесник.

ГЛАВА 45

Массивная, обитая кожей дверь кабинета скрипнула, и сидевший за бумагами человек поднял от них подслеповатые глаза.

— Разрешите?

— Павел Петрович! Голубчик! Ну, наконец-то! — сидевший за столом поднялся и шагнул навстречу вошедшему.

— Виктор Николаевич! Добрый день! Извините, что в таком виде... но я только что с аэродрома... и вот...

— Господи, Павел Петрович, какая ерунда! Вы живы, здоровы — а все остальное вторично! Присаживайтесь, я распоряжусь, чтобы нам организовали чаю. А может быть, вы и перекусить с дороги хотите? Так организуем все...

— Мне, право слово, неловко вас беспокоить по таким пустякам...

— Нет уж, уважаемый, позвольте мне самому решать, что тут у нас пустяк, а что нет! Мои сотрудники должны иметь не только свежую голову, но и здоровый желудок! Я уж и не говорю о нервах...

— Ваши сотрудники? Но простите, Виктор Николаевич, я ведь уже, так сказать, задействован в...

— Это, уважаемый, уже в прошлом. Да-да! Дело ваше, безусловно, нужное и важное, это так! Никто и не спорит! Многие люди вам жизнью своей обязаны, я-то уж наслышан про ваши операции, да... Но, простите меня, талантливых хирургов в нашей стране, слава богу, достаточно! А вот таких, как вы, специалистов... увы... я по пальцам одной руки сосчитать могу... Да... Так что не можем мы позволить себе такую роскошь, не можем... Будьте любезны в строй, батенька! Пора!

— Если я правильно вас понял, Виктор Николаевич, то мои прошлые работы...

— Признаны важными и необходимыми для обороноспособности страны!

— Но простите... каким образом мои изыскания могут быть полезны в данной области? Я полагал, что как хирург принесу гораздо больше пользы.

— Не все так просто, уважаемый профессор!

Гость вздрогнул.

— Да-да, Павел Петрович! Решение ученого совета пересмотрено и признано ошибочным! Кафедра восстановлена, и вам предложена прежняя

должность!

— Это так неожиданно... я и не знаю, что сказать.

— А ничего говорить и не надо! Работать надо, товарищ профессор! Вот вам карандаш и бумага, вспомните всех ваших бывших сотрудников. А я уж постараюсь использовать все возможности, чтобы они в самое кратчайшее время присоединились к нам!

— Я, безусловно, напишу всех, кого помню. Но... профессор, положи руку на сердце, объясните мне — что же произошло?! Почему так неожиданно... да прямо-таки молниеносно, все поменяло свои места?

Хозяин кабинета встал со своего места, и подойдя к большому сейфу около стола, отпер его и достал несколько папок.

— Вот, уважаемый профессор, извольте ознакомиться. Сей материал был любезно предоставлен нам... кем бы вы думали? НКВД!

— Откуда это у них? Разве данное ведомство вообще в курсе моих разработок?

— Я тоже так думал. Как видите, мы оба ошибались. Они знают гораздо больше, чем мы все можем предположить...

Бывший главврач госпиталя открыл папку и просмотрел несколько первых страниц. Отложил, схватил следующую, потом еще одну... Положил ее на стол и потер рукою висок.

— Стоп-стоп-стоп... Виктор Николаевич, вы в чудеса верите?!

— В смысле — в чудеса?

— Здесь упоминается имя профессора Маурера?

— Ну да. Вы же его знали? Если не ошибаюсь, он был на конгрессе еще в 1933 году? Ну да, конечно, я помню его выступление там. Правда, никто из нас не ожидал встретить его имя в бумагах подобного рода...

— Не я один. Но дело не в этом! Поверите ли вы мне, что буквально несколько дней назад я разговаривал с человеком, который рассказывал мне о его экспериментах! Именно об этих, насколько я успел рассмотреть!

— Но простите, профессор, кроме нас с вами, да еще нескольких работников НКВД, никто не знает об этих материалах! Мне это было официально объявлено!

— Это не врач и не сотрудник НКВД. Обычный солдат. Он проходил лечение в моем госпитале. Так вот, он в течение нескольких дней общался с человеком, прошедшим подготовку в лаборатории Маурера. Он многое мне тогда рассказал...

— Так где же он?! Это ведь ценнейшие наблюдения! Такой человек нужен нам здесь! Немедленно!

— Последний раз я видел его во главе горстки штрафников,

пытавшихся остановить немцев на подступах к моему госпиталю...

Младший лейтенант Сапельников лежал по пояс в воде, сжимая в холодных руках подрывную машинку. Гимнастерка у него на груди была изорвана пулями. Левая рука окровавлена.

— Тащите его к окопам, — сказал я бойцам и не узнал своего голоса.

Дым и пыль совершенно окутали противоположный берег, так что мы могли уже не опасаться выстрелов противника. Разглядеть хоть что-нибудь сквозь клубящуюся пыль было невозможно. Предупрежденные мною по телефону, взяли мост на прицел пулеметчики. Но со стороны немцев не последовало не только атаки, смолкли даже одиночные выстрелы. Наползающее от холма облако несло с собой какое-то мрачное ощущение. Это чувствовали все, и наши бойцы в том числе. Сколько там зараз погибло фрицев? Рота? Нет, там уже были солдаты, когда подошедшее подкрепление полезло в расщелину. Во всяком случае, на оставшихся это должно было произвести самое гнетущее впечатление.

Почти не пригибаясь, бойцы донесли тело сапера до наших окопов, но я махнул им рукой — несите дальше. Как бы все ни повернулось, но он заслужил нормальную могилу. И мне хотелось успеть сделать хотя бы это. Наблюдая приготовления противника, можно было понять, что на этот раз они никуда не уйдут, а значит, времени на то, чтобы по-людски похоронить погибших, у нас оставалось не так уж и много. Бойцы уже начали приспособливать для этой цели воронку от бомбы.

Всех, кто погиб при бомбежке, мы уложили в импровизированную могилу. Чуть сбоку саперы положили своего командира. Ковальчук вопросительно на меня посмотрел.

— Командир... Сказать что-то надо...

— Не мастер я речи говорить... — голос мой оказался неожиданно хриплым. Прокашлявшись, я продолжил: — Но нельзя товарищей своих просто вот так в землю зарыть! С кем-то из них я уже не первый день воюю, кого-то только вчера и увидел. А все равно — все они товарищи мои. Каждый из нас на их месте оказаться мог. Но выпало им. Не увидели они победы нашей, но все, что могли, для этого сделали. Так как же можем мы их старания и надежды не оправдать? Мало нас... Немцев сейчас на том берегу больше и намного. И что с того? Еще пару часов их там и вовсе до хрена было. Где они все? Здесь — в земле! И все остальные в ней будут! Сколько бы их сюда ни пришло! Вот это я товарищам нашим могу обещать! Так что пусть будет вам земля пухом. Вы ушли — мы остались. Значит, теперь и вашу ношу нам нести. Ничего... Мы русские — выдюжим!

Пыль осела на землю примерно через час. Все это время немцы не подавали признаков жизни. Какая-то возня у них была. Но глядя на их берег сейчас, никаких признаков подготовки к атаке рассмотреть было невозможно. Маловероятно, что они будут вот так сидеть до темноты. Но что же они постараются сделать?

Звонок на НП ясности не внес.

Движение по дороге почти прекратилось. Во всяком случае, никаких подкреплений к немцам так и не подошло. В окопах на берегу оставалось около сотни фрицев. Для лобовой атаки на мост этого было недостаточно. А никакого другого варианта у них тут пока что не просматривалось. После подрыва танка других очевидных целей у противника не было. Казалось бы — чего голову ломать? Танк разбит, пулеметы молчат. Один бросок — и их пехота уже на этом берегу! Но еще дымящийся холм наводил всех на самые мрачные размышления. Это была не та война, к которой уже привыкли немцы. Единственный живой противник, которого они видели за сегодня, это был я. Пулеметы еще не открывали огня, работали только минометы с закрытых позиций. Да и мины взрывались в самых неожиданных местах. После двойного удара под дых — камнеметами и братской могилы в расщелине, немцы могли ожидать чего угодно. Вот только чего? Заминированного моста? Очень даже запросто. В таком случае все, на него взошедшие, становились кандидатами на тот свет. Энтузиазма это прибавить не могло... Даже по самым грубым прикидкам, противник потерял сегодня полнокровный батальон, если не больше. Счет, если учитывать и наши потери, был явно не в его пользу. А фрицы этого не любят... Утешало меня одно обстоятельство. Пока сидим вплотную к мосту — бомбежки не будет. Первого попадания в него, как я полагаю, было достаточно для отрезвления противника. Второго мост не выдержит. А значит, все жертвы, понесенные при его штурме, — коту под хвост! Подобный расклад, как я полагаю, немцев не устраивал...

Чу! Что-то произошло на том берегу! Слитно взревели моторы. Танки? Бегом к телефону.

— НП! Что там, на дороге?

— Танки, командир! Те самые, трое. Нет, четверо уже! Тому гусеницу починили! Идут в направлении моста.

— А мины? На дороге же мины есть!

— Нету их, командир... Видать, пока пылица стояла, сняли их фрицы.

Так... Танки двинулись, и похоже, что к мосту они подойдут. Ну и что? Пусть подходят. Пересечь его все равно не выйдет — там подбитая машина раскорячилась. Но зачем-то они ведь идут? Что-то мы просмотрели... Или недопоняли? Занимались же немцы какой-то возней последние полтора часа? Даже стрелять перестали... Ох, чует мое сердце подлянку!

— Товарищ командир!

— Чего тебе? — буркнул я, не отрывая бинокля от глаз.

— Тут к вам товарищ майор...

Опять особист? Там был капитан, тут целый майор пожаловал.

В отличие от особиста, майор производил впечатление нормального мужика. Форма не новая, но аккуратная. Что немаловажно — камуфлированная! То есть не штабной, что уже само по себе хорошо.

— Здравия желаю, товарищ майор! Командир сводной группы старшина Леонов!

— Здравствуйте, Александр Павлович! Присядем в сторонке, поговорим, если вы не возражаете?

— Я бы и рад, товарищ майор! Только у нас с вами неблагодарные слушатели появились! Так что разговор наш придется чуток попозже продолжить, малость не до этого мне сейчас... Вот с ними разберусь — милости прошу!

Майор легко перепрыгнул через бруствер и поднес к глазам свой бинокль. Откуда он его вытащил, я и рассмотреть-то толком не успел.

— Гости, говоришь? Да... серьезные. Чем встречать надумал?

— По поведению гляну. Ежели в ворота долбить башкою станут — одно дело, ежели вокруг них хороводы водить начнут — уже другое. Тут и помолчать можно, не время пока.

Танки тем временем производили какие-то странные маневры. Один из них съехал в ложбину, и теперь оттуда торчала только башня. Второй заныкался за грудой камней, которая почти до половины закрыла его корпус. Два других рычали моторами где-то в глубине, кустарник мешал их получше рассмотреть.

— Какие соображения, старшина?

— Черт их поймет... Похоже, что от вероятного огня они спрятались... А остальные тогда что делают?

— Смотри, старшина, немцы из окопов повылазили.

— Где?

И точно: из окопов, маскируясь складками местности, к мосту продвигалось около десятка фрицев. На штурм собрались? Бред! Такими силами они даже на этот берег не добегут! Стоп... Немцы не дураки, так?

Так. Значит, бежать через мост эта группа не собирается. Значит, их задача на той стороне. Какая же? К мосту они не идут, копошатся метрах в двадцати от него. Что они там делают?! Не видно...

— Телефонист! Минометчикам команда — пуцай долбанут по этой кучке недоносков!

Уже третьей миной ребята накрыли цель. Немцев расшвыряло в стороны, но на смену им из окопов полезли новые. Что-то нечисто тут...

— Телефонист! Минометчикам — беглый огонь!

Хорошо, что у нас минометы в окопах стоят.

В противном случае — накрыло бы их к такой-то матери! Разозленные фрицы лупанули по ним из всего, что могло стрелять! По-моему, даже и из пистолетов стреляли. Только зря это все... разве что земли накидало на позиции, да глушануло парочку бойцов.

— Смотри, старшина, — еще лезут!

Да что им там — медом намазано? Нет... фрицы вдруг бросились врассыпную, а моторы танков взревели в унисон! И подбитая развалина на мосту попятилась назад...

Трос! Они протянули трос, и, скорее всего, не один! И тащат танк другими машинами, оставаясь вне зоны возможного обстрела. Да... немцы не теряли времени, пока пылевое облако накрыло мост. Зацепили подбитый танк тросами, протянули их назад, чтобы буксировщики частично были скрыты его корпусом. Починили подбитый танк и расчистили дорогу от мин.

Вот он, хитрый ход...

— Похоже, что обошли тебя, старшина?

— Ходилка такая еще не выросла ни у кого... как это в народе говорят? На хитрую задницу есть прибор с винтом...

Смотрим. Площадка перед мостом перепахана разрывами мин. А я-то все гадал — какого рожна они попусту мины тратят? Не попусту...

— Товарищ майор, вон, на площадку у съезда с моста гляньте.

— Смотрю. И что?

— Как воронки от мин расположены?

— Ну-у-у... По прямой линии... а что?

— Вам это ничего не напоминает?

— А что это должно мне... Дорожка?

— Точно так, товарищ майор! Это они своим танкам дорожку от мин расчищали. Не факт, что расчистили, но какое-то количество мин выбить вполне могли.

— Хреново...

— Да не совсем...

Майор заинтересованно на меня посмотрел.

— Даже так?

— Вот сейчас и глянем...

Подбитый танк, гроыхая оторвавшимися железяками, медленно отползал от моста. Интересно, далеко они его поволокут? Нет, остановились. Видать, решили, что хватит.

— Телефонист! Саперов давай!

— Рядовой Барагинов слушает!

— Я не фриц, и на меня орать не надо.

— Ой... извините, товарищ командир...

— Давай, котлы поднимай! Не забыл, как их наводить?

— Никак нет, товарищ командир, помню.

— Ну, тогда действуй... Смотрите, товарищ майор...

На гребне окопчика саперов появилось странное сооружение. Обыкновенный чугунный котел. По бокам и сверху у него были привязаны жерди, нелепо торчащие вперед. Саперы с некоторой натугой придали ему нужное положение, и все три деревяшки устали на мост.

Майор с удивлением рассматривал эти приготовления.

— Что, старшина, пушек нету?

— Отчего же нет? Есть. Только я жадный, поберегу их до лучшего времени.

— Чего-то тогда я не понял...

— А вы не торопитесь, товарищ майор. Сейчас поймете.

Из глубины позиций противника показался первый танк. Он шел быстро, только пышный пылевой хвост мотался за ним, как плащ на ветру. Вот он легко вскочил на мост, и ожидавшие этого немцы рванули за ним дружную толпою.

— Ф-ф-ух! — над землей метнулось огненное полотнище...

Обычный деревенский котел был щедро обмазан варом. На который мы с ныне покойным сапером щедро поналепили тротильных шашек. Запихнув внутрь котел поменьше, засыпали его до краев всякими железяками. Не «ПТМ-З», конечно, но примитивное «ударное ядро» соорудить получилось. Ввиду необычной формы заряда наводка на цель производилась по прикрепленным к бокам жердинам. Так сказать, «по стволу». Правда, опробовать наше изобретение не удалось. Но надежда была, и достаточно обоснованная.

Немаленькая капля раскаленного металла, летящая с охренительной скоростью, основательно долбанула немца куда-то в район кормы. Движок

моментально заткнулся, а гусеница слетела в неизвестность. Танк занесло, и он со всей дури плюхнулся в реку, подняв фонтан брызг. Черт! Я-то думал, мы его поперек моста и поставим...

— Ф-ф-ух!

И второй «котел» метнул свой заряд по противнику. Правда, на этот раз ребята поторопились и промазали — танк еще не въехал на мост. Поэтому все досталось не ему, а вбежавшим на мост пехотинцам. Мало не показалось... строй пробило едва ли не насквозь...

— Телефонисты! Пулеметам и минометам — огонь по готовности! Артиллеристам не спать!

В куче бревен шевельнулся орудийный ствол. Наводчик уже давно взял танк на прицел и только ждал, когда он войдет на мост.

— Бух!

Брызнули звенья рассыпающейся гусеницы...

— Бух!

Лязгнул и замолчал мотор...

— Бух!

Из открывшегося люка выпал на землю танкист. По-крабьи загребая руками, он прополз было несколько метров по бревнам моста, но бывший с правого фланга пулемет прошелся по нему длинной очередью... Согнулась в последней судороге рука.

Из открытой башни лениво выползала струйка дыма...

Мост был снова закупорен — танк развернулся поперек дороги.

Припали к прикладам пулеметчики. И едва первые истошно вопящие немцы ступили наконец на землю...

Выдохнули из своих пулеметов долго копившуюся злость...

ГЛАВА 46

— Вот так, товарищ майор! Еще одну атаку отбили!

— Вижу... Ну а коли так, то поговорить нам с тобой уже никто не мешает?

— Да вроде бы нет, товарищ майор.

— Гальченко.

— Что?

— Моя фамилия Гальченко, старшина.

— Ну а про меня вы, как я предполагаю, и так все знаете? Так что представляться мне без необходимости?

— Не все. Но имя-отчество знаю.

— Я так понимаю, товарищ майор, что вы навряд ли вчерашнего капитана будете? Тоже по мою душу приехали?

— Не буду врать — тоже. Только, в отличие от него, арестовывать вас я не собираюсь.

— И на том спасибо!

— Более того, я перед вами, можно сказать, в долгу.

— Это как еще?

— А так. Деревню помните?

— Какую именно, товарищ майор? Я их за свою жизнь столько повидал...

— Ту, где Барсову встретили.

— Вот даже как? Помню... Как она там? Нормально все?

— Так вот за нее да за остальных моих бойцов, что благодаря вам от погони ушли, я до гробовой доски вас водкой поить должен! Нормально с Барсовой все, цела, даже и не задело ее ни разу.

— Да уж... по сто грамм бы сейчас не помешало... Спасибо, товарищ майор! Это значит, вашу группу тогда немцы в лесу наморщить пытались?

— Как вы сказали? Наморщить? Не слыхал... Эти немцы шли за нами. И отвернули, как я понимаю, в вашу сторону.

— Да, я уж постарался им нагадить, сколько сил хватило... Что ж там за головорезы такие были-то?

— Специальное подразделение рейхсфюрера СС. Его личные «волкодавы». Вам такой термин знаком?

— Знаком.

— Хм... Обычному армейскому старшине?

— За обычным вы бы и не поехали. Ведь так?

— Так... Чувствую я, что разговор у нас с вами будет интересный и познавательный... Для всех.

— Если дадут нам с вами поговорить. Вон у фрицев опять что-то затевается.

Майор приподнялся и посмотрел в бинокль.

— Да... закопошились они там. У вас все сюрпризы использованы? Кстати, а что это за котел такой был?

— Да самодеятельность чистой воды! Хотел мину сделать с возможностью дистанционного поражения техники. Честно говоря — авантюра! Как еще ребят самих в клочки не порвало? Хотя и подрывали ее с помощью бикфордова шнура, предварительно в окоп заныкавшись, все равно — очень уж опасно вышло. Да и прицельность вкупе с поражающим эффектом вышла так себе...

— Не скажите! Зато внешне выглядит очень эффектно!

— Ну, разве что внешне... А сюрпризы у меня еще есть — вся деревня заминирована, почитай, два дня тут все вкалывали как негры на плантации.

— Как вы сами-то здесь ходить не боитесь?

— Так тут мин нет. Место, с точки зрения его обороны, бесперспективное и неинтересное.

А вот в деревне... там лишних шагов лучше и не делать. Населения там уже нет никакого, все разбежались или эвакуировались, вот мы и развернулись там всюю.

— Так все же, старшина, делать-то мы с вами дальше что будем?

— Это вы, товарищ майор, по поводу моего с вами отъезда?

— Соображаешь!

— День еще тут осталось мне продержаться, а опосля — с милой душою!

— Все-таки не хотите отсюда уходить?

— Вы же военный человек, товарищ майор! Что такое приказ — вам-то пояснять не надобно? Или вы меня и от Грушевского отмажете, в случае чего?

— Ну... Скажем так, с нами он ссориться не будет. Отмажем.

— А от совести моей — тоже отмажете? Как я после этого сам с собою объясняться буду? Если тут ребят, мне поверивших, брошу и в тыл уйду? Вот вы опытный человек, воюете явно не первый день. А как здесь наличными силами еще сутки немца держать будете? А за спиной у нас, сколь я в курсе, больше никого уже и нету. Так что если нас отсель собьют, то уже через час-другой немцы прихлопнут аэродром. Со всеми, кто там

сейчас есть.

— Хороший вопрос, старшина... Я ж не общевойсковой командир, так сразу и не скажу...

— Не стесняйтесь, товарищ майор, скажите уж прямо, что не знаете. Тут и поопытнее вас командир — и тот спасовал бы. Не умеем мы пока такие вот хитрости в бою использовать.

— А вы — умеете?

— Да, товарищ майор. Я умею. Где и как тому учился — разговор долгий и нездешний. Так что извините, но мне своим делом заниматься надобно. А поговорить мы с вами еще успеем. Мешать вам не буду, делайте здесь что хотите. Но уж и вы, очень вас попрошу, в мою работу не залезайте.

— Договорились, старшина. Я, как ты уже понял, тут тоже не один погулять вышел. Так что не обессудь, но будем мы здесь рядом. Мешать не буду, а вот помочь смогу.

— Чем же?

— Должна к нам рота на помощь подойти. Ждем мы ее вскорости. Так что и задача твоя на этом облегчается.

— А вот за это, товарищ майор, уже я вас водкой поить должен!

Ба-бах!

Ох, и неслабо звездануло!

Это что ж такое прилетело-то? Явно не полковушка, тут миллиметров на полтора ста чемодан пожаловал. Видать, обозлили мы фрицев всерьез... Видимая воронка была метра три в диаметре. Похоже, что действительно нечто вроде шестидюймовки шарахнуло. Жаль, что моряка нет, этот сразу бы разобрался. Ихняя пушка, поди, тоже чем-то похожим бабахала.

Второй разрыв.

Да, это серьезный калибр. Пытаются накрыть наше орудие, то, что танк на мосту снесло. Значит, есть у них желание еще разок рвануть на прорыв тем же путем. Судя по тому, куда и как точно они стреляют, корректировщик, собака, уцелел. Хотя... Неужто он видит из окопа позицию орудия? Далековато... да и угол зрения не тот... Что-то НП зевнул, похоже...

— Телефонист! НП давай!

— Связи нет! Не отвечает НП!

— Петрович! Петрович! Ты как там?

Не отвечает... жаль, не подойти к нему сейчас. Немец проклятый стришет пулями так, что головы не поднять. Плохо... Не могу я за той

стороной смотреть, а там склон более пологий, подойти легче. Неужто спекся Петрович? Это хреново, я на две стороны воевать не могу. Да и патронов осталось мало. Вон, в автомате второй магазин уже сменил. Еще парочка в запасе — и все. Одна граната еще есть, и больше воевать нечем.

Боец осторожно высунул голову из-за пня. Вон они, фрицы — лежат на склоне. Только иногда вспышки мелькают, это когда они по НП стрелять начинают. Но пока лежат, похоже обожглись. А что ж вы хотели, голубчики? Трех еще в самом начале гранатой положили, да потом тоже легко им не было. Вон, совсем рядом двое лежат, да и Петрович успокоил парочку. Или больше? Да наверняка, он стрелок-то хороший был. Был? Скорее всего... иначе не молчал бы так долго.

О, фрицы-то зашевелились! Никак опять в атаку пойти собрались? Сейчас я вам... перепляс с выходом сделаю... Боец перехватил трофейный автомат и прицелился. Длинная очередь совпала со свистком, поднявшим в атаку взвод...

— Смотри, Генрих, это из-за этой парочки негодяев нас все время накрывали русские минометы?

— Да... — собеседник фельдфебеля поворошил носком сапога раскрытый вещмешок. Наклонился и поднял флягу. Взболтнул и, отвинтив крышку, принялся. — Шнапс!

— Странно... лейтенант сказал, что все русские ходят в атаки пьяными. А тут — целая фляга!

— Так эти-то в атаку не ходили.

— Пожалуй... Ладно, Вилли, давай ее сюда, помянем наших камрадов.

— Да уж... потерять на паршивом пригорке почти десять человек... и все для того, чтобы ликвидировать только двоих русских корректировщиков. Такими темпами к моменту выхода к Москве наш батальон будет насчитывать в своем строю только командира да десяток обозников...

— Генрих, мы хоть и друзья, но таких слов при мне ты больше не говори! Сам знаешь... и у стен бывают уши...

Орудие наше немцы все-таки достали. Близкий разрыв перевернул сорокапятку. Хорошо хоть расчет сидел в яме и уцелел. Так, теперь им никто не мешает спихнуть с моста танк и все-таки переправиться на эту сторону. Мост им нужен, это уже совершенно очевидно. Значит, оставлять его нельзя, эти танки нам сбить будет нелегко, трофейная пушка стоит почти в километре от моста, стережет дорогу, как раз на случай прорыва

нашей обороны. Стало быть, пришло время.

— Телефонист! Саперов дай!

— Боец Грачев у аппарата!

— Вот что, боец, это командир роты. Давайте там, отпускайте бочку.

Понял меня?

— Так точно, понял! Отпускать бочку. Значит, мост взрываем?

— К чертовой бабушке!

— Сделаем, товарищ командир!

Сверкнул нож, перерезая веревку. И не удерживаемая более на дне ничем, наверх всплыла здоровенная бочка из-под бензина. Когда ее боковина показалась над водой (у ближнего к нашему берегу края моста), натянувшаяся проволока выдернула чеку натяжного взрывателя. Своего часа в бочке, помимо тридцати килограммов взрывчатки, ждал еще добрый груз из полудесятки артиллерийских снарядов...

Мощный взрыв поднял вверх бревна мостового настила. Удивительная, сюрреалистическая фигура из вставших на дыбы обломков моста некоторое время висела в воздухе. Казалось, что на месте переправы вырос странный куст из дерева и воды. Сбитые мощным гидроударом, покосились и упали в воду устои моста. Вбежавшие на мост солдаты были в большинстве своем сброшены в воду. Прошла секунда, и на них сверху посыпался град обломков, топя и оглушая оказавшихся в воде людей.

Звякнула, упав на пол, чайная ложка. Забыв про недопитый чай, подскочила с места молодая девушка в белом халате. Тонкий писк сигнала заставил ее забыть о своих делах, о недочитанной книге... Бегом, бегом по коридору! Что-то произошло в пятой палате.

Дверь нараспашку, быстрый взгляд на приборы — что случилось?

На стоявшем слева мониторе прыгала и дрожала змейка кардиограммы.

Зацокали по плитке пола каблук бегущей медсестры. Телефон, где телефон?!

Да вот же он, на столике, там, где и всегда!

— Виктор Николаевич! В пятой палате... там... там что-то непонятное происходит! Приборы как взбесились!

— Что?! Дежурную бригаду поднимай! Еду!

Дрогнула и сжалась в кулак рука лежащего на койке человека. Тонкие, как у пианиста, пальцы захватили ткань простыни...

Еще один снаряд...

У них там что — полевой склад боезапаса? Дело к вечеру идет, а фрицы до сих пор долбят по берегу, будто задались целью вспахать его на метр в глубину. К тяжелым пушкам присоединились минометы и еще какая-то мелочь.

Оставив в засаде пулеметчиков, мы оттянулись в деревню. Здесь пока было тихо, снаряды сюда не залетали. С немецких позиций деревня не просматривалась.

Однако вечер уже. Ночью немцы в атаку не пойдут. Значит, день мы выиграли. Остался еще один. Перекусывая трофейными консервами, я мотался по позициям, распределяя бойцов и определяя им задачи. Пару раз натыкался при этом на майора. У меня сложилось впечатление, что он или кто-то из его бригады постоянно находятся около меня. Только делают это так, чтобы я их не замечал. Ну и черт с ними, не мешают — уже хорошо. А если еще и обещанная им рота подойдет... Эх, мечты, мечты — где ваша сладость?

ГЛАВА 47

— Все в сборе?

— Так точно, товарищ майор. Вон и Михеев подошел.

— Женя, как там объект?

— Спит, товарищ майор. Прямо на ходу уснул. Только что разговаривал, чай пил. Обернулись к нему, а он уже спит. Мгновенно заснул. Его там бойцы уложили на ящики. Три человека с ним рядом постоянно. Они бы его и без нас так же охраняли бы. Их старший, Ковальчук, — мужик дельный. В задачу врубился сразу, даже объяснять ничего не пришлось. Он и без нас к нему двух бойцов прикрепил. Чтобы смотрели, как он жив-здоров, ну и вообще...

— Да? Ты потом попроси его на пару слов. Посмотрю, что это за дельный мужик такой... Ладно, раз все собрались, ставлю задачу на завтра. Рота еще не подошла, и подойдет ли она вообще — не знаю. Самолет будет только завтра к вечеру. Сядет на аэродроме, так что удержать его до этого момента необходимо. Коридор немцами перерезан, других путей эвакуации нет. Поэтому изъятие объекта сейчас может, как это ни парадоксально, только еще более усугубить общее положение вещей. Руководству я эти доводы сообщил. Нам предписано действовать по обстановке. Здесь все ясно?

Окружавшие майора люди промолчали. Вопросов ни у кого не было.

— Продолжаю. Основная задача осталась прежней. Эвакуировать Леонова в тыл. Соответственно с этим на всех, я подчеркиваю — на всех, лежит обязанность следить за ним во все глаза. Любая угроза для него должна быть устранена немедленно. Желательно — вместе с объектом-носителем. Порядок прежний. Один человек — ближнее охранение, два — дальнее прикрытие. Глаза бойцам не мозолить, тут все нынче нервные да уставшие. Самому Леонову на глаза не лезть, а то он тоже мужик непростой. Кто его знает... Лихова так отбрил! У того аж руки затряслись, когда я пояснил ему, чего он на самом деле избежал. Штрафники его прямо там и закопали бы. С них станется. Терять тут уже всем нечего, так что на звание и документы смотреть не будут. Для них Леонов сейчас — единственный шанс уцелеть. И церемониться с его обидчиками никто не станет. Да и не нужно нам с ним отношения обострять. Поговорили мы правильно, уехать с нами он готов, так стоит ли игра свеч? Все равно раньше завтрашней ночи мы отсюда не улетим. Спрятаться нам всем негде,

до аэродрома местность, как стол, ровная. Не то что танк, мотоциклист издали всех порезать сможет из пулемета. Немцы, сволочи, это тоже понимают, так что будут нас завтра отсюда сковыривать за милую душу. А до вечера продержимся — так и препятствий к отходу не будет. Да и в спину никто не стрельнет... Если вопросов нет, все свободны. Барсова, останься.

Дождавшись, когда все разошлись по постам, Гальченко повернулся к Марине.

— Ну, что скажешь? Ты его сегодня видела. Он?

— Да, товарищ майор. Он это. Движения, жесты, манера голову держать — все совпадает. И здесь, и в деревне — это один человек.

Майор прошелся взад-вперед.

— Видишь ли, Котенок... Я ведь не обо всем наверх доложил тогда. Уж больно необычными мне твои утверждения показались... Только ты одна его видела и одна с ним говорила. А ну как не смогли бы мы доказать твою правоту? И навесили бы наши врачи на тебя ярлычок... И все, для дела ты человек потерянный. Никто тебя уже в бой не выпустит, с таким-то медицинским заключением! Будешь до конца жизни бумажки со стола на стол перекладывать.

— Не хотелось бы...

— Мне тоже. Ибо, прости уж меня за прямоту, человек ты правильный! И когда ты позади, я не оборачиваюсь, за тыл спокоен. Тебя уже контролировать не надо.

— А других?

— Некоторых еще нужно.

Они оба замолчали.

Майор вытащил папиросу, прикурил.

— Значит, так, Котенок. Тебя Леонов еще не видел пока. Пусть так и дальше будет. Не надо его провоцировать. Мало ли как он на тебя *сейчас* среагировать может? Дрогнет рука в неподходящий момент, или в башке переклинит чего... Понимаешь меня?

— Да, товарищ майор. Понимаю.

— И... относительно второй части приказа... Так вот, Марина, тебя это не касается.

— Почему?

— А как ты сама думаешь? Ты в него выстрелить сможешь?

Барсова молчала. Только прутик в ее руке продолжал чертить на земле какие-то завитушки. Наконец она подняла голову.

— А вы, товарищ майор? Вы сможете? После того как он нас всех...

можно сказать, с того света вытащил?

Гальченко ответил не сразу. Докурил, притоптал бычок.

— Видишь ли, Котенок, тогда мы опасались, что он попадет в руки к профессору.

— Это к какому же? Не к тому ли, которого мы там угрохали?

— К нему. Поэтому и был отдан такой приказ.

— Но ведь его теперь нет? Значит, и приказ...

— Действует. На место убитого профессора пришел новый.

— И что теперь? Над... Леоновым всегда будет висеть этот топор?

— Пока сохраняется возможность его захвата противником — будет.

— И это значит, что вы...

— Буду стрелять. И требовать этого от других. Кроме тебя.

— Почему?

— Есть грань, которую не может преступить даже командир, отдавая приказ. Война ожесточила всех. Но даже и в жестокости есть граница, которую нарушать нельзя. После этого уже не сможешь оставаться прежним человеком. Будет машина, бездушный механизм для исполнения команд. Чем мы в этом случае станем лучше немцев? Я никогда не спрашивал тебя, кем был для тебя твой «дядя Саша»? Не хотел касаться этой темы, не мое это. Вот скажи мне, в него ты стала бы стрелять? В таких же условиях?

Марина молчала. Рука ее остановилась, и прутик упал на песок.

— Вот видишь? Сама эта мысль для тебя невыносима. А Леонов... ведь ты же узнала его там, в деревне?

— Таким образом, коллеги, на примере этого больного мы можем наблюдать процессы, возникающие после изменения курса лечения, — профессор Панков вытер испачканные мелом руки. — У кого-нибудь вопросы есть?

— Но, профессор, как вы можете объяснить столь быстрое изменение поведения человека? Ведь он лежал в коме почти полгода? Неужели этот процесс обратим? — сказал высокий, светловолосый врач, внимательно слушавший его доклад.

— Как видите, вполне. Просто не надо подавлять деятельность его собственного мозга.

— Павел Петрович, дорогой, но ведь он так и не вспомнил, что же происходило с ним в последние полгода? — поднялся со своего места профессор Великанов, директор института.

— Зато вспомнил все, что этому предшествовало. Как вы полагаете,

профессор, стоят ли потерянные полгода тридцати лет жизни?

— Ну это же просто несопоставимо! Полгода и вся жизнь!

— Значит, игра стоит свеч.

— Ну что ж, — Великанов повернулся к присутствующим. — Раз нет других мнений, то я буду рекомендовать метод профессора Панкова для излечения больных, находящихся в аналогичном состоянии. Возражения есть?

Собравшиеся на доклад врачи молчали.

— Нет возражений. Павел Петрович, позвольте мне поздравить вас с выдающимся открытием!

— Командир! — толчок в плечо вырвал меня из объятий сна.

— А! Что там?

— Немцы переходят реку! Наши пулеметчики их валят, но там все время новые прут!

— Воды дайте!

Вылитый на сонную морду котелок с холодной водой мгновенно привел меня в адекватное состояние.

— Так... теперь еще раз и не торопясь.

— Пятнадцать минут назад немцы начали форсирование реки. На надувных лодках. Были замечены пулеметчиками. Они открыли огонь и потопили несколько лодок. В ответ противник тоже открыл ружейно-минометный огонь и приступил к массированному форсированию реки. Фрицы начали ремонт моста. — Ковальчук тоже поостыл и докладывал не торопясь.

— Это на здоровье. Пока они его починят... Наши потери?

— Пять человек, два пулемета.

— Противник?

— Трудно сказать... С полсотни точно, а там... — развел он руками.

— Обстановка на настоящий момент?

— За берег немцы зацепились. Подтягивают туда резервы. Готовят атаку.

— Ага. Готовят, значит? Ну и флаг им в руки... Командуйте пулеметчикам отход на следующий рубеж. Минометам дать несколько выстрелов по переправе — и тоже отход.

Я прошелся по позициям. Никто уже не спал, все были на ногах. Кто-то торопливо дожевывал сухарь, кто-то курил. Да... теперь между нами нет реки. Этот бой не будет таким легким. Одно утешало — танков у противника нет. Вот только их пушки... Пока они молчат — не видят цели.

Что будет, когда немцы подойдут на прямую видимость?

Скользя подошвами по мокрой траве, матрос быстро спустился с холма.

— Товарищ главстаршина!

— Тихо ты! Не ори так, будто с тебя сняли последние ботинки! Чего там?

— Пушки!

— Да ну? Глядя, как ты торопливо бежал, я уж было подумал, что там сам ихний фюрер со всей камарильей! А тут... пушки... И сколько?

— Четыре штуки. Немцев человек пятьдесят.

— Снаряды?

— Два грузовика стоят. Фрицы их разгружают.

— Добро... Деревянко! Рули сюда!

Высокий нескладный матрос подбежал неожиданно легко и почти бесшумно.

— Слухай мене. Сдается мне, это те самые громыхалки, шо бабахали вчера весь день. Но пушки это немаленькие, и стреляют они не по соседней улице. Значит, что?

— Есть корректировщики.

— Ты правильно мыслишь! Вова, вы умнеете на глазах! К концу войны сможешь сдавать экзамен за профессора! И где мы имеем этих самых корректировщиков?

— Проводов отсюда мы не нашли. Скорее всего, у них есть рация.

— И где она есть, Вова?

— Там, откуда все видно, — на холме. А вторая здесь — у этих недобитков. — Деревянко показал рукой в сторону батареи.

— И что вытекает из твоих сложных рассуждений?

— Надо найти машину или мотоцикл с корректировщиками. Взять их в ножи, чтобы они прекратили свою вредительскую деятельность. И организовать налет по затылку их коллег.

— Вова, вы абсолютно правы! Один маленький момент! Кто у нас настолько хорошо знает немецкий язык, чтобы втереть очки этим фрицам?

— ...

— Ты будешь хохотать, но и я тоже! Какое из этого будет резюме?

— Ну... корректировщиков брать надо все равно. Без них батарея слепа.

— Правильно! Только в процессе этого увлекательного занятия не испорти, пожалуйста, рацию!

— Постараюсь, командир!

— Не надо стараться! Вова! Надо сделать! Отбери себе троих спутников и действуй! Двух часов тебе хватит?

— Нет. Я только до холма за это время дойду. Четыре часа.

— И все это время те жлобы будут пулять почти что нашими снарядами по родным для нас людям? Три часа, и не торгуйся!

— Танк дашь?

— Кто тут жлоб, я вас спрашиваю? Бери... изверг...

Оба матроса подошли к лесу, стоявшему метрах в восьмистах от места их беседы. На опушке стоял трофейный танк. Опершись спиной о гусеницу, сидел лейтенант Рокотов. Голова его была перевязана, глаза закрыты.

— Товарищ лейтенант! — кашлянул Наливайко.

Рокотов открыл глаза.

— А? Это вы, старшина...

— Главстаршина, с вашего позволения... тут вот какое дело, товарищ лейтенант...

Выслушав матроса, лейтенант устало кивнул головой.

— Да... в этом есть определенный смысл. Только снарядов у нас почти не осталось. Штук пять всего... Правда, патронов много. Там, в грузовиках, этого добра хватало... Берите танк, главстаршина. Танкисты спят вон там, — он махнул рукой, указывая на кусты.

Проводив глазами удалявшийся танк, Наливайко поспешил к своим людям. Позади остался умопомрачительный рейд по немецким тылам. Заминировав перекресток, они дождались подрыва на минах нескольких танков. Подождав приезда ремлетучки, пулеметным огнем снесли с дороги добрую половину столпившихся немцев и пушечным огнем из танка добились поврежденные машины в хлам. Оставшихся фрицев закидали гранатами. После этого наскоро дозагрузились трофеями и двинулись на звук артиллерийской стрельбы. Пройдя около километра, лоб в лоб напоролась на автоколонну с пехотой. Бой был быстрым и жестоким. Потеряв почти половину личного состава, матросы, подкрепленные танком, сумели разнести колонну в пух и перья. После этого последовал еще один рывок в сторону леса, где уставшие моряки и штрафники буквально повалились на траву. И только неутомимый главстаршина продолжал свои поиски, напоровшись на пушки почти случайно. Стрелять они уже перестали, и, если бы не следы, накатанные грузовиками, никто и не обратил бы внимания на неприметную ложбинку.

ГЛАВА 48

Фьюить!

Над головой неприятно свистнуло.

Опа!

И сюда уже постреливать начали?

Или просто дуриком занесло?

Скорее всего — второе.

Новый НП располагался в самом, на первый взгляд, неудобном для этого месте — во взорванной водонапорной башне. Сам бак валялся где-то в стороне, а вышка скособочилась, указывая своей верхушкой на дорогу. Того и гляди упадет. Ага, щас! Строят такие сооружения с изрядным запасом прочности, так что завалится она не скоро. Во всяком случае ежели немцы не вкатят сюда снаряд, то сегодняшний день она точно простоит. А может, и больше.

Сидя на балке возле окошка в стене, я разглядывал в бинокль наступающих фрицев. Ну, в кои-то веки противник пошел как положено, без импровизаций и выкрутасов. Немцы двигались осторожно, внимательно осматривая попадающиеся на пути ямки и брошенные окопы. Подлянок опасаетесь? Правильно, между прочим, поступаете. Только тут тоже не фраера ушастые...

Бух!

Я скорее увидел, чем расслышал взрыв. Сначала над землей взметнулось облачко дыма, звук пришел позже. Солдаты тут же залегли, оцетинившись стволами во все стороны. Но по ним никто не стрелял. Только на дороге катался подорвавшийся фриц. Убедившись в отсутствии противника, немцы осмелели. Пара человек, закинув за спину карабины, поползла к недобитку.

Сбоку кашлянули. Кто это к нам в гости пожаловал? Майор. Хмурый и чем-то недовольный. Ну еще бы! Какой же нормальный человек любит ранний подъем?

— Здравия желаю, товарищ майор! Доброго утра не желаю, ибо с трудом себе представляю таковое. Скажем так, с утром вас!

— И вам того же, старшина! Что там, фрицы зашевелились?

— Да уже на нашем берегу шастают. Посмотреть хотите?

— Значит, переправились...

— Ну да. Не без потерь, но реку они преодолели.

Майор приник к биноклю.

— А что ж не стреляет по ним никто?

— Чтоб немцы нас из пушек долбанули раньше времени?

— Ну... положим, здесь я вам кое-чем помочь смогу... Харченко! — не оборачиваясь, крикнул он.

В проломе стены нарисовался невысокий боец в маскхалате. В руках он держал знакомую мне уже СВТ с оптикой и глушителем.

— Я, товарищ майор!

— Николаева бери, и притормозите вон тех фрицев. Старшина вам провожатого даст, чтобы на минах не подорвались.

— Не вопрос, товарищ майор, даже и сам могу проводить.

— А других дел у вас нет, Александр Павлович?

— Ваша правда, товарищ майор! Никитин! Организуй снайперам провожатого!

Снайпера ушли, и мы с майором продолжали наблюдать за продвижением фрицев.

Те уволокли в тыл своего раненого и выдвинули вперед группу саперов. Покопавшись на дороге, они нашли и обезвредили еще одну мину, после чего двинулись вперед. А молодцы немцы, не торопятся, все обстоятельно делают. Это только мне на руку. Если они и дальше теми же темпами передвигаться станут, то и воевать не потребуется. До вечера фрицы разве что к водокачке дойдут.

Бумс!

Не все туда дойдут...

Вот, один такой торопыга решил путь срезать...

Ага, товарищи к нему сунулись. А под ноги глянуть? Откинуло его в сторону, так пускай сначала знающий человек туда подойдет...

Бумс!

И сразу двоих вытаскивать будет...

Немец-сапер замахал рукой, приказывая всем прочим залечь и оставаться на месте. Сам же неторопливо, ощупывая землю щупом, продолжал идти вперед.

Выстрелов я не слышал, что, впрочем, и неудивительно, учитывая экипировку снайперов, они вообще у немцев под носом сидеть могли.

Немец со щупом остановился, как-то неуверенно переступил с ноги на ногу... и ткнулся носом в песок. Шедший следом коллега покойного только и успел поднять на шум падающего тела голову, как уже присоединился к напарнику.

Ничего не понимающие фрицы не стреляли. Куда?

— А почему ваши бойцы не стреляют, старшина? — майор оторвался от бинокля и повернулся ко мне.

— А зачем?

— То есть?

— Путь от моста один. И он весь засеян минами. Берег заболоченный и труднопроходимый. Да и там тоже мины есть. Пока немцы не пройдут минное поле, они нам не опасны. Разве что снова из пушек лупить станут. Но для этого надо иметь видимые цели. А их у немцев нет. Они могут потерять очень много времени на разминирование, ибо успели еще вчера понять — мины тут повсюду. Техники, способной преодолеть минное поле, у них нет, мост еще не восстановлен.

— Значит, ждать будете?

— Буду. Всякая задержка нам на руку. Выбить своими бойцами всех немцев — нереально, да и нет у меня такой задачи. Если до вечера обойдемся без боя — вообще замечательно! Но... такое везение — это уже из разряда чудес.

Среди немцев наметилось шевеление, вперед полз солдат с пулеметом. Прикрытие. Только чье? Ага, вот еще один, еще... Так это они вперед бойца с телефоном и катушкой провода пробуют продвинуть! А на том конце провода небось пушки имеются или минометная батарея. Совсем невесело...

Интересно, снайпера его видят? По идее — должны.

Как вскоре стало ясно, корректировщика пасли. Не знаю, как давно, но вели его плотно.

Перебегавший пулеметчик вдруг выронил свое оружие и носом сунулся в песок. Не заметивший этого корректировщик поднялся и моментально огреб аж несколько пуль. Причем одна из них, то ли случайно, то ли намеренно, разнесла еще и телефонный аппарат.

Подобного издевательства над установленным порядком немцы не вынесли и лупанули по развалинам деревни практически из всего, что у них к этому моменту имелось.

Мало не показалось никому.

Даже и в нашу башню залетали какие-то случайные пули. Минут через двадцать после начала этой стрельбы свою лепту внесли и их пушки. Тяжелые снаряды разнесли в пыль несколько подозрительных развалюх. Видимо, сочтя на этом свою работу выполненной, артиллеристы умолкли.

Приободрившаяся пехота двинулась дальше. На этот раз идти им было малость побезопаснее, учитывая то, что некоторые мины были уничтожены

артобстрелом или сработали от разлетающихся обломков зданий. М-м-да... если немцы и далее будут использовать такой метод разминирования... Будет нам всем кисло...

Снова сработали снайперы. Выбрав небольшую группу немцев, они в два ствола накрыли их перекрестным огнем. Шарахнувшиеся от их пуль пехотинцы «удачно» налетели на фугас из артиллерийского снаряда. Оставив на поле боя около десятка тел, фрицы вновь попрятались в развалинах (при этом еще кто-то подорвался на специально для этой цели установленной мине), и опять заревели их пушки...

Такая игра в кошки-мышки продолжалась еще около трех часов. Немцы потеряли порядка тридцати человек и снесли полдеревни артиллерийским огнем. Нам тоже досталось, и неслабо. Человек десять накрыло снарядами, и еще несколько были ранены. Учитывая нашу численность, потери были более чем серьезными.

— Не срастается у тебя что-то, старшина? — Майор внешне невозмутимо рассматривал в бинокль наступающую немецкую цепь.

— Откровенно говоря, не ожидал я от них такой вот тактики. Думал, обычный бой будет, пехота вперед поперет. А тут...

— И что думаешь дальше делать?

— Пушки бьют только по удаленным целям. То есть при близком контакте они бесполезны. Вот тут уже можно и всерьез пободаться... Так что есть у меня одна задумка.

После очередного налета немецкая пехота ухитрилась продвинуться по улице аж на целых двести метров. Огня по ней не вели, только из развалин домов было сделано несколько одиночных выстрелов. Потеряв всего одного солдата, фрицы легко подавили огневую точку и быстрым шагом двинулись вперед. Вот и развилка, трехсторонний перекресток. Справа, из-за наспех наваленной баррикады, раздались выстрелы. Ответив пулеметной очередью, немцы оставили тут небольшой заслон, а основная часть двинулась дальше. Пушки молчали, расстояние между немецкой пехотой и баррикадой было минимальным — метров сорок. При таких дистанциях между противниками врезать по своим — легче легкого. Так что в этом случае обошлись без артподготовки. Вот и центральная площадь. Отсюда уже был виден выезд из деревни. Приободрившаяся пехота рванула вперед. И тут ударили пулеметы. Их было немного, всего четыре или пять. Но выход с площади вперед, а главное — назад они перекрыли надежно. Уцелевшие немцы быстро попрятались в остатки строений и оцетинились во все стороны стволами.

— И что теперь? Вы впустили их в центр своей обороны, — недоумевающе пожал плечами майор. — Теперь вопрос вашего уничтожения — всего лишь вопрос времени.

На площади грохнул залп. Группа солдат, выскочив из занятого ими дома, рванулась вперед. Их целью было соседнее, чуть более выгодно расположенное строение. Стоявшее на углу, оно было удобной позицией для обстрела двух улиц. Не успели, однако, солдаты сделать и десятка шагов, как один из них задел неприметную проволочку... И на соседнем столбе рванул привязанный в метре от земли артиллерийский снаряд...

— Вот так, товарищ майор! — сказал я, наблюдая, как оставшиеся в живых немцы уползают назад. — Дома они заняли, это так. Только теперь их артиллерия не сможет стрелять по деревне. Ведь неизвестно, где свои сидят, а где противник.

— Допустим. Пушки вы из игры исключили. Но в домах засели не менее сотни человек! Что будет, если они пойдут на прорыв?

— Куда? Вы уже видели, чем заканчиваются подобные попытки. Все проходы вокруг этих домов, кроме тех, по которым они туда и вошли, утыканы минами. Вокруг площади стоит не менее десятка пулеметов. Пускай пробуют, если жизнь недорога.

— Но они могут там просидеть хоть до ночи!

— Хоть до следующей. Ночью мы отсюда уйдем, так что пусть себе сидят. Свою задачу мы выполним. Единственная угроза для нас — это попытка их деблокировать или прорыв в сторону аэродрома. Но последнее крайне маловероятно, там столько всего понатыкано... А вот если они отойдут назад... тогда нас всех смешают с землей...

— Хм... Интересно придумано, да. И нестандартно, надо отдать вам должное. Использовать пехоту противника в качестве прикрытия от его же артиллерии... Однако вы, Александр Павлович, сильно рискуете. Да и окажись тут, на КП, тот же Грушевский, например, он бы немедленно заставил вас контратаковать прорвавшихся фашистов.

— Шутить изволите, товарищ майор? У меня в строю бойцов чуть не вдвое меньше только прорвавшихся немцев. Какая уж тут контратака! А ведь еще и со стороны реки противник подходит. Его кто держать будет? Не думаю я, что комиссар этого бы не понял. Да и кроме того, что эти фрицы сделать могут? Стрелять будут? В кого? Пулеметы в подвалах стоят, на улице никого нет. Связи у этих окруженцев нет, и корректировать огонь своих пушек они не в состоянии. Попытка прорыва слишком дорого им обошлась. Они уже успели привыкнуть, что тут повсюду натыканы мины и идти можно только по дорогам. Так что... будут ждать своих. Назад они,

скорее всего, не пойдут, у них тоже за это спасибо не скажут.

— Вашими бы устами... Ладно, подождем. Тем более что другого выхода у нас все равно нет.

— Ну и ладушки. Вы тут присмотрите, пожалуйста, за обстановкой, а я к артиллеристам пробегусь. Связи с ними нет, а у меня на них большие надежды имеются.

— Вы уж поосторожнее там, Александр Павлович, добро?

— Так и мне еще собственная голова дорога, товарищ майор!

Вскочив с места, я пошатнулся. Вот черт! Не иначе как ноги отсидел, аж в сторону повело. Сделав несколько шагов, я мысленно присвистнул. Ноги продолжали болеть. Нет, вот выберусь из этой заварухи, надо будет потребовать от командования хотя бы пару суток, чтобы просто отоспаться. Иначе я скоро на ровном месте падать начну. Вон, даже в ушах зашумело. Наверное, от резкого вскакивания с места. А ведь раньше этого не было! Добегался, блин...

Сопровождаемый безотлучным Ковальчуком, я осторожно пробирался по развалинам, обходя площадь с окруженными фрицами. Он все время внимательно осматривался по сторонам, словно ожидая от немцев какой-то подлнки. Но они пока сидели тихо, из домов не лезли. Вот интересно, а что же сейчас думает их командир? Не может же он сидеть в этих домах до бесконечности?

— Иоганн! Посмотри налево!

— Чего там? — низкорослый ефрейтор оторвался от стереотрубы и обернулся.

— Похоже, эти жестянщики слегка перегрелись! Вон смотри, сюда едет их танк!

— Ну и что?

— А то, что все танки стоят у моста, ждут наведения понтонов. А этот зачем-то поперся к нам!

— Ну, мало ли какие у них могут быть соображения... Может быть, охрану хотят усилить.

— Танком?! — его собеседник, радист, присел на край двери фургона, свесив ноги наружу. Наушники он снял и повесил их на специальный крючок около стола. — У нас уже есть парочка солдат, тебе мало?

— А тот грузовик тебя на размышления не наводит? — ефрейтор распрямил спину и ткнул рукой в остов сгоревшей радиомашины, черневший метрах в ста от собеседников. — Кто-то же сумел его здесь обстрелять? И поджечь?

— Ну... Пули могли прилететь и с того берега...

— Русских выбили оттуда еще утром! А машина сгорела почти в одиннадцать, тогда, когда их уже и в помине не было! Нет, этот стрелок сидел где-то здесь... Пехота прочесала окрестности, даже и стреляли в кого-то, но... Скорее всего, этот фанатик залег в какой-то яме с мусором...

— И пускай валяется там и дальше! Пусть тогда танк прикроет нас с тылу, хорошо?

— Ладно. Я поговорю с танкистами, может, у них еще какая-то другая задача есть. Надо заодно и наших солдат позвать, пусть объяснят этим жестянщикам, что у нас тут и как...

В том, что такая задача действительно имелась, он убедился уже через несколько минут. Когда ловко выпрыгнувший из танковой башни матрос всадил ему нож под ребро.

Падая на землю, ефрейтор еще слышал истошный крик радиста: «Нихт шиссен! Гитлер капут!» и сдавленные хрипы со стороны подошедших поближе охранников...

ГЛАВА 49

Что-то немцы подозрительно затихли... Ну, я понимаю — по ним никто не стреляет, так что и в ответ палить некуда. Но уж больно мне это их спокойствие не нравится. Задницей чую, готовят они нам какую-то пакость. Но сколь масштабную? Атака пехоты? Возможно, но толку с нее сейчас? До площади им не дойти, не пустим. Минометный огонь? Куда, по каким целям?

Вот и позиции артиллеристов. Трофейная пушка вся обложена мешками с песком и завалена поверх них различным мусором. Сразу и не рассмотреть, что же это такое на самом деле.

Хозяиничал здесь сам Нечипорук. Вот же обстоятельный мужик, аж завидки берут! Орудийный дворик только что не подметен, сверху затянут масксетью. Все снаряды подготовлены к бою, ящики открыты. Почти десяток бойцов ждут своей очереди. Надо же! И о возможных потерях подумал, уважаю! А впереди пушки угадывался окоп.

— Пулемет там стоит, — перехватив мой вопросительный взгляд, пояснил старший сержант.

— Так... у вас же его не было?

— Гогуа принес, товарищ командир. И сам пришел. Я, говорит, солдат, а не кладовщик.

Не хочу так помирать, родным стыдно будет. Мол, ушел воевать, а помер на куче барахла.

— А каптерка его где?

— Немцы из своих пушек накрыли. Еле успел выскочить, говорит, вход там засыпало. Только пулемет с патронами и вынес.

Ох, и врет наш каптер! Небось цел его подвал, чтобы его разнести, и шести дюймов маловато будет! Хотя... я его понимал...

— Ладно, пусть будет пулеметчиком. Все равно почти все уже раздали на позиции. Нечипорук, тебя не удивляет, что немцы затихли? Чего они ждут-то?

— Так все ясно, командир. Мост они чинят. Или новый наводят.

— С чего ты это взял?

— Я эти места знаю. Мы, когда в наступление шли, летом еще, проходили тут. Речка тут хоть мала, да хитра! Берега топкие и неудобные. Тут на всю округу два моста. Один еще летом сами немцы разнесли, только этот и остался. К аэродрому тут самый путь удобный. Если, конечно,

танками идти. Пехота-то, она всюду пройдет.

— Ну уж и всюду...

— Почти всюду. Приказ будет — немцы отсюда хоть по-пластунски, да поползут до аэродрома. Сам, поди, знаешь — они вояки грамотные.

— Что ж тогда тут завязли?

— Так непривычно ты, командир, здесь оборону построил! У меня это четвертая, почитай, война, так подобных фокусов видеть не приходилось. Конечно, кое-что я и раньше встречал, но все больше по одному. А так, чтобы в кучу и мины запихать, и пушки, да засаду эту, с моряками-то... Учился где?

— Пришлось... Так ты думаешь, мост?

— И к бабке не ходи. Без танков они эту деревню не пройдут. В смысле — без потерь больших не пройдут.

— А с танками?

— Пройдут. Что-то на минах потеряют, мы пару-тройку сожжем. Остальные пройдут.

— Невесело это у тебя выходит, Нечипорук.

— Так два-три танка немцы сюда и не пошлют. Вдарят не меньше чем десятком.

— И как же ты тут собираешься воевать? С таким-то настроением?

— А как и всегда воевал. До последнего. Нешто я не знаю, что там, позади нас-то, дееется? Хоть кого из фрицев с собой прихватим, все легче нашим ребятам там будет.

— Ну, ты на тот свет раньше времени-то не торопись! Еще поживем. А чего у тебя все бойцы на огневой делают? Не ровен час прилетит чего...

— А вот как время настанет, они мне всю маскировку и разберут быстренько. А потом уж и в укрытие сбегут. Для них тоже дело найдется. Пусть с винтовками по сторонам поглядывают, чтобы не подполз какой-нибудь недогарок.

— Товарищ главстаршина! — подбежавший матрос присел около Наливайко на корточки. — Там что-то немцы задержались! Похоже, со связью у них какие-то неполадки.

— Это не неполадки. Надо полагать, Вова до ихних корректировщиков добрался. Давай, поднимай всех остальных! Лейтенанта буди и пехоту оставшуюся. Подтягивайтесь сюда, сейчас будем делать немцам карачун!

Посмотрев вслед уходящему матросу, главстаршина проверил автомат и расстегнул кобуру пистолета. Скользя ногами по траве, к нему подошли оставшиеся матросы. Чуть позже, поправляя обмундирование, подошел

лейтенант Рокотов.

— Что у вас, Наливайко?

— У немцев связь пропала. Значит, наши ребята до корректировщиков добрались. Пора и нам начинать, пока они кого другого на помощь звать не начали. Уйдут с частоты, и ищи их потом где хошь.

— Добро, главстаршина. Как работать будем? Прикидывали уже?

— Да, товарищ лейтенант. Берите своих и отходите вон туда. Видите, где кустики растут?

— Вижу.

— Там у них склад боепитания. Снаряды сложены. Если оттуда пойдете, то как раз стрелять им нечем и будет.

— Хорошо, зайдем оттуда. Как буду готов, дам ракету. Вместе и пойдём.

— Буду ждать, товарищ лейтенант. Эй, оглоеды! — повернулся он к морякам. — Проверить всем оружие. И помните: одна граната рядом со снарядами — и вы все будете несказанно удивлены. А если какой непонятливый сделает лишнюю дырку в передатчике, то я лично выскажу ему все свое недовольство.

Низкий гул донесся со стороны реки. Затих, снова появился.

— Ну вот, командир, и дождались. Немцы переправили танки.

Я прислушался. До реки было более километра, и трудно было определить, сколько танков там переправилось. Одно было понятно: времени осталось мало.

Подойдя на КП, я застал там майора, озабоченно вышагивающего вдоль стены. Увидев меня, он спокойно кивнул головой.

— Ну, как там?

— Немцы переправили танки.

— Плохо. Как много времени мы можем здесь еще продержаться?

— Если танков немного, часа два. Если около десятка, то уже через час немцы выйдут на равнину. Вряд ли мы сумеем удержать их на больший промежуток времени. Основную часть танков мы здесь задержим. К аэродрому могут прорваться две-три машины, и остается только надеяться на то, что артиллерия ПВО сумеет с ними справиться. Как там ваша рота, не подошла еще?

— Нет, не слышно ничего про них.

Взобравшись на самый верх башни, я приложил к глазам бинокль.

Вот они...

Три угловатые машины неторопливо ползли параллельно дороге.

Молодцы, понимают, что там их может ожидать. Знали бы они, правда, сколько у нас всего противотанковых мин было, может быть, и меньше напрягались бы тогда. Дорогу мы не минировали, нечем. Но в некоторых местах показательно поковыряли грунт. Судя по всему, это не осталось незамеченным. Отсюда я видел воткнутые поблизости от этих мест вешки. Танки осторожно объезжали эти места. Правильно делаете, ребята! Если и дальше таким же образом поступать будете, то незабываемые впечатления вам гарантированы. По крайней мере, некоторым из вас — уж совершенно точно. В нетерпении я даже стал пристукивать кулаком по стене. И верно: не прошло и пары минут, как, объезжая подозрительное место, головной танк противника спустился в небольшую ложбинку. С точки зрения танкиста, этот путь, пожалуй, выглядел самым привлекательным. Справа были развалины дома, слева — «заминированная» дорога, а небольшие кустики, росшие на этом участке, танк преодолевал абсолютно без затруднений. Во всяком случае, так казалось на первый взгляд. Под гусеницами танка сверкнула вспышка, и практически сразу за этим еще несколько фонтанов земли встали на дороге спереди, сзади и по бокам. Рванувшая под танком мина была соединена детонирующим шнуром еще с несколькими фугасами, заложенными на данном участке. Я был далек от мысли, что немцы примут эти взрывы за артобстрел. Хотя, если бы так произошло, я был бы только рад. Цель подобного минирования была в другом: отсечь от танков пехоту. Рванувшие позади заряды были, в основном, осколочными из трофейных снарядов. И цели своей в данном случае они достигли вполне. Шедшие за танками пехотинцы огребли в полной мере. За то время, пока оставшиеся танки преодолевали расстояние до деревни, сработала еще одна такая ловушка.

Две оставшиеся машины в итоге оторвались от пехоты метров на пятьдесят. Одна из них остановилась у крайних домов деревни, по-видимому, дожидаясь отставшую пехоту. Вторая продвинулась еще метров на восемьдесят и остановилась, поводя по сторонам стволом орудия. Как раз неподалеку от нее в небольшой ямке сидел расчет немецкого пулемета, оставленный там для того, чтобы наши бойцы, сидевшие за баррикадой, не ударили в тыл прорвавшейся ранее группировке. Некоторым образом на этом и строился мой расчет. Я, правда, не ожидал, что немцы поставят там станкач, но уж сообщить о таком неприятном сюрпризе у себя в тылу они должны были. Так оно и оказалось: выскочивший из ямки солдат метнулся к танку. Сейчас он попросит танкистов разнести эту гору мусора. На здоровье, бойцов там все равно уже нет. Сразу после окончания перестрелки они покинули это место, оставив всего одного автоматчика,

который имитировал перестрелку с пулеметом.

Танковая башня дрогнула, и ствол орудия начал поворачиваться в сторону баррикады.

Бух!

Бронебойный снаряд, выпущенный менее чем с двухсот метров, пробил бортовую броню танка, как будто это был картонный лист. Танк дрогнул и окутался дымом. Вслед за этим аналогичный «подарок» достался и последнему уцелевшему танку. Здесь уже не удалось ограничиться одним снарядом. Первый срикошетировал от башни и свечкой улетел в хмурающиеся небеса. Несмотря на это, экипажу явно поплохело, потому что следующие секунд двадцать танк стоял совершенно неподвижно и никак не реагировал на окружающую действительность. Только спустя это время он зарычал двигателем и дернулся вперед. В результате чего следующий снаряд попал не в основание башни, куда, видимо, метился Нечипорук, а аккуратно в моторный отсек. Большого облегчения экипажу это, однако, не принесло: танк вспыхнул, как рождественская елка. Танкисты повыпрыгивали из люка и залегли в ближайших канавах. Артиллеристы еще разок долбанули по первой машине. Потом еще разок. После третьего выстрела танк наконец загорелся. Следующие три снаряда перемешали с землей расчет немецкого пулемета.

Я снова направил бинокль в сторону переправы. Других танков там пока видно не было, но я не обольщался. Где прошли четыре машины, скоро будет и десять. А на нашей артиллерийской засаде можно было ставить жирный крест. Не пройдет и десятка минут, как немецкая артиллерия вспашет там все на глубину метра. Оставалось только надеяться на то, что Нечипорук успеет увести людей и, может быть, утащит пушку, прежде чем немецкие «чемоданы» начнут долбать по его позиции.

Мои неприятные подозрения оправдались в полной мере. Недалеко от пушки упало несколько мин. Ну все, теперь жди «чемоданов».

Однако снаряды почему-то не накрыли опустевший окоп. Вместо этого с правой стороны от КП вдруг затрещали выстрелы.

— Командир! Немцы справа! — ворвался в пролом один из бойцов Ковальчука.

— Сколько?

— До взвода, не меньше!

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Пока нам немцы в центре обороны устраивали показательную атаку, какая-то их часть без шума и пыли, обходя или снимая мины на своем пути, обошла наши позиции с правого фланга. Задним умом я теперь понимал свою ошибку: немцы прошли через

мой старый КП. Бегая вчера туда-сюда, мы натоптали там хорошо заметные тропки, по которым немцы и обошли наши мины. Что мне стоило, уходя, сунуть на эту тропку хотя бы одну мину? Прихлопнула бы она кого-нибудь или нет, но по тропинкам немцы бы дальше уже не двинулись. Вот теперь я и расхлебывал плоды собственной недалёковидности. Считая нас с майором и телефонистов, на КП находилось всего шесть человек. Не очень много, чтобы остановить целый взвод.

— Ковальчук! — крикнул я. — Бери бойца с пулеметом — и вон в ту канаву! Прикроешь правый фланг. Никитин! Бегом в тыл, какое найдешь подкрепление — тащи сюда. А то им до площади метров сто осталось. Еще метров пятьдесят они пройдут, и те окруженцы ударят им навстречу. Сколько бы там мин у нас ни стояло, а сотню человек они не остановят.

Никитина как ветром сдуло, только затопали сапоги, унося своего хозяина.

— Товарищ майор! — и я обернулся к Гальченко.

Он уже деловито заряжал СВТ. Такую же, как и у ушедших снайперов.

— Не волнуйтесь, старшина, я свое место знаю.

— Ну и добро, коли так, — я поднял свою винтовку и шагнул к пролomu. — Озеров! Останешься здесь с майором. Смотри, чтобы какая подлюка нам с левой стороны не зашла. Отсюда обзор не самый лучший.

Выкатившись кубарем из проема, я сиганул в ближайшую воронку, приподнял голову над краем. Вот и набегающие фрицы. До них осталось не так уж и много. Первый из них был уже метрах в тридцати. Низкорослый коренастый немец с карабином в руках. Вот он припал на колено и вскинул оружие — не иначе как кого-то засек. Ну, ничего, сейчас я тебя, голубчика глазастого, успокою. Позади меня сухо треснул выстрел, и немец упал навзничь. Майор! Неплохо это у него получается... Со стороны башни протрещало еще несколько выстрелов, и набегающую цепь словно бы разрубили пополам. Немцы попадали на землю и расползлись в разные стороны. Не нравится вам... Вскинув винтовку, я всадил пулю в излишне любопытную башку, высунувшуюся из-за угла дома напротив. С левой стороны затрещали еще выстрелы, и, повернув голову туда, я увидел еще десятка полтора фрицев, вывернувшихся в проход между домами. Подкрепление к немцам подошло? Скорее всего... Не есть гут. Такими силами они нас прихлопнут как клопов. За моей спиной длинной очередью ударил пулемет, надо полагать немцы поднялись и с той стороны. На площади тоже загрохотали выстрелы: увидевшие подмогу окруженцы решились на прорыв. Хлопнула пара противопехотных мин, злобно рыкнул пулемет. Какое-то время их там, конечно, удержат. Но не слишком долго.

Вся ловушка строилась с расчетом на то, что немцы будут прорываться изнутри наружу. Внешнего удара со стороны КП я не ожидал. Ну что ж, за неимением гербовой... будем воевать в таких условиях. Опустошив магазин винтовки, мне удалось прижать наступающих фрицев к земле. Парочка особо ретивых осталась там навсегда. Ладно... еще не вечер...

— Остапчук! — главстаршина присел на лафет орудия. — Пройдись, посчитай, сколько нас осталось. А я пока пушки осмотрю. Вроде как не повредили в них ничего, стрелять можно. Миша! Я вам премного благодарен за уцелевшую машину с рацией! Клятвенно обещаю по возвращении к своим упоить до полусмерти. Буду тебе особо обязан, если сей секунд услышу из этого ящика голос Вовы Деревянко. Полагаю, что он уже давно сидит около аналогичного агрегата, ожидая услышать из него вместо невразумительного немецкого хрюканья человеческую речь.

— Товарищ главстаршина! — подошел сбоку один из штрафников. — Лейтенанта второй раз ранило, на этот раз в ногу. Ходить не может, вас зовет.

— Да ну? Хреновато... Ничего, вот выберемся к своим, он на этой ноге еще и попляшет. Пойдем, проводишь меня.

Рокотов лежал около небольшой ложбинки. Сидевший рядом боец торопливо бинтовал его правую ногу. Наливайко присел рядом.

— Как же вы так, товарищ лейтенант? Нам еще ходить и ходить, а вы позволили какому-то жлобу подстрелить вас?

— Он сзади стрелял, — отозвался боец, перевязывающий лейтенанта. — Этот фриц за ящиками лежал, мы и не видели его совсем. Пробежали вперед, а он возьми да стрельни в спину. Хорошо хоть, крови немного, пуля насквозь прошла.

— Товарищ лейтенант! — подбежал сбоку матрос. — Разрешите доложить!

— Докладывайте.

— В строю четырнадцать человек. Трое убитых, двое раненых. Немцев положили двадцать три человека, четверо взяты в плен. Пушки все целы, снарядов много, можем стрелять.

— Знать бы еще куда! Связь есть?

— Пока нет.

— Давай, главстаршина, становись к рулю, как у вас говорят.

— К штурвалу, товарищ лейтенант!

— Я не флотский, мне простительно. Всю жизнь бухгалтером был, моря и не видел никогда.

— Еще увидите, товарищ лейтенант. И искупаетесь, и на солнце погрееетесь. Остапчук! Пулемет и двух человек на холм! А то и к нам подойдут такой же тихой сапой, как мы к фрицам, — и трындец.

— Вот что, Наливайко... Распорядись, пусть меня к пулемету отнесут. Так я воевать не могу, а за пулеметом еще можно побрыкаться.

— Но, товарищ лейтенант...

— Не спорь со мной, главстаршина, хорошо?

— Ладно, товарищ лейтенант, будь по-вашему. Остапчук, организуй!

Топоча ногами, подбежал матрос.

— Товарищ лейтенант! Есть связь! Деревянко докладывает, что немцы навели понтоны. Переправляют танки.

— Ну что, Наливайко, — повернулся к нему Рокотов, — большие пушки — это по вашей морской части. Действуй!

На голову посыпался песок. Какой-то из особенно метких фрицев засек-таки, откуда ведется по ним огонь, и упорно пытался продырявить мне башку. Вот и на этот раз я только успел пару раз выстрелить по набегавшим солдатам, как пули просвистели в опасной близости от головы, еле-еле спрятав ее за насыпь. Эдак они ко мне и на бросок гранаты подойдут. Мяукнуть не успею, как накроют. Где же этот чертов стрелок сидит? Однако и с этими фрицами, что ко мне подползают, тоже чего-то делать надо. Приготовив для броска гранату, я резко приподнялся и запустил ее в сторону подползающих немцев. Авось не успеет этот глазастый подловить меня до падения. Глазастый оказался проворнее, чем я рассчитывал, и успел-таки выстрелить. Пуля прошла впритирку около головы. Однако азарт, как известно, штука заразительная. Иногда прямо-таки до смерти. Так и в этот раз. Не ограничившись одним выстрелом, немец привстал, чтобы уконтрапупить меня наверняка. Со стороны водокачки сухо щелкнул выстрел, и с чердака дома напротив вывалился долговязый фриц. Допрыгался... Майор не спал. Стрелял он не часто, но очень точно. Видать, стрелок был знатный. Краем глаза я увидел летящий в мою сторону темный предмет и нырнул на дно воронки. Взрыв! Еще один! Еще! Рассвирепевшие немцы словно задались целью разнести меня на мелкие кусочки. Их можно было понять: передо мной лежало уже не менее десятка покойников. И хотя добрая половина из них — это была работа майора, противник явно не желал этого учитывать. «Медом вам тут, что ли, намазано? — думал я, отползая в сторону. — Совсем озверели! Прямо спасу никакого нет!»

Быстрый взгляд в сторону домов. Нате-здрасьте! Опять бегут! И откуда

вас столько берется?! После третьего выстрела винтовка замолчала. Кончились патроны. Чертыхаясь, я полез за новой обоймой, лихорадочно соображая, успею ли я перезарядиться до того, как они подбегут ко мне поближе.

К-р-р-р!

Сухо протрещали выстрелы, и передняя кучка немцев рухнула как подкошенная. Вторая очередь скосила задних.

Вот это спасибо! Кто ж тут такой проворный? И где ты, друг ситный, раньше сидел? Хотя, с другой стороны, я его понимал. Не ожидая подвоха со стороны развалин, откуда никто до этого не стрелял и бошку не высовывал, немцы перли вперед, не оборачиваясь в ту сторону. Чем и воспользовался неведомый стрелок. Прижатые к земле фрицы попали в крайне неудобное положение: автоматчик бил им во фланг, пресекая всякую возможность выбить меня с моей позиции, а по залегшим солдатам тут же успешно отработал майор, резко снизив их численность. Так еще можно жить! Повеселев, я перезарядил винтовку. Сейчас еще и я вам доведу, совсем мало не покажется...

Видимо, немцы не хуже меня понимали неудобство своего положения. Прозвучала команда, и от развалин полетели щепки: немцы долбили туда не менее чем с двух десятков стволов. Серdito рыкнул пулемет, и башня окуталась пылью: немцы зажимали майора. Надеюсь, у него хватило ума не стоять во весь рост. В мою сторону тоже постреливали несколько человек, но большой угрозы пока не было. Они просто старались не дать мне возможности высунуть голову. Под прикрытием всего этого огня к дому рванулся почти десяток фрицев. Автоматчик свалил переднего и замолк. Что-то там у него... Выпустив всю обойму в сторону стрелков, я заставил их спрятать головы. Перезаряжая на ходу винтовку, метнулся в сторону соседней воронки, стремясь зайти во фланг наступающим на дом немцам. Черт! Опять ноги болят! Как не вовремя! И руки что-то зудеть начали... Не время сейчас болеть!

Лежавший за камнями фундамента Гальченко увидел бросок Леонова в сторону. Куда он бежит? А-а-а... Пытается отсечь немцев от замолчавшего стрелка. А почему он не стреляет? Нет патронов? Куда же он рванулся, безоружный? Майор чертыхнулся и развернул винтовку в ту сторону.

Над моей головой свистнули пули — немцы заметили угрозу с фланга. Кувыркнувшись, я влетел в канаву и, высунув оттуда ствол, выпалил всю обойму по фрицам. Рука хлопнула по пустому подсумку. Патронов нет. Ничего, есть еще пистолеты. Один в кобуре, второй — за пазухой. Повоюем еще. Бросаю винтовку вперед и вверх. Немцы тут же откликаются на это

движение очередной порцией выстрелов. Правильно, они во все глаза смотрят в мою сторону и реагируют на любое подозрительное движение. Запустив в сторону фрицев последнюю гранату, рывком перепрыгиваю ближе к дому. Внутри дома грохает разрыв. Немцы? Уже подошли так близко?

От дома, собственно говоря, оставалось только две стены. Та, что закрывала стрелка от немцев, и еще одна слева. А больше ничего не было. Крыша, пол, другие стены — все было снесено артиллерией. В двух метрах от стены с земли поднимался человек. Видимо, граната если и не зацепила его осколками, то глушанула основательно. Почти одновременно со мной с противоположной стороны ввалилось двое немцев. Мои пистолеты сухо щелкнули — и нежданная парочка осела на землю. Они даже не успели понять, что же, собственно, произошло.

Ну, чего он медлит, автоматчик? Ноги отсюда делать пора!

— Давай, соня, сюда беги!

Услышав мой голос, автоматчик поднял голову. За его спиной в проем снесенной взрывом двери вбегали новые немцы...

Гальченко приник к прицелу.

Немцы.

Несколько человек подбегали к дому, обходя его со стороны позиции майора. Он не видел других: стена дома заслоняла их от него. Озеров давно уже не стрелял. Уткнувшись лицом в землю, он лежал около проема, уронив голову на винтовку. «Сколько еще у меня осталось патронов? — подумал майор. — В винтовке полный магазин, еще пара обойм есть в запасе. Наверняка у Озерова что-то есть, но до него еще надо добраться. А это не так просто, по башне стреляют из всех сил. И стоит мне только высунуть голову из-за балки, как тут меня и закопают. Ребят не слышно — всех повыбили? Только Ковальчук еще стреляет, я слышу его пулемет. Похоже, что задание мы провалили. Немцы сейчас пробьют путь к своим, и тогда нам всем точно крышка. А ведь еще остался невыполненным приказ. Пора?»

Я напрасно кричал автоматчику. Он не слышал меня. Видимо, упавшая рядом граната основательно долбанула его по ушам. Пяток выстрелов из левого пистолета отогнал фрицев назад за стену. Один самый упрямый так и остался лежать на пороге. И в этот момент автоматчик поднял голову...

В дверной проем влетела граната. Ударившись о его край, она упала прямо около порога...

— Котенок! Ложись!

Не слышит...

Прыжок вперед. У немецких гранат большое время замедления. Можно успеть. Повалить ее на землю? Или выкинуть гранату назад? Если ляжем, взрывом оглушит обоих. И тогда нас возьмут тепленьких.

Мелькнув в воздухе длинной рукояткой, граната вылетела за дверь.

Ба-бах!

Вовремя успел...

Но, однако, и мне по ушам досталось.

И не только по ушам. Перед глазами все поплыло. Ноги стали как ватные, а руки как чужие. Чужие? Да, даже поднимаю их с трудом.

В дверном проеме совершенно беззвучно появился немец. Вскинул автомат.

Локтем правой руки я толкнул Котенка назад на землю. Поднял левую руку с пистолетом и нажал на спуск.

Затвор в заднем положении — патронов нет...

Гальченко тихо выматерился. Все. Операция провалена. Ребят больше нет, а Леонова сейчас возьмут немцы. Он, по-видимому, тоже оглушен, вон как его колбасит из стороны в сторону. А в винтовке осталась последняя обойма...

Палец мягко потянул на себя спусковой крючок.

ГЛАВА 50

Что такое?

Почему я не слышу звуков? Меня контузило? Но почему все мои движения такие медленные? Будто под водой руками машу. В левом пистолете патронов нет, перезарядить я уже не успеваю. Но худо-бедно, а это почти полукилограммовая железяка. В рыло прилетит — мало не будет. Брошенный пистолет засветил немцу куда-то по скуле. Он исчез, и на его месте появился следующий. Но ведь есть еще один пистолет. Где же он? И почему так болит голова?

— Вова! Я так рад тебя слышать! И где ты пропадал все это время?

— Командир, вы не поверите, шо тут было!

— Эту увлекательную историю ты мне расскажешь позже. Я не сомневаюсь в том, что вы действовали героически, но гораздо больше меня интересует то, что сейчас делают немцы.

— Эти ушлые люди уже устроили тут понтонный мост! И собираются переправлять по нему танки!

— Вова, про это я знаю. Надеюсь, ты уже придумал, как им немножко напакостить?

Присев к земле от отдачи, гаубицы выплюнули трехпудовые снаряды в насупившееся небо.

— В чем дело, Майер? Почему переправа идет так медленно? Вы слышите, что творится впереди? Там наши солдаты голыми руками дерутся с этими обезумевшими красными! А наши танки, вместо того чтобы им помочь, столпились здесь.

— Извините, герр майор! Саперам пришлось дополнительно укрепить мост. Мы уже переправили на тот берег четыре танка.

— Я их видел! Не думаю, что вы не в курсе того, что с ними произошло. Так что не испытывайте мое терпение далее. Даю вам пять минут.

Майор отошел от переправы и щелкнул портсигаром. Подошедший сбоку адъютант протянул ему зажигалку.

— Спасибо, Отто. Вы уже успели осмотреть позиции противника на том берегу?

— Так точно, герр майор! Это те же самые штрафники, что и два дня

назад.

— Опять? Можно подумать, у красных кончились солдаты!

— Скорее всего, герр майор, это действительно так. Судя по донесениям из деревни, сопротивление оказывают разрозненные огневые точки. Наше продвижение вперед тормозится в основном минными полями. Надо отдать должное противнику, их саперы поработали на совесть.

— А почему молчат пушки? У них что — нету цели? Может быть, стоит подтолкнуть корректировщиков?

В воздухе послышался звук приближающегося снаряда.

— Нет нужды, герр майор. Они проснулись и без нашего напомина...

Шестидюймовый снаряд как пушинку отбросил в сторону вездеход командира полка, разметав на клочки всех находившихся поблизости...

Деревянко выругался — снаряды легли в стороне от моста.

— Левее на сотню метров!

Припавший на одно колено старшина медленно поднял гудящую голову. Что случилось? Почему вокруг все плывет? Кто-то лежит рядом, что-то кричит... Пистолет в правой руке. Что я хочу делать?

Словно прорвав плотину, в уши хлынул шум боя. Взрывы. За стеной длинными очередями бьет пулемет. Это сзади.

А что впереди?

В дверном проеме появился силуэт.

Немец.

В низко надвинутой каске, в руках винтовка.

Увидев старшину, немец вскинул винтовку.

Вот и пистолет пригодился...

Винтовочный приклад мягко толкнул в плечо. Последний патрон.

Гальченко опустил винтовку.

Ну что ж, пора вспомнить все прочие навыки. Пистолет привычно скользнул в руку.

Еще есть одна граната и нож. Легкой добычей я уж точно не стану.

Х-р-р-р...

Ба-бах!

Тяжелый снаряд ударил в землю прямо на пути подбегающей немецкой цепи. За ним второй, третий... Четвертый снаряд рванул попусту.

Только что наступавшие немцы, не ожидавшие обстрела крупнокалиберной артиллерией, повернулись и изо всех сил бросились назад. Подальше от этого ужасного места.

Хрустя сапогами по разбитым кирпичам, майор подошел к Котенку. Она сидела на земле, и легкий ветерок ерошил ей волосы. На лицо упала окрашенная чем-то белым прядь. Майор присел рядом. Протянул руку, желая отряхнуть ей волосы от побелки. Побелки? Стены были бревенчатыми, а под ногами была только сажа. Рука опустилась, так и не дойдя до цели.

Она не повернула головы на звук шагов. Взгляд был прикован к лежащему перед ней человеку.

— Как ты, Тигренок?

— ...

Гальченко наклонился к лежащему и перевернул его на спину. Чуть пониже левой ключицы было видно входное отверстие от пули — стреляли спереди. Он посмотрел на дверь. Вон он, стрелок, еще сжимает в руках карабин. Вся грудь залита кровью — Леонов стрелял с короткого расстояния и не промахнулся, даже будучи контуженным.

— Это вы в него стреляли, товарищ майор? — голос Тигренка был каким-то странно ровным и безжизненным.

Вместо ответа он показал ей на след пули на правом рукаве Леонова. Проследив взглядом, она увидела лежавшего навзничь немца. На животе солдата расплылось кровавое пятно.

— Он мне обзор закрывал... — майор присел около тела старшины. — Качался из стороны в сторону, а немец уже готов был стрелять. Вот я задел Леонова за рукав... Но хорошо попал, даже кожу не шкарябнуло.

— Хорошо...

— Это был мой последний патрон.

Марина промолчала.

Подняла голову и посмотрела на Гальченко каким-то странным, необычно взрослым взглядом. Ничего уже не осталось в ней от прежнего Котенка. Глаза были потускневшими и усталыми.

— Он же мог уйти....

— Мог. Леонов мог и вообще не приходить. Ему лично ничего не угрожало. И к башне мог отойти.

— Он же крикнул мне: «Котенок! Ложись!» Узнал меня! Хотя лица, наверное, и не видел даже... Как же так?

— Не знаю... Но как можно уйти, когда твой друг под ударом?

— Он же не знал, что это именно я тут нахожусь!

— Не думаю, что для него это было особенно важно. Старшина шел спасать своего. Ты это или нет, он знать не мог.

— Это немец... Он же в меня хотел выстрелить. А Леонов меня оттолкнул и собой закрыл. А сам выстрелить почему-то не сумел...

Позади послышались шаги. Майор обернулся.

— Харченко? Цел?

— Цел, товарищ майор.

— А...

— Убит.

— Вот как...

— Там, товарищ майор, Лихов пришел. И роту с собой привел.

— Роту, говоришь? Ну, пускай тут оборону занимают. Там, в башне, должны быть схемы минных полей. Еще не все сработали пока. Пушка уцелела. Хотя не думаю я, что до вечера еще хоть кто-нибудь полезет. Шестидюймовки всю переправу разнесли в клочья. Да и по той стороне прошлись — будь здоров! Не до атаки немцам сейчас, еще в себя не пришли. Лихову скажи, пусть собирается, уходим.

— Так, товарищ майор, а приказ?

— Вот он, наш приказ, — майор указал на тело Леонова. — Скажи Лихову, пусть нам транспорт до аэродрома какой-нибудь организует, не пешком же его нести?

— Так они на грузовиках приехали. Сейчас и тормознем один.

— Добро. Там, у башни, кликни Ковальчука, пусть подойдет.

Харченко вышел. На его плече белела свежая повязка.

Майор и Барсова молчали. Гальченко автоматически снаряжал пустые обоймы к пистолету. Закончив, убрал их в карман и достал пачку папирос. Повертел их в руках и убрал назад. Вытащил флягу и протянул ее Марине.

— Глотни. Помогает.

— Спасибо, товарищ майор. Я уж как-нибудь сама. Второй раз...

Скрежеща сапогами по щебню, со стороны двери вошел Ковальчук. Целый, нигде ни царапинки, только лицо закопченное, как у кочегара.

— Товарищ майор, боец Ковальчук...

— Садись.

Тот опустился на край стены, поставив пулемет на пол.

— Видишь? — кивнул головой Гальченко. — Он всех нас... можно сказать, что из могилы вынул. А мы... не уберегли...

Ковальчук шумно вздохнул.

— Кто ж его... так...
— Вон он, в углу валяется.
— Ага... добегался, значит...
— Лирика будет после. Собирайся, с нами поедешь...
— Так я ж штрафник, товарищ майор! Как же я из роты уйду? Да еще в боевой обстановке!

— Нет уже штрафников, Ковальчук. Член Военного совета внес соответствующее предложение. Так что дело только за документальным оформлением этого. Да и, кроме того, у меня и собственных полномочий хватает. Так что не волнуйся на эту тему. Есть у меня к тебе несколько вопросов.

— Так спрашивайте, товарищ майор.
— Не здесь и не в этой обстановке. Ты скажи мне, Ковальчук, отчего ты целый да не раненый? Ведь по тебе лупили так, что живого места остаться не должно было. Вон, даже кожух пулеметный прострелили. Второй номер твой где?

— Убили его.
— А ты целый. Как так вышло? Ты же не прятался, стрелял, я сам видел.
— Ну, повезло, наверное. Больше ничего придумать не могу.
— И на эту тему мы с тобой тоже поговорим. В любом случае, назад в пехоту ты точно не вернешься.

Обходя трупы убитых немцев, к майору подошли несколько бойцов. Он показал им на тело Леонова.

— Аккуратно возьмите его, ребята, и к грузовику отнесите.
— Что так, товарищ майор? Для всех уже могилу копать начали. Может, и его к ребятам-то отнести? Вместе бы и лежали.
— Это их командир. Не могу я его здесь оставить.
Бойцы подняли Леонова и вынесли его на улицу.
— Пойдем, Тигренок, ехать уже пора.
— Вы идите, товарищ майор, я вас догоню.

ГЛАВА 51

Выписка из приказа по... армии

...Несоблюдение уставных требований по должной организации тыла приводит к самым тяжелым последствиям. Так, например, имеются случаи использования противником нашей поврежденной техники, которая, будучи захваченной и отремонтированной, применялась для нападения на походные колонны войск вермахта. Отсутствие в данном случае головного дозора позволило диверсионной группе противника приблизиться вплотную к колонне и нанести ей тяжелый урон. Пользуясь тем, что в колонне отсутствовала связь с командованием, принять меры по локализации действий данного подразделения не представилось возможным. Эта же группа впоследствии совершила нападение на гаубичную батарею... артиллерийского полка. Захваченные орудия были использованы противником для нанесения удара по нашим войскам. В результате указанных действий противника второй полк... дивизии понес большие потери и был отведен в тыл для переформирования и пополнения. Погиб командир полка и два командира батальонов. Наступление на данном участке фронта было возобновлено только через несколько дней.

...Отмечены случаи умелого использования противником минно-взрывных заграждений с комбинированной установкой мин. Одновременно с противотанковыми минами устанавливаются также заряды, предназначенные для поражения пехоты и танкового десанта. Оставшиеся без пехотного прикрытия танки могут стать целью для истребителей танков противника. В сочетании с артиллерийскими засадами это приводит к неоправданно высоким потерям среди наступающих войск. Следует отметить умелое использование противником особенностей местности для их установки. Под личную ответственность командиров частей и подразделений.

ПРИКАЗЫВАЮ

1. Находясь на марше даже и по занятой войсками вермахта территории, неукоснительно соблюдать все требования Устава по организации боевого охранения.

2. Исключить случаи продвижения войск по не обследованной саперными подразделениями местности.

3. Организовать прикрытие артиллерийских батарей крупного калибра специально для этой цели выделенными пехотными подразделениями с противотанковым вооружением.

4. Для исключения случаев внезапного артиллерийского нападения на передовые части производить предварительную разведку пригодных для этого мест.

Командующий... армией

генерал-лейтенант...

Резолюция на захваченной копии приказа.

Здорово же фрицев припекло! В результате применения указанных в приказе мер неизбежно будет снижена скорость их наступления и передвижения колонн даже и в собственном тылу. А для охраны своих пушек им придется раздергать по кусочкам некоторые пехотные подразделения. Да еще и снабдить их противотанковым вооружением. Необходимо учитывать это в дальнейшем. Во всяком случае, темп их наступления уже сейчас существенно замедлился.

Член Военного совета фронта

Полковой комиссар Грушевский

Выдержка из статьи в газете «Правда»

...Подразделение под командованием капитана Романова и старшины Леонова в течение нескольких дней сдерживало наступление превосходящих сил противника. Умело используя минные поля и захваченное у противника вооружение, бойцы нанесли ему тяжелый урон. Было уничтожено более пятнадцати танков и бронемашин противника и до двух батальонов пехоты. Наступление противника на данном участке было остановлено, и немецко-фашистские войска вынуждены были перейти к обороне.

Отличившиеся в бою красноармейцы и командиры были представлены к правительственным наградам...

Выдержка из приказа

За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, освободить от дальнейшего отбытия наказания с восстановлением в звании следующих бойцов 82-й отдельной армейской штрафной роты:

1. старшего сержанта Ковальчука В. Н.
2. ефрейтора Абакумова Г. А.
3. красноармейца Федотова П. В.
4. красноармейца Николаева В. А.
5. красноармейца Гриценко П. Е.
6. красноармейца Мишина Н. Н.
7. красноармейца Гогуга М. В.
8. красноармейца Филиппенко О. С.
9. красноармейца Мищенко В. П.
10. красноармейца Сулейманова С. В.
11. красноармейца Мирвахидзе М. М.
12. красноармейца Сыроватко Г. В.
13. красноармейца Огородникова В. Е.
14. красноармейца Шервашова А. А.

Ходатайствовать перед вышестоящим командованием о награждении старшего сержанта Ковальчука Виктора Николаевича орденом Красной Звезды.

Ходатайствовать перед вышестоящим командованием о награждении других вышеуказанных бойцов медалью «За отвагу».

— Разрешите войти, товарищ полковник!

— Входи, майор. Давай, рассказывай, что там у вас произошло.

— Провал, товарищ полковник. Не сумели мы Леонова вывезти.

— Ну, об этом я и без тебя уже знаю. Рапорт твой читал. Не скажу, что ты меня обрадовал, скорее — наоборот. Как же так вышло, Витя? Ты же опытный боец, оперативник, каких поискать. Как же ты так облажался-то?

— Виноват, товарищ полковник! Но тут и большим составом группы

ничего бы сделать не удалось. Мы же не заточены под войсковой бой, мало нас для этого. И так почти половина группы погибла. Интеллектом против шестидюймового снаряда не навоюешь.

— Знаю, читал все донесения об этом бое. Накрошили вы там фрицев изрядно. Морячки молодцы, вовремя немцам задницу из пушек поджарили. Ты, кстати, не в курсе, куда они после делись?

— Утром информация была, что вышли из окружения. Главстаршина ихний и еще четыре матроса. Более точно не знаю еще. Их вроде бы сразу контрразведка забрала.

— А ты узнай! Кто-то из них общался же с Леоновым! Нам сейчас все сведения важны, все интересно.

— Сделаю, товарищ полковник.

— А ты сам-то, Витя, что скажешь? Ты же видел его, говорил. Какое у тебя мнение по этому поводу? В рапорте многого не прочтешь. А меня сейчас все интересует, даже догадки твои, пусть ничем и не подтвержденные. Ты вот что мне скажи: вся эта наша возня с Леоновым — она вообще имела смысл какой-нибудь?

— Да, товарищ полковник. Если в двух словах говорить, так со мной не старшина разговаривал. По опыту своему, который в наших условиях вообще непонятно откуда взялся, по манере говорить это кто угодно, но только не армейский старшина! А если вспомнить еще то, что он в деревне вытворял — так это вообще чудеса какие-то получаются. Нет у нас в армии бойцов с такой подготовкой.

— У нас?

— Нигде нет!

— И откуда он такой хороший взялся?

— Не знаю, Михаил Николаевич. Но, если позволите, есть у меня одна мысль.

— Не томи, выкладывай, что там надумал?

— Если вы помните, товарищ полковник, была в моем рапорте одна фамилия.

— Там их у тебя столько было!

— Осташевский.

— И кто это такой?

— Главврач госпиталя. Тот, к которому Леонов на излечение попал. С ним Лихов беседовал. И сказал тогда главврач одну интересную вещь: что симптомы, наблюдавшиеся у Леонова, он уже где-то встречал, а если быть более точным, то слышал про них.

— И где же?

— А вот этого я не знаю, товарищ полковник.
— Значит, надо этого главврача найти. Он-то хоть не в окружении остался?
— Вывезли его. Он какая-то шишка немаленькая среди врачей.
— А что ж он тогда на фронт попал?
— Не знаю, Михаил Николаевич. Это надо у него самого порасспрашивать.
— Добро. Вот сам этим и займись. Еще что-то у тебя есть?
— Есть, товарищ полковник. Я одного штрафника бывшего с собой прихватил.
— Зачем?
— Наш клиент, товарищ полковник. Он все время рядом с Леоновым был. Не скажу, чтоб тот его чему-то особенному научил, некогда ему было. Но вот вылез этот штрафник целеньким из такого пекла... Ни царапинки. А уж лупили по нему... Один только и уцелел.
— Один? А сколько их было?
— Кроме него еще четверо. Они все время вместе держались. А уцелел он один.
— Ты думаешь, это наш случай?
— Пока не знаю, товарищ полковник. Проверить надо. Не просто так ведь человеку везет!

Шум воды.
Или это ветер?
Что-то шумит. Я пытаюсь приоткрыть глаза. Какая-то муть, дымка. Пожар? Нет, не чувствую запаха гари.
Зрение понемногу сфокусировалось. Что это за ящик такой? На стенке висит, продольные щели... Черт! Это ж кондиционер!
Здрасьте-приехали! Откуда он тут? А где — тут?
Где я? Что это за место?
По спине пробежала дрожь, завибрировали ноги и руки. Это еще что за хрень? Кровать?
Точно, это кровать. Она вибрирует, разминая мне мышцы. Интересно...
Это уж явно не сорок второй год!
Для чего нужна такая штука? Ответ пришел почти тут же. Когда я в первый раз приходил в себя, меня долгое время учили вставать на ноги и ходить — мышцы совсем отвыкли от нагрузок. А подобная придумка не дает им превращаться в киселеобразное состояние.

Значит ли это, что я могу ходить? Вставать?

А вот сейчас и попробую...

Несмотря на всю хитрую науку, меня колбасило по комнате, как после литра водки. С трудом удалось удержаться на ногах. Кое-как я доковылял до вешалки и стащил с нее больничный халат. Накинув его на плечи, я оглядел комнату. Знакомое помещение. Где-то я такое уже видел.

Ба! Это же медицинский центр Управления.

Во всяком случае, очень уж похоже. Но если это так, то в коридоре должны быть еще палаты. Там лежат испыатели. Те, которые не вернулись.

Ну что ж, проверим. Держась рукой за стену, я выбрался в коридор.

Знакомый коридорчик. Тут, я помню, бегала медсестра. Как там ее — Лидочка? Людочка?

Двери по обеим сторонам коридора были девственно чисты. Ни табличек, ни бумажек — ничего на них не было.

Как прикажете это понимать? Сколько прошло времени с моего отбытия? И куда делись испыатели?

Воображение тут же услужливо подсуло мне картинку управленческого кладбища. На фиг, на фиг! Об этом даже думать не хотелось. Опираясь на стену, я заковылял по коридору. Где-то там должен был быть выход...

Вот и дверь. Из-под нее пробивался лучик света. На улице солнце? Похоже на то. Какой-то шум. Голоса?

Нажав на ручку, я толкнул дверь от себя.

Это была большая терраса, как в старых советских санаториях. Как и там, на ней были расставлены столы и стулья.

На этих стульях сейчас сидели люди. Некоторые из этих людей были мне смутно знакомы. Только раньше я видел их лежащими на больничных койках в окружении самой разнообразной аппаратуры.

А сейчас они сидели за столами и переговаривались друг с другом.

Я не открывал дверь полностью, и мое появление пока оставалось незамеченным. Так просто было толкнуть дверь и выйти к ним. Но что-то держало меня. Я продолжал стоять у двери.

Легкие шаги сзади. Кто-то шел ко мне по коридору. Оборачиваться не хотелось. Чья-то рука легла мне на плечо.

— Ну что, Александр Сергеевич? С возвращением? Что ж вы здесь стоите? Выходите, вас давно ждут.

notes

Примечания

1

Оберкомандовермахт — генеральный штаб Германии.